

ПРЕДИСЛОВИЕ

В учреждении образования «Барановичский государственный университет» 23 ноября 2018 года состоялся межвузовский круглый стол «На пороге столетия белорусской государственности: социогуманитарный аспект». Мероприятие имело своей целью обсуждение актуальных историко-культурных, философских и социально-политических проблем развития белорусского государства и общества.

В межвузовском круглом столе приняли участие около 50 учёных, преподавателей, молодых исследователей и студентов из многих белорусских научных организаций, учреждений высшего и среднего специального образования, а также представители из учреждений образования России и Украины.

Организаторы конференции предложили следующую тематику для научного обсуждения:

1. Историко-философские и социально-политические проблемы трансформации белорусского общества.
2. Исторический процесс формирования национальной идентичности белорусского народа.
3. Формирование национального менталитета в процессе обучения и воспитания.
4. Культурная и духовная жизнь белорусского общества: прошлое, настоящее, перспективы.

Становление Республики Беларусь как суверенного и независимого белорусского государства пробуждает широкий интерес в общественных слоях к своему историческому прошлому. Особое внимание общественности притягивают белорусский национальный вопрос и история становления белорусской государственности. Обретение независимости и существование самостоятельного белорусского государства привело к значительному подъёму национального самосознания и интереса к истории и культуре своего народа, особенно у молодого поколения белорусов, родившихся после распада СССР.

В настоящий период белорусский народ отмечает ряд ключевых моментов своей истории, связанных со становлением национальной государственности: 100-летие Октябрьской революции (25.10.1917), 100-летие провозглашения Белорусской Народной Республики (25.03.1918), 100-летие Советской Социалистической Республики Белоруссия (ССРБ) (01.01.1919). Все эти исторические события тесным образом взаимосвязаны между собой и являются для белорусского общества знаковыми, сыгравшими стержневую роль в формировании фундамента белорусской государственности. Сегодня события столетней давности имеют разные оценки, однако, как отметил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, поздравляя 6 ноября 2018 г. белорусский народ с очередной годовщиной Октябрьской революции, «именно тогда были заложены основы для национального возрождения многих народов и их право на самоопределение».

1 января 2019 г. исполняется 100 лет со дня провозглашения Советской Социалистической Республики Белоруссия (ССРБ) — переломной попытки создания белорусского советского социалистического государства, события, однозначно важного в истории белорусского народа. Именно сейчас, когда Беларусь сформировалась как независимое государство, укрепило свой национальный суверенитет и проводит многовекторный путь мирной внешней политики сосуществования и развития, нам необходимо обратиться к своему историческому прошлому, чтобы с точки зрения проблемы становления белорусской государственности объективно подойти к данному историческому событию, оценить свое историческое прошлое и извлечь из него уроки на будущее.

Для современного мира, в условиях геополитической реальности, вопросы сохранения национальной идентичности приобрели особенное значение, поскольку разнообразие национально-религиозных взглядов нередко используется определёнными деструктивными политическими силами для эскалации конфликтов и продвижения собственных прагматических интересов. Однако наша страна располагает уникальным опытом сохранения и поддержания межконфессионального и межнационального мира, которым может гордиться далеко не каждое государство. Безусловно, в поддержании таких уникальных в современном мире традиций веротерпимости, толерантности велика заслуга всего белорусского народа и особенно Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко.

Проведение межвузовского круглого стола «На пороге столетия белорусской государственности: социогуманитарный аспект» является хорошей возможностью, чтобы обратить внимание на национальные особенности белорусского общества, исследовать богатый опыт белорусского народа в строительстве межнациональных отношений, а также донести до мирового научного сообщества объективные сведения о социально-политической, культурной и духовной ситуации в Республике Беларусь на современном этапе.

Участники круглого стола центральным вопросом обсуждения поставили проблему национальной самоидентификации белорусского народа. Учёными выясняется степень позитивного и негативного воздействия глобализационных процессов на культуру, духовную жизнь, политику, экономику современного белорусского общества. Многообразие концепций и идей связано с тем, что тема национально-идентификационных процессов относится к полидисциплинарной проблематике, что требует объективного исследования учёных всех социально-гуманитарных направлений.

Отрадно отметить, что активное участие в круглом столе приняли многие молодые исследователи (аспиранты, магистранты, преподаватели и студенты, даже школьники), что свидетельствует об актуальности рассматриваемой проблематики в молодёжной среде. Также необходимо подчеркнуть, что многие состоявшиеся учёные и педагоги посвятили свои исследования проблемам молодёжи, говоря, в частности, о приоритетной роли социогуманитарных знаний в формировании и развитии личностных качеств гражданина и патриота.

Выражаем глубокую уверенность, что материалы, представленные в этом сборнике, внесут свой существенный вклад в благородное дело сохранения мира и согласия между народами, пополнят научный мир интересными находками и открытиями, позитивно повлияют на формирование гражданского общества в нашей стране, а также внесут свой вклад в развитие суверенного, независимого, сильного и процветающего белорусского государства.

Организаторы мероприятия искренне признательны всем участникам межвузовского круглого стола за подготовку материалов своих статей, характеризующих их профессионализм, научную компетентность и гражданскую позицию. Авторский коллектив выражает надежду, что материалы межвузовского круглого стола будут практически востребованы учёными, преподавателями и учителями учреждений высшего, среднего специального и общего среднего образования, специалистами государственных служб и ведомств, аспирантами, магистрантами, студентами и школьниками, а также всеми, кто интересуется вопросами воспитательно-идеологической работы.

Мы с благодарностью примем все ваши пожелания и критические замечания. Надеемся, что научная площадка БарГУ ещё много раз послужит возможностью выразить общественное мнение и отразить научную и гражданскую позиции.

*Ответственный секретарь оргкомитета конференции,
заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин, кандидат исторических наук А. В. Демидович*

ТРАНСФАРМАЦЫЯ РЭЛІГІЙНАЙ СІТУАЦЫІ Ў СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСІ: ПРАБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТЫВЫ, ШЛЯХІ

Мы імкнёмся разгледзець трансфармацыю рэлігійнай сітуацыі ў сучаснай Беларусі не толькі праз суадносіны цяперашняга і мінулага стану, але і праз перспектыву будучага. Гэтым абумоўлены праблемны характар нашых разважанняў. Змены, якія адбыліся, відавочныя. Але актуальнымі з'яўляюцца спробы высвятлення таго, што будзе далей.

Перш за ўсё лічым неабходным удакладніць характар праблемнасці. На ўзроўні штодзённай свядомасці прынята лічыць, што будучае — гэта тое, чаго няма, таму разважанні аб ім маюць верагоднасны характар. Але такое сцвярджэнне з'яўляецца абстрактным, таму яно праўдзівае толькі часткова. Па-першае, трэба выявіць ступень верагоднасці тых ці іншых падзей. Яна задаецца наяўнымі працэсамі і тэндэнцыямі. Па-другое, развіццё грамадства не з'яўляецца спантаным і мае мэтанакіраваны характар. Сучасная Беларусь ідзе да пабудовы рынкавай эканомікі, дэмакратыі, плюралізму думак, ажыццяўлення правоў чалавека. Таму наша будучае, у тым ліку і ў рэлігійнай сферы, не з'яўляецца цалкам неакрэсленым. Праблему ж мы бачым у тым, як дасягнуць пазначаных мэтаў.

Актуальнасць даследавання трансфармацыі рэлігійнай сітуацыі ў сучаснай Беларусі абумоўлена пераходным станам, у якім зараз знаходзіцца краіна. Умоўна яго можна акрэсліць як пераход ад Савецкага Саюза да незалежнай дзяржавы.

Падкрэслім такі відавочны факт, што ён не адбываецца аўтаматычна, падобна прыродным працэсам, але ажыццяўляецца праз дзейнасць розных грамадскіх інстытутаў. Зараз відавочна заўважнымі з'яўляюцца намаганні беларускай дзяржавы ў гэтым накірунку. Прыняты шэраг праграм развіцця, у тым ліку і ў рэлігійнай сферы.

Гэтым абумоўлены падыходы да аналізу працэсу трансфармацыі рэлігійнай сферы ў сучаснай Беларусі. Ён павінен мець канкрэтны характар і абапірацца на трактоўку грамадскай сітуацыі, якая існуе ў краіне. Таму трэба выходзіць з магчымасці праблематызацыі любых высноў і рэкамендацый. Плюралізм меркаванняў у гэтым выпадку з'яўляецца не проста добрым пажаданнем, але неабходнасцю. Толькі пры яго наяўнасці магчыма карэкціроўка дзейнасці. Адзначым, што рэлігійная сітуацыя ў сучаснай Беларусі не з'яўляецца адназначнай і патрабуе для свайго аналізу некалькі падыходаў.

Тэрмін «перспектыва» ўказвае, па-першае, на спосаб бачання рэчаіснасці: яно адбываецца з якога-небудзь месца; па-другое, на прадбачанне, выяўленне рысаў будучага. Мы выходзім з таго, што любое ўспрыманне рэчаіснасці павінна быць укаранёным у прастору і часе, толькі тады яно набывае сэнс. Абстрактныя разважанні прыводзяць да абстрактных вынікаў і маюць вельмі ўскоснае дачыненне да штодзённых праблем і дзеянняў людзей.

Таксама адзначым, што лакалізацыя перспектываўнага бачання мае не столькі геаграфічны, колькі сэнсавы характар. Зараз адбываецца трансфармацыя беларускага грамадства і фарміруюцца розныя падыходы да аналізу сітуацыі. З іх пункту погляду могуць быць розныя трактоўкі мінулага, цяперашняга і будучага рэлігіі ў нашай краіне, прычым плюралізм трактовак не толькі дапушчальны, але і патрэбны. Немэтазгодна, каб пастулявалася адзіная правільная ісціна і шлях развіцця. Узаемадзеянне паміж рознымі падыходамі забяспечвае магчымасць больш поўнага бачання перспектывы трансфармацыі рэлігійнай сітуацыі, іх сістэмнасць.

Зараз для нас жа актуальным з'яўляецца канцэнтрацыя менавіта на беларускім пункце погляду, бо вельмі часта ён традыцыйна падмяняецца расійскім. У галіне рэлігіязнаўства гэта, у прыватнасці, праяўляецца ў тым, што пры разглядзе гісторыі хрысціянства на нашых землях спачатку кажуць пра хрышчэнне Русі князем Уладзімірам, а потым пункт погляду неяк плаўна перамяшчаецца ў Маскву, і разважанні вядуцца як быццам бы адтуль. Між тым гісторыя рэлігіі ў Беларусі мае свае яскрава выражаныя адметнасці. Гэта, напрыклад, узаемадзеянне розных хрысціянскіх канфесій, Рэфармацыя, дзейнасць каталіцкіх ордэнаў. Адзначым, што нават гісторыя праваслаўя на тэрыторыі Беларусі мае сваю спецыфіку ў параўнанні з Расіяй. Тое ж самае тычыцца і сучасных трактовак працэсу рэлігійнай глабалізацыі, характару ўплыву на нацыянальную культуру розных канфесій, прынцыпаў узаемаадносін дзяржавы з рэлігійнымі арганізацыямі і г. д. Яны павінны адбывацца на падставе аналізу рэлігійнай сітуацыі ў Беларусі, а не за яе межамі.

Мы можам назваць канкрэтныя падзеі, ад якіх вядзе свой адлік гісторыя сучаснай Беларусі. Гэта прыняцце ў 1991 г. Вярхоўным Саветам БССР акту аб дзяржаўным суверэнітэце. Быў пакладзены пачатак развіццю новай незалежнай дзяржавы. Такім чынам, сучаснасць для Беларусі вызначаецца праз працэсы трансфармацыі.

У гэтай сувязі мы павінны ўлічваць спецыфіку тых працэсаў, якія адбываюцца пры трансфармацыі сацыяльнай сістэмы. Акцэнт трэба рабіць не на змены ў розных галінах жыцця, але на тое, што мяняецца само грамадства. Як падкрэслівае член-карэспандэнт НАН Беларусі А. М. Данілаў, паняцце «трансфармацыя» выкарыстоўваецца «для апісання радыкальных структурных пераменаў. Яно выражае пераход да якасна новага стану» [1, с. 9].

Пры дапамозе паняцця «сітуацыя» мы выяўляем рысы нашага сучаснага грамадства. Сітуацыя, па-першае, мае характар наяўнасці, яна аб'ектыўная. Па-другое, гэта тое, што склалася ў выніку чалавечай дзейнасці і, адпаведна, прадугледжвае магчымасць зменаў. Сітуацыя не можа быць адной і той жа, гэта вядзе да стагнацыі грамадства, прычым змены могуць мець як частковы, так і радыкальны характар, у апошнім выпадку мы кажам пра трансфармацыю. Па-трэцяе, сітуацыя заўсёды канкрэтная і мае акрэсленыя змястоўныя і прасторава-часавыя характарыстыкі. Мы разглядаем трансфармацыю рэлігійнай сітуацыі ў сучаснай Беларусі. Пры гэтым зыходзім з таго, што рэлігійная сітуацыя — гэта «сукупнасць дынамічных абставін, якія склаліся пад уплывам рэлігійнасці і праяўляюцца ў рэлігійных формах» [2, с. 29].

Працэсы трансфармацыі, якія шмат у чым вызначаюць нашае жыццё, абумоўлены пераходам ад савецкага грамадства да нейкага іншага, канкрэтных рысы якога ў Беларусі яшчэ толькі фарміруюцца. Змены ў рэлігійнай сферы ў апошнія гады з'яўляюцца бадай што найбольш радыкальнымі. Стаўленне да рэлігіі ў Савецкім Саюзе было абумоўлена перш за ўсё пануючай ідэалагічнай устаноўкай, згодна з якой рэлігія абвешчана адзінай легальна існуючай у савецкім грамадстве формай антыкамуністычнай ідэалогіі і перажыткам мінулага. Спецыфіка сітуацыі заключалася ў тым, што пры ўсёй жорсткасці палітыкі барацьбы з рэлігіяй у краіне ўсё адно заставаліся веруючыя людзі, дзейнічалі рэлігійныя суполкі і масава святкаваліся такія святы, як Пасха і Радаўніца.

Як правіла, савецкая сітуацыя — гэта той пачатковы ўзровень, з якога даследчыкі выходзяць пры аналізе працэсу трансфармацыі рэлігійнай сферы ў сучаснай Беларусі. Пазначаюцца дзве асноўныя тэндэнцыі. Па-першае, паступова, але няўхільна пашыраецца рэлігійная сфера грамадскага жыцця. Найбольш яркім паказчыкам гэтага з'яўляецца павелічэнне колькасці зарэгістраваных рэлігійных суполак. З савецкіх часоў яна ўзрасла больш чым у чатыры разы: з 765 на пачатак 1988 г. да 3 358 у пачатку 2018 г.

Для ілюстрацыі прывядзём наступныя звесткі (табліца 1).

Т а б л і ц а 1 — Колькасць зарэгістраваных рэлігійных суполак

Год	1988	1990	1995	2000	2005	2010	2018
Колькасць	765	939	1 865	2 518	2 829	3 106	3 358

Па-другое, змяніўся сам пункт погляду, з якога трактавалася рэлігія. У Савецкім Саюзе ён задаваўся ідэалогіяй, зараз рэлігія тлумачыцца пераважна з культуралагічнага пункту погляду як неад'емная частка нацыянальнай культуры і аснова маральнасці. Такім чынам, стаўленне да рэлігіі памянлася на супрацьлеглае.

У той жа час мы лічым, што разгляд рэлігіі праз яе сацыяльныя функцыі, у тым ліку і рэгулюючую, з'яўляецца адным з магчымых і павінен быць дапоўнены іншымі, бо, напрыклад, хрысціянства не лічыць сваёй асноўнай задачай узмацненне маральнасці ў грамадстве або фарміраванне культурных каштоўнасцей. Таму пры разглядзе праблем, перспектыву і шляхоў трансфармацыі рэлігійнай сітуацыі ў сучаснай Беларусі трэба ўлічваць пазіцыю не толькі дзяржавы, але і саміх рэлігійных арганізацый.

Асаблівасцю беларускага заканадаўства з'яўляецца тое, што ў ім адсутнічае прынцып аддзялення рэлігіі ад дзяржавы. У арт. 16 Канстытуцыі запісана: «Узаемадзейні дзяржавы і рэлігійных арганізацый рэгулююцца законам з улікам іх уплыву на фарміраванне духоўных, культурных і дзяржаўных традыцый беларускага народа» [2, с. 8]. Гэтае палажэнне Канстытуцыі было замацавана ў прынятай у 2002 г. новай рэдакцыі закона «Аб свабодзе сумлення і рэлігійных арганізацыях». У яе прэамбуле сказана: «Гэты Закон... вызначае правыя асновы стварэння і дзейнасці рэлігійных арганізацый, зыходзячы з: ...прызнання вызначальнай ролі Праваслаўнай царквы ў гістарычным станаўленні і развіцці духоўных, культурных і дзяржаўных традыцый беларускага народа; духоўнай, культурнай і гістарычнай ролі Каталіцкай царквы на тэрыторыі Беларусі; неаддзельнасці ад агульнай гісторыі народа Беларусі Евангеліцка-лютэранскай царквы, іўдаізму і ісламу» [3, с. 3].

У гэтых палажэннях яўна прасочваецца імкненне да збліжэння з Расіяй, якое было характэрна для кіраўніцтва Беларусі ў пачатку нулявых гадоў.

Мы лічым, што той падыход, які выкарыстоўваецца ў прэамбуле, не адпавядае беларускім рэаліям. На нашых землях доўгі час жылі прадстаўнікі самых розных канфесій, якія зрабілі свой унёсак у развіццё нацыянальнай культуры. Таму трэба рабіць націск на традыцыйную поліканфесійнасць, а таксама талерантнасць беларусаў. Сучасную рэлігійную сітуацыю ў Беларусі, а таксама яе развіццё ў апошнія гады ілюструе наступная табліца, у якой паказана колькасць зарэгістраваных рэлігійных суполак той ці іншай канфесіі ў розныя гады:

Назва канфесіі	Год						
	1988	1990	1995	2000	2005	2010	2018
Праваслаўная царква	399	477	902	1 139	1 315	1 509	1 687
Стараверская царква	22	22	29	25	33	32	34
Рымска-каталіцкая царква	121	170	352	405	433	470	497
Католікі лацінскага абраду	0	0	0	2	1	1	1
Грэка-каталіцкая царква	0	0	11	13	13	14	15
Рэфармацкая царква	0	0	1	1	2	1	1
Лютэранская царква	0	0	3	5	22	27	27
Евангельскія хрысціянне-баптысты	171	109	183	244	257	272	281
Іаганская царква	0	0	2	1	1	1	1
Новаапостальская царква	0	0	11	20	20	21	21
Прэсвітэрыянская царква	0	0	0	0	1	1	1
Хрысціянне веры евангельскай	39	144	261	443	482	501	521
Хрысціянне поўнага Евангелля	0	0	17	54	55	55	59
Хрысціянне веры апостальскай	0	0	8	9	10	9	11
Царква Хрыстова	0	0	4	6	5	5	5
Месіянскія суполкі	0	0	2	2	2	2	3
Адвентысты сёмага дня	11	15	26	48	69	72	73
Сведкі Іеговы	0	0	6	21	26	26	27
Мармоны	0	0	3	3	3	4	4
Іўдзейская рэлігія	1	1	15	20	27	30	38
Прагрэсіўны іўдаізм	0	0	0	8	17	16	14
Мусульманская рэлігія	1	1	15	24	24	25	24
Бахаі	0	0	3	6	5	5	5
Крышнаіты	0	0	5	7	5	6	6
Армянская апостальская царква	0	0	0	0	1	1	2

Найбольш шматлікай рэлігійнай арганізацыяй у сучаснай Беларусі з'яўляецца Беларуская праваслаўная царква. Яна ж дэманструе і найбольшы рост у абсалютных лічбах. Але, на наш погляд, пры аналізе перспектывы трансфармацыі рэлігійнай сітуацыі ў краіне трэба звярнуць увагу на тэндэнцыі росту такіх пратэстанцкіх цэркваў, як Евангельскія хрысціянне-баптысты, Хрысціянне веры евангельскай і Адвентысты сёмага дня. Справа ў тым, што для іх характэрны націск на місіянерскую дзейнасць, патэнцыял якой у сучаснай Беларусі, на наш погляд, не вычарпаны. Таму пры трансфармацыі рэлігійнай сітуацыі ў Беларусі трэба чакаць павелічэння колькасці пратэстанцкіх суполак.

Праблемным таксама з'яўляецца пытанне аб колькасці прыхільнікаў той ці іншай канфесіі ў сучаснай Беларусі. Сацыялагічныя даследаванні паказваюць, што пераважная частка насельніцтва краіны залічвае сябе да той ці іншай канфесіі. Апытанне, праведзенае ў маі—чэрвені 2016 г. Інстытутам сацыялогіі НАН Беларусі, паказала, што «з праваслаўем сябе атаясамлівае 78,3% рэспандэнтаў, з каталіцтвам — 9,5%, з пратэстанцтвам — 0,9%, з ісламам — 0,5%» [4, с. 61].

Прыкладна тыя ж вынікі дало і даследаванне Інфармацыйна-аналітычнага цэнтра пры Адміністрацыі Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь. Згодна з ім, у 2016 г. «абсалютная большасць насельніцтва (95%) адносіць сябе да розных канфесій: праваслаўнай (84%), каталіцкай (8,5%), іншых (2,5%)» [5, с. 104].

Аднак гаворка тут ідзе пра самаідэнтыфікацыю. Калі ж пры аналізе рэлігійнасці ўлічыць такія больш аб'ектыўныя крытэрыі, як культавыя паводзіны, знаёмства са свяшчэннымі тэкстамі сваёй рэлігіі, веданне яе маральных нормаў і, што вельмі важна, гатоўнасць іх прытрымлівацца, то колькасць тых, каго можна вызначыць як вернікаў, істотна скарачаецца. Як правіла, людзі ахвотна заяўляюць аб сваёй рэлігійнай прыналежнасці, але гэта ніяк не праўляецца ў іх паўсядзённых паводзінах. Так, па выніках даследавання, праведзенага ў 2016 г. Інфармацыйна-аналітычным цэнтрам, была зроблена выснова аб тым, што «аналіз атрыманых дадзеных сведчыць пра перавагу намінальнай рэлігійнай свядомасці ў большасці рэспандэнтаў, якія аднеслі сябе да якой-небудзь рэлігіі. Так, сярод гэтай групы актыўна паводзяць сябе ў рэлігійным плане толькі 8% апытаных, у тым ліку пастаянна прымаюць удзел у набажэнствах 5%, адпраўленні ўсіх абрадаў і сакрамэнтаў — 3%» [5, с. 105].

Ва ўсіх даследаваннях характару рэлігійнасці насельніцтва Беларусі былі зроблены аднолькавыя высновы: 1) значная частка людзей заяўляе аб сваёй рэлігійнай прыналежнасці; 2) рэлігійнасць у Беларусі, як правіла, мае дэкларатывы характар і не пацвярджаецца штодзённымі паводзінамі; 3) калі чалавек заяўляе аб сваёй прыналежнасці да рэлігіі, гаворка ў асноўным ідзе не аб рэлігійнай, але аб культурнай ідэнтыфікацыі. Гэта спалучаецца з распаўсюджанай да гэтага часу ў Беларусі схемай «праваслаўе — руская вера, каталіцтва — польская», у адпаведнасці з якой культурная арыентацыя вызначаецца рэлігійнай прыналежнасцю.

Асобна трэба сказаць аб перспектывах распаўсюджвання на тэрыторыі Беларусі так званых нетрадыцыйных рэлігій, з якімі яшчэ нядаўна звязвалася будучае рэлігійнай сітуацыі, прынамсі, у Еўропе. Трэба адзначыць, што гэтыя прагнозы не спраўдзіліся. Не будзе памылковым сцвярджанне, што мода

на нетрадыцыйныя рэлігіі ўжо прайшла. Зараз нетрадыцыйных рэлігійных арганізацый на Беларусі мала, яны з'яўляюцца маргінальнымі для беларускага грамадства. Апроч таго, узнікненне і дзейнасць тых кірункаў, якія ўяўляюць сабой патэнцыйную пагрозу для грамадства, жорстка спыняецца праваахоўнымі органамі.

Пры разважанні аб трансфармацыі рэлігійнай сітуацыі ў сучаснай Беларусі актуальнай з'яўляецца задача асэнсавання нашай традыцыі вальнадумства. Калі адбываюцца адмовы ад савецкай атэістычнай ідэалогіі, у якой рэлігія разглядалася як рэакцыйная з'ява, трэба пазбягаць небяспекі іншай крайнасці, калі рэлігійнаму светапогляду прыпісваюцца ўсе магчымыя станоўчыя якасці, а атэістычнаму — усе адмоўныя. Атэізм і вальнадумства з'яўляюцца неад'емнымі складнікамі еўрапейскай культурнай традыцыі. Дастаткова назваць імёны такіх мысляроў, як Русо, Вальтэр, Феербах, Расэл, Сартр. Вальнадумцы і атэісты былі таксама і ў Беларусі: С. Будны, С. Лован, К. Бекеш, К. Лышчынскі.

Таксама ў новых умовах павінна быць асэнсаваная крытыка рэлігіі, якая вялася ў савецкі перыяд. У гэты час быў пастаўлены шэраг пытанняў адносна ролі рэлігіі ў жыцці грамадства і асобнага чалавека, на якія ва ўмовах сучаснай Беларусі неабходна даць адказы.

Вельмі важна памятаць, што само функцыянаванне традыцыі вальнадумства і атэізму прадугледжвае наяўнасць у краіне пэўнай ступені свабоды думкі, а таксама вопыту палемікі паміж прыхільнікамі розных пунктаў погляду на рэлігію. У Савецкім Саюзе свабоды думкі не існавала, атэізм меў характар афіцыйнай ідэалогіі. Таму значная частка насельніцтва яго ўспрымала як нешта навязанае. Трансфармацыя рэлігійнай сітуацыі ў сучаснай Беларусі будзе спалучацца з пашырэннем светапогляднага плюралізму і ўзаемадзеяннем паміж людзьмі, якія прытрымліваюцца розных поглядаў на рэлігію.

У заключэнні скажам аб найбольш важных шляхах трансфармацыі.

Па-першае, гэта забеспячэнне свабоды сумлення. Праз гэты працэс будзе фарміравацца прынцыпова іншая ў параўнанні з Савецкім Саюзам грамадская сітуацыя. Сам факт прызнання правоў асобы задае новую перспектыву бачання шляхоў развіцця грамадства. Трэба адзначыць, што ў заканадаўстве сучаснай Беларусі праву на свабоду сумлення, як і іншым правам, надаецца вялікая ўвага. Праблема заключаецца ў тым, як заканадаўча замацаваныя прынцыпы ажыццявіць у грамадскім жыцці.

Па-другое, дзейнасць сучаснай беларускай дзяржавы ў канфесійнай сферы. На наш погляд, яе асноўны кірунак пазначаны ў наступным палажэнні Канцэпцыі дзяржаўнай бяспекі Рэспублікі Беларусь: «Удасканаленне дзяржаўнай палітыкі ў галіне міжнацыянальных і міжканфесійных адносін будзе заключацца ў забеспячэнні ўмоў для ўмацавання адзінай супольнасці “беларускі народ”, выхаванні павагі да іншых нацыянальнасцяў, рэлігій і культур, спыненні любых спроб распальвання нацыянальнай і рэлігійнай варожасці» [6; 7].

Па-трэцяе, гэта дзейнасць саміх рэлігійных арганізацый і наладжванне дыялогу паміж імі. Апошні адбываецца зараз, яго асноўным ініцыятарам з'яўляецца Беларуская праваслаўная царква. Адбыліся тры міжнародныя канферэнцыі, прысвечаныя міжрэлігійнаму дыялогу: «Дыялог хрысціянства і ісламу ва ўмовах глабалізацыі» (2007), «Хрысціянска-іўдзейскі дыялог: хрысціянскія каштоўнасці як аснова ўзаемапавагі ў грамадзянскай супольнасці» (2009), «Праваслаўна-каталіцкі дыялог: хрысціянскія этычныя каштоўнасці як унёсак у сацыяльнае жыццё Еўропы» (2011).

Пры аналізе трансфармацыі рэлігійнай сферы ў сучаснай Беларусі нам трэба выходзіць з таго, што яна мае сістэмны характар і шчыльна звязана з пераўтварэннямі ў іншых сферах грамадства, перш за ўсё ў эканамічнай і палітычнай. Таму мэтазгодна разглядаць працэс трансфармацыі як пераход беларускай сістэмы грамадства ад аднаго стану да іншага.

Спіс цытаваных крыніц

1. Данилов, А. Н. Переходное общество : проблемы системной трансформации / А. Н. Данилов. — Минск : Універсітэцкае, 1997. — 431 с.
2. Шерис, А. В. Влияние религиозного фактора на обеспечение национальной безопасности Республики Беларусь / А. В. Шерис. — Минск : Право и экономика, 2015. — 175 с.
3. Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь : са змян. і дап. — Мінск : Беларусь, 2004. — 95 с.
4. Аб свабодзе веравызнанняў і рэлігійных арганізацыях : Закон Рэсп. Беларусь. — Мінск : Беларусь, 2002. — 23 с.
5. Белорусское общество в контексте цивилизационно-культурного кода: социологическое измерение / И. В. Котляров [и др.] ; редкол.: И. В. Котляров (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Беларус. навука, 2017. — 392 с.
6. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2016 г. / А. В. Папуша [и др.] ; Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. П. Дербина. — Минск : Белорус. Дом печати, 2017. — 209 с.
7. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.sovrep.gov.by/index.php/1.7943..0.0.0.html> . — Дата доступа: 11.11.2018.

ВКЛАД ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АРМЯНСКОЙ ДИАСПОРЫ В РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ОБЩЕСТВА

Армяне на территории Беларуси появились в далеком прошлом. Однако каких-либо компактных армянских поселений тогда не было. Двухсторонние связи носили в основном эпизодический торговый характер. И все же армяне оставили свой след в белорусской истории [1, с. 14].

Все белорусы знают о знаменитых слущких поясах, производством которых славился Слуцк во второй половине XVIII — начале XIX в. Сегодня слущкие пояса хранятся в лучших музеях мира и очень дорого ценятся. Но мало кто знает, что у истоков этого дела стоял армянин из Турции Ованес Маджарянец. Позже он взял имя Ян Маджарский. Именно он привез в Беларусь первый станок, причем вывез его из Турции тайно и по частям, так как султанские власти категорически запрещали их вывоз за границу, опасаясь появления конкурентов. В Слуцке станок собрали, а княжеские мастера сделали по его подобию несколько таких же. Сначала мануфактуру возглавлял Ян Маджарский, потом его сын Леон. И вскоре слущкие золотоканые пояса вытеснили турецкие и персидские и завоевали рынок в Польше, Литве, Беларуси, Украине и других странах Европы. Интересно, что внучка Леона Маджарского Елизавета вышла замуж за белорусского помещика Чеслава Монюшко, у них родился сын Станислав Монюшко — выдающийся польский композитор и дирижер.

После Октябрьской революции армяно-белорусские связи обрели новую жизнь. Немало армян принимало участие на территории Беларуси в установлении советской власти. Особо следует выделить выдающегося государственного деятеля Александра Мясникова (Мясникяна). Он был организатором и редактором большевистской газеты «Звезда» в Минске. А в 1919 г. Мясников стал председателем Центрального бюро Коммунистической партии (большевиков) Беларуси, а также первым председателем Центрального исполнительного комитета БССР [2, с. 7]. Белорусы очень чтут память об Александре Мясникове. Имя первого руководителя Советской Беларуси носит одна из площадей в центре Минска и прилегающая к ней улица. Там, на доме № 41, установлена мемориальная доска в его честь. В 1932 г. в Минске именем Мясникова назван вагоноремонтный завод, на территории которого в его честь был поставлен памятник. Кроме того, именем Мясникова в 1959 г. названа улица в Витебске [3, с. 87].

Во время Гражданской войны участие в освобождении Беларуси принимал знаменитый военачальник Гайк Бжишкянец (Гай). А в 1924—1925 гг. он был начальником военного гарнизона Минска. Среди наиболее активных участников борьбы за советскую власть в Беларуси был также Иван Алибегов.

Имена славных сыновей армянского народа носят улицы многих городов Беларуси. Только в столице их пять: Мясникова, Гая, Алибегова, Авакяна, Айвазовского. Несомненно, представителям армянской диаспоры очень приятно, что несколько улиц Минска названы именами их соотечественников.

Всего за свободу и независимость Беларуси отдали свои жизни 33 тыс. армян. Их имена живут в памяти благодарных белорусов. Согласно имеющимся сообщениям, в скором времени в Минске должен появиться «хачкар» (камень-крест) в память обо всех армянах, погибших на белорусской земле во время Великой Отечественной войны.

Среди белорусских армян также много известных людей, достигших успехов в самых разных сферах: ученых, музыкантов, деятелей культуры, государственных служащих, работников правоохранительных органов, бизнесменов [4, с. 5—6].

Сложилась многолетняя традиция в белорусско-армянских литературных связях. Благодаря усилиям выдающегося поэта Г. Эмина, были переведены на армянский язык произведения П. У. Бровки, Р. И. Барадулина, А. А. Кулешова, М. Танка. В свою очередь, произведения Г. Эмина хорошо знают в Беларуси через переводы А. П. Белевича, М. Я. Аврамчика, А. Н. Бачилы. В 1972 г. вышла книга Г. Эмина «Песни Армении» на белорусском языке.

В 1949 г. в Ереване была издана уникальная по формату и содержанию «Онтология белорусской литературы». В 1951 г. вышел первый сборник произведений Я. Купалы на армянском языке. В 1964 г. в Беларуси была издана книга произведений армянских писателей. В литературном сборнике «Братство-85» была опубликована повесть армянского писателя С. Н. Ханзадзяна «Три года и 291 день» в переводе Ю. Канэ. Данный сборник познакомил читателей с отрывком из «Книги скорбных песнопений» средневекового армянского поэта Г. Нарекацы в переводе В. С. Сёмухи. В начале 1980-х гг. был издан сборник армянских произведений «Материнский дом» с произведениями Г. И. Матевосяна, М. Гальшяна, А. А. Айвазяна, В. А. Петросяна (более 40 писателей) [5, с. 6—9].

Международная армянская ассамблея в 1994 г. присудила премию имени Ф. Нансена в области литературы, культуры и науки ряду белорусских писателей за особенное отношение к Армении. Среди

первых лауреатов — Р. И. Барадудин (за цикл стихотворений об Армении и перевод книги армянского классика Г. Нарекацы), В. В. Быков (за публикации «Об Армении»), В. Т. Яковенко (за особое участие в решении проблем, связанных с карабахским конфликтом).

В армянских театрах были поставлены пьесы «Хто смяецца апошнім» К. Крапивы, «Канстанцін Заслонаў» А. Мавзона, «Галоўная стаўка» К. Л. Губаревича.

Очень уважаемым человеком в Беларуси является крупный ученый, архитектор, педагог Армен Сардаров, специалист по дорожной архитектуре. Он является заместителем генерального директора РУП «Белдорцентр», главным архитектором департамента «Белавтодор». Доктор архитектуры, декан архитектурного факультета политехнического института (БНТУ), профессор кафедры градостроительства, автор 7 монографий и более 200 научных работ. Труды А. С. Сардарова переводились и издавались за рубежом. Он разработал более 120 проектов архитектурного и графического дизайна, объектов благоустройства дорог в Минске, Минской области, Витебске, Могилеве, Гомеле, Орше. Сардаров является автором бульвара, подземных переходов, путепроводов, мостов, общественных зданий, помещений в ряде министерств, театра. Среди его дизайнерских проектов — знак «Начало дорог Беларуси» и знак «Нулевой километр», которые находятся на Центральной площади в Минске. Кроме того, он является автором эмблемы министерства транспорта, которая красуется на всем общественном белорусском транспорте. Поражает широта его интересов: архитектор, дизайнер, а еще и фотохудожник. Так, А. С. Сардаров выпустил 5 великолепных фотоальбомов со своими фотографиями, которые посвящены белорусским магистралям. За большие заслуги он удостоен многих наград. Армен Сардаров является сыном генерала Сергея Сардарова [1, с. 4—5].

Широко известным в стране ученым является академик НАН Беларуси Сергей Агабекян. Профессор международного права Муса Аваков — также известный белорусский ученый. В прошлом он преподавал в Белорусском государственном университете.

Белорусская земля оказалась поистине счастливой для юного представителя Армении Владимира Арзуманяна, который в ноябре 2010 г. одержал великолепную победу на конкурсе «Детское Евровидение — 2010» в Минске. Местные армяне очень тепло поддерживали его выступление. Это, а также развевающиеся по всему залу родные армянские и карабахские флаги, конечно же, придали ему сил [6, с. 54—55].

Армения, как и Беларусь, территориально расположена на пересечении главных путей с запада на восток. Из-за этого и белорусский, и армянский народы на протяжении всей своей истории постоянно переживали войны, нашествия, всевозможные нападения. В таких перипетиях люди испытывают много страданий, веками терпят лишения. А это учит быть милосердными и отзывчивыми. Такие черты, как умение понимать боль других людей, относиться к ним с сочувствием и пониманием, преобладают в национальном характере как армян, так и белорусов. Менталитет наших народов очень похож, и это облегчает адаптацию приезжих [7, с. 56].

Белорусский и армянский народы роднит многое. Это и непрестанное стремление к свободе и независимости своей страны; два народа в тяжелейших условиях стремились и достигали высокого уровня духовной культуры. Дружба наших народов, скрепленная на полях сражений в годы Великой Отечественной войны, ни в прошлом, ни в настоящем не была омрачена какой-либо неприязнью.

Список цитируемых источников

1. Весь мир : расы, народы, нации и народности. — Минск : Харвест, 2000. — 400 с. — (Энциклопедический справочник).
2. Дмитриев, А. В. Мигранты и социум: интеграционный и дезинтеграционный потенциал практик взаимодействия / А. В. Дмитриев, Г. А. Пядухов // Социол. исслед. — 2011. — № 12. — С. 50—60.
3. Бромлей, Ю. В. Человечество — это народы / Ю. В. Бромлей, Р. Г. Подольный. — М., 1990. — 275 с.
4. Вишневская, Т. С. Все начинается с семьи / Т. С. Вишневская // Перспектива. — 2005. — № 5. — 26 апр. — С. 5—6.
5. Ермаловіч, А. Н. Армяне ў Рэспубліцы Беларусь / А. Н. Ермаловіч // Аператыўная альтэрнатыва. — 2000. — № 2. — С. 6—9.
6. Мелконян, Э. А. Диаспора в системе этнических меньшинств / Э. А. Мелконян // Диаспоры. — 2000. — № 1—2. — С. 54—55.
7. Аветян, Н. С. Армянская диаспора в Республике Беларусь: миграционные процессы XX века / Н. С. Аветян // Социум—экономика—экология—демография: актуальные проблемы социально-экономического, экологического и демографического развития Республики Беларусь (90-е годы XX — начало XXI в.) : материалы Респ. науч.-практ. конф. студентов, магистрантов и аспирантов, Гродно, 8 мая 2013 г. / ГрГУ им. Я. Купалы, Ин-т социологии НАН Беларуси. — Гродно, 2013. — С. 152—155.

СКЛАДНІКІ ІДЭНТЫЧНАСЦІ БЕЛАРУСКАГА ГРАМАДСТВА:
ПРАБЛЕМЫ І МАГЧЫМАСЦІ

Кожнае грамадства неаднароднае, але ў той жа час, паколькі і пакуль яно ўяўляе сабой пэўную цэласнасць, грамадства ёсць сукупнасць агульных рысаў. Атаясамліванне асобным чалавекам сябе з гэтымі рысамі (часткова ці цалкам) назавём ідэнтычнасцю.

У дадзеных тэзісах сцісла разгледзім некалькі пытанняў: 1) што можна лічыць беларускай ідэнтычнасцю; 2) з якіх абшараў (сфераў) складаецца ідэнтычнасць грамадства; 3) якія асноўныя аб'екты яе фарміравання, а таксама сродкі і інструменты.

Беларуская ідэнтычнасць — гэта адчуванне і ўсведамленне сябе беларусам. За гэтым нібы трывіяльным сцвярдэннем хаваецца нямала палітычных, культурных і нават лінгвістычных праблем. Дзеячы нацыянальнага адраджэння розных перыядаў нашай гісторыі прыклалі безліч высілкаў, каб праз творы мастацтва і паўстанні, навуковыя працы і дзяржаўнае будаўніцтва давесці да беларусаў, што яны беларусы. Сёння Рэспубліка Беларусь як самастойная, суверэнная дзяржава адбылася. Але наколькі гэта трывала, незваротна? Гэта залежыць як ад знешніх (геапалітычных у першую чаргу), так і ўнутраных (эканамічных, культурных і інш.) фактараў. Сярод апошніх выключную ролю адыгрывае сацыяльна-псіхалагічны працэс атаясамлівання індывідам сябе з беларускім народам. Гэты працэс можа ісці ў розных вымярэннях, якія мы і назавём складнікамі ідэнтычнасці: этнічны, геаграфічны, гістарычны, палітычны, прававы, эканамічны, культурны, моўны, рэлігійны. Разгледзім некаторыя з іх.

Этнічны складнік. Не ўдаваючыся ў развагі пра тое, якую складаную эвалюцыю прайшлі паняцці «этнас», «народ», «нацыя», адзначым важнасць укаранення ў масавую свядомасць (сродкамі адукацыі, масавай інфармацыі) паняцця грамадзянскай нацыі, паводле якога народ у сучасным свеце — гэта не толькі антрапалагічна-біялагічнае ўтварэнне, а ў першую чаргу палітычнае, правовае, культурнае. Іншымі словамі, беларус — гэта грамадзянін Беларусі незалежна ад свайго этнічнага паходжання. Нездарма да сапраўдных беларусаў мы адносім (і яны самі сябе, паводле сведчанняў) выбітных нашых спартсменаў — хакеіста А. Мезіна, біятланістку Д. Домрачаву, фрыстайлістаў А. Кушніра і А. Цупер, людзей расійскага і ўкраінскага паходжання. Сваімі спартыўнымі дасягненнямі яны праслаўляюць нашу краіну ў свеце ці не больш за многіх палітыкаў і дыпламатаў, даюць магчымасць суайчыннікам ганарыцца Радзімай. На такіх і падобных прыкладах можна лёгка давесці, што беларус — гэта не абавязкова нацыянальнасць з графы савецкіх пашпартаў, а паняцце больш шырокае і сучаснае. У той жа час гэта не выключае цікавасці да сваіх каранёў, радаводу, магілаў продкаў. Адзін складнік не адмяняе і не замяняе іншы. У пэўны момант асабістага ці грамадскага жыцця кожны з іх можа адыграць сваю адметную, нават вырашальную ролю.

Геаграфічны складнік. Нездарма часам кажуць, што гісторыя — гэта перш за ўсё геаграфія. Чым ёсць наша геаграфія сёння? Гэта не толькі адпаведныя падручнікі сярэдняй школы. Гэта выгаднае геапалітычнае становішча Беларусі на карце Еўропы, агульнапрызнаныя межы з адсутнасцю тэрытарыяльных спрэчак і прэтэнзій, найпрыгажэйшыя краявіды, апетыя нашымі паэтамі і мастакамі, любоў да сваёй малой радзімы — мястэчка, вёскі, вуліцы. У гэтым сэнсе ўнёскам у фарміраванне беларускай ідэнтычнасці будзе турыстычны паход і экскурсійная вандроўка, чытанне ці складанне патрыятычнага або лірычнага верша, добры фотаздымак ці малюнак беларускай прыроды, рамонт бабулінай хаты ці ўдзел у археалагічных раскопках, рэстаўрацыйных працах.

Гістарычны складнік. Гісторыя — таямнічае, загадкавае ўтварэнне грамадскай памяці і мыслення, тое, чаго ўжо няма (а можа і не было), уплывае на тое, што ёсць і што будзе. Гэты складнік адносна Беларусі — адзін з самых цяжкіх, праблемных, супярэчлівых. Доўгае перабыванне беларускага народа ў розных дзяржаўных утварэннях (СССР, Расійскай імперыі, Рэчы Паспалітай) не магло не адбіцца драматычным чынам на гістарычнай свядомасці, нацыянальнай памяці. Калі казаць шчыра, у нас і блізка няма нацыянальнага кансэнсусу адносна галоўных этапаў нашага гістарычнага развіцця, адносна ключавых падзей, асоб, працэсаў нашага мінулага. Тое, што несумненна для адных, сумнеўна для другіх і катэгарычна аспрэчваецца трэцімі. Па кожнаму з перыядаў беларускай гісторыі напісана шмат кніг, артыкулаў, знята многа перадач і фільмаў, але розныя, нават супрацьлеглыя трактоўкі часам абвастраюць старыя спрэчкі. Нават нацыяльныя і дзяржаўныя сімвалы — тое, што ў першую чаргу павінна яднаць народ на эстэтычным, пачуццёва-эмацыянальным узроўні, — нярэдка выступаюць прадметам размежавання, канфліктаў. Адна з галоўных задач нацыянальна-дзяржаўнага будаўніцтва — прыйсці да згоды ў гэтым пытанні. Узгадаем, што і славуць дзеячы нашага нацыянальнага пантэону — Ефрасіння Полацкая, Кірыла Тураўскі, Францыск Скарына — не так даўно ацэньваліся ў беларускай савецкай гістарыяграфіі як «рэлігійныя цемрашалы перыяду феадалізму».

Палітычны складнік. Хаця палітыка ёсць перш за ўсё барацьба за ўладу і, як і ўсялякая барацьба, у значнай ступені раз'ядноўвае людзей, разводзіць іх па розных партыйных і ідэалагічных лагерах, можна прывесці і шмат прыкладаў становай ролі палітыкі ва ўмацаванні грамадскай еднасці. Дастаткова ўгадаць нядаўнія (верасень 2014 г. і люты 2015 г.) Мінскія перамовы адносна ўкраінскага канфлікту, у якіх Беларусь сапраўды апынулася ў цэнтры сусветнай палітыкі і дыпламатыі. Нягледзячы на драматычную прычыну саміх перамоў, мы маглі ганарыцца, што наша дзяржава, дзякуючы ўзважанай, міралюбівай, шматвектарнай знешняй палітыцы, змагла стаць пляцоўкай для іх правядзення і заключэння аднайменных пагадненняў.

Эканамічны складнік. Кожны народ ганарыцца сваімі сусветна вядомымі брэндамі, прадуктамі вытворчасці найвышэйшага гатунку, эксклюзіўнымі таварамі і паслугамі. Ці шмат у нас такіх? Будзем шчырымі: значна меней, чым хацелася б. Але такі спіс ёсць, ён немалы, і агульнанацыянальная (а не толькі ўрадавая) задача — яго пашыраць. Напрыклад, беларускія ІТ-спецыялісты ўжо занялі пачэсную нішу на сусветным рынку праграмнага забеспячэння (узгадаем хаця б звышпапулярнасць камп'ютарнай гульні «Танкі»). Калі, знаходзячыся за мяжой, ты бачыш беларускі тралейбус, трактар ці самазвал, сэрца міжволі поўніцца гонарам, што ты — беларус. І наадварот, за «адмоўныя адметнасці», напрыклад, рэкордныя ў Еўропе паказчыкі інфляцыі, дэвальвацыі нацыянальнай валюты, становіцца сорамна і балюча. Але і гэты боль — своеасаблівае перажыванне ідэнтычнасці: «так не павінна быць, мы вартыя лепшага!».

Культурны складнік. У час панавання масавай культуры ўсё цяжэй становіцца не проста ствараць, а нават успрымаць, асэнсоўваць прадукты культуры нацыянальнай. Многае з яе здабыткаў у сучасным дынамічным глабалізаваным свеце здаецца архаічным, прымітыўным, нецікавым. Але ўгадаем трэці закон гегелеўскай дыялектыкі: лепшае старое, адрынутае і адмоўленае, вяртаецца да нас у іншым абліччы, на новай ступені духоўнага і сацыяльнага развіцця. Паступова і ў нас вяртаецца цікавасць да беларускіх песняў і танцаў, пройдзення ў школе «класікі» беларускай літаратуры набываюць актуальнае, надзённае гучанне, гарадское насельніцтва звяртаецца да вясковых звычаяў і абрадаў, сярод моладзевых гурткоў не апошнія па папулярнасці — рыцарскія клубы. Усё гэта таксама працуе на ўмацаванні ідэнтычнасці.

Рэлігійны складнік. Роля яго істотна змянялася ў розныя часы. У Беларусі пасля 1970-х гадоў пабудовы ваяўніча-атэістычнага грамадства, назіраецца рэлігійны рэнесанс: усё больш людзей звяртаюцца да веры продкаў або выбіраюць канфесію адпаведна сваім прынцыпам і ідэалам. У той жа час Беларусь паводле канстытуцыі — свецкая дзяржава з дакладнай дэмаркацыйнай лініяй паміж царквой і палітычна-прававымі інстытутамі. Магчымаць спавядаць любую не забароненую законам рэлігію або не спавядаць ніякай з'яўляецца добрым працягам і спадчынай славітай беларускай талерантнасці. Добра, што традыцыйна верацярпімасці нам удалося захаваць. Гэты беларускі здабытак выглядае яшчэ больш каштоўным на фоне шматлікіх канфліктаў і войн на рэлігійнай глебе ў мінулым і ў сучасным свеце. Так, і ў нас мяняліся суадносіны розных канфесій: былі часы панавання ўніяцтва, каталіцызму. Сёння, паводле перапісаў насельніцтва і сацыялагічных апытанняў, большасць вернікаў — праваслаўныя. Але міжканфесійны мір і спакой адчуваюць і падтрымліваюць тыя ж каталікі, пратэстанты, мусульмане, іўдзеі. Зацятыя рэлігійныя канфлікты ў свеце паказваюць, што мір у гэтай галіне вельмі крохкі і падтрымліваць яго трэба ўсім і ўсімі намаганнямі.

Але ж якой можна бачыць ідэнтычнасць беларускага грамадства на гэтай глебе? Праваслаўе? Не. Хрысціянства ў цэлым? Таксама не. Можна сказаць, што якраз лепшыя рысы беларускага нацыянальнага характару дазваляюць інтуітыўна падзяляць тыя маральныя нормы і рэлігійныя заповедзі, якія ўласцівыя для ўсіх традыцыйных канфесій, не засяроджваючыся на дагматычных рознагалоссях, рытуальна-абрадавых адрозненнях. Кожны спавядае сваё і па-свойму, але без варожасці да іншага, непадобнага. Гэта і ёсць вяршыня рэлігійнай талерантнасці. Адзін з сімвалаў гэтага ў Беларусі — падвойнае адзначэнне ў дзяржаўным календары Нараджэння Хрыстова і Вялікадня. Тое, што выглядала б камічнай недарэчнасцю ці нагодай для сварак у іншых культурах, у нас з'яўляецца прыкладам і ўзорам рэлігійнага міру. Як слушна заўважае беларускі філосаф В. Евароўскі, «усе гэтыя культурныя супярэчнасці, стала канфліктуючы паміж сабой, тым не менш амаль не ўплываюць на стабільнасць агульнага быцця настолькі супярэчлівага соцыуму» [1, с. 395].

Моўны складнік. Калі для многіх народаў ён выглядае аўтаматычным, банальна-відавочным сродкам не толькі камунікацыі, але і ідэнтыфікацыі, то ў нас, наадварот, ён стаў ці не праблемай № 1 у пытанні пра беларускую ідэнтычнасць. Трэба быць шчырымі. Стагоддзі паланізацыі і русіфікацыі не маглі прывесці да іншага выніку. Калі што і здзіўляе, то не тое, што пераважная большасць грамадзян не гаворыць па-беларуску, а тое, што беларуская мова не знікла канчаткова на гэтых абшарах (дзякуючы перш за ўсё беларускім пісьменнікам, настаўнікам, журналістам). Каб не засталася беларускай літаратуры, каб не было адпаведнага прадмета ў школах, а таксама беларускамоўнага радыё і тэлебачання, к канцу савецкай эпохі беларуская мова верагодна ператварылася б у мёртвую, бо рэальных носьбітаў яе ў Мінску і іншых гарадах заставаліся ў літаральным сэнсе адзінкі (тут пакінем убаку складанае пытанне пра гістарычную ролю так званай трасянкі). Зараз стан беларускай мовы, з аднаго боку, лепшы, чым у познесавецкія гады (ужо нярэдка можна пачуць яе ў грамадскіх месцах, яна паступова ахоплівае прастору аб'яваў і шыльдаў), з іншага, новае маладое пакаленне прызнаецца, што часта многае не разумее па-беларуску (не гаворачы ўжо пра спробы размаўляць). Нягледзячы на юрыдычна замацаваную роўнасць дзвюх дзяржаўных моваў, трэба прызнаць, што рэальная прапорцыя ўжывання, а таксама магчыма сцяў выкарыстання ў зносінах, у тым ліку у навучанні і працы, у нас далёка не 50 на 50. Чаго варты той факт, што ў Беларусі няма ніводнай установы вышэйшай адукацыі з цалкам беларускамоўным навучаннем. Неабгрунтаванымі выглядаюць спасылкі на тэрміналагіч-

няя складанасці, адсутнасць падручнікаў і дапаможнікаў, недахоп спецыялістаў і выкладчыкаў. Калі б была дзяржаўная воля рухацца ў гэтым кірунку (падтрымка, агітацыя, прававое забеспячэнне, фінансаванне), за амаль чвэрць стагоддзя, прамінулых з часу распаду СССР, гэта праблема была б вырашана.

А пакуль яе рашэнне застаецца задачай на бліжэйшую і аддаленую будучыню.

Пры гэтым адзначым, што беларуская нацыянальная і моўная талерантнасць выключае нейкую дыскрымінацыю рускай, польскай ці іншых моў. Сур'ёзных сацыяльных канфліктаў на гэтай глебе не назіралася і, упэўнены, не будзе.

Што можна лічыць аб'ектам фарміравання беларускай ідэнтычнасці? Грамадскую псіхалогію і грамадскую актыўнасць (паводзіны і дзейнасць) людзей, што з яе вынікае.

Грамадская псіхалогія не з'яўляецца арыфметычнай сумай псіхічных працэсаў і ўласцівасцяў асобных індывідаў. Статыстычна яна ўяўляе сабой дамінуючыя, пануючыя ў пэўнай сацыяльнай прасторы ўспрыманні, уяўленні і іншыя псіхічныя працэсы (напрыклад, уздым патрыятызму падчас справядлівай вайны, разгубленасць і роспач падчас сацыяльна-эканамічных крызісаў і інш.). Паколькі феноменалагічная структура грамадскай свядомасці адпавядае свядомасці індывідуальнай, мы можам вылучыць яе складнікі: нацыянальнае (грамадскае) адчуванне, успрыманне, уяўленне, памяць, увага, мысленне, эмоцыі і пачуцці; нацыянальны тэмперамент, характар, воля, здольнасці; нацыянальныя патрэбнасці, каштоўнасці, інтарэсы, ідэалы, перакананні, прынцыпы, вераванні.

Задача дзяржавы і грамадзянскай супольнасці — спрыяць нападзенню гэтых паняццяў адпаведным зместам. Перадумовамі гэтага працэсу выступаюць:

1) агульнаграмадская згода адносна галоўных нацыянальных каштоўнасцяў і інтарэсаў (ці хаця б адсутнасць глыбіннага расколу па палітычных, рэлігійных, культурных, геаграфічных і іншых лініях падзелу грамадства; узгадаем для кантрасту трагедыю нашай братняй паўднёвай краіны);

2) эфектыўная дзейнасць галоўных сацыяльных інстытутаў з выкарыстаннем адпаведных сродкаў і інструментаў. Сярод іх у першую чаргу вылучым: а) інстытуты выхавання і адукацыі (сям'ю, навучальныя ўстановы, гурткі); б) установы культуры (музеі, тэатры, бібліятэкі); в) сродкі масавай інфармацыі і камунікацыі (тэлебачанне, радыё, друк, Інтэрнэт); г) палітычныя і прававыя інстытуты; д) інстытуты адпачынку і вольнага часу (спорт, эстрада, турфірмы і інш.); е) эканамічныя інстытуты (па ўсім ланцугу «вытворчасць—гандаль—спажыванне»).

Пералік складнікаў ідэнтычнасці беларускага грамадства не перашкаджае ўсведамляць, што значную частку жыцця чалавека падзеі вакол яго вымагаюць не агульнаграмадскай (нацыянальна-грамадзянскай), а іншых ідэнтыфікацый: прафесіянальнай, гандарнай, сямейнай, партыйнай і інш. Гэта непазбежна і гэта натуральна. Купляючы беларускі тавар у краме, чалавек гэта робіць перш за ўсё як спажывец, як член сям'і, а не як беларус. Вырабляючы прадукт на прадпрыемстве, ён выступае ў першую чаргу як працаўнік, прафесіянал, той жа здабытчык сродкаў для сям'і, а не як патрыёт Радзімы. Але калі гэты апошні чынік прысутнічае нават фонам, неўпрыкмет, нападзена — гэта ўжо маленькая цаглінка ў сцены беларускага дома, які мы будзем разам. І калі з такіх цаглінак наш дом паўстане трывалым, надзейным, то ў патэнцыяльна выршальныя моманты менавіта нацыянальна-грамадзянская ідэнтычнасць выступіць псіхалагічным ядром рашучай дзейнасці народа па ахове сваёй незалежнасці і свабоды. Наша гісторыя сведчыла пра тое шмат разоў.

Спіс цытаваных крыніц

І.Евароўскі, В. Б. Нацыянальная філасофія Беларусі: тэорыя, археалогія, гісторыя, генеалогія, школа / В. Б. Евароўскі ; навук. рэд. Л. Ф. Яўменаў. — Мінск : Беларус. навука, 2014. — 559 с.

УДК 323.1(476)+94(476)“1929/1939”

М. К. Альховік

Установа адукацыі «Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт», Мінск

ПРАБЛЕМЫ НАЦЫЯНАЛЬнай ІДЭНТЫЧНАСЦІ ВА ўМОВАХ САВЕЦКАй НАЦЫЯНАЛЬнай ПАЛІТЫКІ 1929—1939 ГАДОў У БССР

Праблемы нацыянальнай дзяржаўнасці і ідэнтычнасці займалі асаблівае месца ў праграме бальшавіцкай партыі. УКП(б) разглядала нацыянальнае пытанне як вытворнае ад класавага і звязвала яго вырашэнне з зацвярдзеннем дыктатуры пралетарыяту, ліквідацыяй нацыянальных прывілеяў і абмежаванняў, забеспячэннем нацыянальнага раўнапраўя, права нацыяў на самавызначэнне, выраўноўваннем узроўняў сацыяльна-эканамічнага і культурнага развіцця «нацыянальных ускраін» і цэнтральных губерняў. Пад нацыяй разумелася агульнасць людзей, якая гістарычна склалася і валодала агульнасцю мовы, тэрыторыі, эканамічнага жыцця, псіхічнага складу, культуры [1, с. 6—8]. «Эксплуататарскія элементы» падлягалі

ліквідацыі пасля пралетарскай рэвалюцыі, аб'ектам нацыянальнай палітыкі з'яўляліся «працоўныя элементы» нацый (ужо ў 1916 г. у «Выніках дыскусіі аб самавызначэнні» У. І. Ленін ужыў тэрмін «сацыялістычныя нацыі»). Савецкая ўлада асудзіла нацыянальную палітыку царскага ўрада як накіраваную на дэнацыяналізацыю і асіміляцыю насельніцтва. Пры ацэнцы характару нацыянальных адносін у Расійскай імперыі ў дачыненні да рускай нацыі выкарыстоўваліся такія тэрміны, як «прыгнятальная», «каланізатарская», «перадавая», «найбольш развітая», да іншых нацый — «прыгнечаныя», «адсталыя», «малыя». На рускі пралетарыят ускладаўся абавязак кампенсацыі наступстваў каланіяльнай і эксплуатацыйнай палітыкі царскага ўрада. На пачатковым этапе дыктатуры пралетарыату прадугледжвалася спрыянне дзяржаўнаму будаўніцтву, эканамічнаму і культурнаму росквіту «ўскараін» пад лозунгам «пралетарскага інтэрнацыяналізму». Стратэгічнай мэтай з'яўлялася не ўмацаванне нацыянальнай і культурна-моўнай разнастайнасці, а паступовае адміранне нацыянальных асаблівасцяў, зліцце нацый пасля поўнай і канчатковай перамогі камунізму ва ўсім свеце [2, с. 31, 35, 38, 56, 68—70, 128].

1 студзеня 1919 г. Часовы рэвалюцыйны рабоча-сялянскі ўрад Беларусі абнародаваў канстытуцыйны акт аб абвешчэнні ССРБ. У снежні 1920 г. II Усебеларускі з'езд саветаў аб'явіў курс на шырокае выкарыстанне ў дзяржаўным і грамадскім жыцці моў мясцовага насельніцтва, стварэнне сеткі адукацыйных і культурна-асветніцкіх устаноў, выданне друкаванай прадукцыі, вылучэнне работнікаў карэнных нацыянальнасцяў. Беларусы ўспрымаліся як асноўная, тытульная, колькасна пераважаючая ў БССР нацыя, таму пленум ЦК КП(б)Б ад 25—29 студзеня 1925 г. прызнаў вылучэнне беларускіх кадраў, развіццё беларускай мовы і культуры «першай і асноўнай справай» нацыянальнай палітыкі ў БССР [3, с. 58—69; 4, с. 27].

Палітыка беларусізацыі заключалася ў абслугоўванні тытульнага насельніцтва на роднай мове, будаўніцтве беларускай пралетарскай культуры, забеспячэнні перавагі беларусаў у органах улады і кіравання, у складзе пралетарыату і інтэлігенцыі. Права нацый на самавызначэнне прадугледжвала задавальненне нацыянальных патрэб нятытульнага насельніцтва: яго абслугоўванне дзяржаўнымі і грамадскімі інстытутамі на роднай мове, стварэнне нацыянальных саветаў, калгасаў, школ, судаў і г. д., выданне літаратуры. Каранізацыя палягала ў выхаванні і вылучэнні мясцовых кадраў (у першую чаргу беларусаў) на адказныя і кіраўнічыя пасады па прынцыпе прапарцыйнага прадстаўніцтва нацый. Уключэнне ў склад БССР земляў з адносна аднародным нацыянальным складам насельніцтва, укараненне беларускай мовы і моў нацыянальных меншасцяў у сферы адукацыі, інфармацыі, навукі, у афіцыйнае справядства, нацыянальна-культурная палітыка разглядалася ў якасці сродку ўзмацнення нацыянальнай самасвядомасці працоўных, прапаганды ідэалогіі бальшавізму, неабходнай умовы «пралетарскага кіраўніцтва бядняцка-серадняцкім сялянствам», эканамічнай і культурнай мадэрнізацыі БССР, умацавання дзяржаўнай граніцы, ўзмацнення прасавецкіх сімпатый за мяжой і недапушчэння выхаду БССР са складу СССР [5, с. 110; 6, арк. 11; 7, арк. 31].

Частка партыйна-савецкіх дзеячаў і прадстаўнікоў інтэлігенцыі аспрэчвала прыкрытэты класавага пытання над нацыянальным, разглядала беларусізацыю як важны этап нацыянальнага адраджэння, сродак ўзмацнення нацыянальнай самасвядомасці, палітычнай актыўнасці і самаарганізацыі насельніцтва. Яны выступалі за фарсіраванне працэсаў беларусізацыі, культурнае адасабленне і гаспадарчую аўтаномію БССР, вызначэнне межаў рэспублікі ў адпаведнасці з арэалам пражывання беларусаў, будаўніцтва пралетарскай культуры на аснове «пазакласавай» гісторыка-культурнай спадчыны. Улады БССР сцвярджалі, што дадзеныя ўяўленні адлюстроўваюць палітычную стратэгію, накіраваную на канстытуіраванне альтэрнатыўных палітычных эліт, надкласавай палітычнай нацыі, суверэнізацыю і мадэрнізацыю БССР па «дробнабуржуазным» шляху [8, с. 28, 32; 9, с. 35]. Адначасова ў БССР існавалі прыхільнікі асіміляцыі нярускага насельніцтва пад лозунгам «адзінай і непадзельнай Расіі». Яны выступалі супраць стварэння дзяржаўных інстытутаў і адзінак па нацыянальнай прыкмеце, супраць беларускай савецкай дзяржаўнасці, адмаўлялі існаванне беларускага пралетарыату і беларусаў як нацыі, неабходнасць падтрымкі беларускай мовы і культуры і інш. [10, с. 23].

У адпаведнасці з ідэалогіяй марксізму-ленінізму, сацыялістычная (пралетарская) культура стваралася на аснове інтэрнацыянальных, рэвалюцыйна-дэмакратычных элементаў традыцыйнай народнай культуры і побыту і супрацьпастаўлялася «феадальна-буржуазнай». Мова разглядалася ў якасці адной з найважнейшых пазакласавых прыкмет нацыі. У канстытуцыйных актах і заканадаўстве СССР і БССР 1920—1930-х гг. тэрмін «дзяржаўная мова» адсутнічаў, бо У. І. Ленін выступаў супраць дэкрэтавання абавязковай дзяржаўнай мовы, за моўнае раўнапраўе і добраахвотны характар вывучэння рускай мовы. У якасці прыкладу суіснавання розных моў у адной дзяржаве называлася Швейцарыя. Партыйна-савецкія работнікі дэклавалі «ліквідацыю прывілеяванага становішча» рускай мовы [11, с. 295; 12, с. 39]. Адначасова ўлады выступалі за свабоднае нацыянальнае і моўнае самавызначэнне асобы. У афіцыйных дакументах роднай мовай лічылася найбольш зразумелая і даступная чалавеку размоўная мова, якую ён ужываў у побыце, у размовах з бліжэйшым акружэннем. Падмена роднай мовы мовай нацыянальнасці або мовай продкаў, схіленне да ўжывання іншых моў лічыліся ўхіламі ад «ленінскай нацыянальнай палітыкі». Да снежня 1933 г. у мэтах пераадолення наступстваў русіфікацыі вялікая частка дзяржаўных работнікаў, прадстаўнікоў інтэлігенцыі механічна атаясамляла родную мову чалавека з мовай яго нацыянальнасці [13, с. 124, 204, 238].

9 мая — 27 чэрвеня 1929 г. у БССР працавала Камісія ЦКК УКП(б) на чале з У. П. Затонскім. Яна прапанавала працягваць і больш рашуча праводзіць беларусізацыю, але прызнала тэмпы развіцця беларускай мовы дастатковымі для абслугоўвання працоўных мас. Пленум ЦК КП(б)Б ад 5—8 верасня 1929 г.

вызначыў ліквідацыю эксплуатацыйных класаў і ўхілаў у бок нацыяналізму ў якасці ўмовы паспяховага нацыянальнага будаўніцтва. Пленум ЦК КП(б)Б ад 20—25 кастрычніка 1930 г. прызнаў правядзенне нацыянальнай палітыкі ў БССР у асноўным правільным. ЦК КП(б)Б дэклараваў захоўванне курсу на правядзенне беларусізацыі, заклікаючы працаўнікоў і актывістаў да ўзмацнення класавай лініі ў «нацпытанні» [14, с. 32]. Вылучэнне работнікаў на адказныя і кіраўнічыя пасады без уліку «ідэалагічнай вытрыманасці» і сацыяльнага складу, разуменне нацыянальнай палітыкі як выключна «барацьбы за мову і за культуру» былі асуджаныя як правы «нацыяналізму» і «культурніцтва» [15, с. 191—198; 16, с. 207—209].

Узмацненне прэстыжнасці і павелічэнне сацыяльных функцый беларускай мовы было немагчыма без прыстасавання дзяржаўнага апарату да яе выкарыстання. Беларуская мова была выбрана пераважнай для зносін дзяржаўных устаноў і грамадскіх арганізацый. Камуністам, камсамольцам, работнікам дзяржаўных устаноў, прафесійных, гандлёва-кааперацыйных арганізацый прапаноўвалася карыстацца ў справядстве, падчас публічных мерапрыемстваў, у размовах паміж сабой і з насельніцтвам беларускай мовай, пастаянна ўдасканальваючы свае веды, ведаць беларускую літаратуру, культуру, гісторыю і эканоміку БССР, гісторыю КП(б)Б і ЛКСМБ, улічваць мясцовыя ўмовы, традыцыі і побыт беларусаў і г. д. [17, с. 4; 18, арк. 68]. І тым не менш у канцы 1920-х — пачатку 1930-х гг. паслядоўная і сістэмная работа камісій, органаў улады і кіравання ў галіне вырашэння нацыянальнага пытання адсутнічала [19, арк. 13—15]. Беларусізацыя ахапіла дакументаварот, рэгістрацыю, выпіску і выданне газет, чытанне дакладаў і справаздач, афармленне шпальдаў і г. д. Падчас спрэчак на сходах і пасяджэннях, у прыватных гутарках і рабоце з наведвальнікамі большасць работнікаў пераходзіла на рускую мову. Так, у Слуцкім раёне дакументацыя вялася на беларускай мове, але толькі чвэрць супрацоўнікаў ужывала яе ў вуснай форме [20, арк. 70]. У канцы 1920-х — пачатку 1930-х гг. колькасць беларусаў на адказных і кіраўнічых пасадах практычна не змянілася, паколькі галоўная ўвага надавалася «ідэалагічнай вытрыманасці» і сацыяльнаму паходжанню работнікаў [21, арк. 13].

Яшчэ ў 1921 г. падчас X З'езда РКП(б) І. В. Сталін параўнаў ліквідацыю перавагі «рускіх элементаў» у гарадах БССР і УССР з «мадзярызацыяй венгерскіх гарадоў і пераўтварэннем Рыгі ў латышскі горад». «Беларусізацыя пралетарыяту» (павелічэнне ліку беларусаў у складзе гараджан) была абумоўлена не толькі масавай міграцыяй сельскіх жыхароў, але і пераменамі ў самавызначэнні асобных пралетарыяў, якія ў 1926—1927 гг. запісаліся рускімі [22, арк. 45]. У мэтах укаранення беларускай мовы ў паўсядзённае жыццё індустрыяльных цэнтраў і ўцягнення рабочых у будаўніцтва беларускай пралетарскай культуры адбывалася навучанне і папулярызацыя «беларускай мовы, быту, культуры» сярод гараджан. Пры гэтым улады ўказвалі на неабходнасць дыферэнцыраванага падыходу да рабочых з пункту гледжання нацыянальнасці, ведаў і гатоўнасці ўжываць беларускую мову, патрабавалі, каб яе вывучэнне і ўжыванне з'яўлялася свядомым і добраахвотным актам. Да 1932 г. справаводства і культурна-масавая работа на прадпрыемствах былі ў асноўным пераведзены на беларускую мову. Руская мова дамінавала ў штодзённых зносінах прафесійных работнікаў, падчас нарад і пасяджэнняў [23, арк. 50; 24, арк. 54]. Беларуская мова становілася мовай міжнацыянальных зносін, сельскай і гарадской культуры, цэнтр беларускай ідэнтычнасці змяшчаўся ў горад, што садзейнічала кансалідацыі беларускай нацыі. Вялікая частка рабочых падтрымала беларусізацыю, сустракаліся выпадкі свядомага пераходу на беларускую мову. Многія рабочыя ў побыце аддавалі перавагу рускай мове, а беларускую ўжывалі на рабоце. Нярэдка былі выпадкі пагардлівага стаўлення да беларускай культуры і мовы, неразумнення беларускай літаратурнай мовы і публічнай адмовы ад яе ўжывання [25, арк. 16, 28—29; 26, арк. 3].

Савецкая ўлада прытрымлівалася курсу на забеспячэнне перавагі беларускай сацыялістычнай культуры і друкаванай прадукцыі на беларускай мове ў БССР, аб чым сведчыла стварэнне беларускага аддзялення Цэнтральнага кіраўніцтва Дзяржаўнага аб'яднання музычных, эстрадных і цыркавых прадпрыемстваў (1930), рэарганізацыя Тэатра рускай музычнай камедыі ў Тэатр музычнай камедыі БССР з наступным пераходам яго пастацовак на беларускую мову (10 снежня 1932 г.), адкрыццё Беларускай студыі пры Цэнтральным тэатральным вучылішчы ў Ленінградзе (1933), прыкметны рост тыражоў беларускіх кніг і перыядычных выданняў, фонду кінакарцін на беларускай мове і да т. п. Так, у 1932 г. па-беларуску выдавалася 27 з 30 часопісаў, у 1933 г. — 259 з 293 газет, кніжная прадукцыя БДВ на беларускай мове складала каля 90% [27, арк. 111, 146]. На мяжы 1920—1930-х гг. доля беларускіх школ вагалася ў межах 90%. У якасці вучэбнага прадмета беларуская мова выкладалася незалежна ад паходжання навучэнцаў. У пачатку 1930-х гг. беларусізацыя вышэйшай, сярэдняй спецыяльнай і прафесійна-тэхнічнай адукацыі, палітыка-асветных і культурна-асветных устаноў не была завершана [28, арк. 86].

Істотнай праблемай нацыянальнай палітыкі з'яўлялася слабая нацыянальная самаідэнтыфікацыя католікаў. Дадзеныя перапісу 1926 г. лічыліся недакладнымі, бо частка польскага насельніцтва была залічана ў беларусы, частка беларусаў — у палякі. У гэтай сувязі работа сярод часткі католікаў БССР і УССР, якія ў побыце размаўлялі па-беларуску і па-ўкраінску, праводзілася на польскай мове [29, арк. 114]. Расцэньваліся як «дэфектныя» і дадзеныя перапісу 1926 г. па Гомельскай і Рэчыцкай акругах. У рускіх сельсаветах адкрываліся і беларускія, і рускія школы, масавая работа з насельніцтвам праводзілася на дзвюх мовах, асобныя работнікі лічылі рускія сельсаветы штучнымі. У 1933 г. Церахоўскі РВК прапанаваў ЦВК БССР аб'явіць 5 рускіх сельсаветаў беларускімі [30, арк. 58]. У тлумачальнай запісцы Я. Г. Ракава і І. В. Нікольскага да карты нацыянальнага складу БССР (1935) адзначалася, што па выніках пашпартызацыі 1933 г. «у Церахоўскім раёне ва ўсіх 4-х рускіх сельсаветах ніводнага рускага. Тое ж у Чачэрскім, Свяцілавіцкім, Камарынскім раёне, у Харашэўскім рускім сельсавете Добрушкага раёна, Гомельскім раёне» [31, арк. 189].

Уласцівыя таталітарным рэжымам канцэнтрацыя ўладных і эканамічных рэсурсаў, ігнараванне нацыянальнай і рэгіянальнай спецыфікі падчас прыняцця важных дзяржаўных рашэнняў садзейнічаюць фарміраванню гамагеннага грамадства з разнастайных нацыянальных груп на падставе агульных грамадзянскіх ідэалаў і культурна-моўных стандартаў [32, с. 236]. Рэвізія канцэптэуальна-тэарэтычных асноў і арыенціраў нацыянальнага будаўніцтва была ініцыявана кіраўніцтвам СССР. 18 мая 1925 г. падчас прамовы ў Камуністычным універсітэце працоўных Усходу І. В. Сталін прызнаў, што пры будаўніцтве сацыялізму «некаторыя нацыянальнасці могуць падпасці і, мабыць, пэўна падпадуць пад працэс асіміляцыі, ...[які] не выключае, а мяркую супрацьлеглы працэс узмацнення і развіцця цэлага шэрага магутных нацыянальнасцяў» [33, с. 159]. Ужо ў дакладнай запісцы намесніка паўнамоцнага прадстаўніка АДПУ па Заходнім краі І. К. Апанскага сакратару ЦК КП(б)Б А. І. Крыніцкаму ад 28 снежня 1924 г. выказвалася незадаволенасць зместам, тэмамі і метадамі беларусізацыі. 4 лістапада 1925 г. на пасяджэнні Аргбюро ЦК РКП(б) па пытанні аб стане і рабоце КП(б)Б наркам земляробства РСФСР А. П. Смірноў, загадчык аддзела агітацыі і прапаганды ЦК РКП(б) А. І. Сырцоў, адказны інструктар ЦК РКП(б) А. В. Осіпаў, загадчык Арганізацыйна-размеркавальнага аддзела ЦК РКП(б) К. В. Гей выступілі супраць беларусізацыі і работы сярод нацыянальных меншасцяў [34, с. 30—31; 35, с. 336—345]. У 1929 г. у артыкуле «Нацыянальнае пытанне і ленінізм» (апублікаваны ў 1950 г.) І. В. Сталін дапусціў магчымасць з'яўлення занальных эканамічных цэнтраў «для асобных груп нацый з асобнай агульнай мовай» да моманту адмірання нацый [36, с. 14—19].

У 1933—1937 гг. рускія былі выкраслены з пераліку нацыянальных меншасцяў. У 1935—1937 гг. улады СССР заявілі аб пераадоленні недаверу да рускай нацыі, якая ўжо не тытулавалася прыгнятальнай. У дачыненні да яе ўжываліся такія эпітэты, як «вялікі», «старэйшы брат», «бессмяротны», «першы сярод роўных» і г. д. [37, с. 71]. Паспехі ў будаўніцтве дзяржаўнасці, сацыяльна-эканамічным і культурным развіцці БССР увязваліся з дапамогай партыйна-савецкага кіраўніцтва СССР, рускага пралетарыяту і РСФСР («першай сярод роўных»), што прыводзіла да ўспрыняцця БССР, ЦК КП(б)Б, ЦВК БССР і СНК БССР як чагосьці вытворнага і другараднага [38, арк. 121]. «Маральна-палітычнае адзінства савецкага грамадства» забяспечвалася шляхам вызначэння БССР і УССР як «непрэступных крэпасцяў абароны» СССР, прапаганды бальшавізму і «савецкага патрыятызму», спрадвечнай еднасці і «сталінскай дружбы народаў», перавагі і вяршэнства рускага пралетарыяту, далучэння да рускай мовы (як другой роднай мовы), гісторыі і культуры, ігнаруючы прыныцы нацыянальнага, культурнага і моўнага раўнапраўя [39, арк. 179]. Паняцці «Расія», «рускі», «савецкі», «камуністычны», «сталінскі» ставіліся на адзін сэнсавы ўзровень [40, с. 14]. У 1938—1939 гг. у масавым друку БССР з'явілася паняцце «савецкі народ» [41].

У пастановах ЦК УКП(б) «Аб сельскагаспадарчых нарыхтоўках у Беларусі» ад 19 снежня 1932 г. і «Аб скрыўленні нацыянальнай палітыкі УКП(б) у Беларусі» ад 2 сакавіка 1933 г. партыйна-савецкія работнікі БССР былі абвінавачаны ў ажыццяўленні «гвалтоўнай беларусізацыі». Сцвярджалася, што «небальшавіцкая», «нацдэмаўская», «механічная» і «прымусовая» беларусізацыя была накіравана на зрыў сельскагаспадарчых нарыхтовак, аддаленне беларускай мовы ад рускай, спрыянне замежнай інтэрвенцыі, выхаду БССР са складу СССР і рэстаўрацыі капіталізму. У Канстытуцыі БССР 1937 г. адсутнічала палажэнне пра асаблівы статус беларускай мовы, якое ўтрымлівалася ў Канстытуцыі БССР 1927 г. У 1938 г. народны камісар асветы БССР У. І. Півавараў публічна заявіў, што «руская мова — гэта асноўная дзяржаўная мова, беларуская і яўрэйская — гэта другарадныя, яўрэйскай мове навучаюць у Бірабіджане, і хто хоча вывучаць яўрэйскую мову, няхай той едзе ў Бірабіджан» [42, арк. 250]. У канцы 1930-х гг. работнікі і грамадскія актывісты былі вызвалены ад неабходнасці валодання беларускай мовай [43, арк. 369, 365], цэнтралізаваны перавод устаноў і арганізацый на беларускую мову быў абвешчаны антысавецкай работай, накіраванай на «падрыву пазіцый» рускай мовы і культуры ў БССР [44, с. 78].

Успрыняўшы рашэнні ЦК УКП(б) і ЦК КП(б)Б як сігнал аб згортванні беларусізацыі і асцерагаючыся абвінавачванняў у «нацыяналізме», работнікі савецкіх устаноў, партыйных і грамадскіх арганізацый адмовіліся ад ужывання беларускай мовы. Так, у 1933 г. работнік Белкаапсаюза Туркевіч апраўдаў свой пераход на рускую мову тым, што «карыстанне беларускай мовай ёсць праява нацдэмакратызму», работнікі Ваксман, Сулькіна, Андросенка — тым, што «больш цяпер карыстаюцца рускай мовай, а таму і мы карыстаемся ёй», начальнік агітацыйна-прапагандысцкага аддзела гарадскога савета Гомеля Шапіра адмовіўся распаўсюджваць літаратуру сярод гомельскіх рабочых, матывуючы гэта тым, што «рабочыя не ведаюць беларускую мову» [45, арк. 85; 46, арк. 50—53]. У сярэдзіне 1930-х гг. пачаўся несанкцыянаваны перавод беларускіх школ на рускую мову, у 1938—1939 гг. — афіцыйная рэарганізацыя беларускіх школ у рускія [47, арк. 179—180; 48, арк. 167, 172]. На рускую мову былі пераведзены ВНУ, ССНУ, ВТНУ і рабфакі. Так, студэнты Горацкага сельскагаспадарчага інстытута меркавалі: «хочаце, каб вас не звалі нацдэмамі, не вывучайце беларускай мовы» [49, арк. 113—115].

Савецкая ўлада адмовілася ад захавання дамінуючага становішча беларускай савецкай культуры ў БССР. Так, 8 верасня 1937 г. Бюро ЦК КП(б)Б ліквідавала Гомельскі драматычны беларускі тэатр (былы БДТ-3) [50, арк. 10а]. Замест яго ў 1938—1939 гг. у Гомелі былі створаны Дзяржаўны лялечны тэатр БССР (працаваў на рускай мове) і Рускі абласны дзяржаўны драматычны тэатр [51, с. 23]. У 1937—1938 гг. дырэктар Беларускага дзяржаўнага тэатра оперы і балета Ф. А. Ярыкаў пры падтрымцы в. а. першага сакратара ЦК КП(б)Б А. А. Волкава і в. а. другога сакратара ЦК КП(б)Б А. М. Лявіцкага адмовіўся ад пастановак беларускага рэпертуару, складання дамоў з беларускімі кампазітарамі, разгану кадры мясцовых

артыстаў, салістаў, аркестрантаў, харыстаў як «заражаных нацыяналізмам» і запрасіў работнікаў з іншых рэспублік СССР [52, с. 280—300]. У другой палове 1938—1939 гг. НКУС БССР праводзіў агентурную распрацоўку беларускіх пісьменнікаў, якія засталіся на свабодзе (Я. Купалы, Я. Коласа, П. Е. Панчанкі, У. І. Кандрацені, У. І. Краўчанкі, Э. С. Каган-Агняцвет, М. Ц. Лынькова) [53, арк. 114—117; 54, арк. 7—9 зв].

У сярэдзіне 1930-х гг. прадстаўнікі палітычнай эліты СССР прыйшлі да высновы аб тым, што знікненне моўнай разнастайнасці, побытавых звычаяў, нацыянальных асаблівасцяў з'яўляецца прагрэсіўнай з'явай і заканамерным вынікам сацыялістычнай мадэрнізацыі. Так, 28 мая 1934 г. старшыня ЦВК СССР М. І. Калінін заявіў аб тым, што «яўрэйскія мястэчкі цяпер аджываюць свой век», а яўрэі «ў нас даўжэй за ўсё захаваюцца ў сваёй Яўрэйскай вобласці» і на заводах з вялікім працэнтам яўрэяў [55, с. 7—14]. Абслугоўванне нятытульнага насельніцтва на роднай мове было асуджана як контррэвалюцыйная дзейнасць. 3 лютага 1934 г. былі ліквідаваны ці рэарганізаваны практычна ўсе ўстановы і арганізацыі нацыянальных меншасцяў. Пэўным выключэннем з'яўляліся яўрэі. Згодна з пастановай Бюро ЦК КП(б) ад 8 мая 1938 г. «Аб сетцы і базах размяшчэння тэатраў БССР» Дзяржаўны яўрэйскі тэатр пераводзіўся з Мінска ў Віцебск і павінен быў абслугоўваць галоўным чынам «перыферыю і раённыя цэнтры БССР» [56, арк. 244—245]. Намеснік загадчыка культурна-асветнага аддзела ЦК КП(б) Г. М. Аронаў даказаў, што рэалізацыя пастановы прывядзе да ліквідацыі тэатра, таму тэатр праіснаваў да 1949 г. [57, арк. 94]. Да 1941 г. у Мінску выходзілі штомесячны часопіс «Штэрн» і штотдзённая газета «Акцябер». Яўрэйскія пісьменнікі і літаратурныя работнікі трапілі пад распрацоўку НКУС БССР за «буржуазна-нацыяналістычную прапаганду». У 1935 г. лік членаў яўрэйскай секцыі ССП БССР зменшыўся да 34, у 1939 г. — да 20, але яна праіснавала да 1949 г. [58, арк. 42—44].

З'явілася рэальная небяспека дэнацыяналізацыі беларусаў, палякаў, яўрэяў і г. д., бо ў выпадку слабай самаідэнтыфікацыі асобы яе нацыянальнасць вызначалася прадстаўнікамі ўлады паводле гутарковай мовы і культурных арыентацый. Між іншым, любая нацыянальна-дзяржаўная і адміністрацыйна-тэрытарыяльная адзінка СССР стваралася на тэрыторыі пражывання яе тытульнага этнасу [59, арк. 260—308]. Так, нягледзячы на працяглы тэрмін правядзення беларусізацыі, у 1939 г. толькі 45,7% гараджан-беларусаў назвалі беларускую мову роднай (у 1926 г. — 50,3%). У 1938 г. член Бюро ЦК КП(б) старшыня Вярхоўнага Савета БССР Н. Р. Грэк змяніла сваё прозвішча на рускае (Грэкава). Калі ў 1927 г. у БССР пражывала 407,1 тыс. яўрэяў, у 1931 г. — 440,2 тыс., у 1937 г. — 363,2 тыс., у 1939 г. — 375,1 тыс. Перапісы 1926 і 1939 г. зафіксавалі зніжэнне долі палякаў з 1,9% (97,5 тыс.) да 1% (58,4 тыс.) У Хрыпялеўскім сельсавеце замест этноніма «палякі» ўладамі ўжываўся эўфемізм «католікі» ў значэнні нацыянальнасці [60, арк. 1].

Рэакцыя на радыкальныя змены ў правядзенні савецкай нацыянальнай палітыкі была неадназначнай. Палякі, якія атаясамлялі сябе з навакольным насельніцтвам, арыентаваліся на рускую савецкую культуру і слаба валодалі польскай мовай, адобрылі рэарганізацыю польскіх устаноў. Асіміляваныя яўрэі лічылі немэтазгодным існаванне дзяржаўных і грамадскіх інстытутаў. Нацыянальна свядомыя палякі выкарыстоўвалі ў жыцці польскую і беларускую мовы, выступілі за захаванне польскіх устаноў. Яўрэі ў раёнах Ляхаўкі, Старажоўкі, Абудковай вуліцы ў Мінску, Гомелі, месчачковых саветах гуртаваліся з прадстаўнікамі сваёй нацыянальнасці, захоўвалі прыхільнасць да традыцыйнай культуры на аснове іўрыта і іўдаізму або да савецкай культуры. Менавіта таму рэарганізацыя польскіх і яўрэйскіх устаноў выклікала мабілізацыю іх нацыянальных пачуццяў [61, арк. 259—311, 62, арк. 92; 63, арк. 25—26]. Ва ўмовах палітычнага тэрору выступленні супраць негатыўных тэндэнцый культурнага развіцця, звужэння сферы выкарыстання і функцый беларускай мовы, «арыштаў беларусаў» засталіся ізаляванымі [64, арк. 2; 65, арк. 160—161].

Такім чынам, з першай паловы 1920-х гг. магістральным напрамкам нацыянальнай палітыкі ў БССР з'яўлялася беларусізацыя, накіраваная на стварэнне беларускай сацыялістычнай нацыі, забеспячэнне дамінуючага становішча беларускага пралетарыяту, беларускай мовы і беларускай сацыялістычнай культуры ў БССР. Яна стварала ў цэлым спрыяльныя ўмовы для ўмацавання нацыянальнай самасвядомасці беларусаў. Адначасова праводзілася саветызацыя і інтэграцыя нацыянальных меншасцяў у адзінае грамадства пры захаванні і падтрымцы іх нацыянальнай ідэнтычнасці і асаблівасцяў. Згортванне беларусізацыі і работы сярод нацыянальных меншасцяў аказала негатыўнае ўздзеянне на развіццё беларускай савецкай дзяржаўнасці і ўтварыла рэальную небяспеку дэнацыяналізацыі і асіміляцыі насельніцтва БССР, фарміраванне этнічна аднароднага грамадства з разнастайных нацыянальных груп.

Спіс цытаваных крыніц

1. *Сталін, І. В.* Марксізм і нацыянальнае пытанне / І. В. Сталін. — Менск : ДВБ, 1934. — 72 с.
2. *Ленін, В. І.* Вопросы национальной политики и пролетарского интернационализма / В. И. Ленин. — М. : Госполитиздат, 1959. — 191 с.
3. Беларусізацыя, 1920-я гады : дак. і матэрыялы / пад агул. рэд. Р. П. Платонава і У. І. Коршука. — Мінск : БДУ, 2001. — 270 с.
4. *Майзель, Л.* Десять лет борьбы и строительства / Л. Майзель, Ю. Шаповалов. — М. : Центриздат народов СССР ; Харьков ; Минск, 1930. — 45 с.
5. Матэрыялы да справаздачы ўраду Х Зьезду Саветаў БССР. — Менск : Кіраўніцтва спраў СНК і экан. нарады БССР, 1931. — 249 с.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 265. Воп. 1. Спр. 4720.
7. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 701. Воп. 1. Спр. 103.
8. *Гаруновіч, А.* Супроць нацыянал-дэмакратызму і шавінізмаў розных колераў / А. Гаруновіч. — Менск : Белдзяржвыд, 1930. — 101 с.
9. *Чарнушэвіч, А.* Беларускі контррэвалюцыйны нацыянал-дэмакратызм / А. Чарнушэвіч. — Менск : БДВ, 1931. — 47 с.
10. Рэзалюцыі Кастрычніцкага Пленуму ЦК КП(б)Б. — Менск : Белдзяржвыд, 1930. — 33 с.

11. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений : в 55 т. / В. И. Ленин. — М. : Политиздат, 1965—1975. — Т. 24. Сентябрь 1913 — март 1914 г. — 1973. — 568 с.
12. *Табалаў, К.* Нацыянальнае пытаньне на XVI Зьездзе УсеКП(б)Б з дадаткам перад. арт. «Правды» / К. Табалаў. — Менск : БДВ, 1930. — 42 с.
13. Национальное образование в России: концепции, взгляды, мнения, 1905—1938 гг. : сб. док. : в 2 ч. — М. : ИНПО, 2002. — Ч. 2. — 312 с.
14. *Чарнецкі, Я.* Перабудаваць работу, забясьпечыць тэмпі / Я. Чарнецкі // Комуніст. выхаваньне. — 1930. — № 2. — С. 25—39.
15. *Сталин, И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос / И. В. Сталин. — М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. — 232 с.
16. Трынаццаты зьезд Камуністычнай партыі (бальшавікоў) Беларусі, 30 мая — 12 чэрв. 1930 г. Стэн. справ. — Менск : БДВ, 1931. — 830 с.
17. Пастанова Народнага камісарыяту Юстыцыі БССР. Натарыяльная інструкцыя // Бюлетэнь Народных Камісарыятаў і Цэнтральных устаноў Беларускай ССР. — 1932. — № 5. — С. 4.
18. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва. — Ф. 126. Воп. 1. Спр. 8.
19. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 701. Воп. 1. Спр. 100.
20. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 701. Воп. 1. Спр. 103.
21. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 5606.
22. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 265. Воп. 1. Спр. 2944.
23. Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Магілёўскай вобласці. — Ф. 5. Воп. 1а. Спр. 313.
24. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 5013.
25. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 4757.
26. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 15-п. Воп. 4. Спр. 560.
27. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 6099.
28. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 5475.
29. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 10969.
30. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 6343.
31. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 7747.
32. *Тишков, В. А.* Этнополитология: политические функции этничности / В. А. Тишков, Ю. П. Шабаяв. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2011. — 376 с.
33. *Сталин, И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос / И. В. Сталин. — М. : Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. — 232 с.
34. *Платонов, Р. П.* Перед крутым поворотом / под общ. ред. Р. П. Платонова. — Минск : БелНИИДАД, 2001. — 310 с.
35. ЦК РКП(б) — ВКП(б) и национальный вопрос : сборник : в 2 кн. — М., 2005. — Кн. 1. : 1933—1945. — 784 с.
36. *Сталин, И. В.* Нацыянальнае пытаньне і ланінізм / И. В. Сталін. — Мінск : Дзярж. выд-ва БССР, 1951. — 19 с.
37. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 12832.
38. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 9116.
39. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 14721.
40. *Гікала, М. Ф.* Совецкая Беларусь / М. Ф. Гікала. — Менск : Белпартвыдавецтва ЦК КП(б)Б, 1937. — 51 с.
41. Больш увагі рускім пісьменнікам Беларусі // Літаратура і мастацтва. — 1939. — 30 студз. — С. 1.
42. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13225.
43. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 12309.
44. Совецкая Беларусь / пад рэд. В. В. Бедзіна, І. Шапавалава, М. Т. Лынькова. — Менск : ДВБ, Адзел паліт. літ., 1938. — 92 с.
45. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 5068.
46. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 6898.
47. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13233.
48. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13267.
49. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 7184.
50. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 11021.
51. *Лютарович, П. В.* Искусство советской Белоруссии / П. В. Лютарович. — Мінск : Госиздат БССР, ред. мас.-пол. лит., 1959. — 138 с.
52. *Платонаў, Р. П.* Лёсы / Р. П. Платонаў. — Мінск : БелНДДАС, 1998. — 326 с.
53. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13225.
54. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13246.
55. *Калинин, М. И.* Об образовании Еврейской автономной области / М. И. Калинин. — М. : Эмес, 1934. — 23 с.
56. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 12400.
57. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 12451.
58. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13275.
59. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 10870.
60. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 42. Воп. 1. Спр. 2131.
61. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 10870.
62. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 7125.
63. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13323.
64. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 11638.
65. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). — Ф. 4-п. Воп. 1. Спр. 13224.

УДК 355.018

В. М. Бабылёва, З. М. Казлова

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

ВЯЛІКАЯ АЙЧЫННАЯ ВАЙНА Ў ПАМЯЦІ ПАКАЛЕННЯ ХХІ СТАГОДЗЯ

Другая сусветная вайна, якая сышла ў гісторыю разам з XX ст., па сваіх маштабах, жорсткасці, людскіх і матэрыяльных страхах не мае сабе роўных. Яна прайшла праз лёсы $\frac{4}{5}$ насельніцтва зямнога шара. Ваенны дзеянні вяліся на шырокіх кантынентальных і марскіх прасторах. У вайне загінулі каля 60 млн чалавек. Сярод іх, паводле апошніх дадзеных, — кожны трэці жыхар Беларусі, а гэта найбольшыя страты сярод народаў СССР [1, с. 239].

830 тыс. ураджэнцаў Беларусі з 1 млн 300 тыс. нашых землякоў, якія вявалі ў радах Чырвонай Арміі, загінулі на палях бітваў. Адалі сваё жыццё дзеля вызвалення роднай зямлі амаль 45 тыс. партызан і падпольшчыкаў. Ва ўмовах жорсткага акупацыйнага рэжыму ад голаду, эпідэміі, нягод памерлі каля 800 тыс. чалавек мірнага насельніцтва. Гітлераўцы гвалтоўна вывезлі з Беларусі на прымусовыя работы ў Германію каля 400 тыс. чалавек, у тым ліку 24 тыс. дзяцей. Вярнуліся дадому пасля вайны толькі 160 тыс. чалавек [2, с. 36]. Пэралік ахвяр Вялікай Айчыннай вайны можа быць бясконца доўгім, бо вайна прайшла праз кожную беларускую сям'ю, прама ці ўскосна закранула кожнага нашага суайчынніка.

Многія пасляваенныя дзесяцігоддзі ў выдадзеных у СССР, і ў тым ліку Беларусі, фундаментальных даследаваннях, манаграфіях, мемуарах, падручніках не прынята было пісаць пра праблемы паўсядзённаці, пакуты і перажыванні людзей ва ўмовах вайны. Толькі на мяжы XX—XXI стст. пасля палітычных перамен гераічныя старонкі Вялікай Айчыннай вайны пачалі дапаўняцца тэмамі, якія да гэтага часу заставаліся забароненымі не толькі для даследаванняў, але і нават для абмеркавання. Пачынаюць вывучацца праблемы «астарбайгараў», калабарацыянізм, Халакост, сацыяльныя і псіхалагічныя аспекты жыцця чалавека ў ваенны час.

У 30-я г. XX ст. французскі гісторык Марк Блок разам з Люцэнам Феўрам з'явіліся заснавальнікамі гістарычнага напрамку, які атрымаў назву «школы Аналаў». Прыхільнікі гэтага напрамку, якія групаваліся вакол часопіса «Аналы», лічылі, што сапраўднае разуменне гісторыі прыходзіць праз суперажыванне. Суперажываць чалавек можа, засноўваючыся на канкрэтным вопыце. У першую чаргу такім вопытам можа быць сустрэча і размова з чалавекам, які асабіста перажыў, прапусціў праз сябе гістарычныя падзеі. Менавіта такі вопыт і перажыванне гісторыі вайны ў беларускіх сем'ях з'яўляецца прадметам вывучэння ў нашым даследаванні, у ходзе якога былі сабраны і прааналізаваны запісаныя маладымі людзьмі 17—20-гадовага ўзросту, студэнтамі ўстановы адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт» падзеі Вялікай Айчыннай вайны, захаваныя ў памяці іх сямей (84 працы). Працуючы з пісьмовымі разважаннямі пра тое, якія і якімі рэаліі вайны засталіся ў памяці іх сем'яў, мы не ставілі мэтай рэканструяваць гістарычныя падзеі. Дадзеныя сведчанні суб'ектыўныя, большасці ўдзельнікаў і сведкаў вайны ўжо няма ў жывых, а ёсць памяць блізкіх да іх людзей: дзяцей, унукаў, праўнукаў. Ёсць рэальныя падзеі, іх перажыванні, прапушчаныя праз суб'ектыўныя пазіцыі некалькіх пакаленняў.

Часцей за ўсё атрыманая намі інфармацыя не толькі пра тое, што чалавек рабіў, але і пра тое, што чалавек хацеў і мог зрабіць, што ён сам і яго нашчадкі пра гэта думаюць, як да гэтага ставяцца. Адна са студэнтак напісала: «...Нягледзячы на тое, што я так і не ўбачыла свайго дзядулю, я ганаруся тым, што я яго ўнучка. Я ганаруся, што ў маёй крыві цячэ патрыятызм, прастата, неадступнасць і любоў, любоў да жыцця» (К. С. пра прадзядулю Валасюка Івана Паўлавіча). Другая разважае: «Але што на самой справе прыносіць вайна простым людзям?... Як гэта, ляжаць ў акопе ў саракаградусны мароз? Ці жыць на чатырыста грамаў хлеба ў дзень? А з чым можна параўнаць боль жанчыны, якая атрымала пахаванку на мужа ці сына? Ці адчуванні дзяўчыны, якая адправіла на вайну хлопца, а дачакалася скалечанага інваліда? Я зараз назіраю за промнем сонца. Ён цёплы і ласкавы. Я ведаю, што за захадам сонца будзе ўсход. А якім ён будзе, цёплым і ласкавым ці жорсткім і крывавым, залежыць ад нас. І нараджаецца адчуванне: не трэба больш вайны. Ніколі...» (Т. Б.)

Першае, на што звяртаецца ўвага пры знаёмстве з працамі маладых людзей, гэта ступень іх інфармаванасці. Яна вагаецца ад дастаткова поўнага аднаўлення карціны перажытага дзядулямі, бабулямі, іншымі блізкімі сваякамі, наяўнасці фотакартак да поўнага няведання:

«Я шмат пыталася ў таты пра свайго прадзядулю. Нягледзячы на адсутнасць абедзвюх ног, ён стварыў вялікую і моцную сям'ю, пабудаваў тры вёскі, пражыў доўгае жыццё. Бабуля аддала ўсе яго ўзнагароды і фатаграфіі ў музей Брэсцкай крэпасці, дзе яны і захоўваюцца. Памяць пра Занцэвіча Івана Якаўлевіча жыве і па гэты дзень... Я ўдзячная прадзеду за сваё жыццё» (І. К. пра прадзеда Занцэвіча Івана Якаўлевіча).

«Мы часта разглядаем дзедавы ваенныя фотакарткі, лісты-паштоўкі, узнагароды... Калі маці дастае ордэны і медалі, яны быццам свецяцца ў яе руках... Я ганаруся...» (Г. С. пра дзядулю Якаўлева Аляксандра Рыгоравіча).

«Крыніцы сямейнай памяці пра вайну — апавяданні бабулі... і баявыя ўзнагароды дзеда, якія захоўваюцца ў сям'і...».

«Мая бабуля (дзяўчына, якая чакала любімага хлопца доўгія гады) беражліва захоўвала яго франтавыя рэліквіі, якія дрыжачымі рукамі перадавала дзецям і ўнукам...» (А. К.).

Ёсць і іншыя запісы:

«...служыў... удзельнічаў... знаходзіўся...»;

«...вайну я бачыла ў кіно, пра яе чытала ў кнігах...»;

«...На жаль, дакладных звестак пра яго я не маю... Ведаю толькі, што яго імя Фёдар, ...пасля вайны не доўга жыў, праз раненне і рана памёр...» (А. У.);

«...размовы пра тых часы ў нашай сям'і імкнуцца не пачынаць, не ведаю чаму...» (В. С.).

Аналіз прац паказвае прысутнасць у памяці, якая дайшла да маладых нашчадкаў, разнастайных бакоў удзелу іх продкаў у падзеях тых пакутных гадоў. Так, больш за палова (54%) сямейных успамінаў, адлюстраваных у працах, звязаны з успамінамі членаў сям'і аб вызваленні. Сярод сваякоў, пра якіх

распавядаецца ў аналізаваных працах, нячаста сустракаюцца франтавікі, якія прайшлі вайну. Вярнуліся з фронту жывымі, але часта хворымі і не аднойчы параненымі менш за 40% прызваных у армію жыхароў Беларусі. У 23% прааналізаваных работ распавядаецца пра выжыванне і стойкасць ва ўмовах акупацыйнага рэжыму; пры тым што сучасным маладым людзям часта вельмі цяжка уявіць жыццё, цалкам пазбаўленае элементарнага камфорту, калі галоўнае не «даброты», а выжыць, ацалець самім і выратаваць сваіх блізкіх. «Жыць у вёсцы было вельмі цяжка. Немцы адбіралі ежу і скаціну. За непадпарадкаванне каралі, не шкадуючы ні старых, ні малых. Аднойчы ўсіх жыхароў сагналі ў адрыны і трымалі некалькі дзён. Некаторыя хлявы падпальвалі. Тых, хто выжыў, вывозілі ў Германію» (А. С.). «...Ганне было вельмі цяжка адной з маленькімі дзецьмі, але яна разумела, што каханаму яшчэ цяжэй. Ганне Іванаўне прыйшлося жыць на балоце з маленькімі дзецьмі... 3-за балотнай вады і жудасных умоў памерлі ўсе чацвёра дзетак Уладзіміра і Ганны» (К. С. пра сваіх прадзеда і прабабулю).

Успаміны пра партызанскае мінулае продкаў складаюць 16% ад агульнай колькасці эсэ, падрыхтаваных маладымі людзьмі. «Дзед шмат расказваў аб тым, як жылі ў буданах, як капалі акопы, як дзялілі апошнюю дробку махоркі, пра валёнкі, якія ніяк не было магчыма высушыць, пра палову кацялка вадкай пшоннай кашы на дваіх. Сагравала думка, што дома чакаюць» (А. К. пра дзеда Каховіча Міхаіла Іванавіча).

Прысутнічаюць таксама ў сямейнай памяці нашчадкаў, хоць і без жудасных падрабязнасцяў, пэўна, згладжаных часам, звесткі аб нялёгкім мінулым, звязаным з прымусовымі працамі на розных тэрыторыях нашай краіны і за яе мяжой, так званых «астарбайтараў» (12% юнакоў узгадваюць такія сведчанні), а таксама лёс блізкіх, схаваных за сцянамі канцэнтрацыйных лагераў (6%). Кацярына К. піша пра пакуты свайго прадзеда Шутка Сцяпана Якаўлевіча: «Мой прадзядуля Сцяпан быў уладжэнцам Украіны. Трапіў у палон, потым у канцлагер, які знаходзіўся на тэрыторыі Беларусі. Фашысты здзекаваліся з палонных. Аб санітарных умовах не магло ісці нават гаворкі, там стаяў жудасны смурод. Взяняў па двое прывязвалі да слупа. Ноч. Холадна. Раніцай высветлілася, што хлопец, які быў прывязаны разам з дзедам, памёр. Так непрыкметна пайшла з жыцця душа». «Мая прабабуля трапіла ў палон да нямецкіх фашыстаў ва ўзросце сямнаццаці гадоў. На працягу трох гадоў яна працавала не падымаючы галавы, збірала дэталі самалётных канструкцый. Фашысты не даравалі прамаруджвання ў працы, трымалі палонных на холадзе і мала кармілі. Адзінай радасцю быў маленькі кавалачак бручкі, які выдзялялі два разы на дзень, які нельга было нават годна прыгатаваць. Палонныя, каб хоць як палепшыць свой “абед”, проста прыкладалі яе да печкі-буржуйкі, каб крыху прагрэць. Ад голаду многія людзі хварэлі, іх твары распухалі, ацякалі, а цела худнела» (В. М. аб прабабулі Паўлоўскай Юзэфе Іванаўне).

Расказваючы гісторыю сваёй сям’і, маладыя людзі часта апавядаюць не толькі пра падзеі, але і пра тое, як яны паўплывалі на будучыню:

«Прабабулі і прадзядулі атрымалі жудасныя траўмы — фізічныя і маральныя»;

«Вярнуўся, працаваў кавалём, за самаадданую працу атрымаў медаль» (М. Ж. пра прадзеда Панасюка Максіма Сільвестравіча);

«Вярнуўся дадому пакалечаны, але жывы. Ён застаўся без ног, але гэта не забіла яго дух, а толькі загартавала» (І. К. пра прадзеда Занцэвіча Івана Якаўлевіча)

«Прадзед вярнуўся зусім іншым чалавекам. Вайна зрабіла яго чэрствам і пазбавіла радасці жыцця. Ён ніколі не распавядаў пра вайну, не жадаў успамінаць перажытае зноў...» (А. Дз. пра свайго прадзеда);

«Мае прабабуля Марыя і прадзядуля Васіль пазнаёміліся менавіта на гэтай жудаснай вайне. Ён працаваў урачом у шпіталі, а яна — палявой медсястрой. Яна ўбачыла дзеда, калі цягнула на сабе параненага салдата, які сцякаў крывёй. Дзядуля без разважанняў кінуўся на дапамогу. Так і пазнаёміліся. Бабуля сем разоў магла памерці, але яе быццам нехта зберагаў. Амаль усю вайну яны з дзедам ратавалі чужое жыццё, У красавіку 1945 г. дзядуля падарваўся на міне, спяшаючыся на дапамогу чарговаму параненаму. Бабуля адна выгадавала сына, які нарадзіўся ўжо пасля заканчэння вайны» (А. А. пра прадзеда Васіля і прабабулю Марыю);

«Праз некалькі дзён пасля аб’яўлення перамогі Чырвонай Арміі над фашысцкай Германіяй маленькі хлопчык 7 гадоў, брат маёй прабабулі, мой кроўны родзіч, выйшаў пагуляць у чыстае поле. За ўсе гады вайны ніводнай міны не было падарвана ў гэтым месцы. Здаецца, яна чакала заканчэння вайны. Пачуўшы моцны выбух, прабабуля выбегла ў двор і ўбачыла вялізны слуп пылу. Увайшоўшы ў яго, яна ўбачыла цела хлопчыка, якое было цэлым, але бездыханным. Гэта было так балюча...» (А. Н. аб прабабулі Сімаковіч Ганне Антонаўне).

У нашага народа сфарміравалася багатая культура памяці падзей Вялікай Айчыннай вайны. Мемарыяльныя комплексы «Брэсцкая крэпасць», «Хатынь», «Курган Славы», «Чырвоны Бераг», мемарыялы «Прарыў» ва Ушацкім раёне, у гонар Маці-патрыёткі ў Жодзіне і іншыя атрымалі сусветную вядомасць. Помнікі і мемарыялы, якія ўвекавечваюць памяць пра вайну, узведзены амаль ва ўсіх гарадах і пасёлках, у многіх вёсках нашай рэспублікі. Імёны воінаў, партызан, падпольшчыкаў увекавечаны ў назвах паркаў, плошчаў, праспектаў, вуліц гарадоў і гарадскіх пасёлкаў.

Традыцыя гераізацыі падзей Вялікай Айчыннай вайны і ўдзельнікаў яе ў партызанскай рэспубліцы захоўваецца. Але гэта толькі адзін з бакоў нашай культуры памяці. Ён мае права на існаванне і патрэбу ў дапаўненні. Лаўрэат Ленінскай і Дзяржаўнай прэміі Рэспублікі Беларусь архітэктар і скульптар Леанід Левін і прафесар з Германіі Манфрэд Цабель пісалі: «У мемарыяльным комплексе “Хатынь” ваенныя

падзеі раскрыты на прыкладзе канкрэтнай вёскі, хат, на тым месцы, дзе яны стаялі, дзе былі пахаваныя тые, хто загінуў, і на прыкладзе аднаго чалавека, які выжыў. Наведвальнік перажывае трагедыю непасрэдна на тым месцы, куды ён прыехаў» [3, с. 6].

Разуменне моладзю вайны як трагедыі Чалавека адбываецца праз разуменне трагедыі блізкіх, тых, хто выжыў і перажыў жах, страх, нягоды. Доўгі час лічылася, што на першым месцы павінна знаходзіцца перамога Чырвонай Арміі, а трагедыя была на другім плане. Але ж удзельнікамі трагедыі са шматлікімі чалавечымі, у тым ліку і дзіцячымі, ахвярамі на тэрыторыі нашай рэспублікі былі мільёны людзей. Зараз усё часцей успамінаюць пра раней забытых ахвяр вайны, пра паўсядзённае жыццё ва ўмовах акупацыі, пра нягоды першых пасляваенных гадоў. Публікуюцца захаваныя апавяданні сведкаў вайны, ветэранаў, былых прымусовых рабочых, вязняў канцэнтрацыйных лагераў і гета. У сямейных архівах з дакументамі і ўзнагародамі, фотаздымкамі, успамінамі, якія запісаны ці вусна перадаюцца з пакалення ў пакаленне, захоўваецца гісторыя Вялікай Айчыннай вайны, якой яна была — гераічная і трагічная.

Спіс цытаваных крыніц

1. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) : учеб. пособие для студентов учреждений, обеспечивающих получение высш. образования / А. А. Коваленя [и др.] ; под ред. А. А. Ковалени, Н. И. Сташкевича ; пер. с белорус. яз. А. В. Скорохода. — Минск : Издат. центр БГУ, 2004. — 279 с.
2. Великая Отечественная война советского народа (в контексте Второй мировой войны) : материалы для самостоятел. работы / Н. А. Глушакова [и др.]. — Горки : БГСХА, 2013. — 106 с.
3. Спасённая жизнь : жизнь и выживание в Минском гетто / сост. В. Ф. Балакирев [и др.]. — Минск : Лимарис, 2010. — 100 с.

УДК 316.7(476)

П. К. Банцевич, П. Т. Стецкевич

Учреждение образования «Гродненский государственный аграрный университет», Гродно

ДЕФОРМАЦИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СИСТЕМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

Проблема социально-культурной идентичности относится к разряду приоритетных в современном обществознании, поскольку она имеет непосредственный выход в социальную практику, отношение к процессам социального управления. Невозможно определить основные направления и стратегии развития государства, не учитывая характер, специфику и ведущие тенденции развития социально-культурной идентичности общества. Будущее любой страны в значительной степени определяется теми жизненными и ценностными установками, моделями поведения и деятельности, которые доминируют в массовом сознании. Концептуальное осмысление процессов, связанных с социально-культурной идентичностью, является теоретико-методологическим основанием разработки эффективных механизмов предотвращения и разрешения социальных конфликтов, а также проектирования результативных социальных технологий.

Одним из мощных факторов, влияющих на формирование социально-культурной идентичности современного общества и определяющих доминирующие тренды ее деформации, является глобализация. Глобализация — это сложная и противоречивая реальность настоящего, реальность крайне динамичная, в силу чего требующая постоянного пристального внимания исследователей. Именно поэтому все проблемы, связанные с ней, относятся к числу наиболее значимых. Глобализация — процесс всемирной экономической, политической и культурной интеграции и унификации. Мировое хозяйство, которое совсем недавно понималось как совокупность национальных хозяйств, связанных друг с другом системой международного разделения труда, экономических и политических отношений, втягивается в мировой рынок с тесным переплетением экономик на основе транснационализации и регионализации. На этой базе происходит формирование единой мировой сетевой рыночной экономики — геоэкономики и её инфраструктуры, разрушение национального суверенитета государств, являвшихся главными действующими лицами международных отношений на протяжении многих веков. Происходит мировое разделение труда, миграция в масштабах всей планеты капитала, рабочей силы, производственных ресурсов, стандартизация законодательства, экономических и технологических процессов, а также сближение и слияние культур разных стран. Это объективный процесс, который носит системный характер, т. е. охватывает все сферы жизни общества. В результате глобализации мир становится более связанным и более зависимым от всех его субъектов. Происходит как увеличение количества общих для группы государств проблем, так и расширение числа и типов интегрирующихся субъектов. Происхождение самого слова «глобализация» указывает на то, что ведущую роль в данном процессе играет бурный рост международной торговли. Глобализация нередко

отождествляется с американизацией, что связано с усилившимся во второй половине XX в. влиянием США в мире. Голливуд выпускает большую часть фильмов для мирового проката. В США берут своё начало мировые корпорации: Microsoft, Intel, AMD, Coca-Cola, Procter&Gamble, Pepsi и многие другие. McDonald's из-за своей распространённости в мире стала своеобразным символом глобализации. Сравнивая цены в разных странах на бутерброд BigMac из местного ресторана McDonald's, журнал "The Economist" анализирует покупательную способность разных валют (индекс биг-мака). Однако в глобализацию вносят свой вклад и другие страны. Например, один из символов глобализации — IKEA — появилась в Швеции. Популярная служба мгновенных сообщений ICQ впервые была выпущена в Израиле, а известная программа для IP-телефонии Skype была разработана эстонскими программистами.

Как бы мы ни оценивали влияние глобализации на социально-культурную идентичность отдельных обществ (в контексте данного исследования белорусского общества), как бы ни акцентировали внимание на ее негативных последствиях, ее нельзя отменить, с ней приходится считаться.

Как отмечают исследователи, процесс глобализации содержит в себе три вектора: экономический, политический и культурный. Возникнув первоначально в экономике, глобализационные процессы распространились затем на политику и культуру. В настоящее время происходит становление глобальной (планетарной) цивилизации и формирование нового типа культуры (глобалтех). В основе постиндустриального общества лежит возрастающая интенсивность различного рода связей: политических, экономических, коммуникационных, культурных. Мир становится единым целостным социальным суперорганизмом, где все люди планеты являются гражданами единого глобального общества. Новейшие культурные достижения, произведения искусства, научные открытия, новые формы социальной и политической жизни, экономические реформы в течение короткого времени транслируются и усваиваются по всему цивилизационному пространству. Процесс «культурной» глобализации — явление неоднозначное, сопровождающееся целым рядом негативных последствий. К их числу, например, относятся стандартизация и унификация культур, их гибридизация. В этой связи решение проблемы выживания локальных, национальных культур и определение исторической судьбы конкретных народов во многом зависит от того, в какой мере реальные носители национальной культуры сознательно причисляют себя к ней и, как следствие, заботятся о ее сохранении и развитии. Например, популярные международные культурные явления могут вытеснять национальные или превращать их в интернациональные. Многие это расценивают как утрату национальных культурных ценностей и борются за возрождение национальной культуры. Таким образом, судьба конкретных культур в значительной мере сопряжена с характером и уровнем развития социально-культурной идентичности.

В последние десятилетия XX в. в пространстве социально-гуманитарного знания появилось понятие «цивилизационная идентичность», обозначающее сознательное причисление себя личностью, социальной группой, народом в целом к определенной цивилизации. Аналитики все чаще делают выводы, что социально-культурная идентичность постепенно сменяется цивилизационной. Однако уточним: хотя культура и цивилизация сопряжены друг с другом, в целом они представляют собой относительно независимые явления. В цивилизации особую роль играет технология, с помощью которой общество устанавливает отношения с природой. Для нее характерны устойчивая организация, инерционность, порядок, дисциплина и т. д. Она стремится к всеобщности и универсальности, что особенно проявляется сегодня, когда на основе современных технологий создаются предпосылки для формирования единой универсальной цивилизации. Однако, как показывает современное общественное развитие, сведение всей культуры только к ее материальной составляющей приводит к стагнации общества, к ослаблению в нем духовного и нравственного начал.

Проблема социально-культурной идентичности со всей остротой встает в постсоветских государствах, которые лишь недавно вступили на путь самостоятельности. В полной мере это относится и к Республике Беларусь.

Вместе с тем, несмотря на свою актуальность, проблема идентичности, а тем более социально-культурной идентичности, не имеет системной проработки. Более того, даже не очерчен круг вопросов, имеющих к ней отношение. Что касается белорусского обществознания, в нем данная проблема не только не получила серьезного концептуального оформления, она даже не обозначена в качестве самостоятельной. Это открывает широкие возможности для теоретической деятельности в данном направлении.

В условиях продолжающейся системной трансформации и системного кризиса постсоветских обществ, включая белорусское, а также растущего влияния глобализационных процессов идентичность и идентификация существенным образом видоизменяются и приобретают новые формы.

Попробуем выявить основные причины, которые препятствовали процессу формирования белорусской самоидентичности.

Причина первая — окатоличивание. Массированное окатоличивание, которому Польша подвергла население бывшего ВКЛ при белорусской веротерпимости и бесконфликтности, привело к трагическим последствиям: не только к стратификации, но и к общекультурному разрыву между массами и элитой — белорусской шляхтой и городским (особенно западнобелорусским) населением. Шляхтич-католик изначально имел преимущества в правах (включая права голоса и протеста, неприкасаемость личности и имущества), которые открывали путь не только к уважению, но и к обогащению. Поэтому переход шляхты в католицизм стал массовым. А за переменной конфессии неизбежно следовал переход на польский язык и, шире, изменение самоидентификации. В городской профессионально-ремесленной

среде это происходило при помощи иного механизма — обучения (часто бесплатного) на польском языке в езуитских коллегиумах и школах. Отсюда — отношение в образованной среде к белорусскому языку как к «мужыцкай мове». Показательно, что ни польская, ни русская культура не знали такого разрыва.

Причина вторая — Русско-польская война 1654—1667 гг. В 1654 г. на территорию Речи Посполитой ворвались войска Алексея Михайловича Романова. Война, которая длилась тринадцать лет, привела к сокращению численности населения на белорусских землях в два раза. Восстановление его на прежнем уровне произошло только в середине XIX в. За пределы Беларуси были вывезены не только библиотеки, книжные архивы монастырей, но и образованные люди, ремесленники, крепостные актёры и т. д. Значительная часть из них погибла в пути, а остальные были вынуждены прилагать свои умения и таланты на ниве другой культуры. Например, известно, что Валдайский, Иверский, Воскресенский, Ново-Иерусалимский монастыри и Коломенский дворец созданы в основном руками белорусских мастеров. В самой же Беларуси ремёсла и через века не достигли прежнего расцвета.

Причина третья — эмиграция. Оказавшись в разграбленных городах, растерянные люди впервые стали покидать свою землю, и это в высшей степени оседлый народ. Особенно это касалось людей талантливых, способных найти себе применение и на чужбине. А горожане, амбиции которых были не такими высокими, перебирались в деревни, надеясь на то, что земля не подведет, позволит прокормиться.

Причина четвертая — разделы Речи Посполитой. В результате трёх разделов Речи Посполитой народ Беларуси снова оказался в другом государстве — в составе Российской империи. Прошло не так уж много времени после периода ВКЛ, а полноправная этнокультурная самоидентификация белорусов (прежде всего высших сословий и городского населения) изменилась восприятием себя как народа не успешного ни в политическом, ни в социокультурном, ни в конфессиональном отношениях: вскоре началось очередное насильственное обращение белорусов, на этот раз — в православие.

Безусловно, все эти события повлияли на современную ситуацию, связанную с кризисом идентичности в белорусском обществе, упадком белорусского языка, неопределенностью в выборе исторических и социокультурных перспектив.

Кризис идентичности и идентификации на постсоветском пространстве наблюдается как на индивидуальном, так и на коллективном уровне. Кризис индивидуальной идентичности означает, что личность утрачивает ощущение своей целостности, а также целостность восприятия собственной жизни и судьбы. Кризис идентификации проявляется в том, что «Я» перестает отождествлять себя с некоторым определенным сообществом. Это нарушает процесс установления связи субъекта с социальным целым и ускоряет нарастание социальной нестабильности.

Основным показателем кризиса коллективной идентичности является существенное уменьшение числа людей, сознательно причисляющих себя к определенной коллективной реальности, которую они раньше поддерживали.

В белорусском обществе кризис идентичности обусловлен не только разрушением прежних социальных и политических структур, он напрямую связан с деформационными процессами в сфере культуры. И это не случайно: трансформация и разрушение культурных образцов всегда сопровождаются изменениями во внутреннем мире личности, поскольку значительная часть того, что думают и чувствуют индивиды, а также значительная часть их представлений о себе формируется под влиянием культуры, к которой они принадлежат.

Духовный кризис, охвативший постсоветские страны, в качестве одного из компонентов содержал в себя кризис аксиосферы: кризис идеалов коммунизма и коммунистической идеологии. Под влиянием глобализационных процессов кризис системы ценностей в постсоветском обществе приобрел особую остроту, поскольку в деформированное ценностное пространство стремительно ворвались ценности западной массовой культуры, что значительно ускорило фрагментаризацию аксиосферы. Возникла сложная ситуация, когда в пространстве одной конкретной культуры одновременно начали функционировать диаметрально противоположные ценностные компоненты и координаты.

Кризисное состояние духовной сферы привело к разрушению практически всех прежних традиций, обеспечивающих сохранность коллективной памяти. В свою очередь, исчезновение такой памяти всегда сопровождается крайне негативными социально-психологическими последствиями: личность начинает чувствовать себя оторванной от своих корней, не связанной с предшествующими поколениями и их судьбой, — происходит разрыв межпоколенческих уз. Неприятие общего прошлого дополняется утратой веры в общее будущее.

В ситуации духовного кризиса не только у отдельного субъекта, но и у целых социальных групп возникает ощущение прерывности истории. Более того, в период социальной трансформации негативное восприятие прошлого не только поддерживают, но и инициируют политические элиты, утверждая, что предшествующее историческое развитие было ошибкой, отклонением от магистрального пути и что сейчас, с их приходом, начинается подлинная история. В результате у значительной части населения Республики Беларусь возникает желание отмежеваться от прошлого своей страны, убедить себя в том, что личная жизнь и судьба отдельного человека никак не связаны с социальными процессами. У представителей старшего поколения ощущение прерывности истории нередко дополняется ощущением того, что жизнь не состоялась, не удалась, а значит, лишена всякого смысла.

В ходе проведенного теоретического анализа было установлено, что проявления кризиса культуры и, соответственно, культурной идентификации стали очевидными в постсоветский период, однако пред-

посылки этих процессов начали складываться задолго до этого. Уже в 60-е гг. XX в. у значительной части населения СССР стал постепенно формироваться «комплекс неполноценности» собственной культуры. Политическая установка «догнать и перегнать Запад», определяющая стратегию развития социума, имплицитно содержала в себе оценку западной культуры как эталонной и совершенной, а оценку собственной культуры — как культуры второго сорта, от которой следует избавляться. К началу системного кризиса советского общества массовое сознание было частично подготовлено к отказу от прежних ценностей и восприятию новых, как впоследствии оказалось, далеко не лучших культурных образцов.

Вместе с тем констатация кризиса идентификации не тождественна утверждению, что процесс идентификации прекратился. Как нельзя отменить поиск личностью смыслов собственного бытия, так и нельзя прекратить процесс идентификации. Другое дело, что в современных условиях он становится иным, протекает в новых условиях: в пространстве мозаичной культуры, где равноправно сосуществуют альтернативные идеологические и аксиологические системы. Идентификация в таких условиях приобретает новые формы.

Обесценивание социальных и политических структур в глазах личности, утрата культурой ядра универсальности, отсутствие конструктивной исторической и межпоколенческой преемственности заставляют индивида искать смыслы собственного бытия в границах повседневности и горизонтальных связей. И, как следствие, бытовая сфера приобретает особую ценность, становится суверенной. Возникает сопричастность общему бытию вместо сопричастности общему благу. В белорусском обществе такая «бытовая идентификация» получила массовое распространение. Она свидетельствовала о разрушении коллективной идентичности и разорванности «социальной ткани» общественной жизни.

Живя в обществе, осваивая культуру, личность одновременно включается в символическую среду и действует посредством нее. Сталкиваясь с реальностью, человек переживает ее, демонстрирует к ней свое отношение. В процессе переживания своего бытия личность использует символы: «символизирует» реальность, приписывая ей определенные значения, которые никогда не совпадают с их строгим семантическим определением. Разнообразие интерпретаций становится возможным потому, что все языки и языковые формы кодируют, удерживают в себе многозначность. В реальной человеческой коммуникации всегда существует зазор между символами и закрепленными за ними символическими значениями. В связи с этим вся реальность, воспринимаемая субъектом, является виртуальной. Виртуальная реальность — это реальность, переживаемая субъектом лично и представляемая им с помощью символов.

В пространстве современной культуры складывается иная ситуация. Благодаря средствам массовой коммуникации, сама реальность полностью воспроизводится с помощью виртуальных образов. Зазор между реальностью и виртуальностью исчезает, и именно виртуальность начинает восприниматься как единственная реальность. Возникает новый феномен — реальная виртуальность — мультимедийный текст, который входит в жизненный опыт личности на правах подлинной реальности. В такой ситуации субъект переживает и интерпретирует уже не реальность, а виртуальность. С реальной реальностью субъект утрачивает связь и теряет над ней контроль. Поскольку средства массовой информации обладают способностью инкорпорировать в свое пространство любые формы проявления культуры, возникает дифференциация среди их пользователей, что приводит к появлению виртуальных сообществ. Формируется новая форма идентификации — идентификация с виртуальным, которая в то же время предстает как виртуальная идентификация.

В силу динамизма социальной реальности, особенно в периоды трансформации общества, субъект оказывается вынужденным менять сообщества, с которыми он себя отождествляет. В этом случае идентификация приобретает «эстафетный» характер. Наличие такой «скользящей», а точнее, постоянно ускользающей от субъекта, идентичности свидетельствует о том, что специфической чертой идентичности, как результата идентификации, становится неопределенность.

Одним из возможных векторов идентификации в условиях современных глобальных преобразований становится «ретро-идентификация» — возврат к первичным источникам идентичности. Если в современной России такой вектор идентификации хорошо просматривается в феномене «этнизации» и в возросшем интересе к религии, то в белорусском обществе, в силу незавершенности процесса формирования белорусской нации, в качестве такого первичного источника идентичности выступает территория.

Заметным явлением становится сегодня фрагментарная идентификация, воспроизводящая частичную личность, у которой сформированными и проявленными являются не все части ее «Я». Современная массовая культура активно продуцирует клише, по которым субъект может идентифицировать свое телесное или социальное «Я», оставляя практически без внимания «Я» духовное. В этом же направлении действуют средства массовой информации, постоянно напоминая человеку, каким должно быть его тело. Идентификация, ориентированная на проявленность физического «Я», как правило, сопровождается высвобождением деструктивного бессознательного, что способствует дальнейшему углублению духовного кризиса. В мир входит кризисное сознание, встающее против разума. Центральное место занимает уже не познание, а существование. Наступает пора иррационального умонастроения, когда истину стали искать не в разуме, а в бессознательном, подсознательном. Изменяется мироощущение людей, их духовно-мыслительные и культурные установки. Этому способствуют мировые войны, региональные конфликты, блоковые противостояния, показывающие неспособность людей устроить свою жизнь по законам разума и справедливости. Культ разума и духа сменяется культом тела, а это является главным признаком язычества. Темы, ранее считавшиеся аморальными и запретными, — насилие, секс, безумие, преступле-

ния — теперь легализуются и активно пропагандируются. Они становятся доступными и повсеместно входят в обыденную жизнь людей, утверждаются в самых различных сферах, освобождая от культурных запретов подсознательные инстинкты человека в реальном повседневном поведении. Благодаря СМИ, Интернету, неоязычество стремительно распространяется по планете, процессы своеобразного оязычивания проникают во все виды искусства.

Таким образом, в белорусском обществе в условиях социальной трансформации существенным образом деформировался процесс идентификации. Он приобрел новые формы, а его основными модусами стали неопределенность и фрагментарность. Это привело к изменению структуры идентичности, поскольку исчезли или существенным образом модифицировались социальные реалии, с которыми личность ранее себя отождествляла.

УДК 316.356.2

Г. Ф. Бедулина

Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск

ФОРМИРОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ В КОНТЕКСТЕ БЕЛОРУССКОГО МЕНТАЛИТЕТА С УЧЕТОМ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Перед обществом на протяжении всего развития стояла проблема обогащения интеллектуального потенциала, сохранения культурного наследия, его истоков и приобретений. Поэтому одной из важных задач деятельности учреждений образования нашей республики является формирование самосознания обучающихся через изучение культурного наследия белорусов, формирование эстетического вкуса учеников, развития их природных склонностей и задатков, повышение уровня обучения и воспитания подрастающего поколения, максимальное использование всех факторов, которые оказывают влияние на формирование личности. К таким факторам относятся материальные, моральные и психологические условия, в которых растет и развивается подрастающее поколение, то национальное этническое окружение, в котором происходит становление юной личности. Это делает актуальным привитие обучающимся любви и уважения к родному языку и культуре, к той земле, где они родились и живут.

Мы живем в сложное время, когда нарушены естественные связи людей с их корнями, историей, поэтому активизация работы с обучающимися в этом направлении имеет огромное значение, ведь только настоящая культура с ее традициями, народным духом может противостоять тому суррогату, который в изобилии предоставляется различными средствами массовой информации. Ключевой для становления учащейся молодежи является проблема развития коммуникативной культуры. Необходимо формирование навыков самопрезентации, саморегуляции, межкультурных коммуникаций, личностного самоопределения в информационных потоках различных идеологических систем.

Коммуникативная культура формируется на основе ценностных установок учащейся молодежи и выступает в качестве индикатора общей культуры общества. Практика показывает, что разработка инновационных методик по формированию коммуникативной культуры обучающихся должна быть основана на применении особенностей ценностных установок белорусского менталитета, на национальном и интернациональном воспитании молодежи, что будет способствовать осознанию ими белорусской государственности и особенностей становления белорусской науки и производства, ознакомлению с традициями, идеями и культурой белорусов, приобщению к их национальному наследию.

Главное условие эффективности воспитания подрастающего поколения на основе народных педагогических традиций и особенностях белорусского менталитета — создание особой атмосферы, в которой обучающийся постоянно будет приобщаться к культуре своего народа, а средства и методы народной педагогики будут использоваться не от случая к случаю, а войдут в канву всей системы непрерывного образования и воспитания, формирования коммуникативных навыков.

Этой теме была посвящена двухлетняя работа по осуществлению экспериментальной и инновационной деятельности Республики Беларусь на базе инновационных площадок Гродненской области (ГУО «Гимназия № 1 имени К. Калиновского г. Свислочь», ГУО «Средняя школа № 2 г. Ошмяны»), реализующих проект «Внедрение модели формирования коммуникативной культуры учащихся в контексте белорусского менталитета». В рамках этой деятельности была разработана региональная модель по формированию коммуникативной культуры обучающихся в контексте белорусского менталитета.

Этапы и условия проектирования модели формирования коммуникативной культуры обучающихся в контексте белорусского менталитета.

Выделяются несколько аспектов, связанных с воспитанием коммуникативной культуры: наличие у обучающихся широкого мировоззрения и опыта межкультурного взаимодействия; готовность к полноценной жизни в обществе, самоопределению и самореализации; понимание обучающимся самого себя, как члена семьи, ученического коллектива, общества в целом; необходимости овладения способами передачи информации и ее приема; знание общечеловеческих нравственных норм, правил речевого этикета, правил общения со сверстниками, со взрослыми, способов приема и передачи информации, способов адекватной оценки своих поступков, поведения [1, с. 51].

Оптимальный уровень межличностных отношений обучающихся возможен при условии формирования необходимой воспитательной среды учреждения общего среднего образования: благоприятного социально-психологического климата в коллективе, который во многом зависит от стиля педагогического руководства и стиля педагогического общения.

Создание необходимых условий для формирования коммуникативной культуры обучающихся является необходимым условием развития учреждения общего среднего образования. Необходима разработка основных этапов и определение условий проектирования модели формирования коммуникативной культуры школьников. «Моделирование воспитательной работы школ осуществляется на основании учета конкретной воспитывающей среды региона, которая представляет собой совокупность обстоятельств, социально-ценностных ориентаций, влияющих на развитие ребенка и содействующих его вхождению в современную культуру. В качестве содержания среды как фактора социального развития личности выступает предметно-пространственное, социально-поведенческое, событийное, информационное и природное окружение» [2, с. 59].

Целью построения модели формирования коммуникативной культуры является создание условий, обеспечивающих развитие коммуникативных навыков личности обучающегося, его нравственных ценностей, способности к успешной социализации в обществе и поиску духовного самосовершенствования на основе ценностных установок белорусского менталитета.

Исследования в этой области позволяют выделить основные этапы моделирования воспитательной работы, характеризующиеся различными качественными особенностями, позволяющими судить о степени ее эффективности. Процесс построения модели формирования коммуникативной культуры учащихся в контексте белорусского менталитета охватывает собой весь период деятельности учреждения общего среднего образования и условно состоит из трех этапов.

I этап — организационно-моделирующий: возникновение идеи, создание команды, объединенной на основе определенных интересов развития учреждения образования; формирование образа (видения) настоящего и будущего состояния учебного заведения, организация сообщества педагогов, обучающихся и родителей в целях активизации воспитательной работы по формированию коммуникативных навыков.

Это процесс интегрирования представлений об идеологии государства, об уровне воспитанности обучающихся, об уровне подготовки педагогического коллектива, родителей и других представителей окружающего социума в целях создания исходной модели. Образ модели по формированию коммуникативных навыков в контексте белорусского менталитета складывается из нескольких составляющих, взаимосвязанных с соответствующими компонентами всей воспитательной системы учреждения общего среднего образования (таблица 1).

Т а б л и ц а 1 — Взаимосвязь составляющих образа модели формирования коммуникативных навыков учащихся и компонентов воспитательной системы учреждения общего среднего образования

Составляющие модели формирования коммуникативных навыков учащихся	Компоненты воспитательной системы
Формирование национального самосознания учащихся через изучение системы идей о развитии белорусского государства	Подсистема целей и идей
Формирование адекватной информационной культуры; обеспечение доступа обучающихся к информационным потокам, СМИ	Общность людей, реализующих цели и задачи воспитания
Моделирование личной гражданской позиции	Подсистема деятельности и общения
Формирование социальной активности обучающихся, лидерских качеств, включение в детские и молодежные общественные объединения, различные виды социальной жизнедеятельности	Социальная и природная среда, освоенная коллективом учреждения образования

II этап — воплощение сформированного образа в одну из форм модели воспитательной системы учреждения образования.

III этап — внесение коррективов, уточняющих или незначительно изменяющих образ модели формирования коммуникативных навыков обучающихся. Необходимость его выделения вызвана тем, что завершение разработки модели не означает окончание процесса моделирования, так как при прогно-

зировании и проектировании невозможно максимально точно предусмотреть развитие всех элементов сложного учебного организма, поэтому вносятся коррективы, уточняющие или незначительно изменяющие модель формирования коммуникативных навыков обучающихся.

Можно выделить основные этапы построения модели, из которых складывается технология процесса моделирования:

- формирование инициативной группы. Формируется команда, разрабатываются модель, проект и программа конкретных действий, выявляются проблемы педагогического и ученического коллектива на семинарах, собраниях путем участия в диспутах;

- установление контактов инициативной группы с научно-методическими подразделениями района, города, республики;

- анализ исходного состояния и определение путей реализации модели формирования коммуникативной культуры обучающихся, определение воспитательного потенциала окружающей социальной и природной среды;

- ознакомление педагогов с теорией коммуникативной культуры;

- разработка исходной концепции модели формирования коммуникативной культуры обучающихся в рамках воспитательной системы учреждения образования;

- разработка программы (плана) действий по построению модели формирования коммуникативной культуры обучающихся; обобщение всех идей в общий проект, в план конкретных действий;

- организация системы повышения квалификации педагогов и просвещения родителей, системы общешкольных дел, разнообразных ученических, педагогических, родительских сообществ;

- обсуждение концепции модели формирования коммуникативной культуры обучающихся в контексте белорусского менталитета;

- экспертиза концепции, модели и программы построения (развития) воспитательной системы учреждения образования;

- утверждение программы на конференции или педсовете учреждения образования;

- внесение корректив в концепцию и программу построения (развития) модели коммуникативной культуры обучающихся в контексте белорусского менталитета.

Основными условиями построения модели формирования коммуникативной культуры обучающихся являются:

- учет особенностей субкультурного опыта педагогов, обучающихся, родителей, их потребностей, интересов;

- владение разнообразными педагогическими технологиями, методиками, формами и методами работы в зависимости от индивидуальных особенностей контингента обучающихся, включающих социокультурные, этнические, конфессиональные, возрастные, психофизические и другие характеристики;

- формирование коммуникативной культуры педагогов;

- организация педагогической поддержки обучающимся в освоении межкультурного разнообразия, формирование терпимости к инакомыслию и способностью к диалогу;

- создание необходимых условий для развития личности, стимулирование процесса культурного самоопределения обучающегося, помощь в определении зоны своего ближайшего культурного развития.

Формирование коммуникативной культуры учащихся должно быть, прежде всего, основано на общечеловеческих и нравственных ценностях: понятиях добра и зла, порядочности, гуманности и любви к природе, духовности, свободы, ответственности личности за то, что происходит с ней и вокруг нее, скромности, доброты и бескорыстности. В основе формирования коммуникативной культуры обучающихся лежат общепринятые нравственные требования традиций белорусского народа к общению, неразрывно связанные с признанием неповторимости, ценности каждой личности: вежливость, корректность, тактичность, скромность, точность, предупредительность [3, с. 51].

Формирование коммуникативной культуры на основе ценностных установок белорусских традиций осуществляется посредством рассмотрения следующих аспектов:

- *экономических* — каким является уровень материального благосостояния жителей своего региона, страны, какими традиционными способами решаются возникающие экономические проблемы;

- *политических* — каким образом белорусские люди реагируют на те или иные изменения в общественно-политической жизни;

- *культурных* — как выражают белорусские люди себя в искусстве и религии;

- *эмоциональных* — как проявляется национальный характер;

- *исторических* — в чем выражаются исторические изменения своего народа [4, с. 46].

Цель формирования коммуникативной культуры обучающихся достигается погружением в реальную действительность. Нравственность формируется в нерегламентированных повседневных отношениях и сложностях жизни, в которых школьнику приходится разбираться, делать выбор, принимать решения и совершать поступки. В результате зреет моральное сознание обучающихся, укрепляются принципы поведения и умение владеть собой. Подлинный, глубинный, действенный механизм нравственного воспитания заключается в разрешении противоречий между ребенком, его самоутверждением и жизнью. Обучающийся обретает хорошие или плохие моральные качества благодаря тому, каким он выходит из

жизненных ситуаций, какой делает нравственный выбор, какие совершает поступки. Либо он приобретает умение управлять собой, преодолевать внешние препятствия и внутренние слабости, либо ситуация захватывает его, порождает растерянность и страх, подавляет, заставляет обманывать и лицемерить. В процессе преодоления жизненных трудностей и противоречий, глубоких эмоциональных переживаний обучающийся развивает в себе основу нравственности — нравственное и эстетическое чувство, потребность в добром и нравственном удовлетворении.

Нравственный компонент образуют потребности в позитивных контактах, мотивы развития коммуникативной культуры, смысловые установки «быть успешным» партнером взаимодействия, а также ценности общения и цели, смыслы, образ другого как партнера взаимодействия, социально-коммуникативные способности, личностные характеристики, образующие коммуникативный потенциал личности.

Модель формирования коммуникативной культуры обучающихся включает развитие следующих навыков: *коммуникативные знания, коммуникативные умения, коммуникативные способности.*

Эта модель позволяет создать образовательное пространство, превращающее территорию учреждения образования в воспитывающую среду, в которой создаются условия взаимодействия и сотрудничества взрослых и обучающихся, что способствует разработке новых методик и технологий формирования коммуникативной культуры в контексте белорусского менталитета, активному выполнению обучающимися гражданских обязанностей перед обществом, соблюдению и уважению законов и традиций своей родины.

Список цитируемых источников

1. *Кравченко, Е. В.* Система развития коммуникативной культуры учащихся : метод. рекомендации / Е. В. Кравченко. — Балашов : Николаев, 2004. — 280 с.
2. *Катович, Н. К.* Технология воспитания / Н. К. Катович // Проблемы выхавання. — 2009. — № 1. — С. 59—64.
3. *Соловьева, О. А.* Развитие ценностных ориентаций и коммуникативной культуры / О. А. Соловьева // Нар. асвета. — 2007. — С. 50—59.
4. *Луговцова, Е. И.* Формирование у учащихся умения жить в поликультурном мире : пособие для пед. работников общеобразов. учреждений и учреждений внешкол. воспитания и обучения / Е. И. Луговцова. — Минск : Нац. ин-т образования, 2010. — 192 с.

УДК 261.4

В. К. Борецкая

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Гомель

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ЧУВСТВА ПАТРИОТИЗМА

В условиях современного информационного общества, когда стираются национальные различия, изменяется ритм труда, люди становятся более мобильными, легко меняют место жительства и даже гражданство, особую актуальность приобретает проблема формирования у молодежи чувства патриотизма. В информационно насыщенном общественном сознании доминируют противоречивые идеи глобализма и национальной самоидентификации, которая у многих народов и наций тесно связана с религиозной традицией. Целью данного исследования является изучение проблемы влияния религиозных ценностей на формирование чувства патриотизма.

Понятие «патриотизм» в широком смысле обозначает любовь к своему народу, к своей Родине. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять ее культурные и ментальностные особенности. Чувство патриотизма проявляется в личной идентификации с другими представителями своего народа, нации, стремлении защищать интересы Родины. В качестве онтологического источника патриотизма можно обозначить феномен существования обособленных государств, благодаря чему веками и тысячелетиями формируются уникальные, характерные для определенной территории язык и культура. Привязанность к языку, культуре, родной земле выражается в конечном счете в чувстве патриотизма. Следует отметить, что мировые религии, в том числе и христианство, распространяясь, привносили в национальную культуру религиозные ценности, тем самым обогащая ее. Процесс взаимодействия религии и культуры, как отмечают религиоведы, является обоюдным [1]. Локальные религиозные организации, проходя период становления, приобретают новые черты, связанные с особенностями национальной культуры, зачастую это проявляется в культовой практике. Пройдя процесс инкультурации, тесного взаимодействия и взаимообогащения с этнокультурой, религия прочно вписывается в национальную культуру, влияет на национальное самоопределение, быт, стиль и образ жизни народа, независимо от смены социально-политических режимов. Политика и идеология

всегда вариативны, изменяются, а религиозные ценности инвариантны, поэтому для верующих людей связь с религиозной традицией становится источником формирования чувства патриотизма.

Патриотизм для христианина является исполнением двуединой заповеди о любви к Богу и ближним (Мф. 22, 37—38; Мк. 12, 30; Лк. 10, 27). Христианин-патриот любит свое отечество как место, где пребывает его церковь, где осуществляется его духовное приготовление к Отечеству Небесному. Патриотизм является одной из форм сочетания личностных и общественных интересов, поэтому действенным данный принцип является при доминировании в мировоззрении человека неизменных базовых ценностей, которыми для многих и сегодня остаются религиозные моральные принципы. Религия, сакрализируя базовые ценности, становится одним из факторов, влияющих на патриотические позиции верующих граждан, но она не является источником патриотизма. Заботясь об укреплении духа патриотизма среди населения, государству нельзя недооценивать значение религиозно-мировоззренческих убеждений для верующих-мирян. Но также следует избегать отождествления религиозности с чувством патриотизма, что неизбежно приведет к делению общества на верующих и неверующих, патриотов и непатриотов.

Для современных социальных учений РПЦ и РКЦ характерным является призыв верующих к активному служению своему отечеству. В пастырской конституции «Радость и надежда» содержится призыв к «благородной и верной любви к отечеству», которая подразумевает не просто чувство, а живое участие в радостях и горестях народа [2, с. 603]. Подобная позиция прослеживается и в «Основах социальной концепции РПЦ», где отмечается, что патриотизм христианина «должен быть действенным», т. е. проявляться «в защите отечества от неприятеля, труде на благо отчизны, заботе об устройении народной жизни, в том числе путем участия в делах государственного управления» [3, с. 45]. Истинная любовь к отечеству — это любовь «без духовной ограниченности», она включает в себя открытость для других наций и народов и не перерождается в агрессивный национализм, ксенофобию или этноэксклюзивизм. Поэтому обе церкви призывают к преодолению всех споров между расами и народами в духе диалога и взаимоважения.

Республика Беларусь является поликонфессиональным государством, которое признает равенство всех религий и вероисповеданий перед законом. В то же время подчеркивается «определяющая роль Православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа», равно как и признается духовная, культурная и историческая роль католичества, а также «неотделимость от общей истории народа Беларуси Евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама» [4, с. 4]. Для менталитета белорусов характерны толерантность и веротерпимость. Многие религии и вероисповедания на белорусской земле мирно сосуществуют, вместе участвуют в различных социальных акциях. На фоне общеевропейской культуры и чаяний славянских народов о своей исключительности (для русских — идея религиозного мессионизма, для поляков — идея политического мессионизма) сущностное отличие имеет белорусская культура, отличительной чертой которой является принцип светскости, т. е. разграничения религиозной и политической сфер. Менталитету белорусов не свойственны идеи сакрализации власти и отождествления этнокультурной идентичности с идентичностью религиозной.

Следует отметить, что в современном белорусском государстве, как и в любом другом, по мере развития политических, экономических, культурных, других национальных институтов и в целом гражданского общества интегрирующая роль религии на идеологическом и политическом уровнях уменьшается. Религия может выступать в роли консолидирующего фактора в современном правовом государстве, но только на духовном уровне, т. е. отстаивая морально-нравственные ценности в обществе. На практике это может проявляться в сотрудничестве религиозной организации с государством при решении социальных проблем.

Патриотизм в условиях культивирования вражды к другим народам может переродиться в крайний национализм (шовинизм) — чувство собственного превосходства перед другими народами, высокомерного, а подчас и враждебного отношения к ним. В настоящее время это проявляется в Украине (русофобия), Сирии, Йемене, Ираке и др. Для многих радикальных движений характерен не только крайний национализм, но и религиозная нетерпимость, которая проявляется в религиозном фундаментализме и экстремизме. Трагедией и болью для Европы становится участие европейцев в деятельности террористических исламистских банд, которые, прикрываясь религиозной символикой, уничтожают целые поселения на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Сегодня как никогда важно, чтобы общие усилия государств и религиозных организаций были направлены на формирование толерантности и уважения к представителям различных культур и вероисповеданий, на формирование истинного чувства патриотизма, который проявляется в любви к Родине и своему народу, а не в ненависти к другим.

В свете вышесказанного следует подчеркнуть, что религиозный фундаментализм и экстремизм нельзя отождествлять с религией или вероучением. Любая религия указывает на внутренний духовный рост человека через принятие «другого» с его положительными и негативными качествами. Верующий человек не стремится радикальными методами изменить мир, он старается изменить себя. Основой патриотизма верующего-христианина является общечеловеческая заповедь любви ближнего. Безусловно, религиозная вера и религиозное воспитание влияют на формирование чувства патриотизма благодаря формированию такой черты характера, как ответственность за свою семью, отечество. Но убеждение в том, что патриотизм формируется исключительно благодаря религиозной вере или религиозному воспитанию, приведет к делению граждан в государстве на верующих и неверующих, на патриотов

и непатриотов. На формирование чувства патриотизма нетрадиционно верующих и атеистов оказывает непосредственное воздействие менталитет народа, проявляющийся на уровне бессознательного в человеке. Таким образом, их патриотизм все равно оказывается так или иначе соотношенным с традиционной культурой и с характерными для нее религиозными ценностями.

Список цитируемых источников

1. Пивоваров, Д. В. *Философия религии : учеб. пособие* / Д. В. Пивоваров. — М. : Акад. Проект ; Екатеринбург : Деловая кн., 2006. — 640 с.
2. Sobór Watykański II. *Konstytucje. Dekrety. Deklaracje* / Wyd. Pallottinum ; red. nauk. J. Groblicki [oraz inne]. — Poznań, 1992. — 426 s.
3. *Основы социальной концепции Русской Православной Церкви* : принята на Юбилейном Архиерейском соборе РПЦ 13—16 авг. 2000 г. — М. : Изд-во Моск. патриархии, 2000. — 160 с.
4. *О свободе совести и религиозных организациях* [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 31 дек. 2002 г., № 137-3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 2002. — № 2. — 2/886.

УДК 130.2:392.72

В. В. Борисенко

Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», Могилев

ОПЫТ РАЗВИТИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ БЕЛАРУСИ В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ СССР

Конец XX в. внес много нового в жизнь белорусского общества. Советский Союз, в состав которого входила БССР, перестал существовать. Беларусь встала на путь построения суверенного государства, одним из отличительных признаков которого является проведение самостоятельной внешнеэкономической политики.

В связи с распадом СССР, изменениями, произошедшими в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, прекращением деятельности Совета экономической взаимопомощи были разорваны сложившиеся в течение десятилетий внутрисоюзные и международные связи Беларуси. Перед молодым государством встала задача не только стать полноправным и уважаемым членом мирового сообщества, но найти и занять свою нишу в международных экономических отношениях. Процессы, происходившие в других странах, встававших в разное время на путь независимости, свидетельствовали, что интегрирование в мировую экономику является длительным процессом, требующим выработки долгосрочной экономической стратегии, структурной перестройки, коренного пересмотра форм и методов мирохозяйственных связей. В таких условиях использование приобретенного в послевоенные годы в Советском Союзе опыта экономического и научно-технического сотрудничества позволяло, с одной стороны, применить позитивные достижения, которые были наработаны в БССР, а с другой — избежать допущенных в свое время просчетов, сыграв, таким образом, важную роль в разработке новой внешнеэкономической стратегии независимой Республики Беларусь.

Необходимость изучения внешнеэкономических связей Беларуси в период существования СССР диктуется также тем, что изменения, которые произошли за последнюю четверть века, поменяли подходы к изучению советского прошлого, а новых фундаментальных исследований по данной проблематике крайне мало. В данной статье делается попытка ретроспективно переосмыслить опыт участия Беларуси в организации внешнеэкономической деятельности СССР в 1970—1980-е гг.

С момента образования Советского Союза в декабре 1922 г. к компетенции центральных союзных органов были отнесены все вопросы внешней политики. Но во время Второй мировой войны в связи с достигнутой договоренностью об образовании ООН появилась возможность расширить влияние СССР в этой организации за счет союзных республик. На X Сессии Верховного Совета СССР 1 января 1944 г. был принят закон, по которому за каждой республикой закреплялось право вступать в непосредственные отношения с иностранными государствами. В результате в 1945 г. Белорусская ССР вместе с другими 50 государствами-учредителями подписала Устав ООН. В 1958 г. при этой организации было создано постоянное представительство Беларуси. А к середине 1980-х гг. республика являлась участником уже более 70 международных организаций, учреждений и органов системы ООН [1, с. 149], подписала более 170 многосторонних международных конвенций, договоров и соглашений, ежегодно наши представители участвовали в работе около 100 международных конференций, совещаний, семинаров и симпозиумов, проводимых ООН и другими международными организациями, выступали соавторами проектов резолюции, в том числе по экономическим вопросам [2]. Однако, являясь составной частью Советского Союза, БССР должна была координировать всю свою внешнеполитическую деятельность. Тем самым ограничивалась самостоятельность республики в реализации ее прав во внешней политике. Подтверждением служит неучастие Беларуси в деятельности тех специализированных учреждений ООН, членом которых не являлся СССР, и неприсоединение ее к тем международным конвенциям и договорам, которые не подписал Советский Союз.

Тем не менее целый ряд государственных республиканских органов занимались вопросами торговли с зарубежными странами. Это были соответствующие отделы Госплана и Министерства иностранных дел БССР, Комиссия по вопросам внешнеэкономических связей при Президиуме Верховного Совета и Совета Министров БССР, Торгово-промышленная палата республики и Управление уполномоченного Министерства внешней торговли СССР при Совете Министров БССР. Они принимали непосредственное участие в подготовке государственных внешнеторговых планов и осуществляли руководство по их практическому претворению в жизнь. Но ни один вопрос в этой области не мог быть решен без предварительного одобрения ЦК КПБ. Количество и номенклатура экспортно-импортных товаров, развитие научно-технических связей, сотрудничество родственными по профилю предприятий, обмен специалистами, проведение международных конференций, симпозиумов, выставок — на все требовалась санкция партийных органов [3]. В связи с возросшим объемом внешнеполитических и культурных связей БССР с зарубежными странами в аппарате Центрального Комитета КПБ в 1972 г. был создан отдел, который специализировался на данном направлении деятельности [4].

Существование такой жесткой централизованной системы давало возможность государству, исходя из конкретной обстановки и политических интересов, контролировать такое важнейшее звено народно-хозяйственного комплекса, как внешнеэкономические связи. Всеми вопросами в этой сфере занимались специалисты, которые должны были со знанием дела ориентироваться в мировых ценах и конъюнктуре, знать покупателей и продавцов в своей области. Кроме того, глобальный контроль партии и государства за внешнеэкономической деятельностью был наиболее действенным регулятором этой сферы, так как материальные стимулы в СССР не смогли сыграть определяющую роль.

Но, с другой стороны, монополия внешней торговли привела к созданию громоздкого и неповоротливого бюрократического аппарата. Отдаленность от непосредственного производителя учреждений и людей, от которых зависело принятие окончательных решений, приводила к большому объему переписки, различного рода согласований между республиканскими и союзными органами, что, как следствие, мешало оперативности, затягивало сроки сделок, а нередко приводило к их срыву. Например, для того, чтобы предприятия или организации Беларуси могли приобрести экспонаты с проводившихся в Минске выставок иностранной техники, они должны были сделать предварительную заявку на закупку через Госплан БССР в Главное управление по импорту машин и оборудования Министерства внешней торговли СССР. После этого Госплан республики перечислял деньги, а Главное управление Министерства внешней торговли СССР оформляло поручение Всесоюзному внешнеторговому объединению соответствующего профиля на приобретение оборудования. И только после заключения контракта представителями этого объединения покупатель мог произвести приемку от иностранной фирмы необходимого ему товара. Ввиду своей многоступенчатости такая система не могла работать без срывов.

Тормозом в развитии экспортных отраслей промышленности Белорусской ССР была существовавшая система материальной заинтересованности предприятий. Согласно постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 776-257 от 10 августа 1967 г. производителям товаров для продажи на внешнем рынке отчислялось 4% фактических валютных поступлений от экспорта машин, оборудования, приборов, инструментов, запасных частей и машиностроительных изделий бытового назначения по крупносерийной продукции, 6% — по мелкосерийной и индивидуального изготовления, а по всем другим видам товаров — лишь в размере до 1%. При этом 25% от данной выручки изымалось ведомством: если предприятие находилось в союзном подчинении, то министерством соответствующей отрасли народного хозяйства СССР, а если в республиканском, то Советом Министров союзной республики. Они должны были использовать данную валюту на мероприятия по увеличению экспортных ресурсов и улучшению качества экспортной продукции во всей отрасли [5]. Совместное постановление № 706-232 от 19 августа 1976 г. определило, что уже 50% валютных отчислений следовало передавать в распоряжение министерств и союзных республик, а остальные 50% должны были поступать на счета непосредственных производителей [6].

Таким образом, в распоряжении предприятий, расположенных на территории БССР и выпускающих товары на экспорт, оставалось от 0,5 до 3% фактической стоимости вывезенной продукции. Основные производители экспортных товаров в Беларуси находились в союзном подчинении (в 1974 г. на долю предприятий союзного подчинения пришлось 71,6% всего экспорта БССР [7]), поэтому и отчисления в пользу республики были небольшими.

В таких условиях основным источником валюты, поступающим в распоряжение правительства Белорусской ССР, являлся сверхплановый экспорт. Тем же совместным постановлением 1967 г. было определено, что союзным министерствам и ведомствам (если предприятие в союзном подчинении), советам министров союзных республик (если в республиканском) будут передаваться до 80% валютной выручки от продажи тех видов продукции, которые не предусматривались в экспортном плане (в течение 4 лет с момента экспорта такой продукции), и до 50% — от продажи сверх намеченного объема продукции, входящей в номенклатуру плана [8]. С 1976 г. такие выплаты стали составлять 100% валютной выручки от продажи за границу товаров сверх плана [9]. Тем самым создавалась заинтересованность республиканского руководства в увеличении выпуска соответствующей продукции на экспорт и его стимулирующего воздействия на предприятия, производящие такие товары. Результатом стал ежегодный рост такого рода экспорта, а БССР по объему отчислений валюты вышла в 70-е гг. на третье место среди союзных республик [10].

В свою очередь эти валютные средства, перечисляемые на счет БССР, распределялись между предприятиями, выпускающими экспортную продукцию, а также министерствами, которые не участвовали в образовании валютного фонда. Согласно нормам, которые были утверждены распоряжением Совета Министров БССР от 11 марта 1974 г. № 145р, в фонд производителей товаров, продаваемых за рубеж, должно было поступать не менее 50% этих средств [11]. Тратились они в основном на приобретение необходимого импортного оборудования.

Важной особенностью внешнеэкономической деятельности Беларуси, как и в целом СССР, являлась ее директивность. Планирование, особенно перспективное, долгосрочное, является неотъемлемой частью хозяйственной деятельности любого государства. При научно обоснованном подходе к составлению планов и при быстром реагировании на меняющуюся конъюнктуру экономика с подобными элементами планирования имеет несомненные преимущества. Но в Советском Союзе составление плановых заданий происходило директивным методом, зачастую с нарушением экономических законов, а во внешней торговле — с использованием искаженных ценовых пропорций. Поэтому директивно-плановая система управления сотрудничеством с зарубежными странами, особенно в торгово-экономической сфере, оказывала в определенной степени отрицательное воздействие. Так, постановление ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 2 ноября 1976 г. обязывало министерства и предприятия обеспечивать предусмотренные плановыми заданиями поставки товаров для экспорта в первоочередном порядке, независимо от уровня выполнения планов производства соответствующих видов продукции и поставки их другим потребителям [12]. В результате из рыночного фонда Беларуси, начиная со второй половины 1970-х гг., ежегодно изымалось для продажи за рубеж товаров на сумму более чем 12 млн р. [13]. А это была продукция, которая пользовалась повышенным спросом у населения, целый ряд изделий из этого списка надолго попал в разряд дефицита [14].

Расчеты в плановой системе приводили и к другим парадоксальным ситуациям: при освоении новой прогрессивной продукции, дающей значительный эффект для экономики страны и пользующейся спросом на мировом рынке, предприятия ухудшали свои основные плановые показатели и несли убытки. Уже в начале 1970-х гг. экономисты отмечали, что на заводах в первые годы выпуска новой продукции сокращается уровень рентабельности, и они оказываются в худших условиях, чем те, которые производили ранее основную продукцию [15, с. 34—35]. Однако выводы из этого сделаны не были. В 1984 г. в подобное положение попал могилевский завод «Электродвигатель», которому был доведен план прибыли исходя из достигнутого уровня предыдущего года. В нем не учитывалось, что завод увеличил выпуск электродвигателей улучшенной характеристики, а их стоимость за счет уменьшения металлоемкости ниже, чем у прежних образцов. В итоге коллектив предприятия не выполнил план по прибыли [16]. Все это отразилось на размере премий работников завода и на их заинтересованности в дальнейшем совершенствовании своей продукции.

Можно констатировать, что экономические связи Беларуси с зарубежными странами являлись прерогативой Правительства Советского Союза. Предприятия и организации БССР не могли напрямую выходить на мировые рынки. Посредником всегда выступали всесоюзные внешнеторговые объединения, а все финансовые операции осуществлялись через Внешторгбанк СССР. Республиканские органы принимали участие в подготовке внешнеторговых планов и осуществляли непосредственное руководство по их практическому воплощению в жизнь. Однако громоздкий бюрократический аппарат не всегда был в состоянии оперативно реагировать на быстро меняющуюся мировую экономическую конъюнктуру.

Чтобы Белорусская ССР активно участвовала и в более полной мере использовала потенциальные возможности выхода на внешние рынки, необходимы были изменения в системе организации внешнеэкономической деятельности, предоставлении большей свободы непосредственным производителям и республиканским органам власти. Это понимало руководство страны, но конкретные шаги стали предприниматься только во второй половине 80-х гг. В 1986 г. постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему совершенствованию управления внешнеэкономическими связями» с 1 января 1987 г. крупнейшим предприятиям страны было предоставлено право непосредственно осуществлять экспортно-импортные сделки, в их числе ПО «Минский тракторный завод им. В. И. Ленина», «БелавтоМАЗ», «Станкостроительный завод им. Октябрьской революции» и ПО «Атлант» [17, с. 104—105].

Важную роль в решении всех вопросов внешней торговли играл ЦК КПБ. Партийные органы осуществляли и полный контроль за этой сферой деятельности. Поэтому внешнеэкономическая стратегия зависела от идеологических интересов, что иногда шло в ущерб экономической целесообразности.

Существовавшая в СССР директивно-плановая система управления экономикой не позволяла в должной мере использовать все возможности внешнеэкономической деятельности. Отсутствовали действенные механизмы для поощрения развития внешней торговли. Волонтаризм при составлении планов нередко отражался в виде дефицита целого ряда товаров, которые вывозились за пределы республики.

Список цитируемых источников

1. *Снапковский, В.* «Мы, народы Объединенных Наций...»: об участии Беларуси в деятельности ООН / В. Снапковский // Неман. — 1995. — № 10—11. — С. 139—158.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) — Ф. 4. Оп. 81. Д. 2655. Л. 197—198.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4. Оп. 81. Д. 2632. Л. 96.
4. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4. Оп. 82. Д. 2454. Л. 109.

5. Государственный архив общественных организаций и движений Могилевской области (ГАООиДМО). — Ф. 9. Оп. 81. Д. 58. Л. 48.
6. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4. Оп. 81. Д. 2703. Л. 41.
7. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). — Ф. 31. Оп. 9. Д. 2855. Л. 131—140.
8. Государственный архив общественных организаций и движений Могилевской области (ГАООиДМО). — Ф. 9. Оп. 139. Д. 58. Л. 47.
9. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4. Оп. 81. Д. 2703. Л. 41.
10. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). — Ф. 7. Оп. 5. Д. 3831. Л. 75.
11. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). — Ф. 7. Оп. 5. Д. 5046. Л. 93.
12. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4. Оп. 82. Д. 2703. Л. 45.
13. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). — Ф. 7. Оп. 5. Д. 4598. Л. 214.
14. Национальный исторический архив Республики Беларусь (НИАРБ). — Ф. 31. Оп. 9. Д. 2085. Л. 93.
15. Дронов, Ф. А. Достижения науки — производству / Ф. А. Дронов, М. Н. Шатохина. — Минск : Беларусь, 1974. — 63 с.
16. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 4. Оп. 157. Д. 1. Л. 41.
17. Белорусская ССР и социалистические страны: укрепление дружбы, сотрудничества, братства (1945—1987 гг.) / Г. Г. Сергеева [и др.]. — Минск : Наука и техника, 1987. — 302 с.

УДК 130.2:392.72

Е. Г. Бортников¹, М. В. Будько²

¹Запорожский национальный университет, Запорожье, Украина

²Мелитопольский государственный педагогический университет имени Богдана Хмельницкого, Мелитополь, Украина

ОБРЕТЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В ТРАДИЦИОННЫХ РИТУАЛЬНЫХ ПРАКТИКАХ (НА ПРИМЕРАХ ГОСТЕПРИИМСТВА)

Особенности мирового развития в начале III тыс. сфокусировали общественный интерес на этнических и межэтнических проблемах, связанных с колоссальным обострением культурных противоречий, напряженности, вплоть до открытых кровопролитных конфликтов и войн, которые подводят человечество к опасной черте. Сложные условия современной жизни актуализируют проблему изучения общечеловеческих и национальных ценностей, среди которых важную роль играют этнокультурные архетипы. Они составляют основу духовно-нравственного развития общества, влияют на общественное сознание и национальное самосознание и, соответственно, на культурную, национальную, этническую самоидентификацию. К явлениям, которые подлежат первоочередному осмыслению, следует отнести и гостеприимство, которое существовало издревле как один из базовых элементов морального кодекса любого народа [1, с. 12], а в глобальную эпоху превращается в одну из определяющих моральных категорий мировой цивилизации, актуализируя вопросы о частных и общественных формах приема иностранцев, о природе и самом существовании границ между государствами, о критериях национальной принадлежности, о возможности принадлежать одновременно к нескольким культурным и политическим общностям [2, с. 71] и др.

Законы, обычаи, традиции и литературные образы гостеприимства изучаются в междисциплинарном контексте, с позиций антропологии, философии, семиотики, социологии, этнографии, истории, литературоведения, а также экономики, практической политики, идеологии и права. В целом внимание к этой общественной практике особенно остро обнаруживает себя в моменты кризиса, когда либо формируется национальное государство, либо происходит процесс глобализации (как ныне): национальное государство определяет состояние «у себя дома», а тем самым обостряет и чувства изгнанников, лишенных паспорта, их нужду в пристанище, которую современный мир не в силах удовлетворить [3, с. 62]. Негостеприимность к человеку современного конфликтного мира побуждает к осмыслению традиционных нравственно-культурных практик, привнесивших на разных этапах культурогенеза упорядоченность в процессы межчеловеческого взаимодействия. И все чаще такой поиск приводит к традиционным ритуальным практикам, способным гармонизировать человеческую психику (Юнг), интегрировать и поддерживать целостность человеческих коллективов (Малиновский, Дюркгейм), аккумулировать и хранить накопленный поколениями опыт совместного бытия людей.

Идеологический фон гостеприимства составляет теофания — мифологическое представление о том, что Бог в человеческом обличье ходит по земле. «Гость — Бог в доме», «гость в дом, а Бог в доме», — говорили наши предки [1, с. 113]. Осетины до сих пор встречают появление гостей словами: «Гость — Божий гость». По адыгейской пословице, имеющей многочисленные параллели у других народов, «гость — посланник Бога». В некоторых языках *гость* и *чужак*, *иностранец*, *иноземный купец*, *пришелец* обозначаются словами того же корня, а слово для обозначения *гостя* может касаться *Бога*, а может обозначать (позднее) и *враждебного иностранца*, *врага*; в восточнославянских языках *гость* сродни хозяину (*господарь*) и *Господу* [4, с. 517]. Итак, в различных древних традициях *гость* рассматривается как потенциально сверхъестественное существо, как Бог или демон в человеческом обличье; другими словами, изначально любое гостеприимство имеет дело с «иным» миром [6, с. 75].

Гостем называют и умершего, покойника, причем его путь на кладбище зачастую понимают как возвращение домой: известная идея «Я уже дома, а ты еще в гостях» варьируется во многих эпитафиях [1, с. 126]. Гостем называют покойника в причитаниях, подчеркивая тем самым изменение его статуса: оставляя круг живых, он становится для них гостем из мира мертвых. С другой стороны, иногда в причитаниях родные и близкие, пришедшие на похороны, уподобляются гостям на празднике [7, с. 13]. Смерть является выходом за пределы человеческого состояния, переходом в сферу потустороннего, это переход души из этого мира, где она находилась «в гостях», в другой мир — «домой», «в жизнь вечную». Недаром о человеке, который умирает, говорят, что он «домой собрался», «пойдет домой», «собирается в свой дом» [8, с. 167]; вот и гроб в народе — *домок, домовина, новый дом*, а кладбище имеет еще название *погост* (раньше, во времена Киевской Руси, это место торго и административно-территориальная единица) [4, с. 517].

Гостем из иного мира, посредником между миром живых и миром мертвых мыслился и нищий. Поэтому его *угощение* (однокоренное с «гость») принимало ритуализированный характер и роднилось с угощением предков в поминальных обрядах [1, с. 126, 129]. Под видом «калики перехожего» в дом могла прийти и сама Смерть, которую пытались задобрить подарками и угощениями. Как и другие путешественники, нищий мог оказаться воплощением Бога, о чем говорится в христианских легендах [7, с. 12, 22]. Именно сакральностью гостя обусловлен целый ряд деталей гостеприимства, как, например, безымянность гостя: во многих традициях не принято спрашивать незнакомого путника о том, кто он и куда направляется, какова цель его приезда. Спустя определенный традицией срок он сам может рассказать об этом, но может так и уйти, не назвавшись [1, с. 124]. Важно различать также гостей званых и незваных: когда есть приглашение, то двери открыты, нужно только соблюдать правила; другой характер имеет случай незваного гостя, непредвиденного посетителя, который вторгается без приглашения. Гостеприимство находится как бы между двумя этими случаями, оно работает на рубежах, на границах между человеческим и божественным, профанным и священным, своим и чужим [3, с. 70].

На Руси не принято было спрашивать гостя, путешественника о цели приезда трое суток. Пришлый человек имел право на хлеб и кров, потому что гость как бы входит во временное родство с хозяином дома и не только с ним, но и со всем его родом [1, с. 119], ведь локальная группа, а впоследствии община остается для человека чертой и в отношении «чужака», и в отношении самого себя. Новое, конечно, всегда осознается «чужим», пребывающим в однородном, неструктурированном пространстве, поэтому разрешение войти в жилище — символ признания своим [9, с. 15]. Тем не менее это присвоение носит временный характер, гость присутствует на территории и/или в сообществе его хозяев именно с признаком чужого, не ассимилируясь [6, с. 84]. Как известно, представления архаического человека, оформленные в параметрах «я—иной», «свой—чужой», «мы—они», составляют базовые координационные оси идентификационных процессов; их можно найти и на ранних стадиях филогенеза, и в современном обществе, где до сих пор хранятся, в частности, и обряды, связанные с переходом из статуса «чужого» в статус «своего», из статуса пришельца (чужака) — в статус гостя.

Особый интерес для нашего исследования представляет группа так называемых обрядов перехода, глубоко изученных А. ван Геннепом: это ритуальные действия, связанные с преодолением человеком какого-нибудь рубежа — пространственного, временного, социального, физиологического и т. д. Геннеп выделяет следующие группы обрядов перехода: прелиминарные — обряды отделения от прежнего мира; лиминарные — промежуточного периода; постлиминарные — обряды включения в новый мир [9, с. 15]. Переходные состояния крайне опасны и для самого человека, и для окружающих, потому что, во-первых, он находится как бы на грани «того» и «этого» миров и уязвим для нечисти, а во-вторых, он сам или еще не человек, или уже не человек, т. е. существо, касающееся потустороннего мира и способное невольно навредить окружающим [8, с. 483]. Поэтому сколь неоднозначен и потенциально опасен пришелец, столь однозначен, целостен и предсказуем образ гостя. Ритуал гостеприимства организован таким образом, чтобы полностью подчинить гостя своему сценарию, независимо от того, кем именно он является. Бог, враг или простой путник, идущий по своим делам, будут приняты примерно одинаково, хотя и с разной степенью почтения [1, с. 113]. Определяющим признаком, отличающим человеческое гостеприимство, являются ритуалы встречи и проводов, когда «драматически разыгрывается и временно нейтрализуется основная оппозиция “свое/чужое”»: в ходе этих ритуалов гость становится “своим чужим”, “осваивается” или “присваивается” хозяевами» [6, с. 84].

«Сердцевиной и центром» ритуала гостеприимства является совместная трапеза: это испытанное веками средство приобщить пришельца к дому, сделать его «своим» [1, с. 121], ведь известно, что «маркируя представителей “своего” и “чужого” миров, пищевая традиция становится осязаемым средством консолидации этноса» [10, с. 28] и может быть отнесена к системе эталонных кодов культуры. Совместная трапеза, или обычай есть и пить вместе, — бесспорно, обряд включения, собственно материального единства, того, что называют «тайнством причастия». Единение, оформленное таким образом, может быть окончательным. «Но чаще всего, — отмечает А. ван Геннеп, — оно продолжается только в период переваривания предложенного угощения» [9, с. 24], или, относительно обряда гостеприимства, на время пребывания «чужого» в статусе «гостя». Трапеза имеет обязательный и принудительный характер для гостя: от нее гость не может отказаться, чтобы не обидеть хозяев. Признаком враждебности считается, если гость отказывается от угощения, ведь «осуществляя совместную трапезу или выполняя перед домашними божествами предписанные обряды... иностранец идентифицирует себя с данным сообществом, пусть

и на непродолжительное время» [9, с. 36]; подобно тому, как на протяжении похоронного обряда постепенно меняется статус самого умершего: переходя в мир мертвых, он из «своего» становится «чужим» [7, с. 7, 19], так же во время совместной трапезы меняется статус гостя: из «чужого» он становится «своим».

Пища, с одной стороны, поддерживает материальность, телесность любого живого существа; с другой — трапеза сопровождает не только повседневность человека, но и его социализацию, которая закрепляется при помощи обрядов перехода. Накормить гостя — обязанность хозяина, так он оказывает честь гостю (слово «*потчевать*» родственно «*честь*» и обозначает, собственно, «оказывать честь, угощая едой и питьем») и одновременно утверждает свою честь демонстрацией щедрости [1, с. 120]. Привлекает внимание и формальное совпадение обозначения хвалы, призыва к богам и питья, глотания в ряде индоевропейских языков: ср. укр. *жрець* и *жертви*, рус. *жрец* и *жрать* в значении «есть» и в значении «пить» (значение «пить» выявлено в соответствиях этого слова в ряде славянских и балтийских языков). В древнеиндийском языке обнаруживается почти полное формальное совпадение: 1) *gr* — *grnati*, *girati* «петь», «восхвалять» и 2) *gr* — *girati*, *grnati* — «глотать». Близкую параллель можно обнаружить и в праславянском языке: *pojo* «петь» и *pojo* «поить», «давать пить» [11, с. 138]. По мнению Т. Цивьян, в традиционной культуре существуют объекты, которые почти теряют свое значение и приобретают значимость и новые валентности в пределах другой системы, связанной непосредственно с моделью мира [10, с. 10]. Это в полной мере касается и ритуальной пищи и напитков. Собственно, гостеприимство часто называют «хлебосольность», а обряд встречи гостя — «хлеб-соль», предвосхищая и обязательное их наличие. К тому же целый хлеб символизирует совместное счастье группы, поэтому, вкусив часть от общего хлеба, гость становится частью символизируемого им сообщества.

Иногда обмен угощениями происходит без собственно трапезы: в этом случае он входит в большую группу обрядов дарообмена. Дар и благодарность принадлежат к кругу универсальных антропологических феноменов [12, с. 3], а подарки гостю — одна из важных особенностей гостеприимства. Обмен подарками имеет непосредственную силу воздействия, это принудительный акт: принять от какого-либо человека подарок — значит, связать себя с ним [9, с. 32]. Обычай гостеприимства и дарения принадлежат в наше время к красивым обычаям, а в первобытном мире обмен подарками и эксцессы гостеприимства доходят до таких форм «взаимности», как обмен женами или предоставление гостю собственных дочерей (так называемый гетеризм гостеприимства). По мнению Ф. Лифшица, так выражаются крайние символы общественного сплочения, а в целом в первобытном мире дарение было институтом огромной важности, имеющим отношение к внутреннему содержанию истории [13, с. 61]. «Обряд двустороннего обмена ценностями, — полагает А. ван Геннер, — так же прост по механизму действия, как обычай связывания, покрывания одним покрывалом или обмена кровью — не менее примитивного, хотя более грубого и жестокого, чем обмен чем-либо из одежды, кольцами, поцелуями» [9, с. 33].

Ритуальные источники имеет, безусловно, и наше стремление как можно быстрее усадить гостя, и привычка долго сидеть за столом. В представлениях многих народов сидение имело ярко выраженное положительное значение. Видимо, этим же кругом представлений можно объяснить и обычай, доживший до наших дней, присаживаться «на дорожку» для того, чтобы путешествие было удачным [1, с. 71—72]. Полагают, что в рубриках «недвижимость» и «недееспособность» объединены коды, построенные на запрете, ограничении и спецификации двигательной активности и действенности лиминарных лиц; «переходная структура ритуала моделируется путем изменения негативных характеристик лиминарного лица, которые задаются на начальных этапах ритуала (недвижимость, недееспособность), на положительные характеристики в конце ритуала (подвижность, работоспособность)» [14, с. 8, 15]. Это в равной мере верно и для обрядов гостеприимства, и для свадебных и похоронных обрядов: оппозиция «жизнь — смерть» в традиционной культуре прямо соотносится с оппозицией «движение — покой», а для умершего человека состояние неподвижности является естественным [7, с. 16]; в свадебном обряде невеста тоже придерживалась молчания и неподвижности: она не разговаривала с женихом на свадьбе до венчания, молчала по дороге к венцу, во время всего венчания, по приезде в дом жениха.

Если чужеземец включался в сообщество, то каждый раз, покидая его, он, согласно правилам, должен подлежать обрядам отделения (сепарации). Действительно, практика показывает удивительное равновесие в этих обрядах. Обрядам прибытия соответствуют обряды прощания: заключительные визиты, последний обмен подарками, совместная трапеза, «коневая», пожелания и наказания. Гостя провожали на протяжении какой-то части пути, иногда даже проводили пожертвования [9, с. 38]. Здесь опять наблюдается созвучность обрядам сепарации, прежде всего свадебным, когда ослабление социальных связей невесты до окончательного оформления брака сближает для нее этот переходный период со смертью, что проявляется в изоляции невесты, и похоронным, призванным «обеспечить» покойнику правильный переход из мира живых в мир мертвых, успешно проводить его в «дальнюю дорожку» [7, с. 11]. В этом контексте обращение к покойнику с призывом поесть соотносится с обрядовым застольем перед дальней дорогой, когда отъезжающих надолго также пытались хорошо угостить [7, с. 13].

Впоследствии всякий обряд видоизменяется, теряя свой первоначальный мифологический смысл — объяснение, переосмысливается, обрастает новыми значениями, ведь «человек постоянно колеблется между сакральным и мирским, и сакральное меняет свою смысловую наполненность — от архаического сакрального до сакрализованых светских ценностей» [15, с. 7]. Так же и обряд, теряя сакральное значение, постепенно переходит в статус обычая, формы церемониала, этикета и др. «Вырождение ритуала происходит

тогда, — замечает. А. Байбури, — когда он начинает “подстраиваться” под быт, а не наоборот. И в результате мы говорим: “этикет гостеприимства” и “ритуал гостеприимства”, однако второй вариант не имеет для нас буквального значения. Этикет регламентирует повседневную норму, устойчивость, равновесие, которые стали возможными благодаря ритуалу (то есть ту норму, которую утвердил ритуал)» [1, с. 16—17, 19]. А значит, по сей день миф и ритуал моделируют поведение человека, определяя и регламентируя его поведение в той или иной ситуации, в частности, в ситуации обретения идентичности.

Социальная значимость традиции, воплощенной, кроме прочего, и в обрядах гостеприимства, определяется не только эмоциональными и экспрессивными моментами, но также и рационально-инструменталистскими ориентациями. Имплицированные культурные смыслы «вызываются» к жизни и используются как интегративный и стабилизационный факторы в целях социальной мобильности, преодоления доминирования и подчинения, социального контроля, осуществления взаимных услуг и солидарного поведения, стремления к гармонии. Такой подход к традиционной культуре как символическому и реальному капиталу позволяет сделать целый ряд крайне важных выводов и наблюдений, особенно в сфере гармонизации социокультурных отношений, межэтнических контактов.

Список цитируемых источников

1. Байбури, А. К. У истоков этикета. Этнографические очерки / А. К. Байбури, А. Л. Топорков. — Л. : Наука, 1990. — 168 с.
2. Гай-Никодимов, М. Возможна ли гуманистическая философия гостеприимства? / М. Гай-Никодимов // Новое лит. обозрение. — 2004. — № 1 (65). — С. 71—82.
3. Монтандон, А. Гостеприимство: этнографическая мечта? / А. Монтандон // Новое лит. обозрение. — 2004. — № 1 (65). — С. 61—70.
4. Етимологічний словник української мови : в 7 т. — Київ. : Наук. думка, 1982. — Т. 1 : А—Г. — 632 с.
5. Зенкин, С. Н. Французский романтизм и идея культуры (аспекты проблемы) / С. Н. Зенкин. — М. : РГГУ, 2001. — 144 с.
6. Алексеевский М. Д. Застолье в обрядах и обрядовом фольклоре русского севера XIX—XX вв. (на материале похоронно-поминальных обрядов и причитаний) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.09 / М. Д. Алексеевский. — М., 2005. — 22 с.
7. Левкиевская, Е. Е. Мифы русского народа / Е. Е. Левкиевская. — М. : Астрель : АСТ, 2007. — 526 с.
8. Геннеп, А. ван. Обряды перехода: систематическое изучение обрядов / А. ван Геннеп. — М. : Вост. лит., 2002. — 98 с.
9. Цивьян, Т. В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т. В. Цивьян. — М. : Едиториал УРСС, 2005. — 280 с.
10. Режабек, Е. Я. Мифомышление (когнитивный анализ) / Е. Я. Режабек. — М. : Едиториал УРСС, 2003. — 304 с.
11. Пашков, К. В. Дарунок та віддяка у контексті християнської та постмодерністської антропології : автореф. дис. ... канд. філософ. наук : 09.00.04 / К. В. Пашков. — Харків, 2006. — 23 с.
12. Лифшиц, М. Мифология древняя и современная / М. Лифшиц. — М. : Искусство, 1979. — 644 с.
13. Масрчик, М. Українські обряди родинного циклу крізь призму моделі переходу : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.05 / М. Масрчик. — Київ, 2002. — 20 с.
14. Категории и концепты славянской культуры. Труды отдела истории культуры. — М. : Ин-т славяноведения РАН, 2007. — 800 с.

УДК 730:726(477.83/86)

П. В. Бубнов

Минская духовная академия имени святителя Кирилла Туровского, Минская духовная семинария, Барановичи

ДУХОВНАЯ ОЦЕНКА СОБЫТИЙ 1917 ГОДА

Каждое государство и каждый народ стремятся к процветанию и желают благополучия. Но как достичь всего этого? История и современность дает нам множество вариантов ответа на этот вопрос. Политики и экономисты, историки и социологи спорили, спорят и будут спорить в поисках оптимальной модели развития государства и человеческого общества. Среди шума дискуссий все реже слышен совет Творца человека: «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33). Господь раскрывает Своим ученикам настоящую формулу благополучной жизни: сделайте общение с Богом главным делом вашей жизни, и вы ни в чем не будете испытывать нужды.

В преддверии 100-летия событий 1917 г. у нас возникает естественный интерес к отечественной истории, мы все стремимся понять: что же на самом деле произошло 100 лет назад, какой исторический урок мы должны вынести для нашей сегодняшней жизни. Сегодня нам хотелось бы обратить наше внимание не на события 25 октября 1917 г., ни тем более на то, что последовало за этим днем. Нам хотелось бы призвать всех задуматься, что же привело великую православную империю к полному краху, Гражданской войне, огромным человеческим жертвам и потере всякого благополучия и достатка. Ответ на этот вопрос и станет действительно духовной оценкой событий 1917 г.

Что же представляла из себя в начале XX в. православная Российская империя, в состав которой входила и вся территория современной Республики Беларусь? Следовала ли эта держава в целом и ее православные жители евангельской «формуле благополучия» — «Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам» (Мф. 6:33)?

Россия в начале XX в. была в полном смысле этого слова великой державой и по огромной территории, и по численности многонационального населения. Бурным темпом развивалась промышленность, росли города, строились железные дороги.

Предпринимались серьезные попытки значительно улучшить положение крестьян. В этом царстве было немало великих достижений, но немало было и серьезных проблем. Еще больше было споров и критики, недовольства самодержавием, государственной системой. Участники радикальных революционных партий развязали ужасный террор против представителей власти, полагая, что конструктивный диалог невозможен. Но было немало и тех, кто считал, что, честно выполняя свою работу на своем месте, можно изменить жизнь страны к лучшему.

В соответствии с действовавшим тогда законодательством, господствующее положение в империи занимала православная российская церковь.

Православным был император и все члены императорской семьи, православными были около 65% населения империи.

На территории империи действовало более 40 000 приходов, совершали свое служение около 37 000 священников и 15 000 диаконов. Для подготовки кадров духовенства действовала крупнейшая в России система учебных заведений — уездных духовных училищ, духовных семинарий, епархиальных женских духовных училищ, духовных академий [5, с. 794]. Основы православного вероучения преподавались во всех учебных заведениях империи в виде предмета «Закон Божий». Кроме того, церковь внесла существенный вклад в развитие в империи начального общего образования посредством создания на средства приходов системы церковно-приходских школ. Внушительные цифры статистики и восторженные сентенции официальных документов, конечно же, ничего не говорили о проблемах церковной жизни.

Одной из самых острых проблем жизни православной церкви в Российской империи была система организации высшего церковного управления. Император Петр I в 1700—1721 гг. провел церковную реформу, в ходе которой был упразднен институт патриаршества, и православная церковь была не просто подчинена государству, а стала, по сути, одним из государственных ведомств. Формально главой православной церкви в России стал император, а реально церковью управлял обер-прокурор Святейшего правительствующего синода — государственного органа, который был учрежден Петром для якобы коллегиального управления церковью. На должность обер-прокурора весь Синодальный период истории нашей церкви (1700—1917) назначались обычные государственные чиновники, не имевшие богословского образования и какого-либо существенного опыта в организации церковной жизни. Именно обер-прокурор, по сути, решал все ключевые вопросы церковной жизни и имел практически неограниченный административный ресурс в достижении своих целей и в борьбе с теми, кто был с ним не согласен.

Лишь только после отречения последнего российского императора Русская церковь смогла вернуться к своему традиционному устройству. В октябре 1917 г. Поместный собор православной российской церкви восстановил патриаршество и упразднил синодальную систему управления.

Еще одной проблемной сферой церковной жизни было епархиальное управление. В начале XX в. в православной российской церкви было всего лишь 61 епархия (к примеру на 17 ноября 2016 г. действовало 299 епархий). Количество приходов в отдельных епархиях достигало 3 000, а в большинстве было около 1 500. Учитывая уровень развития дорог и средств связи в то время, это значило, что правящие епископы не имели никакой возможности посещения большинства приходов своей епархии, а приходские священники и тем более простые прихожане практически не имели возможности общаться со своим правящим архиереем. Для управления епархиями в рамках синодальной системы были созданы епархиальные консистории, работой которых реально руководил не епископ, а секретарь консистории — также государственный чиновник, подотчетный напрямую обер-прокурору Святейшего синода. В результате сложилась парадоксальная ситуация, когда принципиальные вопросы жизни церкви решались без всякого участия епископата и духовенства, решались государственными чиновниками, не имевшими богословского образования и нередко давно утратившими личное участие в литургической жизни церкви. Естественно, что когда такой чиновник оказывался перед столкновением интересов государства и церкви, он всегда принимал решение в пользу государства и во вред церкви.

Синодальная система в целом и общем воспринимала православную церковь как обычную земную организацию, которую можно и нужно использовать в государственных интересах, т. е. для созидания земного благополучия, а не как институт, призванный сделать жителей страны будущими гражданами Царства Небесного.

Если Петру I была нужна бронза для пушек, он приказывал взять для этого церковные колокола: ведь это нужно государству!

Если Екатерине II не хватало средств для ведения войн и строительства дворцов, она распорядилась конфисковать все монастырские земли с крестьянами в 1763 г.

Если для государственной службы не хватало образованных юношей, их без всякого смущения брали из духовных семинарий. Так, в 1840 г. для того, чтобы начать занятия в новооткрытой Горы-Горецкой земледельческой школе (в настоящее время — БГСХА) в местечке Горки Оршанского уезда Могилевской губернии, несколько десятков воспитанников духовных семинарий империи были направлены на учебу в эту школу и стали вместо священников агрономами.

Немало проблем было и в самом главном очаге духовной жизни империи — православных приходах. Поскольку более 80% православных жителей империи были крестьянами, то и подавляющее большинство приходов были сельскими, и духовенство было сельским. Сельским священникам для того, чтобы прокормить свои большие, как и у крестьян, семьи, нередко приходилось также вести свое хозяйство, а значит, меньше внимания уделять духовному окормлению своей паствы. Святейший синод несколько десятилетий пытался улучшить материальное положение духовенства, однако до выплаты жалования всем приходским священникам императорская Россия так и не дошла. При этом за 200 лет существования империи у церкви были конфискованы колоссальные имущества и доходные статьи, а потрачены эти средства были вовсе не на церковь и не на духовное просвещение.

Государственная власть в лице Святейшего синода не особенно беспокоилась о качестве служения пастырей церкви. Никто в Петербурге не задавался вопросом, как и что священники проповедают, как знают свою веру их прихожане, знают и исполняют ли заповеди Божии православные люди страны.

Как это можно было ожидать, синодальные и консисторские чиновники требовали от епископата и духовенства усиления в народе, как это тогда называли, «верноподданических чувств», т. е., по сути, рассматривали церковь и духовенство как идеологический придаток самодержавного государства. Из художественной литературы нам прекрасно известна ужасная практика, когда все государственные служащие и учащиеся государственных учебных заведений должны были ежегодно предоставлять по месту работы или учебы справку от священника о том, что они исповедовались и причастились. Такая формальная, «справочная» принадлежность к православной церкви воспринималась государством как свидетельство о верности гражданина царю и государству. Многие священники и епископы возмущались этому бессмысленному насилию над совестью человека, но по сути изменить ничего не могли.

Священники были обязаны оглашать с церковных амвонов императорские манифесты и указы, совершать специальные богослужения в так называемые «царские дни» — дни рождений не только императора, но и императрицы, их детей, их ближайших родственников. Богослужебное поминовение императорского дома было частым и обширным. Все это, несомненно, отталкивало от церкви тех, кто разочаровался в самодержавии, и особенно тех, кто боролся с ним. Для неграмотных крестьян церковный амвон был единственным официальным средством массовой информации. И вот молитва за императорский дом, обращения императора к народу, проповеди священника о почитании императора — все это занимало несопоставимо большое место по сравнению с проповедью слова Божия. В результате к началу XX в. духовное состояние православного населения Российской империи оказалось критическим.

Именно об этом духовном кризисе писали и говорили святые современники тех событий.

Святитель Игнатий (Брянчанинов) ещё в 1840-х гг. написал: «У нас осталась только кое-какая внешность от Православия, но это мёртвое тело без жизни. Россия находится накануне взрыва безбожного либерализма» [3]. А вот что писал святитель Феофан Затворник — епископ, который ради просвещения в вере своих соотечественников оставил служение епархиального архиерея и 28 лет провел в уединенном написании книг о живой вере в Бога: «Через поколение, много через два, иссякнет наше Православие» [3]. Вспоминая события войны 1812 г., святитель Феофан говорил, что «вновь пошлёт Господь на нас таких же учителей наших, чтобы привели нас в чувство и поставили на путь исправления», ибо «таков закон правды Божией: тем врачевать от греха, чем кто увлекается к нему» [2, с. 19].

Наверное, самым ярким свидетелем и обличителем духовного упадка своих соотечественников был святой праведный Иоанн Кронштадтский:

«Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог отнимет у него благочестивого царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами» [1, с. 100]. «Откуда эта анархия, эта революция, этот социализм, эта нелепая коммуна, эти забастовки, разбои, убийства, хищения, эта общественная безнравственность, этот царящий разврат, это огульное пьянство? — От неверия, от безбожия. И потому, если правительство, или собирающаяся Государственная Дума хотят водворить порядок в государстве и уважение к законам, повиновение к правительству, мир и безмятежье, разумный и полезный труд, они должны обуздать безнравственную печать, воспламеняющую все страсти, и обратить самое заботливое внимание на воспитание юношества и внушить ему, его гордым наставникам и интеллигенции собственным примером должное уважение к вере и Церкви и к заповедям Евангелия... Как хитер и лукав сатана! Чтобы погубить Россию, он раздул в ней безверие и разврат чрез злонамеренных писателей и учителей, чрез русские средние и высшие школы и чрез так называемую интеллигенцию. На почве безверия, слабодушия, малодушия и безнравственности совершается распад государства. Без насаждения веры и страха Божия в населении России она не может устоять» [1, с. 173].

Выпускник Санкт-Петербургской духовной академии Иоанн Сергиев хотел принять монашество и поступить в миссионеры, чтобы проповедовать христианство народам Сибири и Америки. Но увидел, что жители столицы «знают Христа не больше, чем дикари какой-нибудь Патагонии».

«Не скорби безутешно о злополучии отечества, о проигранных войнах... о потере военных кораблей... о громадных потерях государства от поджогов... Скорби о том, что ты плохо подвигаешься к отечеству нетленному, вечному, на небесах уготованному, что сердце твое далеко от Бога. Земное отечество страдает за грехи царя и народа, за маловерие и недалководность царя, за его потворство неверию и богохульству Льва Толстого и всего так называемого образованного мира министров, чиновников,

офицеров, учащегося юношества. Молись Богу с кровавыми слезами о общем безверии и развращении России» [4, с. 62]. «Господи, да воспрянет спящий царь, переставший действовать властью своею; дай ему мужество, мудрость, дальновидность» [4, с. 72]

В 1917 г. исчезла православная Российская империя, формальные православные покинули церковь и даже стали ее гонителями и уничтожителями, но церковь не исчезла, как это предрекали советские вожди: Ленин, клеймивший церковь и духовенство последними словами; Сталин, пришедший от идеи поголовного уничтожения духовенства к концепции ограниченного использования церкви в интересах государства; Хрущев, так и не сумевший показать по телевизору «последнего попа». После 1988 г. миллионы внуков революционеров 1917 г. вновь вернулись в православные храмы, уже свободные и от императорской «нагрузки», и от власти обер-прокуроров и консисторских чиновников. Сегодня государство и церковь в Республике Беларуси нашли, вероятно, самый лучший из возможных вариантов сосуществования. Церковь не является частью государства, но церковь не отделяет себя от общества, государство всячески приветствует созидательную работу церкви по духовному возрождению нашей страны.

Если православный христианин, следуя «формуле благополучия» Спасителя, ищет Царствия Божия в своей душе, имеет крепкую семью, удаляется от пороков и пристрастий, творчески трудится и обогащает свое Отечество, такой человек — желанный гражданин своей страны.

Ищите прежде Царствия Божия — этот совет Спасителя остается укором нашим дореволюционным предкам и жизненным уроком для нас, их сегодняшних потомков.

Наше сегодняшнее собрание, надеемся, является хоть небольшим, но свидетельством того, что мы следуем этому совету.

Список цитируемых источников

1. *Аверкий (Таушев), архиепископ.* Современность в свете Слова Божия / Архиепископ Аверкий (Таушев); сост., предисл., прим., указ. имен А. Д. Каплина / отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Ин-т рус. цивилизации, 2012. — С. 100—101.
2. *Аверкий (Таушев), епископ.* Провозвестник кары Божией русскому народу / Епископ Аверкий (Таушев). — Джорданвилль, 1954.
3. *Порфирий (Шутов), архимандрит.* Надо быть бодрым и жить в работе [Электронный ресурс] / Архимандрит Порфирий (Шутов) // Православие.ru — Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/62246.html>. — Дата доступа: 16.11.2016.
4. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Предсмертный дневник. 1908, май—ноябрь. — М.; СПб.: Отчий дом, 2006. — С. 68.
5. *Цыпин, В.* История Русской Православной Церкви: Синодальный и новейший периоды / В. Цыпин. — 3-е изд., испр. — М.: Изд-во Сретен. монастыря, 2007. — 816 с.

УДК 316.346

Ю. М. Бубнов

Учреждение образования «Могилёвский государственный университет продовольствия», Могилёв

САМООЦЕНКА МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ ЖИТЕЛЕЙ МОГИЛЁВА

В качестве преамбулы к статье поясним, что эмпирической базой предложенного ниже текста стали результаты двух исследований, проведённых общественной организацией «Центр городских инициатив» в 2017 г., когда нами были опрошены 356 взрослых жителей Могилёва, и в 2018 г., когда в ходе фокус-группового интервью и массового анкетного опроса мы изучили мнение, соответственно, 16 и 371 могилёвчанина. Понятно, что по законам репрезентативности мы не вправе претендовать на статус общенационального исследования, однако не думаем, что самооценка материального благосостояния жителей Могилёва будет сильно отличаться от мнения жителей Баранович или любого другого белорусского крупного города, кроме, может быть, Минска.

Общественное бытие, как известно, в конечном счете определяет общественное сознание. Этот закон, сформулированный Карлом Марксом, как правило, работает и на уровне отдельных индивидов, если принять за основу их материальное благосостояние. Это умозаключение является достаточным основанием для того, чтобы более подробно поговорить о материальной стороне жизни жителей Беларуси. Но прежде чем приступить к изложению результатов наших социологических опросов, надлежит пояснить некоторые важные особенности самого фактора материального благосостояния. Дело в том, что понятия «материальный достаток», «материальное благосостояние», характеризующие индивидуальное экономическое бытие современного человека, в свою очередь, являются производными от нескольких факторов. Во-первых, это объём материальных ресурсов, получаемых (добываемых) человеком в единицу времени. В качестве наиболее распространённой единицы измерения этого параметра материального благосостояния обычно принимается денежная заработная плата, исчисляемая в разных странах по-разному (помесячно, еженедельно, ежедневно или за час работы). Сами по себе денежные знаки, будь то на металле

или на бумаге, ничего не значат. Жизненными ресурсами они становятся лишь потому, что обладают той или иной покупательной (меновой) способностью, позволяющей обменивать их на продукты потребления, вещи, услуги и пр. Поэтому вторым фактором, определяющим уровень материального благосостояния людей, выступает не столько количество имеющихся у них денежных знаков, сколько их покупательная способность. Оба только что названных фактора являются экономическими категориями. Оценочное, т. е. социальное значение им придаёт третий фактор, чисто социологический. Этим фактором является стандарт потребления, социокультурная характеристика нормы. Именно он, стандарт потребления, определяет положительный или отрицательный знак оценки качества жизни людей. По отношению к нему выстраивается шкала оценки и самооценки уровня материального благосостояния людей. Для каждого общества на каждом этапе его существования стихийно вырабатываются свои, иногда уникальные стандарты потребления тех или иных материальных благ, порою сильно удивляющие неопытных. В современном глобализирующемся мире эти стандарты утрачивают свою этническую или территориальную уникальность и, напротив, унифицируются под евроамериканский стандарт. Воочию это можно видеть на примере белорусского общества. Справедливо считая себя частью европейской цивилизации, белорусы, соответственно, и ориентируются на европейские стандарты жизни. Поэтому их сегодня не всегда удовлетворяют те блага, например, автомобили, посудомоечные машины, «крутые» гаджеты, которые ещё пару десятков лет назад они посчитали бы пределом мечтаний.

После этих замечаний, надеемся, читатель будет относиться к изложенным ниже социологическим данным как к чисто субъективным, сформированным на основе сопоставления наличного уровня собственного достатка, с одной стороны, и воспринятого нашими земляками в качестве социальной нормы европейского стандарта потребления — с другой. Констатация субъективного (т. е. зависящего от человека, общества и государства) характера оценки и самооценки людьми своего материального достатка открывает предпосылки для целенаправленного воздействия на него всеми имеющимися у общества ресурсами, начиная с дошкольного воспитания и кончая средствами массовой информации. Именно с этой точки зрения имеет смысл постоянно «мониторить» социальную оценку уровня материального благосостояния населения какого-нибудь населённого пункта (в нашем случае города Могилёва), а также региона, страны и мира, в целом для того, чтобы, во-первых, отслеживать направленность и динамику его изменения, а во-вторых, сравнивать общественную рефлексию материального достатка в городе, регионе или стране с соответствующими показателями соседей. Эта информация может быть весьма полезной в социально-политическом контексте ради обеспечения стабильности в стране.

Перейдём, однако, от теории к эмпирике, т. е. к изложению полученных нами в ходе социологических опросов данных. Выясним для начала, насколько богатыми считают себя наши земляки. Представим распределение ответов могилевчан на соответствующий вопрос анонимной анкеты (рисунок 1).

Три четверти (73,0%) жителей Могилёва, несмотря на деминацию, девальвацию, рост цен и, вообще, невзирая ни на какие бы то ни было экономические кризисы, считают себя людьми со средним достатком. Это самая удобная и приемлемая для подавляющего большинства социальная позиция: быть в так называемой «золотой» середине. Середина потому и называется «золотой», что позволяет индивиду чувствовать себя наиболее комфортно, будучи прикрытым максимальной социальной толщей. Быть в середине — это значит, в наибольшей степени соответствовать принятым большинством социальным стандартам. Такую позицию обычно выбирает непритязательное большинство, как правило, люди в возрасте и, что называется, «с положением», т. е. уже в какой-то степени утвердившиеся в жизни образованием, социальным статусом и, соответственно, доходами. Эти люди отличаются максимальным уровнем социальности, т. е. приверженностью к социальным стереотипам. Они найдут срединное положение для себя в любой ситуации, даже на самом дне. С другой стороны, эта самая устойчивая к всяческим жизненным катастрофам социальная группа. Они самодостаточны и экономически, и психически. Их самодостаточность основана на гармоничном соответствии имеющихся возможностей, ресурсов, с одной стороны, и притязаний, потребностей — с другой. Стоит отметить, что это соответствие они могут достигать не только путём повышения доходов, но и, нередко, снижая свои притязания. Такая жизненная стратегия называется «жить по средствам». Составляя подавляющее большинство и к тому же срединную часть любого общества, они обеспечивают его стабильность. Среди этой группы населения больше всего носителей патриархального типа политического сознания. Именно они выступают социальной базой для политиков консервативного идеологического пула.

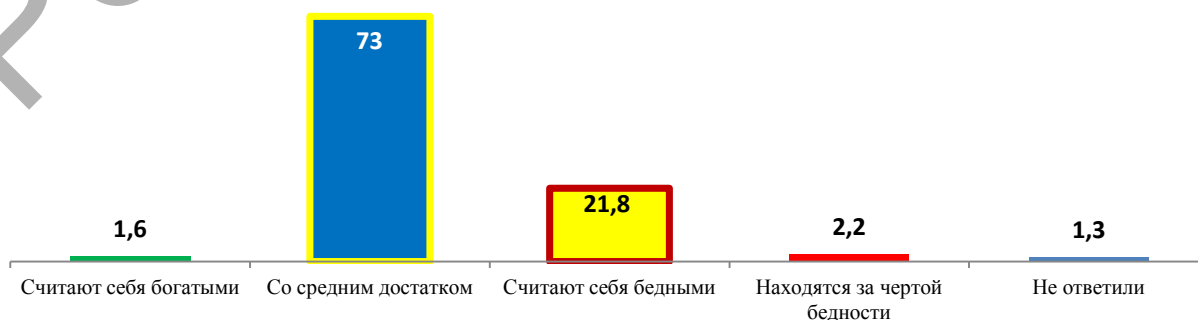

Рисунок 1 — Распределение ответов респондентов на вопрос «Кем Вы себя считаете по уровню жизни?», 2018 г., %

Самооценка людей их благосостояния, невзирая на материальную составляющую, субъективна по своей природе. Дело в том, что она формируется в сознании людей не столько объективными факторами, такими как, например, размер заработной платы, уровень цен или покупательная способность национальной валюты, сколько на основе сравнения с показателями благосостояния соседей (людей и стран), а также принятыми в данной социокультурной среде стандартами потребления. Этим чаще всего и обусловлено доминирующее преобладание группы респондентов со средним достатком. Определяющее слово здесь — «средний». Наш народ не случайно называет середину «золотой». В отличие, к примеру, от англосаксов, у которых ценится отнюдь не середина, а лидерство, превосходство над всеми остальными.

Каждый пятый (21,8%) белорусский горожанин отнёс себя к «беднякам». Сюда же придётся присовокупить и «нищих», причисливших себя к тем, кто живёт за чертой бедности, коих в нашем исследовании оказалось 2,2%. В итоге, «бедняков» и «нищих» в совокупности оказалось почти четверть от всех участников опроса. Не слишком ли много? Попробуем разобраться, что стоит за столь низкой самооценкой «бедняков». В первую очередь, эта самооценка отражает низкий уровень доходов по отношению к воспринимаемому ими стандарту потребления. А таким ориентиром потребления для наших современников выступает пресловутый евростандарт. «Мы живём в Европе и потому хотим жить по-европейски», — говорят они. И совершенно правы уже хотя бы потому, что им об этом говорят руководители государства. Однако материальные притязания наших соотечественников, навеянные телевизионными путешествиями и глянцевыми журналами, далеко не в полной мере удовлетворяются вялой белорусской экономикой. Этим несоответствием, а вовсе не физическим голоданием, скорее всего, и обусловлены уничижительные самооценки наших сограждан своего материального положения. Именно поэтому мы и взяли в кавычки слова «бедняк» и «нищий», имея в виду относительный характер их материальной недостаточности.

Обратим внимание ещё на один фактор, влияющий на общественную самооценку материального благосостояния, — направленность и динамика изменения материального положения людей. Прибавка к низкой зарплате вызовет у человека положительную эмоцию, а снижение высокой зарплаты — напротив, сильно огорчит его. Подчеркнём: не столько важен уровень доходов, сколько направленность и темпы их изменения. Зная эту зависимость, мы спросили у могилевчан о том, как изменилось материальное положение их семей за последний год (рисунок 2).

У каждого пятого участника опроса дела в уходящем году шли в гору, а вот у каждого четвёртого — наоборот, материальное положение ухудшилось. У остальных, а это около половины опрошенных (45,3%), всё осталось без существенных изменений. При этом мы не стали уточнять, на каком — низком или высоком — уровне была достигнута стабильность их материального положения. Поэтому гистограмма, отображающая эту часть участников опроса, окрашена в неопределённый жёлтый цвет. В итоге, если принять за нейтральную позицию ситуацию “status quo”, налицо заметный перевес тревожного красного цвета, отражающего на рисунке ту часть населения Могилёва, которая недосчиталась в своих кошельках, над зелёным, позитивным цветом, под которым у нас представлены могилевчане, прибавившие к своему материальному достатку.

Однако, как известно, всё познаётся в сравнении. А у нас есть возможность сравнивать нынешние самооценки материального благополучия могилевчан с данными на этот счёт, полученными ранее. Мы воспользуемся результатами социологических опросов, проведённых Могилёвским институтом региональных социально-политических исследований (МИРСПИ), начиная с 1995 г. Большая часть этих опросов была осуществлена при непосредственном участии автора этого текста, поэтому мы используем эти данные как свои собственные. В таблице приведена ретроспектива самооценок изменения материального благополучия респондентов, проживающих в Могилёве (таблица 1).

Рисунок 2 — Распределение респондентов, ответивших на вопрос «Как изменилось материальное положение Вашей семьи за последний год?», 2018 г., %

Т а б л и ц а — Результаты ответов жителей Могилевщины на вопрос «Как изменилось материальное положение Вашей семьи за последний год?», баллы

Варианты ответов	1995	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2008	2011	2018
Улучшилось	3,4	3,2	4,5	6,4	5,8	8,3	7,9	11,9	12,1	20,1	14,6	9,3	19,7
Осталось без изменений	13,5	35,5	18,3	25,6	22,9	40,7	35,8	42,2	39,1	38,5	57,0	24,0	45,3
Ухудшилось	81,7	58,1	74,3	60,9	69,1	41,8	51,6	39,9	43,1	36,2	22,9	66,5	25,3
Индекс текущего состояния*	21,7	45,1	30,2	45,5	36,7	66,5	56,3	72,0	69,0	83,9	91,7	42,8	94,4

*Примечание. Индекс текущего состояния рассчитан по сокращённой методике, на основе одного вопроса-индикатора, приведённого в таблице. Расчёт индекса производится следующим образом: к разности положительной оценки и отрицательной оценки прибавляется 100.

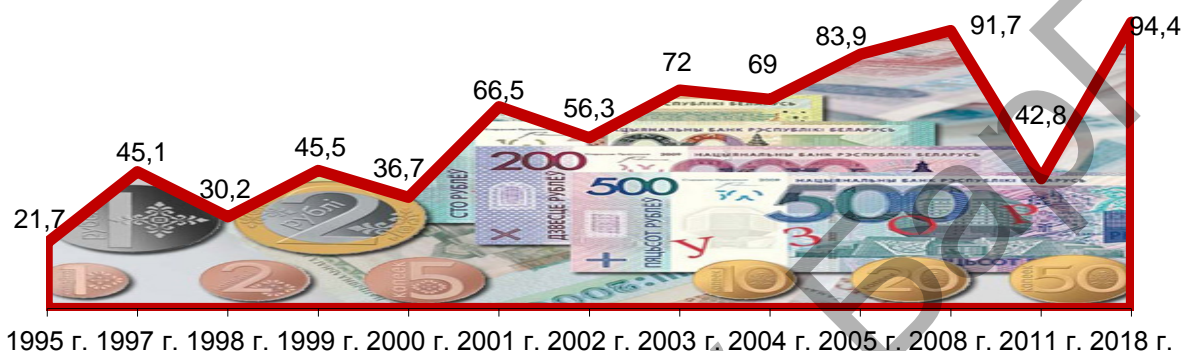

Рисунок 3 — Динамика индекса текущего состояния с 1995 года по 2018 год, в баллах

В качестве инструмента анализа материального благополучия граждан мы использовали фрагмент методики «Индекс потребительских настроений (ИПН)», которая была создана в 1946 г. учеными университета штата Мичиган (США). В настоящее время «Индекс потребительских настроений» входит в число 11 важнейших макроэкономических показателей, на основании которых исчисляет свои прогнозы Бюро экономического анализа, включенное в структуру правительства США. С 70-х гг. прошлого столетия ИПН активно используется в экономической и политической жизни США и стран Западной Европы. В Беларуси опыт применения ИПН в качестве инструмента анализа материального благополучия граждан имеем только мы [1]. В данном случае мы использовали ту часть технологии ИПН, которая определяет «Индекс текущего состояния материального благополучия» людей. Он строится на основе сравнения удельных весов граждан, улучшивших и ухудшивших свое материальное положение в течение последнего года (или 6 месяцев). В нижней строке таблицы приведены значения «Индекса текущего состояния материального благополучия» людей, начиная с 1995 г.

Табличный формат приведённых результатов опроса хотя и точен, однако не слишком нагляден. Поэтому мы проиллюстрируем данные таблицы графическим форматом. Динамика индекса текущего состояния материального положения наших земляков хорошо видна (рисунок 3).

График наглядно показывает годы кризисов, когда заметно ухудшалось материальное положение наших сограждан. Последний такой период экономической деградации пришёлся, как известно, на 2011 г., что и отразилось на материальном самочувствии граждан. Однако с тех пор ситуация восстановилась, и, если верить общественному мнению, «Индекс текущего состояния материального благополучия» в 2018 г. достиг максимума за весь период наших наблюдений, начиная с 1995 г. Мы и будем исходить из того, что сегодня, несмотря на наличие существенных проблем в экономике, удельный вес граждан, улучшивших своё благосостояние, как никогда высок. Правда, не будем при этом забывать о том, что даже в этом случае доля экономических оптимистов всё-таки остаётся меньше доли тех, кто за прошедший год ухудшил своё материальное положение.

Список цитируемых источников

1. Индекс потребительских настроений молодежи в Беларуси (Могилев) и Украине (Донецк) : сравнит. исслед. // Молодежь и рынок: проблемы восприятия молодежью Беларуси (Могилев) и Украины (Донецк) демократических и рыночных ценностей / ред. В. Д. Выборный. — Могилев : Гуманит. инициатива, 1999. — С. 22—30.

ЗАХАВАННЕ ЎЗОРАЎ КУЛЬТУРНА-ГІСТАРЫЧНАЙ СПАДЧЫНЫ ЯК ФОРМА САЦЫЯЛЬНАГА СЛУЖЭННЯ ЦАРКВЫ

У сучасным свеце царква з'яўляецца неад'емнай часткай складанавыбудаваанай сістэмы сацыяльных узаемаадносін. Розныя сацыяльныя праблемы існавалі на ўсіх этапах развіцця грамадства і вырашаліся па-рознаму. У беларускай гісторыі не апошняя роля ў вырашэнні сацыяльных праблем адводзілася царкве, якая стварала і развівала разнастайныя формы сацыяльнай працы. Перадусім у мінулым пад сацыяльнай царкоўнай працай і сацыяльным служэннем разумелася справа ў дапамозе бяздольным і тым, каго спасцігла нэндза і патрэба: гісторыя беларускай царквы насычаная прыкладамі дабрадзейства. У часы сярэднявечча і мадэрна пры цэрквах закладаліся шпіталі, дзейнічалі брацтвы. Адзначаецца актыўнасць царквы ў сацыяльным служэнні і ў XIX ст. Служэнне царквы ў незалежнай Беларусі (забароненае і перарванае за часамі савецкай улады) цягам апошніх дзесяцігоддзяў адраділася. Сацыяльная праца царквы перажывае новы этап свайго развіцця і набывае новыя формы, абумоўленыя ўзроўнем развіцця грамадства і агульнапрынятымі тэндэнцыямі.

Безумоўна, галоўнай формай сацыяльнага служэння царквы ў наш час застаецца традыцыйная форма, а менавіта дапамога тым, хто знаходзіцца ў складанай жыццёвай сітуацыі. Спонтанныя ініцыятывы, якія ўзніклі ў 1990-х у асяроддзі актыўных святароў і міран, у сацыяльнай сферы паступова набываюць ясныя структурныя формы. На епархіяльным і парафіяльным узроўнях рэалізуецца мноства сацыяльных праектаў, у рамках якіх вядзецца праца з залежнымі, бяздомнымі, пажылымі і моладдзю, інвалідамі і г. д. Святар ужо даўно перастаў быць «дзівоцтвам» у бальніцах, дзіцячых дамах, месцах зняволення — там, дзе патрабуецца падтрымка. Для таго каб сацыяльная праца не зводзілася да фармальнага дзеяння, а рэальна дапамагала рэалізацыі прынцыпаў дабрачыннасці ў сучасных умовах, у царкоўным асяроддзі ўдзяляецца шмат увагі павышэнню якасці гэтай працы. У сувязі з гэтым і пад уплывам сацыяльна-эканамічных умоў практыка сацыяльнага служэння пераасэнсоўваецца, адбываюцца захаванні па адмове стэрэатыпаў і прыняцці новых стратэгий. Менавіта хрысціянскае разуменне служэння бліжняму ў кантэксце духоўна-маральных традыцый беларускага народа з'яўляюцца фундаментальнай асаблівасцю сацыяльнай работы ў нашай дзяржаве. Цяпер з'явілася магчымасць вярнуцца да традыцыйных хрысціянскіх каштоўнасцей, каб па-новаму вызначыць змест сацыяльнай працы. Сучасныя сацыяльна-эканамічныя прыярытэты даюць магчымасць ўвасобіць ідэі сацыяльнага служэння, якія засноўваюцца на хрысціянскіх традыцыях беларускага народа.

Ва ўмовах сучасных тэндэнцый развіцця грамадства вылучаецца такая форма сацыяльнага служэння царквы, як захаванне культурна-гістарычнай спадчыны. Абумоўлена гэта важнай роляй, якую адыгрывае спадчына, у тым ліку і царкоўная, у жыцці грамадства.

Царкоўная гісторыка-культурная спадчына народа Беларусі, створаная ім у розныя гістарычныя перыяды, з'яўляецца не толькі яго здабыткам, але і неад'емнай часткай дасягненняў усяго чалавецтва. Духоўныя, мастацкія і дакументальныя каштоўнасці беларускіх цэркваў уплываюць на інтэлектуальнае, духоўнае і эканамічнае развіццё беларускага грамадства. Асабліва варта падкрэсліць значнасць і ўнікальнасць спадчыны, створанай у часы Вялікага Княства Літоўскага: прыклады царкоўных здабыткаў таго часу адметны сваёй рэдкасцю і самабытнасцю. Для любога народа захаванне царкоўнай культурнай спадчыны важна па трох прычынах:

- гісторыка-культурная спадчына істотна ўздзейнічае на свядомасць і самасвядомасць людзей, дазваляе ім адчуць сваё дачыненне да культурнай традыцыі многіх пакаленняў;
- гісторыка-культурная спадчына з'яўляецца досыць аб'ектыўным сведчаннем мінулага;
- гісторыка-культурная спадчына — гэта частка матэрыяльнай і духоўнай культуры, створаная, захаваная і перададзеная сучаснікам як нешта ўшанаванае і ўнікальнае, як нязменная каштоўнасць.

Захаванне і прымнажэнне гісторыка-культурных каштоўнасцей мае выключна важнае значэнне для развіцця нацыянальнай культуры беларускага народа. Дзяржава гарантуе захаванасць і абарону гісторыка-культурнай спадчыны не толькі карэннай нацыі, але і ўсіх нацыянальных і рэлігійных супольнасцей, якія пражываюць у Рэспубліцы Беларусь.

Каштоўнасць аб'екта культуры вызначаецца яго сацыякультурнай значнасцю. Каштоўнымі для чалавека з'яўляюцца тыя матэрыяльныя і духоўныя прадметы і з'явы, якія здольныя падахвочваць яго да актыўнай дзейнасці і надаваць ёй сэнс. Каштоўнасці арыентуюць чалавека ў свеце, накіроўваюць яго паўсядзённую дзейнасць. Зыходзячы з каштоўнасцей, чалавек вызначае для сябе прыярытэты ўласнай жыццёвай стратэгіі. Уяўленні чалавека пра каштоўнасці фармуюцца на аснове пэўных сацыяльных і духоўных традыцый. Важнасць царкоўных культурных каштоўнасцей як фактару развіцця чалавецтва вызначаецца міжнароднай супольнасцю, а таксама царквой. Так, у «Положениі о должности епархиального древлехранителя», якое было прынята на пасяджэнні Святога Сіноду 25 снежня 2014 г. адзначаецца:

«Сохранение и передача грядущим поколениям бесценного духовного наследия Русской Православной Церкви, запечатленного в памятниках архитектуры, иконописи, произведениях изобразительного и ювелирного искусства, скульптуры, всегда было очевидной и насущной задачей Церкви [1]».

У багатай царкоўнай спадчыне, сярод іншага (архітэктурна, кнігазборы, літургічнае начыненне) варта вылучыць узоры іканапісу. Абранне менавіта гэтага віду спадчыны не выпадковае. Як адзначае культуролог Юлія Чарняўская, супольнасцю асабліва ўвага надаецца лепшым творам мастацтва і прадметам цывілізацыі, якія былі створаны за шматлікія стагоддзі, але захавалі свой статус каштоўнасці і ў сучаснасці працягваюць удзельнічаць у жыцці чалавецтва. Новае пакаленне ніколі не пераймае ўсіх элементаў мінулага, а толькі выбарачна, папярэдне падвергнуўшы каштоўнасці праверцы. Часцяком элементы культурнай спадчыны абіраюцца ў якасці класічных толькі ў адпаведнасці з іх прыдатнасцю да сучаснасці. Такі падыход шмат у чым і вызначае паняцце класікі, пад якой разумеецца зацвярдзэнне адабраных з культурнай спадчыны узораў, якія прымаюцца прадстаўнікамі культуры дадзенага этнасу ў якасці абсалютнай вартасці як арыенціры далейшага развіцця і меркі новаствараемых культурных, грамадскіх і асобна-чалавечых каштоўнасцей. У розныя эпохі такую ролю адыгрываюць розныя элементы і складнікі класічнай культурнай спадчыны, але ўся гэта спадчына ў цэлым заўжды застаецца той скарбніцай, з якой (кожная па сваім) бярэ свае эталоны і арыенціры наступная гістарычная эпоха. Класічны фонд культурнай спадчыны дадзенага этнасу, узяты ў цэлым, і вызначае духоўную стабільнасць гэтага этнасу і шмат у чым кірунак яго далейшага развіцця. Класічная спадчына поліфункцыянальная, а галоўная яе функцыя акрэсліваецца як стабілізацыя культурных дасягненняў, захаванне культурных пазіцый ва ўмовах іх паслаблення, фарміраванне стылёвай самаідэнтыфікацыі, апраўданне змен у грамадстве і вылучэнне сферы быцця, памкненняў і поглядаў, якія не могуць знайсці сваё месца ў сучаснай рэальнасці [2].

Здабыткі іканапісу вылучаюцца на падставе іх практыкапрымяняльнасці, што дазваляе далучыць іх да катэгорыі «класіка». Так, у сваёй большасці ўзоры іканапісу захоўваюцца ў прыходскіх храмах тых мясцовасцей, дзе былі створаны. Хоць творы іканапіснага мастацтва змяшчаюцца таксама і ў фондах і калекцыях музеяў, аднак у параўнанні з такім відам царкоўнай спадчыны, як кнігазборы (старажытныя асобнікі захоўваюцца пераважна ў бібліятэках і музеях; у літургіях амаль не выкарыстоўваюцца), царкоўныя абразы знаходзяцца ў месцах свайго натуральнага асяроддзя і выконваюць функцыі, акрэсленыя хрысціянскай традыцыяй. Дазваляе далучыць царкоўныя абразы да класікі і трывалая нязменнасць твораў іканапіснага мастацтва. У адрозненні ад помнікаў храмавай архітэктурны, на знешні выгляд якіх уплываюць фактары знешняга асяроддзя (перадусім, палітычна-ідэалагічныя: з сярэдзіны XIX ст. на Беларусі назіраецца тэндэнцыя перабудовы храмаў і змяненне іх архітэктурна-стылістычнага аблічча шляхам надання будынкам неўласцівых іх першапачатковай стылістыцы элементаў іншых архітэктурных плыняў), узоры іканапісу застаюцца амаль нязменнымі цягам некалькіх стагоддзяў.

На прыкладзе ўнікальных узораў іканапісу з царквы Святога Духа ў вёсцы Вялікае Падлесце (Ляхавіцкі раён) разгледзім, як царква выконвае форму сацыяльнага служэння па захаванні культурна-гістарычнай спадчыны.

Спачатку акрэслім гістарычныя перадумовы ўзнікнення іканапіснага збору, адзначыўшы галоўныя этапы развіцця прыходу ў вёсцы Вялікае Падлесце. Галоўная версія ўзнікнення прыходу, якая распаўсюджана ў сучаснай літаратуры, прыводзіцца ў «Апісанні цэркваў і прыходаў Мінскай епархіі» за 1878 г., дзе паведамляецца наступнае: «Первоначальное построение в сей местности церкви приходится в связи с двумя фактами: явление местно-чтимой иконы Пресв. Богородицы и наделом земли, для содержания причта новоучреждаемой в то время в селе Подлесье церкви [...] (Пасля з'яўлення іконы — аўт.) жители села Подлесья, наскоро построили на месте явления иконы дощатый шатёр, а немедленно затем деревянную часовню. Впоследствии, Мстиславский воевода, Георгий Сапега, во время тяжкой болезни, дал обет построить здесь церковь, и, совершенно выздоровев, ходил пешком на поклонение сей иконе Богоматери, потом построил деревянную церковь и на содержание причта ей, в 1637 г. записал 3 уволок земли» [3, с. 199]. Аднак прыведзеная вышэй версія не зусім адпавядае рэчаіснасці. Справа ў тым, што абазначаным у тэксце 1637 г. Ляхавіцкім маёнткам, у склад якога ўвесь час уваходзіла вёска Вялікае Падлесце [4, с. 75], валодаў не Георгій Сапега, а падканцлер літоўскі Казімір Лявон Сапега. Месціслаўскі ваявода ж Георгій Феліцыян Сапега ўладарыў Ляхавіцкім графствам з 1686 па 1750 г. [5, с. 43]. Прыведзеная ў «Апісанні цэркваў...» версія запісвалася са слоў мясцовых жыхароў, што адзначана і ў самім дакуменце. Праўдападобна, што адбылася пэўная блытаніна з датамі альбо імёнамі. На нашу думку, памылковай з'яўляецца менавіта дата 1637 г. На карысць гэтага сведчаць акты царкоўных візітацый Цырынскай прэапопіі за 1680 г., дзе звесткі адносна царквы ў Падлесці адсутнічаюць [6]. На нашу думку, у Падлесці Г. Сапегам у XVIII ст. была ўзведзена капліца, якая захавалася да нашага часу і носіць імя нябеснага патрона графа Сапегі — святога Георгія. Там захоўваецца драўлянае распяцце, якое датуецца XVIII ст.

Адносна з'яўлення царкоўнага прыходу ў Вялікім Падлесці значнае наступнае. У актах царкоўных візітацый адзначана, што прыходу ў Вялікае Падлесце быў перанесены з Ляхавіч у канцы XVIII ст. [7]. Гэта тлумачыць і наяўнасць помнікаў іканапісу XVII ст., якія захаваліся ў царкве да нашага часу. Сам жа будынак падлескай царквы быў узведзены ў 1818 г. [8, с. 337]. У «Апісанні цэркваў...» адзначаецца, што, згодна з мясцовай легендай, будынак царквы быў узведзены «управителем имения Старо-Ляхович, который, будучи уносим испуганною лошадей, в момент опасности обратился мысленно

к Подлеской иконе Богоматери, дав обет построить новую церковь, после чего мгновенно лошадь оставилась и жизнь погибавшего уцелела» [3, с. 199].

Сам будынак царквы, як адзначае мастацтвазнаўца Тамара Габрусь, з'яўляецца помнікам традыцыйнай драўлянай культавай архітэктуры з элементамі класіцызму. Будынак складаецца з прамавугольнага ў плане галоўнага аб'ёму і выцягнутай пяціграннай апсіды, да якой прыбудаваны невялікія рызніцы. Усе аб'ёмы аб'яднаны двухскатным гонтавым дахам. Галоўны заходні фасад аформлены шасцікалонным порцікам, які завяршаецца франтонам у форме трапецыі. Порцік і апсиду вячаюць гранёныя фігурныя вежачкі. Сцены царквы вертыкальна ашалаваныя, фарбаваныя ў блакітны колер (у 1878 г. дах меў чырвоны колер, а сцены — жоўты [3]), умацаваныя брусам і прарэзаныя прамавугольнымі аконнымі праёмамі. Дзвярны праём мае напаяўцркулярнае завяршэнне. Інтэр'ер храма зальны, перакрыцце брусавае з падшытай столлю. Над уваходам змяшчаюцца хоры, упрыгожаныя балюстрадаю [9, с. 290].

Да нашага часу ў падлескай царкве Святога Духа захаваліся цудоўныя прыклады беларускага іканапісу XVII ст. Іканапіс і сакральны жывапіс Беларусі гэтага перыяду, па словах мастацтвазнаўцы Н. Высоцкай, уяўляе сабою арыгінальную з'яву еўрапейскай культуры. Ён развіваўся адначасова з манументальным і свецкім мастацтвам і захаваў дзве магутныя галіны еўрапейскай культуры: іканапіс і алтарны жывапіс, які існаваў ва ўзаемаўплыве і ўзаемаўзбагачэнні, што не мае прамых аналогій у мастацтве Заходняй і Усходняй Еўропы і караніцца ў гістарычных асаблівасцях развіцця Беларусі, размешчанай на стыку лацінскага захаду і праваслаўнага ўсходу, што ў сваю чаргу спрыяла ўзнікненню цесных сувязей мастацтва як з візантыйскай, так і з заходнееўрапейскай культурай. У агульным ходзе фарміравання беларускай народнасці, мовы, культуры ў XIV—XVI стст. адбываўся працэс станаўлення мясцовай школы жывапісу, што адыграла вызначальную ролю ў развіцці мастацтва наступных стагоддзяў. У Беларусі, як і ў шэрагу краін Заходняй Еўропы, з канца XVI ст. і амаль да канца XVIII ст. вядучым стылістычным напрамкам у архітэктуры і мастацтве было барока. Станаўленне яго ў Беларусі адбываецца раней, чым ва ўсіх заальпійскіх краінах, і па часе амаль супадае з мастацтвам маньерызму ў Італіі. Хуткае засваенне новай стылістыкі ў Беларусі адбылося таму, што, з аднаго боку, пры захаванні візантыйскіх і мясцовых асноў развіваліся раманскі, гатычны стылі, рэнесанс, а з іншага — у самой паўночна-ўсходняй Італіі ў V—XV стст. былі досыць моцныя візантыйскія традыцыі пры аслабленых рысах раманскага стылю і готыкі. Так, у Беларусі склалася ўнікальная сітуацыя, пры якой адбылося арганічнае спалучэнне еўрапейскай стылістыкі, якая паслядоўна развівалася, з візантыйскімі вытокамі, мясцовымі традыцыямі, што спрыяла сцвярджэнню паўночнаітальянскага варыянту барока, які ў далейшым выліўся ў фарміраванне ўласнай нацыянальнай школы ў архітэктуры і іншых відах мастацтва [10].

Наяўнасць у Падлесці адметных абразоў высокамастацкай вартасці («замечательных по древности и редкости живописи» [3, с. 200]) падкрэсліваецца ў дакументах XIX ст. Паведамляецца як пра абразы з іканастасу, так і насценныя. Прыведзеныя ўзоры іканапісу захаваліся і да нашага часу. Разглядзім іх падрабязней.

Галоўнай мастацкай перлінай у падлескім іканапісным зборы з'яўляецца абраз Маці Божай Падлескай, які лічыцца цудадзейным (рысунак 2). Легенда, звязаная са з'яўленнем абраза, прыводзіцца ў «Гістарычна-статыстычным апісанні Мінскай епархіі» за 1864 г., дзе адзначаецца, што «по местному приданию она явилась на камне подле креста, стоявшего близ дороги из села Подлесья в деревню Заритов, некоторой проходившей здесь и прозревшей слепорожденной девице» [11, с. 72]. Адзначаецца, што на 1864 г. звестак адносна цудаў ад іконы не захавалася, але пазначана, што ў гонар іконы быў складзены гімн на польскай мове невядомым аўтарам [11]. З мастацкай кропкі погляду дадзены абраз датуецца XVII ст. Выканана ікона ў тэхніцы тэмпера на дубовай дошцы з залатым фонам і памерам 107 × 93 см. Абраза агорнута ў залачоную шату (аклад немаўляці Ісуса срэбны) з залачонымі каронамі [12]. Гэтая ікона, якая, як іншыя старажытныя абразы, першапачаткова знаходзілася ў ляхавіцкай царкве, аб чым сведчыць акт візітацыі 1680 г. Адзначаецца, што ў царкве знаходзіцца абраз Божай Маці, які пры сабе ўтрымлівае шэраг вотаў. Сярод іншых ахвяраванняў на іконе адзначаюцца: тры вялікія срэбныя табліцы, тры ручкі, два паўмесяцы, тры сэрцы, дваццаць малых таблічак, пяць срэбных крыжыкаў, два срэбных кулоны, апраўленыя у крышталі, і адзін бурштывавы ў срэбнай аправе, двое каралёў (адны з перлін), маленькая срэбная зорка, пакрытыя срэбрам пасака, тасьма залатая. Гэта дае падставы лічыць згаданы абраз цудадзейным і шанаваным [6].

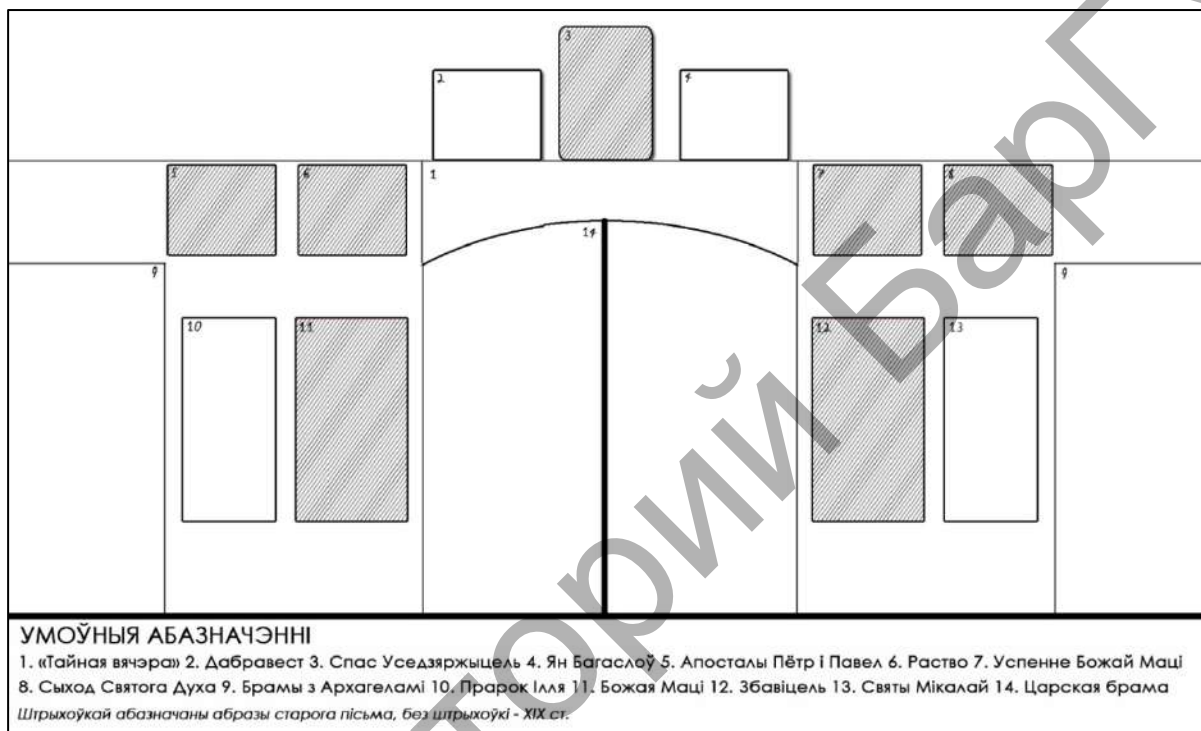
Сярод падлескіх абразоў знаходзіцца прастольны абраз былой ляхавіцкай царквы святога Георгія — ікона «Цуд Юрыя». Абраза XVII ст. выкананы ў тэхніцы тэмпера на сасновай дошцы памерам 109 × 75 см і адметны сваім маляўнічым каларытам і насычанасцю фарбаў [12]. Ідэал праведнасці і добразычлівасці — не фанатычны, не пакутніцкі, але вельмі чалавечны і гуманны — адлюстраваны ў іконе 1683 г. «Тры свяціцелі. Васіль Вялікі, Іаан Багаслоў, Ян Залатавуст», выкананай на хваёвай дошцы памерам 108 × 81 см у тэхніцы тэмпера (гл. рысунак 2). Агульныя цёплы каларыт іконы і залацісты разьбяны фон з бутонамі лілей падкрэсліваюць спакойную і мудрую святочнасць ладу [12].

У апісанні царквы за 1879 г. змяшчаюцца звесткі адносна царкоўнага іканастасу. Адзначаецца, што ён новага ўстройства, драўляны і змяшчае 7 абразоў старога пісьма, а 5 — новага. Дадзеная мадэль іканастасу захавалася да нашага часу (рысунак 1). Праўдападобна, што, ствараючы яго ў XIX ст., выкарыстоўваліся абразы, якія прысутнічалі ў царкве і раней. Як адзначаюць мастацтвазнаўцы Эльза Максімава і Вольга Церашчатава, абразы з Падлесся надзвычай самабытныя і выкананыя на высокім

прафесійным узроўні, прычым манера выканання вельмі адрозніваецца ад паўднёвапалескай. Гэта дае падставы меркаваць, што недзе ў наваколлі, а магчыма ў саміх Ляхавічах (як цэнтры буйнога маёнтка, які належаў прадстаўнікам магнатэрыі ВКЛ), існавала мастацкая майстэрня [12].

У царкве знаходзяцца таксама два бакавыя драўляныя, дэкараваныя разьбою алтары канца XVIII ст., у якіх, аднак, змяшчаюцца іконы XIX ст. Апроч твораў ікананісы варты зазначыць найўнасць у царкве карцін на біблейскую тэматыку: «Страшны суд» і «Суд над Хрыстом» (недатаваныя).

У падлескім прыходзе ўзоры ікананісы аберагаюцца вельмі пільна, стаўленне да іх вельмі педантычнае, у мясцовых жыхароў іконы знаходзяцца ў вялікай пашане. Аднак без шчыльнага ўзаемадзеяння з іншымі структурамі, а перадусім органамі мясцовай улады, захоўваць такія каштоўныя ўзоры ікананісы было б досыць складана. Таму прыход падтрымлівае дастаткова шчыльныя стасункі з іншымі функцыянальнымі структурамі, якія дапамагаюць у справе захавання культурна-гістарычнай спадчыны.

Рысунак 1 — Схема іканастасу царквы Святога Духа ў вёсцы Вялікае Падлессе

Рысунак 2 — Царкоўныя абразы Свята-Духава храма XVII ст.: Божая Маці Падлеская, «Суд Юрыя», «Тры Свяціцелі» [10]

Такім чынам, разгледзеўшы на канкрэтным прыкладзе справу па захаванні царквой узораў культурна-гістарычнай спадчыны, можам зазначыць: у сучасным свеце сацыяльнае служэнне царквы не абмяжоўваецца выключна яго класічнымі формамі, а пад уплывам фактараў знешняга асяроддзя і грамадскіх тэндэнцый з'яўляюцца новыя формы. Збераганне і ўшанаванне ўзораў старажытнага ікананісу адыгрывае важную ролю ў фармаванні нацыянальнай і рэлігійнай ідэнтычнасці, што спрыяе ўмацаванню традыцыйных каштоўнасцей у грамадстве. Важна, каб у царкоўных прыходах усведамлялася роля спадчыны, а працэс яе захавання разглядаўся менавіта як сацыяльнае служэнне. Так царква зможа захаваць свае здабыткі, якія назапашваліся чалавецтвам цягам стагоддзяў. Дачыненне да царкоўнай культурнай спадчыны ўзбагачае чалавека, пашырае яго магчымасці і пераносіць яго ўзаемадзеянне з царквой і навакольным светам на якасна іншы ўзровень.

Спіс цытаваных крыніц

1. Положение о должности епархиального древлехранителя [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3891562.html>. — Дата доступа: 25.10.2016.
2. Чернявская, Ю. Народная культура и национальные традиции [Электронный ресурс] / Ю. Чернявская. — Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Chern/14.php. — Дата доступа: 25.10.2016.
3. Описание церквей и приходов Минской епархии 1878/79 гг. — Минск, 1879.
4. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Ляхавіцкага раёна // Беларуская савецкая энцыклапедыя / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд) [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1989. — 439 с.
5. Грыцкевіч, А. Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Ляхавіцкага раёна / А. Грыцкевіч // Беларуская савецкая энцыклапедыя / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд) [і інш.]. — Мінск : БелСЭ, 1989. — С. 42—47.
6. Візіты уніяцкіх цэркваў Мінскага і Навагрудскага сабораў 1680—1682 гг. : зб. дакументаў / склад. Д. В. Лісейчыкаў. — Мінск : І. П. Логвінаў, 2009.
7. Нацыянальны гістарычны архіў Рэспублікі Беларусь (НГАРБ). — Ф. 136. Воп. 1. Спр. 41248.
8. Габрусь, Т. В. Сакральнае дойлідства Беларусі: 1000-гадовая спадчына / Т. В. Габрусь. — Мінск : Беларус. навука, 2014. — 483 с.
9. Свод памятников истории и культуры Белоруссии. Брестская область / АН БССР, Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора. — Минск : БелСЭ, 1990. — 424 с.
10. Высоцкая, Н. Ф. Уводзіны / Н. Ф. Высоцкая // Ікананіс і алтарны жываніс Беларусі XII—XVIII стагоддзяў. — Мінск : Беларусь, 2012. — 231 с.
11. Историко-статистическое описание Минской епархии. — СПб., 1864.
12. Максімава, Э. Тры свяціцелі, палескі вадзянік і залатыя лісты аканта / Э. Максімава, В. Церашчатава // Памяць: гісторыка-дакументальная хроніка Ляхавіцкага раёна. — Мінск : БелСЭ, 1989. — С. 100—107.

УДК 316.42(476)

О. Г. Ворошень

Государственное научное учреждение «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси», Минск

ФЕНОМЕН «ТУТЭЙШАСЦ» В ФОРМИРОВАНИИ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

В научной литературе исследователи проблем национальной идентичности выделяют ряд объективных факторов, которые оказывают влияние на формирование идентичности той или иной этнической общности.

Одним из таких факторов, оказывающим значительное влияние на формирование особенностей национальной идентичности, являются природно-географические условия проживания этнической общности. К ним относят величину и месторасположение страны, ее рельеф, природу границ, климат, наличие полезных ископаемых, флору и фауну, заселенность, географическое соседство с другими этносами [1, с. 194].

Именно территория выступает в качестве критерия отнесения себя к этнической общности и идентификации с ней и, таким образом, является важным звеном для процессов национальной идентификации.

Как справедливо заметил С. Кокберн, «...земля строит и заполняет наши мысли. Мы испытываем сильные эмоции по поводу ландшафтов, особенно тех, которые мы называем своим домом» [2, с. 51].

Однако важна не сама территория, а представления о ней, особое отношение к «своей земле», исторически обусловленное, типичное для каждого этноса.

В контексте исследований национальной идентичности белорусов ряд авторов подчеркивают особое отношение к территории проживания, родной земле, характерное для белорусов. Такие авторы, как А. Казакевич, А. Насута, А. Смоленчук, Ю. В. Чернявская и другие, отмечают, что типичным для белорусов является наличие глубинной связи с местом, землей.

Земля для белоруса — не просто место обитания. Земля — «фундамент бытия белоруса, его главная опора, его Космос. Мир белоруса — всецело мир его земли» [3]. Не огромная необъятная родина, но «родны кут», край, уголок, «родная старонка».

Исследователь Ю. В. Чернявская отмечает, что ощущение привязанности к родной земле на определенном историческом этапе стало определяющей точкой белорусской самоидентификации [3]. Ведь

не сама по себе территория, а то, что связывает человека с ней, отношение к ней, имеет значение для процессов идентификации. «Несомненно, что национальное самосознание включает ценностное отношение... к тому, что принято называть “родная земля”» [4, с. 11].

Автор А. Насута полагает, что связь человека с землей, территорией проживания, краем, укорененность являются основой и источником белорусской культуры [5, с. 167]. Культура каждого народа впитывает в себя всю уникальность природной среды, которая его окружает. Укорененность также берет начало в связи человека, его рода с природной средой того географического ареала, где он исторически значимое время проживает.

Такие особенности белорусского самосознания позволили исследователям говорить об особом феномене, типичном для белорусов. Речь идет о феномене «тутэйшасці», который в прошлом проявлялся в «глубинной связи, привязанности белорусов к своей земле, краю, месту, территории проживания, идентификации с местностью и земляками, сакральной значимости и значении, придаваемом белорусами родной земле и малой родине» [6, с. 57], а к настоящему времени исторически закрепился в менталитете белорусского народа. Характерные для белорусов глубокие эмоциональные связи с территорией, территориальной общностью, привязанность к родной земле, укорененность обусловили формирование специфики белорусской национальной идентичности.

Истоки феномена «тутэйшасці» лежат в историческом прошлом белорусского народа и его страны. Белорусский регион в прошлом никогда не был в этническом и политическом отношении единым и однородным, постоянно находился на перекрестке разнообразных поликультурных взаимовлияний. Белорусские земли на протяжении многих веков были ареной столкновения Запада и Востока, православия и католицизма, где в разное время себя проявили Литовское государство, Польша, Москва [3].

В этих «битвах» за собственное самоопределение и родилась белорусская «тутэйшасць», можно сказать, универсальная модель самоопределения под меняющуюся политическую обстановку. Определение «тутэйшыя» стало самоназванием тех местных жителей, которым удавалось выжить после разрушительных военных кампаний и сохранить свою идентичность. На вопрос о своей национальной принадлежности белорусский крестьянин часто отвечал «я тутэйшы», тем самым отличая себя и от поляков, и от русских, но не идентифицировал себя с собственным этносом или нацией. «Не имея возможности самоидентификации по отношению к государственному целому, постоянно менявшемуся, он самоидентифицировал себя с единственно непоколебимым, исконным — с родной землей» [3]. Ответом «я тутэйшы» белорус снимал все последующие вопросы относительно нации и вероисповедания.

«Тутэйшасць» — это особенная жизненная позиция коренного белоруса, которому постоянно предлагали определиться с верой, национальностью, языком.

Некоторые исследователи полагают, что «тутэйшасць» выполняла позитивную функцию. В ситуации, когда на территории края сосуществовали очень близкие, родственные культуры, «тутэйшасць» была способом защиты самобытности народа и культуры, помогала сохранять свою национальную «адметнасць і самабытнасць». Так, Ю. Бардах пишет об этом так: «Можна, аднак, заўважыць у “тутэйшасці” і спецыфічную форму свядомасці, а менавіта краёвую свядомасць. На землях, дзе суіснавалі розныя мовы, вызнанні, уплывы розных культур, гэта прымала форму адмаўлення ад таго, каб выказацца за адзін з бакоў, нежадання абвясціць свой выбар, патрэба якога пры традыцыйным побытавым ладзе не адчувалася, але які пагражаў разбурэннем шматвяковых формаў сужыцця і камунікацыі, родзячы новыя, часам ледзьве адчувальныя, але рэальныя канфлікты і пагрозы» [5].

«Тутэйшасць» как глубинная связь с местом, как результат осознания своей принадлежности к определенной территории и соответствующей территориальной общности легла в основу национальной идентичности белорусов.

В современном мире, когда повсеместные процессы глобализации, рост мобильности способствуют стиранию границ, население становится все более полиэтническим, территориальные границы приобретают в мире все более условный характер. Тем не менее для белорусов значение, ценность земли, территории не утрачены. Это подтверждают данные исследований. Так, Л. И. Науменко в своей работе приходит к выводу, что территориальная составляющая белорусской идентичности, проявляющаяся в осознании себя жителем Беларуси, чувстве привязанности к родной земле и месту проживания, является наиболее актуализированной среди жителей нашей страны [7, с. 85].

Белорусы все еще сохранили глубокую связь с землей, которая способствовала становлению уникальности белорусской культуры и самосознания и в настоящее время может помочь укреплению и сохранению белорусской идентичности, консолидации и интеграции белорусского общества.

Список цитируемых источников

1. Кукоба, О. А. Доминанты российского национального менталитета / О. А. Кукоба // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. — 2004. — № 2. — С. 191—208.
2. Кокберн, С. Пространство между нами. Обсуждение гендерных и национальных идентичностей в конфликтах / С. Кокберн. — М.: Идея-Пресс, 2002. — 209 с.
3. Чернявская, Ю. В. Пять парадоксов национального самосознания белорусов [Электронный ресурс] / Ю. В. Чернявская // Индекс. — 2001. — № 15. — Режим доступа: <http://index.org.ru/journal/15/15-chern.html>. — Дата доступа: 21.03.2016.

4. Хабибуллин, К. Н. Испытания национального самосознания / К. Н. Хабибуллин. — СПб. : Петрополис, 1993. — 120 с.
5. Насута, А. Харьзма тугэйшасці / А. Насута // Druvis. — 2005. — № 1. — С. 163—173.
6. Котляров, И. В. Родная земля в восприятии населения современной / И. В. Котляров // Проблемы упр. — 2009. — № 4 (33). — С. 57—65.
7. Науменко, Л. И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая специфика / Л. И. Науменко. — Минск : Беларус. навука, 2012. — 205 с.

УДК 730:726 (477.83/86)

А. О. Горанский¹, С. В. Мандрик²

¹Учреждение образования «Минское духовное училище» Белорусской православной церкви, Минск

²Учреждение образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ВЕРОТЕРПИМОСТЬ БЕЛОРУСОВ: КОРНИ И ТРАДИЦИИ

Как известно, с конца 1980-х гг. в нашей стране происходила активизация религиозной жизни, которая и в настоящее время остается стабильно активной. В связи с этим увеличилась и продолжает расти интенсивность взаимодействий между представителями различных вероисповеданий. Современное качество межконфессиональных отношений, которое характеризуется толерантностью и спокойствием, является исторически сложившимся и этнически обусловленным. Однако его нельзя считать окончательным и неизменным. Межконфессиональные конфликты в современном мире продолжают быть острыми и требуют своего разрешения. Беларусь в этом плане в настоящее время являет собой пример действительно толерантной страны. В этой связи необходимо указать, что Беларусь имеет уникальный исторический опыт, включающий как высокие достижения, так и значительные проблемы.

Чтобы оценить и проанализировать межконфессиональные отношения в настоящий момент и выявить тенденции их развития на будущее, необходимо рассмотреть их динамику на всем протяжении истории их существования, используя сравнительно-исторический и системный методы исследования.

Для этого необходимо сделать некоторые теоретические замечания. В качестве первоначальных русских эквивалентов понятия толерантности мы имеем слова «терпимость» и «терпение». При таком понимании мы выходим лишь на первый уровень понимания этого явления, которое в данном случае трактуется как сдерживание внешних негативных проявлений ксенофобии. Второй уровень толерантности предполагает значение в большей степени соответствующего английскому понятию «acceptance», что можно перевести как принятие разности вероисповеданий в качестве нормы (отсутствие ксенофобии). Этот второй высший уровень понимания конфессиональной толерантности в современном белорусском обществе является преобладающим. Однако история Беларуси представляет нам как примеры обоих уровней конфессиональной толерантности, так и проявления нетерпимости в отношениях между конфессиями. Эти три подхода можно выстроить в своего рода шкалу «нетерпимость—терпимость—принятие».

Для краткой систематизации исторического опыта конфессиональной толерантности в Беларуси воспользуемся (с определенными оговорками) периодизацией, предложенной Александром Мурновым [1] для систематизации межконфессиональных отношений между православной и католической церквами. Он выделяет период с конца XIV в. (знаковая дата — Кревская и Городельская унии 1385 и 1413 гг.) до Брестской унии 1596 г. Следующий период начинается, соответственно, с 1596 г. и завершается разделами Речи Посполитой в конце XVIII в. и вхождением территории Беларуси в состав Российской империи. Мы попытаемся рассмотреть качество межконфессиональных отношений именно на протяжении этих двух периодов, поскольку именно в это время произошло становление белорусской народности, а следовательно, и белорусского менталитета, были заложены традиции конфессиональной толерантности, плодами которых мы пользуемся по сей день.

При этом необходимо также отметить, что бесконфликтное сосуществование является для Беларуси естественным состоянием межконфессиональных отношений при отсутствии радикальных и приносимых извне изменений сложившейся этноконфессиональной структуры. В IX—XIV вв. предки белорусов были охвачены проповедью миссионеров как восточнохристианской, впоследствии православной (крещение Руси при Константинопольском патриархе Фотии, проповедь учеников славянских просветителей Кирилла и Мефодия, официальное крещение Руси при великом Киевском князе Владимире 988 г.), так и западнохристианской, позднее католической (Торвальд Путешественник, Бруно Бонифаций, епископ Рейнберн), традиции. С XVI в. к этим двум ветвям христианства добавился протестантизм в различных течениях, который с тех пор непрерывно существует в Беларуси.

На все это накладывается присутствие с конца XIV в. татар-мусульман (их численность к XVI в. достигла 40 000, а к XVII в. — 100 000 и более, в XIV в. действовало около 30 мечетей) и постепенное проникновение с того же времени иудеев на территорию Беларуси.

Еще великий Литовский князь Гедимин в своих Посланиях делает определенную заявку на построение бесконфликтного, справедливого государства: «Мы установим такой мир, который христиане еще не знали» [2]. Опыт государственного строительства ВКЛ дает чрезвычайно ценный материал в отношении регулирования межконфессиональных отношений. Правовые документы XIII—XVI вв., включая Статуты ВКЛ, фиксируют принцип субъективизации права, подразумевающий свободу вероисповедания, а в случаях межконфессиональных обвинений обязательность присутствия на суде свидетелей обеих сторон.

При радикальном изменении ранее сложившейся конфессиональной структуры (Кревская уния 1385 г., Брестская церковная уния 1596 г.), а также при поддержке государством определенных конфессий в ущерб другим происходит ухудшение межконфессиональных отношений, их радикализация и политизация.

Период 1385—1596 гг. характеризуется проникновением и распространением католицизма на территории Беларуси. В целом его можно характеризовать как период нисходящей динамики развития конфессиональной толерантности. Первым этапом является переход великого Литовского князя Ягайлы из православия в католицизм и его последующая коронация польской королевской короной. Условием избрания в польские короли для Ягайлы было крещение подвластных ему Литвы и Руси по католическому обряду [3]. С этого момента наблюдается ориентация государства и элиты на одну (католическую) конфессию. Ягайло издал ряд привилеев, которые не только утвердили права католической церкви, шляхты и магнатов-католиков, но также закрыли доступ к государственным должностям не католиков [4; 5].

Характерной чертой менталитета населения ВКЛ являлся плюрализм религиозно-церковной жизни, который принуждал светскую власть проводить политику относительной веротерпимости. При великом князе Витовте татарам гарантировалась свобода вероисповедания и широкие гражданские права, в том числе на строительство мечетей и браки с христианками. Татарская шляхта была уравнена в имущественных правах с христианской. Неоднократно татары-мусульмане вместе с коренными жителями ВКЛ защищали страну от единоверцев-врагов. Татары, напавшие на земли ВКЛ в 1510 г., призвали их присоединиться для совместных грабительских действий, однако получили отказ: «Ни Бог, ни пророк не говорит вам грабить, а нам быть неблагодарными: сражаясь с вами, мы сражаемся с грабителями, а не с нашими братьями» [6].

Великий Литовский князь Витовт также издал ряд привилеев, предоставляя евреям право заниматься торговлей и ремеслом, признавая свободу вероисповедания. В юридическом плане иудейская религия имела равные права с христианской, так как к даче показаний допускался только еврей, который честно выполняет свой религиозный закон. В привилеях литовских князей специально оговаривалось, что обвинение евреев в убийстве христианских младенцев является заведомо сомнительным и потому требует доказательств: наличия трех свидетелей — двух христиан и одного иудея. В том же случае, если вина не была доказана, то обвиняющий подвергается сам тому же наказанию, которое наступало в подобных случаях [7].

Власти Великого княжества давали гарантии прав православной церкви (Трокский привилей 1434 г. [8], жалованная грамота великого князя Литовского и польского короля Казимира [9]). Однако ситуация привилегированного положения католической церкви способствовала постепенному увеличению неравенства между верующими христианами и становлению католицизма как привилегированной конфессии до такой степени, при которой государство утратило возможность сдерживать ее давление на православную церковь. Об этом свидетельствует послание Киевского митрополита Максима (1474—1477) Римскому папе Сиксту IV от 14 марта 1476 г., в котором содержатся жалобы на католиков за их притеснения православных и просьбы восстановить мир между православными и латинянами. Интересно, что в 1605 г. на основании этого документа униатский митрополит Ипатий Потей утверждал, что уния в Великом Княжестве Литовском существовала до 1596 г. На наш взгляд, это еще одно свидетельство конфессиональной толерантности в Великом Княжестве, которой православный иерарх требовал и от расширяющих свое влияние католиков.

Однако во время правления великого князя Литовского и Польского короля Сигизмунда II Августа (1544—1572) принцип религиозной толерантности становится доминирующим. Важную роль в установлении этого принципа в общественной жизни ВКЛ сыграло реформационно-гуманистическое движение, которое охватило не только католическое, но и православное население, в первую очередь магнатов и шляхту, которые склонили короля издать ряд указов, закрепивших принцип веротерпимости в качестве правовой нормы. Так, на сейме в Вильне 1563 г. Сигизмунд II издал свой знаменитый декрет, который устанавливал равенство православной и католической шляхты [10]. Сейм в Гродно (1568) подтвердил этот акт.

Красной нитью через все предисловие к «Катехизису» Василия Тяпинского проходит мысль о необходимости религиозной терпимости и толерантности. Свой перевод Евангелия Тяпинский адресует кальвинистам, православным и всем, кто хочет читать эту книгу: «Рад покажу мою веру, которую маю, а злаца народу своему рускому» [11].

Уже после смерти короля Сигизмунда II 28 января 1573 г. была принята Варшавская конфедерация, которая провозглашала равенство всех христианских вероисповеданий ВКЛ — православного, католического и протестантского. В этом документе оговаривалось, что, несмотря на существование в ВКЛ множества разных религий, их представители обещают не проливать кровь тех, кто исповедует другую веру. Население Речи Посполитой в законном порядке получало свободу вероисповедания. Условия Варшавской конфедерации 1573 г., касавшиеся религиозного согласия, были включены в III Статут ВКЛ 1588 г. Одной из центральных идей предисловия к этому статуту канцлера ВКЛ Льва Сапегы была идея безусловных прав человека, к которым сам автор причислял и право на свободный религиозный выбор.

Во второй половине XVI в. современники, приезжавшие из других стран Западной Европы, особенно участники религиозных войн, поражались атмосфере веротерпимости, преобладавшей в общественной жизни ВКЛ. Значительные религиозные расхождения и даже противоречия не имели форм острого конфликта. Приверженцы разных религий, католики, православные и протестанты поддерживали политические и социальные контакты и иногда заключали межконфессиональные браки. Дворяне разной веры не только вместе обсуждали государственные дела на сеймах, но и совместно проводили свободное время. С момента заключения Люблинской унии (1569) до конца XVI в. канцелярия ВКЛ не выпустила ни одного антипротестантского акта. Политика была отделена от вероучения и религиозной пропаганды; доминировала прагматическая культура. Также отсутствуют сведения о каких-либо существенных проявлениях религиозного антисемитизма, хотя в то время евреи уже составляли существенную часть населения в городах ВКЛ и занимали достаточно прочные позиции в торговле и финансовой деятельности. До начала XVII в. известно лишь два случая сожжения на костре по обвинению в колдовстве, а в 1611 г. в Вильне состоялась единственная казнь еретика — итальянского антитринитария Лоренцо Франчи.

Период с 1596 г. до разделов Речи Посполитой в конце XVIII в. обычно характеризуется как время религиозной нетерпимости. Первые признаки отхода от религиозной толерантности в ВКЛ стали проявляться уже в 1580-е гг. В 1581 г. Виленский католический епископ специальным предписанием запретил издавать и продавать протестантские издания. Также была запрещена организация протестантских погребальных процессий без разрешения епископа. Эти действия показали, как было отмечено, что католицизм, став господствующей религией и не сдерживаемый государством, присвоил себе право контроля над другими конфессиями.

Что касается унии то по крайней мере, в своей идее и теории имела гуманистический, толерантный, разумный и благородный характер. Существует две версии униатской идеи: глобальная, универсальная и локальная, сепаратная. Именно идея глобальной унии была близка активному деятелю по защите православия и борцу с унией Киевскому воеводе князю Константину Острожскому. Он видел возможность согласия христианских конфессий только в результате всеобщего собора православных и католических иерархов. Проблема греко-католичества заключалась в том, что она носила локальный характер, отказывалась от общественной модели конфессиональной толерантности в пользу модели локальной унии. С ней не могла согласиться большая часть православного населения Речи Посполитой. В 1673 г. не католикам было запрещено получать шляхетский статус, а документы 1718, 1736 и 1746 гг. в законодательном порядке запретили не католикам занимать государственные посты. Таким образом, религиозная нетерпимость утвердилась в высших сферах политической жизни Речи Посполитой.

В то же время и в этот нетолерантный период можно найти продолжение традиций конфессионального мира, сложившихся в Великом Княжестве Литовском. Канцлер Великого Княжества Лев Сапега был убежден, что перевод православных в униатство должен осуществляться на строго добровольных началах. Об этом он ярко свидетельствует в письме к униатскому Полоцкому архиепископу Иосафату Кунцевичу от 12 марта 1622 г.: «Хотя надо обращать в веру и заботиться о том, чтобы был один пасторь и одна овчарня, но необходимо принимать во внимание требования благоразумия и обстоятельства времени в деле, которое зависит от свободного выбора, особенно в нашем обществе и государстве Речи Посполитой ...Необходимо стремиться к тому, чтобы намерения Вашей милости и желания всего сообщества были основаны на любви, которая, как говорит св. Павел, терпелива, милостива, не завистлива, не проникнута гордыней, не ищет одобрения, не ищет выгоды, не проникнута гневом, не злопамятна, все преодолевает (I Кор. 13, 4—7) ...Вы силой подавляете человеческую совесть, закрываете церкви, чтобы люди не могли отправлять богослужение, крестить детей, совершать таинства, как какие-то язычники... полны земства, полны гроды, полны трибуналы, полны ратуши, полны канцелярии позовов, жалоб, наречаний, в которых сказано, что утверждается не уния, а утверждаются раздоры, разрывается и уничтожается связывающая человеческое сообщество любовь» [12].

Наследник Сигизмунда III Владислав IV говорил папскому нунцию: «Я хорошо знаю историю унии. Она введена насильно, без согласия лучшей части русского населения, ее приняли и ввели некоторые духовные лица, и при том из своекорыстных целей».

Представители православной элиты считали необходимым добиваться восстановления прав православия мирным и законным путем, вели диалог с политическими и религиозными оппонентами на основе лояльности государству. Политическая лояльность должна была обеспечить, по их мнению, гражданское согласие. «Над едностью и згуду, — нечего немаш пожитечнешого и вдячнешого», — писал Петр Могила [13]. После расправы витебских православных мещан над фанатичным униатским архиепископом Иосафатом Кунцевичем (1623) и последовавших в ответ репрессий в отношении ее участников созревает убеждение, что стратегия бескомпромиссного противоборства бесперспективна в условиях, когда униатская церковь прочно обеспечила себе покровительство правящих кругов Речи Посполитой, а ряды сторонников православия в силу ряда обстоятельств значительно ослабли. Все это обусловило разработку стратегии социально-религиозного компромисса, основанной на отказе от силовых методов решения конфессиональных споров и переносе центра тяжести на легальную церковно-политическую и культурно-просветительскую деятельность. Полоцкий епископ Мелетий Смотрицкий, участвуя в полемике того времени в качестве защитника православия, впервые выступил с идеей о том,

что «Мы, монахи, шляхта и плебеи — одно во Христе. И варвар у нас, и скиф, и грек, и еврей, были только верными христианами» [14], т. е. высказал положение о том, что все население ВКЛ, вне зависимости от вероисповедания, составляет единый народ, призванный жить в согласии и обеспечивать стабильность и адекватное функционирование своего государства.

Началом реализации этой идеи стала подготовленная И. Бобриковичем и изданная Виленским братством накануне конвокационного сейма 1632 г. книга «Синописис», в которой обосновывалась легальность «привилегий и вольностей русского народа». В 1632—1635 гг. были разработаны и, несмотря на противодействие католической и униатской партии, утверждены «статьи успокоения религии греческой». Их значимость и основное содержание состоят в легализации деятельности православной церкви Речи Посполитой и возвращении ей статуса субъекта правоотношений.

Надо отметить, что, несмотря на нетерпимый характер противостояния конфессий и проявления фанатизма, идея веротерпимости все же высказывалась, а религиозные конфликты решались, как правило, в суде или на страницах полемических книг. Католическая реакция на реформационное движение, создание и распространение Греко-католической церкви на территории Беларуси все же не идут ни в какое сравнение с европейскими религиозными войнами, антисемитизмом, деятельностью инквизиции.

Поэтому можно говорить о том, что культура Беларуси даже в столь противоречивую эпоху остается в определенной степени толерантной. Случаи массового религиозного ожесточения, как, например, Варфоломеевская ночь во Франции или сжигание на кострах иноверцев, в отечественной истории отсутствуют. Традиция веротерпимости в межконфессиональных отношениях в современном белорусском обществе имеет этническую основу и является исторически включенной в этническую культуру белорусов. Религиозная толерантность является национальной религиозной идеей белорусов, что свидетельствует о высочайшем статусе идеи веротерпимости в ее культуре. Белорусские земли — зона активного межцивилизационного контакта западно- и восточнохристианской ветвей европейской цивилизации. Основной этнологической составляющей межконфессиональных отношений в Беларуси является то, что большинство верующих относят себя к белорусскому этносу. Общность этнической принадлежности большинства верующих этих конфессий выступает как консолидирующий фактор в межконфессиональных отношениях.

Список цитируемых источников

1. Мурнов, А. А. Межконфессиональные отношения в Беларуси XIV — начала XXI вв. (на примере Православной и Католической церквей) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / А. А. Мурнов. — Минск, 2011. — С. 6.
2. Послание великого князя Литовского Гедимина от 26 мая 1323 г. // Послания Гедимина. — Вильнюс, 1966. — С. 40—41.
3. Из хроники Яна Длугоша о заключении Кревской унии между Литвой и Польшей // Белоруссия в эпоху феодализма : сб. документов и материалов. — Минск, 1959. — Т. 1. — С. 99—100.
4. *Działynski*. Zbiór praw Litewskich od roku 1389 do roku 1529. — Poznań, 1841. — Р. 1—2.
5. Из постановлений Городельского сейма 2 октября 1413 г. об унии Великого княжества Литовского с Польшей и о привилегиях феодалов-католиков Литвы и Белой Руси // Белоруссия в эпоху феодализма : сб. документов и материалов. — Минск, 1959. — Т. 1. — С. 115—118.
6. *Станкевіч, Я.* Беларускія мусульмане і беларуская літаратура / Я. Станкевіч. — Менск : Адраджэнне, 1991. — С. 6.
7. *Бершадский, С. А.* Литовские евреи / С. А. Бершадский. — СПб., 1883. — С. 229.
8. Жалованная грамота Великого князя Литовского Сигизмунда Кейстутовича от 6 мая 1434 г. о подтверждении прав и привилегий феодалам Великого княжества Литовского, уравнивающая православных с католиками в области экономической и сословной // Уния в документах : сборник / сост.: В. А. Теплова, З. И. Зуева. — Минск : Лучи Софии, 1997. — С. 71—73.
9. Жалованная грамота короля Казимира от 2 мая 1457 г. феодалам Великого княжества Литовского, уравнивающая их в правах и привилегиях с феодалами Польши // Белоруссия в эпоху феодализма : сб. документов и материалов. — Минск, 1959. — Т. 1. — С. 124—127.
10. Жалованная грамота короля Сигизмунда II Августа от 7 июня 1563 г. феодалам православной веры о распространении на них решений Городельского сейма 1413 г. и предоставлений новых прав и привилегий // Белоруссия в эпоху феодализма : сб. документов и материалов. — Минск, 1959. — Т. 1. — С. 141—143.
11. Старая беларуская літаратура : зборнік / уклад. Л. С. Курбека ; аўт. прадм. У. Г. Кароткі. — Мінск, 1990. — С. 190.
12. Анталогія даўняй беларускай літаратуры: XI — першая палова XVIII стагоддзя / НАН Беларусі, Ін-т літ. імя Я. Купалы ; падрыхт. А. І. Богдан (і інш.) ; рэд. В. А. Чамярыцкі. — 2-е выд., выпр. — Мінск, 2005. — С. 667—673.
13. *Нічик, В. М.* Петро Могила в духовній історії України / М. В. Нічик. — Київ, 1997. — С. 197.
14. *Бохан, Ю.* Гісторыя Беларусі : у 6 т. / Ю. Бохан ; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.). — Мінск, 2004. — Т. 3. Беларусь у часы Рэчы Паспалітай (XVII—XVIII стст.). — С. 62—64.

БРАТЫ ГАРЭЦКІЯ: ДЗЕЙНАСЦЬ НА ШЛЯХУ ДА НЕЗАЛЕЖНАСЦІ БЕЛАРУСІ

Дадзены артыкул ставіць за мэту адлюстраваць ролю братаў Гарэцкіх у гісторыі адраджэння Беларусі. З улікам таго, што дзейнасць Гарэцкіх шматвектарная (Максім Гарэцкі (1893—1938) працаваў на ніве мовазнаўства і літаратуры, а Гаўрыла (1900—1988) — у сферы эканомікі і геалогіі), артыкул прапапоўвае максімальна сціслы агляд дзейнасці выбітных беларусаў, што ўжо знайшла сваіх паслядоўнікаў.

Гісторыя Беларусі прапануе сучаснікам вялікую колькасць іменаў, чый лёс быў звязаны з барацьбой за незалежнасць краіны. У 20-я гг. XX ст. гэты працэс быў асабліва насычаны і знакавы для гісторыі нашай дзяржавы.

Агульнавядома, што Лютаўская рэвалюцыя 1917 г. дала магчымасць беларускаму нацыянальна-вызваленчаму руху рэалізаваць ідэю па стварэнні беларускай нацыянальнай дзяржаўнасці. Ужо ў 1918 г. падчас існавання Беларускай Народнай Рэспублікі (БНР), у склад прэзідыума Рады якой уваходзіў М. Гарэцкі, была актыўна разгорнута дзейнасць па развіцці беларускай мовы і культуры як асновы для нацыянальна-культурнага адраджэння.

Дзейнасць на гэтай ніве братаў Гарэцкіх — Максіма і Гаўрылы — мела выключна важнае значэнне. Так, адразу з 1918 г. яны распачалі актыўную дзейнасць па адраджэнні беларускай мовы. 31 мая 1918 г. была напісана прадмова да «Руска-беларускага слоўніка» братаў Гарэцкіх, якая прасякнута шчырымі словамі прагі да адраджэння і самастойнасці: «Знібець сэрца за розныя падзеі і да працы гукае, бо ўсякая наша бава і маруда надаюць сораму ад іншых народаў і нясуць кару — скананьне мовы бацькаўскае, ці, казаў той, душы беларускае; хаця ж уціскі незлічоныя мы вытрывалі, і ўжо здавалася, што й сонца ў ваконца бліснула.

“Не пакідайце ж мовы нашай беларускай, каб ня ўмерлі!” — згадваў наш пясняр, нябожчык Мацей Бурачок (1840—1900)».

«Дзеся таго і мы па свайму простама разуменьню, не маючы адукацыі філялягічнай, для якой на Беларусі аджа ўніверсітэта няма, адно — слухаючы свайго вуха і не зважаючы надта на тое, ці хто хваліць, ці хто ганьбіць будзе, — выкладалі жменю цікавейшых слоў к патрэбе і на добрае ўжываньне маладым адраджоным братам, што па-маскоўску чытаць-пісаць умеюць, а па-беларуску няцца хочучь.

М. і Г. Г.

Смаленск, 31 мая 1918 г.» [1, с. 239].

Так, 12 ліпеня 1918 г. ў «Дзянніцы» была надрукавана аб’ява аб выхадзе ў Смаленску «Руска-беларускага слоўніка» братаў Гарэцкіх. Пазней Гаўрыла Гарэцкі ўзгадаў: «Брат склаў і выдаў у Смаленску невялічкі руска-беларускі слоўнік; я дапамагаў яму працуючы ў той час стэнаграфістам абласнога Саўнаргаса» [2, с. 17].

З ліпеня па жнівень таго ж года ў Маскве распачаў працу Беларускі народны ўніверсітэт (пераважна для школьных настаўнікаў Беларусі), дзе чыталі лекцыі па беларускай гісторыі, мове, літаратуры, геаграфіі.

Такім чынам, першы крок насустрач адраджэнню і самастойнасці краіны быў зроблены. Аднак геапалітычныя межы краіны былі яшчэ не вызначаны дакладна. 12 ліпеня 1920 г. у Маскве была падпісана літоўска-расійская дамова, згодна з якой Літве перадаваліся этнаграфічныя беларускія землі: Віленскі край з Вільняй, а таксама Гродна (Горадня), Ліда, Смаргонь, Ашмяны, Нарач, Браслаўскія азёры. Максім Гарэцкі як шчыры беларус быў не згодны з гэтым, таму смела звярнуўся да Міцкевіча-Капсукаса з лістом, дзе ўпэўнена даказваў, што ні ковенскія імперыялісты, ні польскія паны не маюць права на спрадвечныя беларускія землі.

Пасля вызвалення Беларусі ад палякаў (у ліпені 1920 г.) працэс беларусізацыі не спыніўся, а, наадварот, працягваў актыўна развівацца з падачы самага высокага кіраўніцтва. Падчас X З’езда РКП(б) у сакавіку 1921 г. падкрэслівалася «неабходнасць дабівацца даверу раней прыгнечаных нацый, развіваць на іх роднай мове органы ўлады, суда, курсы і школы як агульнаадукацыйнага, так і прафесійна-тэхнічнага напрамку, культурна-асветныя ўстановы, прэсу, тэатр» [3, с. 197]. У газеце «Савецкая Беларусь» за 1922 г. прыводзіцца меркаванне ў дачыненні да гэтага працэсу самога кіраўніка Наркамнацу Расійскай Федэрацыі І. Сталіна. Як піша М. Мушыньскі ў прадмове да кнігі «Гаўрыла Гарэцкі», «іх варта працывітаваць дакладна» [1, с. 9]. Ітак, цытата з «Савецкай Беларусі», згаданай у прадмове да вышэйназванай кнігі: «Тут я маю пісульку аб тым, што мы, камуністы, нібыта насаджаем беларускую нацыянальнасць штучна. Гэта няпраўда, бо існуе беларуская народнасць, якая мае сваю мову, адменную ад расійскай, пагэту па падняць культуру беларускага народа можна толькі на іх мове» [1, с. 9]. Пры гэтым варта звярнуць увагу на рэакцыю М. Мушыньскага ад працывітаннага. Вядомы даследчык, літаратуразнаўца М. Мушыньскі піша: «Дык, можа, сучасныя ўлады і кіраўнікі пракамуністычнай арыентацыі, што настальгіруюць па светлых, шчаслівых днях сталінскай эпохі, у рэшце рэшт ачочаюцца і гучныя

дэкларацыі ажыццявяць на практыцы? Можна, яны ўсвядомяць, што “падняць культуру беларускага народа можна толькі на іх мове?” [1, с. 10]. З аднаго боку, у гэтым выказванні прачытваецца іронія, з другога — рэкамендацыя разабрацца ў гістарычных фактах і зрабіць правільныя высновы.

Ітак, пачатак 20-х гг. XX ст. падаецца ў гісторыі як працэс актыўнай беларусізацыі. У краіне не хапала настаўнікаў беларускай мовы, культурна-асветніцкіх работнікаў, таму «ў сувязі са зваротам СНК РСФСР прыняў спецыяльны дэкрэт, на выснове якога “культурнікі-беларусы” адкамандзіроўваліся на Радзіму. Адпушчаны былі нават настаўнікі, якія займаліся ў арміі і займалі пасады ніжэй ротнага камандзіра. Да канца 1921 г. каля 300 чалавек, сярэд якіх былі беларусы, палякі, яўрэі, вярнуліся на Бацькаўшчыну для правядзення культурнай работы» [3, с. 198].

Гаўрыла Гарэцкі ў гэты час быў студэнтам эканамічнага факультэта Пятроўскай акадэміі ў Маскве, якая перажывала моцны рэвалюцыйны ўздым. Адразу ўступіўшы ў Асацыяцыю рэвалюцыйнага студэнцтва, ён стаў актыўным яе ўдзельнікам, а затым і членам прэзідыума. Думкі аб адраджэнні роднай Беларусі не пакідалі ні на хвіліну. Гаўрыла дакладна разумеў, што Беларусь у выніку шматвяковага культурнага, сацыяльнага і эканамічнага заняпаду стала звычайным заняпалым краем Расійскай імперыі, на які не звяртаюць увагу ні палітыкі, ні даследчыкі. Менавіта таму «па ініцыятыве Гаўрылы Гарэцкага, — як адзначае яго сын Радзім Гарэцкі, — была створана Беларуска-навуковая асацыяцыя студэнтаў Пятроўскай акадэміі, задачы якой вызначаліся так: вывучэнне народнагаспадарчага, грамадска-палітычнага, культурна-нацыянальнага і прыродна-гістарычнага бакоў жыцця Беларусі; выяўленне шляхоў і магчымасцяў культурна-эканамічнага адраджэння Беларусі; прапаганда ідэі адраджэння; барацьба з шавіністычнымі і вузканациональнымі плынямі беларускага адраджэнскага руху; правядзенне мерапрыемстваў, накіраваных на культурна-эканамічнае адраджэнне Беларусі; аб’яднанне і падрыхтоўка культурных працаўнікоў для дзейнасці ў навуковай, гаспадарча-тэхнічнай, культурна-асветнай і іншых сферах; шырокая культурна-асветніцкая праца; арганізацыя навуковых даследаванняў, экспедыцый і іншых мерапрыемстваў на тэрыторыі Беларусі» [4, с. 48—49]. Больш таго, ён актыўна прасоўваў ідэю па стварэнні Беларускай сельскагаспадарчай акадэміі: «Беларусі патрэбна свая Беларуска-сельскагаспадарчая акадэмія, якая б стаяла на навукова-навучэбнай каштоўнасці разам з заходнееўрапейскімі і расейскімі вышэйшымі сельскагаспадарчымі ўстановамі» [1, с. 48]. Гарэцкі раіў адкрыць Беларуска-сельскагаспадарчую акадэмію ў Горках (інтэгральную) і Балотны інстытут у Мінску.

Максім Гарэцкі ў гэты час актыўна працаваў на ніве літаратуры. У 1921 г. у Вільні выйшла першая ў гісторыі краіны «Гісторыя беларускай літаратуры» (2-е выданне «Невялічкага беларуска-маскоўскага слоўніка»). Аднак, як адзначае Радзім Гарэцкі, «большасць савецкіх людзей ці зусім не ведалі, ці толькі здагадаліся, што “большавізм меў падвойнае дно”, жыў “дзвюма душами”. Як стала вядома ў постсавецкі час, з вясны 1922 г. Ленін задумаў шырокамаштабную акцыю: высласць за мяжу ўсіх прадстаўнікоў вальнадумнай інтэлігенцыі... 17 ліпеня ён пісаў Сталіну: “высылаць за граніцу безжалостно”, “всех их — вон из России”, “арестовать несколько сот и без объяснения мотивов — выезжайте, господа», «Очистим Россию надолго!»» [4, с. 62—63].

Пад такі ленынскі «настрой» трапілі і браты Гарэцкія: 31 жніўня 1922 г. арыштавалі і пасадзілі ў турму на Лубянцы (Масква) Гаўрылу, а ў ноч з 19 на 20 студзеня 1922 г. арыштавалі і завезлі ў Лукішкі (Вільня) Максіма. Пытанне «за што?» не мела рэальнага адказу, аднак фармальны хутчэй за ўсё быў падрыхтаваны загадка. Гаўрылу Гарэцкага абвінавацілі ў антысавецкай дзейнасці. Вось вытрымка з заключэння: «С момента Октябрьского переворота и до настоящего времени он не только не примирился с существующей в России, в течение 5 лет, Рабоче-крестьянской властью, но ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности в момент внешних затруднений для РСФСР. Все это подтверждается имеющимися материалами» [4, с. 64]. Аднак Гаўрыла Гарэцкі, як кажуць, нарадзіўся ў сарочцы. Колькасць станоўчых характарыстык з месца вучобы, моцная падтрымка сяброў-камуністаў вымусілі прадстаўнікоў ДПУ перагледзець справу Гарэцкага. Вынік быў станоўчы: антысавецкая дзейнасць Гарэцкага даказана не была, 10 кастрычніка справу вырашылі спыніць.

Максіму пашчасціла менш. Яго арыштавалі польскія ўлады па абвінавачванні ў «прыналежнасці да партыі камуністаў, у арганізацыі тайных баявых дружын з мэтай замаху на дзяржаўную ўладу, у друкаванай і вуснай прапагандзе» [2, с. 30]. Па сведчанні Радзіма Гарэцкага, «дзядзька і праўда дапамагаў падпольшчыкам-камуністам: захоўваў партыйныя грошы, шифры, рэвалюцыйную літаратуру» [5, с. 28]. За гэта яго спачатку выслалі ў Дзвінск, пазней зноў арыштавалі, перавезлі ў Вільню і праз 3 тыдні выпусцілі пад залог 10 тыс. польскіх марак. Але ж у Мінск пісьменніку ўдалося прыехаць толькі ў кастрычніку 1923 г. Там ён адразу ж узяўся за працу: выкладаў беларусазнаўства ў Беларуска-літэратурным універсітэце, па заказе Камісарыята асветы распачаў працу над складаннем новага курсу «Гісторыі беларускай літаратуры», рыхтаваў да друку новы збор сваіх твораў. Паралельна быў членам Інбелкульту, узначальваў там Слоўнікавую камісію. З задавальненнем прымаў запрашэнні і чытаў лекцыі па беларусазнаўстве і беларускай мове для любога тыпу слухачоў. Працаваў нястомна і рэалізоўваў «запавет Гарэцкіх»: не шкадуючы сіл, рабіць усё магчымае і нават немагчымае ў высакароднай справе адраджэння нацыянальнай культуры, у распаўсюджванні ведаў пра беларускі край, пра яго выдатных сыноў.

Тым часам Гаўрыла Гарэцкі заканчваў свае справы ў Маскве і марыў пра Мінск. У 1924 г. ён стаў аспірантам Навукова-даследчага інстытута сельскагаспадарчай эканоміі Ціміразеўскай сельскагаспадарчай

акадэміі, а праз год — дацэнтам, загадчыкам кафедры сельскагаспадарчай эканоміі і эканамічнай геаграфіі, сябрам Праўлення Беларускай дзяржаўнай акадэміі сельскай гаспадаркі (Горкі).

Такім чынам, развіццю беларускай навукі быў дадзены добры старт. Ужо ў 1924 г. узнікла пытанне аб пераўтварэнні Інбелкульта ў Акадэмію навук, аднак з улікам таго, што дазвол на гэта давала Масква, пытанне вырашылася станоўча толькі ў 1928 г. Гаўрыла Гарэцкі, нягледзячы на свой узрост (28 год), быў зацверджаны арганізатарам і правадзейным членам (акадэмікам) БАН. На жаль, Максім Гарэцкі ў акадэмікі абраным не стаў, бо быў у «чорным спісе ДПУ». Ён працягвае працу ў Беларускай сельскагаспадарчай акадэміі ў Горках, узначальвае дыялекталагічную камісію, займаецца творчасцю.

Аднак 1929 г. становіцца пераломным у гісторыі і Беларусі, і СССР. Узмацняецца барацьба супраць «буржуазнай нацдэмаўшчыны», праводзяцца «чысткі» партыі пад знакам барацьбы супраць трацкістаў, буржуазных нацыяналістаў. Як адзначае Радзін Гарэцкі, «Гэта быў год пераходу да дзікіх таталітарных метадаў кіраўніцтва краінай, калі, па словах Сталіна, “рэпрэсіі ў галіне сацыялістычнага будаўніцтва з’яўляюцца неабходным элементам наступлення”. Савецкі Саюз пераўтварыўся ў сапраўдны “архіпелаг ГУЛАГ”» [3, с. 99]. Канешне, БАН прыцягвала ўвагу вялікіх кіраўнікоў сваёй яркай нацыянальнай акрэсленасцю, як вынік — артыкул у «Комсомольской правде» ад 23 жніўня 1929 г., падпісаны ініцыяламі А. І.: «О выхолощивании классового смысла национальной политики свидетельствует и то, как была создана Академия наук. Это было сделано в кабинетном порядке, без участия масс. Наметили и назначили! Теперь, правда, спохватились — слишком много имен, но чрезвычайно мало подлинных друзей диктатуры пролетариата, настолько мало, что белорусская ксендзовско-черносотенная газета “Крыніца”, выходящая в Польше, нашла для себя возможным писать об академии, созданной советской властью: “Наша акадэмія навук!”» [6, с. 95].

Такім чынам, нягледзячы на тое, што ў 1930 г. краіна ўзнагародзіла Г. Гарэцкага ордэнам Працоўнага Чырвонага Сцяга БССР, ён усё ж такі трапіў пад пільнае вока сістэмы і 24 ліпеня гэтага жа года быў арыштаваны па абвінавачванні ў дзейнасці, накіраванай супраць дыктатуры пралетарыяту, на зрыў паспяховага сацыялістычнага будаўніцтва. Прысуд Г. Гарэцкаму, які праходзіў па справе Працоўнай сялянскай партыі, быў жорсткі — вышэйшая мера пакарання, якую, на шчасце, замянілі на 10 год высылкі ў канцлагер, што знаходзіўся ў пас. Мядзведжая Гара Карэльская АССР.

Максіма Гарэцкага напаткаў такі ж лёс. Яго затрымалі на некалькі дзён раней — 18 ліпеня таго ж года па справе Саюза вызвалення Беларусі. 10 красавіка Максім быў прыгавораны да 5 год высылкі ў Вятку. Так абодва браты трапілі ў ГУЛАГ за тое, што шчыра і аддана працавалі для сваёй краіны, імкнучыся зрабіць яе годнай, самастойнай і незалежнай.

Нельга абыйсці ўвагай той факт, што Гарэцкія паехалі ў высылку з сем’ямі. Ларыса Чарняўская, жонка Максіма, узгадвае: «Жылося цяжка. Працавалі мы абое многа, а дастатку не было. Стамляліся, нерваліся...; ...для Максіма становішча ссыльнага было маральна цяжкім. Штодзень ён хадзіў на рэгістрацыю ў камендатуру» [5, с. 31]. І тут трэба аддаць належную павагу і словы захаплення жонкам беларускіх інтэлігентаў, пакінуўшы ўбаку звыклае ўсхваленне жонак рускіх дзекабрыстаў. У беларускай гісторыі ёсць сваё гора і свае прыклады магутнасці духу, пачуцця асабістай годнасці і ўмення ў самых складаных выпадках горда несці званне «беларус».

У высылцы Максім Гарэцкі працягваў пісаць, паралельна асвойваючы і змяняючы розныя спецыяльнасці. Гаўрыла стаў навуковым супрацоўнікам Геалбазы Ленінградскага геолога-разведчага трэста на Беламорбудзе, потым працаваў як геолог.

Аднак станоўчыя паводзіны братаў і руплівая праца на дабрабыт дзяржавы не былі заўважаны. У 1937 г., сумнавядомым па працы «троек», братаў Гарэцкіх зноў забраў «чорны воран». Гаўрыла ў той час працаваў на будаўніцтве Беламорска-Балтыйскага камбіната, а Максім выкладаў рускую мову ў пас. Кіраў.

У выніку следства Гаўрылу, які першапачаткова быў прысуджаны да вышэйшай меры пакарання, вызвалілі, а Максіма 21 снежня перавялі ў Вязьму. 10 лютага 1938 г. беларускага пісьменніка Максіма Гарэцкага расстралялі. Да 45-годдзя заставалася 8 дзён. Як адзначае на гэты конт Радзін Гарэцкі, «парадокс нашага жыцця пры таталітарызме: палякі арыштавалі (Максіма — заўв. аўт.) за пракамуністычную дзейнасць, галоўнае абвінавачанне большавікоў — раз сядзеў у польскай турме, значыць польскі шпіён» [5, с. 31].

Пасля смерці Максіма Гарэцкага Беларусь атрымала ў літаратурную спадчыну першы падручнік па гісторыі беларускай літаратуры, «Руска-беларускі слоўнік», 4 тамы выдатнай мастацкай прозы, беларускамоўныя пераклады, як ні парадаксальна, прац Леніна, твораў Лебядзінскага, Фадзеева, Горкага. Рэабілітаваў Максіма Гарэцкага 7 лютага 1959 г. Калужскі абласны суд.

Сёння імя Максіма Гарэцкага ўзначальвае спіс класікаў беларускай літаратуры. Паспяхова дзейнічае Рэспубліканскі фонд імя братаў Гарэцкіх, якім кіруе Радзін Гарэцкі. Штогод у Мінску праводзяцца Гарэцкія чытанні, на якіх выступаюць даследчыкі творчасці класіка, сучасныя паэты, пісьменнікі, гісторыкі. Творы Максіма Гарэцкага выводзяць беларускую літаратуру ў кантэкст сусветнай. Яго нататкі «На імперыялістычнай вайне» параўноўваюцца з ваеннай прозай Барбюса, Рэмарка, Хэмінгуэя, раман «Віленскія камунары» — унікальны твор са складанай нарматыўнай будовай, якая вызначаецца «двайнай падзейнасцю», слова героя рамана амбівалентнае, бо выяўляе як пазіцыю персанажа, так і самога аўтара» [7, с. 3]. У гэтым творы можна знайсці і элементы авантурнага рамана XVI—XVII ст., і рэалістычную тыпізацыю, характэрную для Э. Залы, Стэндаля, Дзікенса, Бальзака, чые героі імкнуцца сцвердзіць сябе ў грамадстве. Творчасць М. Гарэцкага і па сённяшні дзень утрымлівае шмат загадкавых пытанняў, вартых даследаванняў.

Гаўрыла Гарэцкі быў вызвалены з турмы 22 чэрвеня 1939 г. Высылка зрабіла яго геалагам, і астатнюю частку свайго жыцця ён прысвяціў геалогіі. Нягледзячы на тое, што рэабілітавалі Гаўрылу Гарэцкага 26 красавіка 1958 г., у родную Беларусь ён пераехаў толькі ў 1969-м г.: доўга КДБ не ўпускаў у краіну, не звяртаючы ўвагу нават на просьбы Якуба Коласа. На Радзіму ён прыехаў ужо паважаным даследчыкам, членам рэдкалегіі «Карты четвертичных отложений СССР масштаба 1: 2500000». У Мінску Гаўрыла Гарэцкі адразу прызначаецца загадчыкам сектара палеаграфіі антрапагену ў складзе лабараторыі геахімічных праблем АН БССР і адначасова становіцца намеснікам акадэміка-сакратара аддзялення хімічных і геалагічных навук АН БССР. Менавіта ён сфарміраваў навуковую школу антрапагену ў АН БССР, «зыходзячы з таго, што тэрыторыя Беларусі з’яўляецца прызнаным эталонным рэгіёнам распаўсюджання ледавіковай фармацыі на ўсёй Усходне-Еўрапейскай раўніне» [8, с. 23]. Аднак Гаўрыла Гарэцкі быў не толькі сусветна вядомым вучоным, заслужаным дзеячом навукі БССР, але і грамадскім дзеячом, які працягваў справу братоў Гарэцкіх — рабіць усё магчымае і нават немагчымае для справы адраджэння роднага краю. Ён прымаў актыўны ўдзел у падрыхтоўцы да друку збору твораў брата Максіма, выступаў з публіцыстыкай як палыміяны адраджэнец. У артыкуле «Жыццё патрабуе» (1979) ён пісаў: «Першае мае пажаданне такое. Трэба паставіць даследаванні жывой народнай беларускай лексікі XIV—XVIII стагоддзяў. Менавіта народнай, не кніжнай... Другое пажаданне. Трэба шырэі паставіць укладанне мясцовых слоўнікаў жывой беларускай мовы, запісваючы толькі арыгінальныя словы, каб вычарпальна сабраць залаты фонд скарбаў беларускай лексікі. Трэцяе пажаданне. Варта шырока даследаваць сучасныя працэсы жывой мовы... Чацвёртае пажаданне. Трэба скласці слоўнік найбольш нашыраных лексічных памылак у сучаснай беларускай мове, каб захаваць чысціню беларускай мовы, і вуснай і пісьмовай, папярэдзіць шырокія колы ад пагрозы засмечвання і магчымай дэструкцыі беларускай мовы» [1, с. 158—159].

Як спецыяліст, не абмінаў увагай Гаўрыла Гарэцкі і архітэктурку Мінска. У артыкуле «Аб прыродна-гістарычным асяродку Мінска» (1983) ён дае вельмі актуальныя і для нашага часу рэкамендацыі: «Паколькі геалагічныя і геамарфалагічныя асаблівасці Мінска вызначаны ледавікамі, пажадана адзначыць гэты момант і ў манументальных помніках. У глыбокіх земляных выемках на станцыях метро і на трасах галоўных магістраляў трэба пакінуць прагалы з цікавымі археалагічнымі, геалагічнымі і геамарфалагічнымі з’явамі і адкладамі: старажытнымі драўлянымі хатамі, насціламі вуліц і дарог, гаспадарчымі пабудовамі, калодзежамі, “культурнымі сляямі”, крапаснымі валамі, крушніямі валуноў, лінзамі валуноў, галек і жвіру ў марэнах і ў алювіі, стужкавымі глінамі, балотнымі адкладамі, выкапнёвымі косткамі жывёл, пахаванай драўнінай і г. д.» [1, с. 161].

Усё сваё жыццё Гаўрыла Гарэцкі прысвяціў роднай Беларусі, хоць яна і не адразу яго прыняла. Аднак на душы ў яго не было крыўды. Па словах сына Радзіма Гарэцкага, бацька быў вялікі аптыміст. Памёр Гаўрыла Гарэцкі 20 лістапада 1988 г., пакінуўшы значны ўнёсак у няпросты шлях Беларусі да незалежнасці.

Сям’я Гарэцкіх — знакавая для гісторыі развіцця Беларусі. Прайшоўшы няпросты гістарычны шлях ад выдзялення беларускіх зямель са складу Расійскай імперыі да БССР, Максім і Гаўрыла Гарэцкія ні разу не здразілі свайму завету, сваёй мэце — бачыць Радзіму самастойнай, адноўленай пасля шматвяковага сну. Іх не зламалі цяжкасці: мужа перажыўшы выпрабаванні ГУЛАГУ, яны засталіся сапраўднымі грамадзянамі сваёй краіны. Іх імёны сёння — прыклад самаадданага служэння Бацькаўшчыне, якое натхняе сучасныя пакаленні на ўсведамленне неабходнасці бачыць Беларусь самастойнай, вольнай і незалежнай.

Спіс цытаваных крыніц

1. *Гарэцкі, Г.* Выбранае / Г. Гарэцкі. — Мінск : Беларус. кнігазбор, 2002. — 544 с.
2. *Дасаева, Т.* Легатіс жыцця і творчасці Максіма Гарэцкага / Т. Дасаева. — Мінск : Навука і тэхніка, 1993. — 86 с.
3. *Лыч, Л.* Гісторыя культуры Беларусі / Л. Лыч. — Мінск : Экаперспектыва, 1996. — 453 с.
4. *Гарэцкі, Р.* Браты Гарэцкія / Р. Гарэцкі. — Мінск : Медысон, 2008. — 340 с.
5. *Гарэцкі, Р.* Ахвярую сваім «я» / Р. Гарэцкі. — Мінск : Беларус. навука, 1998. — 287 с.
6. *Платонаў, Р.* Палітыкі. Ідэі. Лёсы. Грамадзянскія пазіцыі ва ўмовах нарастання ідэолага-палітычнага дыктату ў Беларусі 20—30-х гадоў / Р. Платонаў. — Мінск : БелНДЦДАС, 1996. — 245 с.
7. *Губская, В.* Раман М. Гарэцкага «Віленскія камунары» ў кантэксце беларускай прозы 1920—1930-х гадоў: жанравае наватарства: аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.01.01 / В. Губская; Беларус. дзярж. ун-т. — Мінск, 2012. — 23 с.
8. *Антошка, Я.* Гаўрыла Іванавіч Гарэцкі і яго навуковая і грамадска-культурная дзейнасць / Я. Антошка // Максім і Гаўрыла Гарэцкія: жыццё і творчасць: XIX Гарэцкія чытанні: матэрыялы чытанняў, Мінск, 18 лют. 2011 г. — Мінск, 2011. — 264 с.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЕЖИ: СУЩНОСТЬ И ФОРМИРОВАНИЕ

Если думаешь на год вперед — сажай рис,
если думаешь на 10 лет вперед — сажай дерево,
а если думаешь на всю жизнь — воспитывай человека.
(Восточная мудрость)

Подготовка высококвалифицированного специалиста и убежденного патриота невозможна без разрешения идейно-воспитательных задач и наполнения учебных пособий социально-гуманитарного цикла гуманистическим и моральным содержанием; пониманием большинством общечеловеческой значимости патриотического идеала, созданием программы патриотического воспитания, где главными должны стать гражданственность, духовность, уважение к труду, чувство любви к Беларуси. Основная задача государственной политики в области воспитания определена Президентом Республики Беларусь А. Г. Лукашенко: «Воспитать гражданина-патриота, одухотворенного идеалами добра и социальной справедливости, способного творить и созидать во имя Отечества» [2, с. 15].

Во все времена, а особенно в период политических и экономических трансформаций любое государство нуждалось в «цементирующем веществе», в качестве которого выступали мобилизующие национальные идеи. Из них формируется и воплощается в жизни общества господствующая идеология. Ее содержание во многом определяет патриотизм как осознание каждым гражданином своей принадлежности к стране, нации, личной ответственности за ее безопасность и процветание. С точки зрения нравственности патриотизм — это социальное чувство, основанное на любви к Родине и готовности пожертвовать ради нее своими интересами.

Сегодня, на наш взгляд, ведущие позиции в современном мире занимают страны с устойчивой национальной идентичностью и высоким уровнем развития патриотизма. Можно заметить, насколько во многих странах работают идеи поддержки и развития конституционных ценностей, национального правосознания, гордости за всевозможные достижения во всех сферах жизнедеятельности. Процессы глобализации обостряют проблему сохранения национальной самобытности и ставят под сомнение ценность патриотизма. Взамен предлагаются аналогичные чувства к миру, планете, всему человечеству через изменение общеобразовательных стандартов, распространение продукции массовой культуры, рекламу. Чтобы удержаться от скатывания к хаосу и государственной деградации, необходимы такие ценности, как верность к историческим и культурным традициям, суверенитет, независимость, любовь и преданность всех граждан своей Родине, — все то, что объединено феноменом патриотизма, идентифицирующим нацию во всем многообразии современного мира.

Не секрет, что у части белорусской молодежи девальвированы такие понятия, как гражданственность и патриотизм, искажены нравственные ориентиры, отсутствуют социально значимые устремления. Вакуум в сознании таких людей заполняется сиюминутными эгоистическими интересами, завышенными материальными притязаниями. Пытаться бороться с этим одними призывами или, хуже того, окриком — бесперспективно. В тонком деле воспитания патриота и гражданина куда продуктивнее сформировать у молодого человека нужное мировоззрение, привить политическую культуру, а главное — создать реальные условия, чтобы потенциал юношей и девушек развивался и реализовывался в сознательном труде на благо Беларуси, в практическом вовлечении в общественную жизнь. Даже могучие империи древности разрушались и гибли, если лишались связующей общности идеалов, моральных устоев и веры — всего того, что превращает население в народ, а местожительство — в Отечество.

Гражданское и патриотическое воспитание подрастающего поколения, которое является стратегическим ресурсом общества, — важнейшая составляющая системы образования. Его значимость обусловлена общими тенденциями современной жизни Беларуси, к которым можно отнести ускорение темпов гражданского развития, насыщенное информационное поле, расширение возможностей политического и социального выбора, что требует повышения готовности молодых людей к такому выбору. Гражданственность предусматривает также формирование навыков и умений соответствующего поведения, развитого самосознания, гражданской активности. Наша задача — опираясь на лучшие примеры истории, пропагандируя их, показать преимущество белорусского образа жизни, его принятие и привлекательность для молодежи.

Молодежь — авангард человечества, ее необходимо воспитывать в духе патриотизма, любви к Отечеству. Патриотизм — важнейшее явление в социально-политическом и духовном развитии нашего общества. Без патриотизма своих граждан не может жить ни одна страна, как и без ярких личностей. Герои — словно острова нашего морального духа, без которых жизнь только тлела бы. Они являют собой некий стержень, костяк любого общества. А. С. Пушкин отмечал: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

Для патриотического воспитания граждан особую значимость имеют дела и поступки представителей народа, вобравших в себя лучшие национальные черты. Их образы сохранялись в народной памяти, со временем отождествляясь с народной жизнью и превращаясь в мощный рычаг формирования национального самосознания: Ф. Скорина, К. Калиновский, Ф. Богушевич, Я. Купала, Я. Колас и др. Важным воспитательным фактором является и то, что сегодня в городах, посёлках, деревнях Беларуси многие улицы и площади носят имена героев минувшей войны. Так сохраняется преемственность поколений, историческая связь времён, формируется уважительное отношение молодых людей к результатам прежних свершений. Белорусский народ и государство, понимающие актуальность патриотического и гражданского становления молодёжи, стремятся не допустить разрыва связей между поколениями.

Прочность нации проявляется на ее славных боевых традициях, что нашло свое подтверждение на полях сражений Великой Отечественной войны. Именно борьба за освобождение от фашизма выковала лучшие черты национального характера: патриотизм, свободолюбие, веру, оптимизм, которые помогали и помогают преодолевать любые трудности. Уважение к прошлому Отечества, неразрывная связь и преемственность поколений наиболее полно находят свое отражение в курсах «История Беларуси в контексте европейской цивилизации» и «Великая Отечественная война советского народа в контексте Второй мировой войны».

Тематика Второй мировой и Великой Отечественной войн обладает большим воспитательным потенциалом и является важнейшим фактором формирования патриотических качеств личности. Воспитание молодежи в патриотических традициях становится все более актуальным, особенно когда предпринимаются попытки переписать историю, в том числе и Великой Отечественной войны, в интересах определенных политических течений.

Это связано с тем, что сегодня уже нет страны — СССР, которая вела борьбу с фашистской Германией. Парад суверенитетов бывших союзных республик создал возможность написания своей истории — у каждого народа своя правда. Поэтому сохранение исторической памяти, бесценный опыт Великой Победы являются духовной основой воспитания нынешнего поколения. Может быть потому, что многострадальная Беларусь потеряла каждого третьего своего жителя, а также в силу обостренного чувства справедливости и честности, которые присущи нашей нации, еще полтора десятилетия назад, в годы политических смут и ниспровержения идеалов, Беларусь первой на всем постсоветском пространстве подняла тему незыблемости и святости памяти о народном подвиге. Великая Победа является непреходящим источником национальной гордости, опорой идеологии и государственности, тем знаковым историческим событием, которое объединяет поколения.

Сегодня важно не допустить попыток приписать роль СССР в разгроме фашизма, фальсифицировать героическую историю нашего народа. Опасность заключается в том, что героизация нацистских преступников и их пособников в Латвии, Литве, Эстонии, Украине, Румынии ведет к возрождению националистической идеологии, основанной на шовинизме и ненависти, попыткам пересмотра послевоенных границ, стремлению раздуть пожар ксенофобии и межцивилизационной вражды.

Патриотическое воспитание в современных условиях неотделимо от закрепления правды истории в общественном сознании, в правдивом освещении Великой Отечественной войны в средствах массовой информации, литературе, кино. Следует иметь в виду, что патриотическое воспитание — это не только молодежная политика, а общегосударственная задача, направленная на историческую связь времен, восстановления исторической правды и подлинного самосознания народов.

Вместе с тем в нашем обществе проблемы в развитии патриотизма обусловлены тем, что в государстве неоднозначно сочетаются достаточно противоречивые тенденции сохранения ценностей советской эпохи и внедрения западных стандартов, разрозненный подход к истории государства, который не всегда учитывает логику исторического процесса и не может объединить общество на длительную перспективу, в излишнем политизация патриотизма, разделение его на некоторые сегменты — патриотизм национального толка, государственный патриотизм, иное личностное понимание патриотизма и т. д. А это существенно затрудняет реализацию объединительного потенциала патриотической идеи, исторического прошлого страны, ее национальных героев.

Патриотизм в Белорусской государственной сельскохозяйственной академии начинается с формирования чувства гордости за славную историю учреждения высшего образования, которую на протяжении более чем 178 лет создавали её люди. Гордостью и славой академии стали её 24 выпускника, которым присвоено звание Героя Социалистического Труда: И. И. Мельник, Г. В. Бельский, Е. Е. Соколов, П. И. Альсмик и др. Двое выпускников академии были удостоены звания Героя Советского Союза — В. Е. Лобанок и Н. Т. Сушанов. Академия по праву гордится тем, что первый Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко — её выпускник. Биографии этих людей являются ярким примером служения своему народу. За свою долгую историю академия подготовила 85 тыс. высококвалифицированных специалистов для агропромышленного комплекса страны и других отраслей народного хозяйства, 16 — носят звание Заслуженного работника сельского хозяйства, свыше 40 выпускников возглавляют в районах Беларуси президентскую «вертикаль» и т. д. [1, с. 1].

В процессе преподавания истории Беларуси, Великой Отечественной войны широко используются материалы музея революционной, боевой и трудовой славы БГСХА. Музей стал центром поисковой и краеведческой работы, координации мероприятий в области патриотического воспитания: налажена тесная

связь с Советом ветеранов академии, клубом «Клио» проводятся совместно с кафедрой экспедиции по родному краю, ведется переписка с бывшими выпускниками. Из музейных экспозиций можно узнать о подвигах (трудовых и военных), трудностях и понесенных потерях, получить информацию о людях, которые удостоены званий Героя Советского Союза и Социалистического Труда. Ежегодно преподаватели кафедры социально-гуманитарных дисциплин организуют встречи студентов с ветеранами боевой и трудовой славы, помогают оформлять стенды, выпускать стенгазеты, повествующие о подвигах своих земляков в годы войны. Основной девиз таких мероприятий: «Не будет граждан достойный к Отчизне холоден душой».

Использование материалов музейных экспонатов БГСХА в преподавании истории дает широкие возможности педагогу, помогая обогатить учебный процесс яркими, запоминающимися, доступными, научно достоверными знаниями, образами; облечь теоретическое, абстрактное знание в материальную форму, придать ему эмоциональную окраску; улучшить качество усвоения нового материала за счет включения в работу различных видов памяти (зрительной, слуховой, ассоциативной). Занятия в музее позволяют решать и воспитательные задачи, знакомить студентов с жизнью и деятельностью поколений, способствуют воспитанию чувства причастности к истории, своему прошлому. У каждого молодого человека должно быть глубокое понимание того, что Родина воспринимается в двух органично взаимосвязанных аспектах: как место рождения и проживания, и как родная страна, Отчизна — Беларусь. Патриотизм не должен быть наблюдательным, а должен проявляться в социальной активности личности, которой не все равно, что происходит сегодня и что будет завтра на родной земле.

На кафедре социально-гуманитарных дисциплин Белорусской государственной сельскохозяйственной академии стало традицией проведение научно-практических конференций студентов, через участие в которых осуществляется решение следующих задач: побуждение интереса к истории и культуре родного края, воспитание гордости за прошлое и уверенности в будущем. Среди наиболее популярных тем: «Познай Беларусь» (о наиболее интересных исторических местах Беларуси); «История в лицах» (биографические факты исторических личностей); «Память, объединяющая народы» (боевое содружество народов СССР в борьбе с фашизмом); «Беларусь в современном мире: цели и ценности»; «Судьба моей семьи в судьбе моей страны»; «Жыву ў Беларусі і тым ганаруся».

В рамках знаменательных и памятных дат в академии проводятся тематические вечера — чествование ветеранов войны и труда, их встречи с молодежью и др. Известно, что возвращаться в те далекие времена — нелегкое испытание для сердец ветеранов, однако эти встречи дают не только углубленные знания о войне, но и возможность сопереживания этим событиям вместе с людьми, которые защищали нашу Родину и были в ту пору их сверстниками.

Около двух десятилетий действует при кафедре клуб «Спадчына». Вначале он был ориентирован на углубленное изучение достижений мировой культуры. Сегодня участники клуба занимаются изучением традиционной культуры белорусов, ее включением в культурно-цивилизационные процессы современности. Программным стержнем является направленность участников на осознание себя носителями культурной традиции родной земли. Клуб объединяет студентов из разных уголков Беларуси, многие из которых из глубинки, где еще не утрачены самобытность, сохранены фольклорные, этнографические и другие особенности. «Спадчына» сотрудничает с Горецким домом ремесел, Горецким районным историко-этнографическим музеем и др. Это позволяет познакомиться с традиционными ценностями родного края, осознать необходимость сохранения национальной культуры, пропагандировать ее лучшие образцы.

Прикосновение к историко-патриотическому наследию, традициям родного края связано и с совместной работой преподавателей кафедры и студентов над инициативной тематикой «Беларуская вёска: гістарычны вопыт і перспектывы развіцця». Результаты исследований, проведенных в рамках темы, представлены в 39 публикациях, 27 из которых подготовлены студентами за 2017/2018 учебный год.

С 2007 г. кафедра социально-гуманитарных дисциплин совместно с Горецким историко-этнографическим музеем проводит раз в два года районную краеведческую конференцию, проблемным полем которой является история академии, археология и этнография, литературные традиции Горецкого края. Результатом работы конференций стало издание сборников «Бацькаўшчына». Авторами публикаций являются не только ученые академии, учителя города, работники музея, но и студенты академии, школьники. Все это положительно влияет на формирование личности студента как человека-гражданина. Традиционная культура — это сокровищница народной памяти, частицы нашей духовной жизни. Через интерес к национальному достоянию можно сохранить его неповторимость и самобытность, научить молодежь осознавать себя гражданами и патриотами с чувством ответственности за национальную безопасность страны.

Проведение конференций подтверждает устойчивый интерес к краеведческому материалу, истории родного края, ведь для Беларуси сегодня актуально, чтобы ее завтрашний день определяли не инертные «Иваны, не помнящие родства», а думающие, инициативные люди, ценящие историю и культуру своего народа, осознающие собственную ответственность за будущее страны.

Прыпадзем жа да крынічных вытокаў,
Каб памудрэць!
Каб пасталець!
Каб з годнасцю мовіць:
Гэта мы — Беларусы!

Сегодня понятно, что историко-культурная направленность воспитания не только не перечит новому, а, наоборот, определяет развитие личности и народа в целом, помогает найти настоящие духовные ориентиры. И молодежь через личное участие и систему образования должна воспринимать это наследие и стать ее хранителем в своей трудовой деятельности на самых различных должностях хозяйственного, культурного и политического характера.

В целях изучения результативности и эффективности воспитательного процесса, выявления приоритетов и проблемных зон в его организации в октябре—ноябре 2017 г. в четырех аграрных учреждениях высшего образования Минсельхозпрода межвузовской научно-исследовательской лабораторией мониторинга и управления качеством высшего аграрного образования совместно с лабораторией социологических исследований БГСХА был проведен анкетный опрос 969 студентов, в том числе: II курса — 41,5%, III курса — 30,3%, IV курса — 28,2%. Параллельно с ним проводился опрос 381 педагога.

К активным участникам воспитательного процесса большинством респондентов отнесены: кураторы студенческих групп (72%), администрация высшей школы, факультетов (61%) и преподаватели (56%). Далеко не во всех категориях отводится главная роль студентам (33%) и студенческому самоуправлению (23%), совсем немногие включили в число активных участников процесса родителей (14%) [3, с. 10—11].

Определенный исследовательский интерес представляет мнение студентов о критериях воспитанности человека, к которым респонденты отнесли: вежливость, предупредительность (54%), общекультурный уровень (46%), личную и гражданскую ответственность (29%), духовно-нравственную зрелость (20%), выбор ценностных ориентиров (19%) и следование им (6%). При этом педагоги практически всех учреждений высшего образования сошлись во мнении и отдали 1-е место нравственному (54,6%) и гражданско-патриотическому воспитанию (26%).

Среди приоритетных мероприятий воспитательной работы студенты отдали предпочтение формированию мировоззрения и системе базовых ценностей по всему массиву — 25,9% (в БГСХА — 24,8%), нравственному воспитанию и формированию культуры поведения — 37,8% (в БГСХА — 38,5%), гражданско-патриотическому воспитанию — 11,7% (в БГСХА — 17,1%), профессиональному воспитанию и научно-техническому творчеству — 34,2% (БГСХА — 18,4%) [3, с. 28].

Сегодня в молодежной среде обозначился ряд положительных тенденций, которые свидетельствуют о высокой значимости патриотизма как идейной ценности, однако ему в качестве основной идеи предстоит и далее доказывать свою практическую действенность, формировать отношение к главным сферам человеческого бытия, делать их конкурентоспособными на фоне мировоззренческих идей других народов. Ведь развитие культуры, искусства, литературы, гуманитарного знания, науки в целом всегда было эффективным инструментом развития человека через расширение горизонта его ценностных смыслов и представлений, обогащение духовного мира. И это развитие шло именно по пути гуманизации самого человека и его отношений. Гуманитарная наука (философия, социология, филология, история, литература и др.) как раз есть то необходимейшее условие жизни и развития человека.

Идейность, нравственность, патриотизм — вечные спутники человека и общества. Устойчивость любого государства зависит от того, насколько в каждом его гражданине сформированы названные качества. В этом суть любой образовательно-воспитательной системы, и белорусское образование должно оставаться верным лучшим традициям нашего народа. Объявленный в Беларуси Годом малой родины 2018 г. дает возможность продемонстрировать внимание к истокам развития человека и его культуры, осознание им любви к своей стране, формирование его гражданской позиции.

Система идейных ценностей современной Беларуси нацелена на сохранение и развитие национальных морально-нравственных и культурных традиций народа, системную стабилизацию и консолидацию белорусского общества, защищенность каждого гражданина и т. д. В концепции национальной безопасности Республики Беларусь прямо указывается, что укрепление и развитие в обществе патриотизма относится к национальным интересам страны, а воспитание патриотизма является одной из форм участия граждан в обеспечении национальной безопасности.

Список цитируемых источников

1. Курдеко, А. П. Приглашаем в наш престижный вуз / А. П. Курдеко // Совет. студент. — 2013. — 5 апр. — С. 1.
2. Наш исторический выбор — независимая, сильная и процветающая Беларусь : докл. Президента А. Г. Лукашенко на IV Всебелорус. народ. собрании // Беларус. думка. — 2010. — № 12. — С. 3—16.
3. Трапянок, Н. Г. Организация воспитательного процесса в аграрном вузе: социологическое измерение / Н. Г. Трапянок, Е. И. Вильдфлуш, Е. И. Сарвино. — Горки : Белорус. гос. с.-х. акад., 2017. — 59 с.

БЕЛОРУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В УСЛОВИЯХ УЖЕСТОЧЕНИЯ ПОЛЬСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1930-Х ГОДАХ

По условиям заключенного в марте 1921 г. в Риге мирного договора между Польшей и Советской Россией земли Западной Беларуси оказались в составе II Речи Посполитой. Польские власти, так или иначе, планировали ассимилировать славянские национальные меньшинства, оказавшиеся в границах их государства. Особенно жесткой польская национальная политика стала во второй половине 1920-х гг., после ликвидации наиболее массовой белорусской организации — Громады (1927), лидеры которой были обвинены в связях с коммунистическим подпольем.

В условиях национальной незрелости белорусского, преимущественно крестьянского по своему социальному характеру, общества, первостепенное значение в деле сохранения национального лица белорусов имела деятельность национальных партий и организаций, объединявших немногочисленных представителей белорусской интеллигенции в этом регионе. Учитывая факт, что внимание исследователей белорусского национального движения в межвоенной Польше главным образом было обращено к Громаде и зависимым от нее организациям, процессы, происходившие в национальном движении в 1930-х гг., изучены не так полно. В силу этих обстоятельств автор считает избранную тему актуальной и в качестве своей цели в данной статье видит анализ деятельности основных направлений белорусского национального движения 1930-х гг., особенностей взаимоотношений как между различными его течениями внутри движения, так и с польской властью.

К началу 1930-х гг. в белорусском движении уже окончательно сформировались три основных направления: полонофильское, национально-демократическое и коммунистическое. На данном этапе противоречия между ними по-прежнему являлись существенным фактором, ослаблявшим потенциал национального движения. Тем не менее попытки отстоять законные права белорусского населения продолжали предприниматься, что вызывало все более ошутимое противодействие со стороны польских органов власти.

Неудача на парламентских выборах 1930 г. посеяла смуту во всех группах, представлявших национальное движение. Она подвела черту под существованием многих пропольски настроенных объединений, которые, лишившись финансирования и не имея даже минимальной поддержки народных масс, сошли с политической сцены [1, с. 69].

В рамках полонофильского течения более жизнеспособным оказался Центросоюз. Среди прочих белорусских сил за него оказалось отдано наибольшее количество голосов на выборах 1930 г., да и объединял он политиков иного масштаба, чем в карликовых пропольских группах. Лидеры Центросоюза А. Луцкевич и Р. Островский оказались после выборов в крайне затруднительном положении. С одной стороны, они обязаны были предпринять конкретные шаги, чтобы оправдать оказанное народное доверие, с другой — не хотели конфликтовать с польской стороной, довольно благосклонно принявшей подобное объединение. Поэтому весьма противоречивой по содержанию получилась резолюция Центросоюза об итогах выборов. В ней говорилось, что, несмотря на террор коммунистов и давление административных властей, Центросоюзу удалось объединить вокруг себя общественно сознательные элементы. Чтобы укрепить достигнутые позиции, предлагалось сосредоточить усилия на создании сети сельских библиотек, систематически организовывать выездные лекции по кооперативной и хозяйственной тематике, регулярно издавать периодику, художественные и научные журналы, книги [2]. Как видим, о какой-либо политической деятельности речь даже не шла. Составители резолюции тщательно избегали вопросов, способных привести к конфликту с польской стороной. Но и для реализации намеченных планов требовалось как минимум единство членов организации, чего в Центросоюзе не наблюдалось.

Уже в начале 1931 г. его покинули Ф. Акинчиц и Я. Станкевич, не удовлетворившие свои политические амбиции. Последний встал во главе Белорусского хозяйственного союза, но долго продержаться с ним на политической арене, ввиду отсутствия какого-либо финансирования и даже минимальной поддержки населения, не смог. В 1932 г. данный союз прекратил существование [3, с. 93]. Ф. Акинчиц вскоре создал так называемую Виленскую группу белорусского возрождения, ставшую, по признанию ее же лидера, «наиболее полонофильской из всех белорусских организаций» [4, с. 42].

В связи с внутренними раздорами лидеры Центросоюза не проводили почти никакой практической деятельности. Это вполне устраивало Р. Островского, уже тогда начавшего использовать передаваемые польской стороной средства в личных целях. В отличие от него, А. Луцкевич прилагал определенные усилия, чтобы Центросоюз не стал очередной «бумажной» организацией. Несмотря на ряд существующих противоречий, он предпринял очередную попытку сближения различных белорусских сил во имя сохранения национально-культурных ценностей. Для этого А. Луцкевич пригласил войти в состав родительского комитета Виленской гимназии, находившегося под контролем Центросоюза, В. Богдановича от Право-

славного белорусского демократического объединения (ПБДО) и лидера Белорусской христианской демократии (БХД) А. Станкевича [5, л. 383]. Такой шаг вызвал резкое осуждение Р. Островского, и Антон Луцкевич, тогда еще пребывавший под его влиянием, был вынужден на страницах партийной прессы вновь дистанцироваться от хадеков.

Вскоре А. Луцкевич выступил с предложением реорганизовать Центросоюз. Р. Островский изначально поддержал эти планы, так как рассчитывал, что данный проект должен привлечь внимание польской стороны, а следовательно, можно будет ожидать очередных финансовых поступлений. В результате 27 декабря 1932 г. они зарегистрировали «Товарищества беларускай асветы» (ТБА). В статуте новой организации записали, что ее цель заключается в работе над развитием белорусской культуры, распространении школьного и внешкольного образования белорусов на родном языке, поднятии морального уровня населения, изучении культурных особенностей польской и других народов, живущих на одной с белорусами территории [6, л. 7].

В условиях глубокого кризиса, переживавшегося «Товариществом белорусской школы» (ТБШ) после разгрома Громады, реализация этих планов выглядела обнадеживающей. В ТБА вошли многие организации, составлявшие ранее Центросоюз [7, л. 21]. Хотя ТБА довольно активно включилось в работу (в 1933 г. при нем был создан народный театр, в 33 селах открылись библиотеки, бесплатно распространялся печатный периодический орган товарищества «Родны край»), смена вывески не решила многих ключевых проблем [8, с. 86]. Охват деятельности ТБА в масштабе всего западнобелорусского региона оставался незначительным. Перед А. Луцкевичем встал очевидный факт: без сотрудничества с культурно-просветительскими организациями христианских демократов (БИГиК) и ТБШ шансов на эффективную деятельность ТБА нет. Продолжавшееся давление польской стороны на сферу белорусской культуры только убеждало его в этом.

Намерения А. Луцкевича вновь пойти по пути переговоров с другими белорусскими организациями натолкнулись на упорное сопротивление Р. Островского. Его вполне устраивало существующее положение вещей. Конфликт между двумя политиками с новой силой разгорелся в 1934 г. Масла в огонь добавил заведовавший финансовыми вопросами Центросоюза А. Трепка, вскрывший махинации Р. Островского, связанные с нецелевым использованием средств, поступающих от правительства организации, а затем и ТБА [9, с. 159]. Решить противоречия должен был товарищеский суд, растянувшийся более чем на год. Однако еще до вынесения его вердикта было ясно, что разрыв А. Луцкевича и Р. Островского неизбежен. Принятое в ноябре 1935 г. решение товарищеского суда, хотя и с оговорками, но все же признавало вину Р. Островского [7, л. 211]. Вот только самого обвиняемого, выехавшего в конце 1935 г. в Лодзь, это вряд ли обеспокоило.

Данные события убеждают, что уже к середине 1930-х гг. полонофильское течение себя исчерпало, потерпев полное фиаско. Деятели, придерживавшиеся данного направления, еще могли на что-то рассчитывать в период заигрывания польских властей с отдельными представителями национального движения и доминированием сторонников «государственной ассимиляции» национальных меньшинств. В условиях же смены правительственного курса, перехода к тотальной полонизации, необходимость в этом у власти отпала. Единственным шансом выжить для полонофильских группировок являлось объединение с другими участниками национального движения. Но этого не произошло, что и предопределило их закономерный финал.

Значительно более плодотворной и полезной как для белорусского движения, так и общества в целом оказалась деятельность сил, входивших в национально-демократический лагерь. В нем стоит выделить христианских демократов, или хадеков, которые еще с середины 1920-х гг. были второй по влиянию силой в национальном движении после Громады. Во главе этой политической силы стояли белорусские католические ксендзы, наиболее известными из которых были А. Станкевич, В. Годлевский, Ф. Абрантович. БХД постоянно эволюционировала в направлении от закрытой костельной организации к настоящей политической партии. В программе христианских демократов 1926 г. впервые в качестве главной цели ее деятельности ставилась борьба за создание независимого белорусского государства, которое объединило бы все этнические земли белорусов [5, л. 70].

Учитывая тот факт, что православная церковь в Западной Беларуси, службу в которой в основном несли представители русского духовенства, была не очень заинтересована в поддержке национального движения белорусов, именно христианские демократы решили стать той силой, которая сплотила бы все национальные силы вокруг защиты прав белорусов. С этой целью со второй половине 1920-х гг. вступление в ряды партии было разрешено и исповедовавшим православие [10, с. 41]. Но большая часть белорусского крестьянства, 75% которого было православным, продолжало с подозрением относиться к представителям католической церкви, хотя и белорусам по национальности. Это обусловило то, что БХД оказывало заметное влияние преимущественно в тех уездах, где преобладали белорусы-католики. Существенным препятствием для хадеков был и постоянный надзор польских церковных властей, которые жестко пресекали любые проявления национальной деятельности под крышей костелов [11, д. 92]. Именно эти обстоятельства не позволили БХД к началу 1930-х гг. превратиться в подлинно общенациональную партию.

С конца 1920-х гг., после непродолжительного периода экспериментов, польские власти снова вернулись к национальной ассимиляции меньшинств, не оставляя им никаких шансов на свободное национально-культурное развитие. В то же время местные коммунисты пытались сохранить свое влияние в белорусском движении. После прекращения существования Громады они сделали ставку на членов крестьянско-рабочего посольского клуба «Змаганне», образованного из нескольких белорусских депутатов после выборов 1928 г. [12, с. 540]. Однако они пользовались в обществе значительно меньшим авторитетом

и действовали, используя прежнюю популярность БСРГ. К тому же вследствие сворачивания белорусизации и общего изменения национальной политики в БССР Коммунистическая партия Западной Беларуси переходит на позиции национального нигилизма, что сопровождалось крайне враждебным отношением ко всем тем силам, которые не разделяли их идейной платформы. Даже борьба за открытие национальных школ была признана нецелесообразной [5, л. 188—189]. Это подтверждает пример ТБШ, которое фактически прекратило свою деятельность после того, как в конце 1920-х гг. контроль над ним установили коммунисты.

Конфликт между национально-демократическим и леворадикальным направлениями движения на фоне усиления репрессивных мер польских властей и общей пассивности белорусского крестьянства обусловил провал белорусских сил на выборах в сейм 1930 г. В отличие от выборов, которые состоялись в 1922 и 1928 гг., белорусам не удалось договориться о создании единого предвыборного блока, они смогли провести в сейм лишь одного своего представителя [9, с. 152].

Оказавшись фактически вне парламента в первой половине 1930-х гг., белорусские силы так и не смогли найти взаимопонимания. Деятельность многих партий и организаций находилась в состоянии анабиоза. Только христианские демократы пытались как-то повлиять на ситуацию, понемногу распространяя свое влияние на все новые институты белорусов (Белорусский национальный комитет, Белорусский студенческий союз и др.). Им в этом способствовало падение доверия населения к леворадикальным лозунгам, особенно после поступления сообщений из Восточной Беларуси о проведении принудительной коллективизации, а также репрессий против так называемых национал-демократов, в частности, бывших лидеров Громады Б.Тарашкевича, С. Рак-Михайловского и др.

В середине 1930-х гг. была предпринята последняя попытка изменить негативные для белорусов тенденции. Она связана с реализацией идеи создания в крае единого народного фронта. Подобная инициатива исходила из лагеря коммунистов. Ее появление объясняется рядом объективных причин как внутреннего, так и внешнего характера. Во-первых, в связи с установлением в Европе ряда правототалитарных и авторитарных режимов международное коммунистическое движение решило изменить тактику, призвав к объединению всех антифашистских сил против установления диктаторских режимов. Это решение нашло свое официальное оформление в постановлениях VII Конгресса Коминтерна, состоявшегося в июле—августе 1935 г. [13].

Во-вторых, хотя в Польше вероятность установления фашистской диктатуры преувеличивалась, однако усиление авторитарных тенденций в руководстве государства трудно было отрицать. Апрельская конституция 1935 г. предоставляла гораздо больше полномочий президенту. Несмотря на смерть Ю. Пилсудского (май 1935), в руководстве страны продолжали преобладать шовинистически настроенные политики, противники любых уступок национальным меньшинствам. Учитывая эти обстоятельства, а также то, что влияние коммунистов на белорусское движение продолжало уменьшаться, летом 1935 г. ЦК КПЗБ решил обратиться к БХД с предложением о вступлении в единый антифашистский фронт [7, л. 131]. Все это происходило на фоне бойкота белорусскими партиями выборов в сейм из-за значительных ограничений прав национальных меньшинств в новом избирательном законодательстве.

К тому времени христианская демократия уже прошла долгий путь эволюционных преобразований, логическим завершением которых стало изменение названия на «Белорусское народное объединение» (БНА). Это должно было символизировать окончательный разрыв с костелом и действительно давало возможность партии представлять интересы всего белорусского населения [14, с. 559].

Естественно, что при таких обстоятельствах лидеры БХД с подозрением отнеслись к предложению коммунистов, учитывая предыдущий опыт их взаимоотношений, не без оснований полагая, что левые могут использовать реализацию этой идеи для проникновения и подчинения структур БНА. Тем самым коммунисты оказались заложниками собственной ошибочной тактики в отношениях с национально-демократическими силами.

Единого фронта создать не удалось. Однако определенные результаты контакты представителей КПЗБ и БХД-БНА все же имели. Лидеры партий сумели достичь согласия о проведении ТБШ и Белорусским институтом хозяйства и культуры (БИГиК), зависимым от христианских демократов, совместной акции по отстаиванию прав белорусской школы [15, с. 148]. Она началась в марте 1936 г. и действительно всколыхнула местное население, которое массово начало обращаться к польским органам власти с требованиями создания белорусскоязычных школ. В конце 1936 г. совместными усилиями БНА и КПЗБ в Вильно были проведены дни белорусской культуры [8, с. 91].

В знак протеста против наметившегося сближения христианских демократов и коммунистов в конце 1935 г. Белорусский национальный комитет (БНК) покинула группа национал-социалистов. Это заставило белорусских нацистов ускорить выработку собственной программы. Она была обнародована 10 января 1936 г. Ее создатели не были оригинальными — принятая программа практически дословно копировала аналогичные документы других пронацистских организаций, массово возникавших тогда в Европе.

Прежде всего, выдвигалось требование создания независимой и соборной Белорусской державы в ее этнических границах. Политическое и социальное устройство в ней должно быть установлено белорусами в соответствии с интересами белорусской нации. Для реализации этих планов национал-социалисты призывали к борьбе с ассимиляцией белорусов, за национальное воспитание белорусского народа и борьбу с деструктивными элементами, которые деморализуют народ и направляют его по ложному пути (под таковыми подразумевались коммунисты и христианские демократы — авт.). Кроме того, программа отличалась социальной демагогией и выпадами против «буржуазно-капиталистического

строю». Жизненно важный для белорусского крестьянства аграрный вопрос предлагалось решить путем безвозмездной передачи земли в руки малоземельных крестьян, создания хозяйств на кооперативных и артельных началах. Однако реализация этой части программы предусматривалась только при условии достижения политической и социально-экономической независимости белорусского народа [16, с. 10—18].

Малочисленная, организационно рыхлая группа белорусских национал-социалистов, слепо подражая германским нацистам, не учитывая специфики Западной Беларуси и ментальности ее населения, вряд ли могла рассчитывать на массовую поддержку своих идей. Тем не менее Ф. Акинчиц и его сторонники, видимо, надеясь обратить на себя внимание Берлина, пытались проявлять некоторую активность.

В июне 1937 г. было заявлено о создании Белорусской национал-социалистической партии (БНСП). В состав ЦК вошли Ф. Акинчиц (председатель), У. Козловский, К. Юхневич, А. Пецюкевич и А. Сапко [17, с. 134]. Поляки весьма скептически оценивали возможности новой партии, характеризуя ее лидеров как авантюристов и проходимцев, менявших свои политические взгляды в зависимости от ситуации в крае [6, л. 163]. Но желание перестраховаться, не допустить превращения БНСП в немецкую пятую колонну заставило польские власти предпринять шаги по ограничению сферы деятельности национал-социалистов. В сентябре 1937 г. вышло постановление министерства внутренних дел, запрещавшее работу партии в приграничной полосе на восточных кресах. А так как Вильно тоже находилось в приграничной зоне, по распоряжению виленского воеводы месторасположение ЦК БНСП и редакции ее печатного органа «Новы шлях» было перенесено в Лиду [15, с. 10].

После этого переноса национал-социалисты исчезли с политической арены Западной Беларуси вплоть до июня 1939 г. Тогда по инициативе германской стороны в Гданьске проводилась так называемая Всебелорусская национальная конференция, собравшая представителей эмигрантских организаций, поддерживавших контакты с Третьим Рейхом. От Западной Беларуси прибыл лидер БНСП Ф. Акинчиц, который и возглавил созданный там Белорусский комитет самопомощи, включавший также В. Захарку, К. Езовитова, Н. Демидова, С. Яковюка и ряд других деятелей, в годы оккупации Беларуси сотрудничавших с нацистами [18, с. 12]. В самой же Западной Беларуси БНСП так и не сумела заручиться поддержкой и доверием народа, рассчитывая исключительно на немецкую «цивилизаторскую» миссию, которая принесет «освобождение» белорусам.

В условиях уже ничем не прикрытой ассимиляционной политики оживление белорусского движения было обречено на репрессивные контрмеры. Власть, обеспокоенная даже частичным объединением усилий бывших непримиримых врагов, решает не дать развернуться этому процессу и в конце 1936 г. один за другим ликвидирует ТБШ и БИГ и К, обвиняя эти организации в антигосударственной деятельности [6, л. 9]. Попытки БНА, отказавшейся в интересах самосохранения от ряда своих радикальных политических требований противостоять этому с помощью пропаганды идеи «культуры сожигания», не дали ощутимых результатов. После высылки А. Станкевича из Вильно, арестов многих лидеров партии сама БНА фактически перестала существовать.

Эти события стали началом конца существования организованного белорусского национального движения во II Речи Посполитой. В течение следующих двух лет были ликвидированы почти все белорусские институты, репрессированы многие ведущие деятели национального движения. Негативное влияние на его состояние оказало и постановление Коминтерна 1938 г. [18]. На основании на вымышленных обвинений, было принято решение о роспуске КПЗБ, которая только начала возвращать доверие белорусских сил. К концу 1938 г. польские власти считали белорусский вопрос «окончательно решенным» [19].

Таким образом, накануне Второй мировой войны в белорусском национальном движении не было сил, потенциально способных продолжать эффективную борьбу за отстаивание прав белорусского населения, если не учитывать нескольких маловлиятельных организаций прогерманской ориентации.

Однако не стоит преувеличивать и «успехи» национальной политики польских властей. Следует отметить, что реальный эффект ассимиляционных мер в отношении белорусов был довольно скромным. Наоборот, не подлежит сомнению, что они вызвали рост враждебности к польскости и создали почву для распространения политического и общественного радикализма в белорусской среде. Облечь его в организационные формы как раз и пытались представители белорусского национального движения, не достигшие впечатляющих результатов, но заложившие основы к формированию «воображаемых сообществ» и положительного национального самосознания в собственном народе, что и стало главным итогом их деятельности на западнобелорусских землях.

Список цитируемых источников

1. *Gomolka, K.* Białoruskie partie i organizacje prorządowe w II Rzeczypospolitej / K. Gomolka // BZH. — 1997. — Z. 7. — S. 63—74.
2. *Sprawy narodowosciowe.* — Warszawa. — 1931. — № 1.
3. *Gomolka, K.* Białoruskie instytucje życia gospodarczego w II Rzeczypospolitej / K. Gomolka // BZH. — 1997. — Z. 8. — S. 90—99.
4. *Мірановіч, Я.* Беларусь ў Польшчы (1918—1949) / Я. Мірановіч. — Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2010. — 191 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 242. Центральный комитет (ЦК) Коммунистической партии Западной Белоруссии (КПЗБ).
6. Государственный архив Брестской области. — Ф. 1. Полесское воеводское управление, г. Брест Полесского воеводства.
7. Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства. — Ф. 3. Калекцыя дакументаў аддзела рукапісаў Беларускага музея імя Івана Луцкевіча ў г. Вільня (1921—1945).

8. *Вабішчэвіч, А.* Асвета ў Заходняй Беларусі (1921—1939 гг.) / А. Вабішчэвіч. — Брэст : Выд-ва БрДУ, 2004. — 116 с.
9. *Сідоревіч, А.* Антон Луцкевіч / А. Сідоревіч // Неман. — 1990. — № 7. — С. 91—167.
10. *Коўкель, І.* Беларуская хрысціянская дэмакратыя і яе роля ў беларускім грамадска-палітычным руху (1917—1939 гг.) / І. Коўкель // Этносоциальные и конфессиональные процессы в трансформирующемся обществе. — Гродно, 2001. — Ч. II. — С. 36—44.
11. Отдел редкой книги и рукописей НАН Беларуси. — Ф. 4.
12. *Trejdenski, P.* Białoruskie stronnictwa polityczne w Polsce i ich ideologia / P. Trejdenski // Sprawy narodowosciowe. — 1930. — № 5—6. — S. 513—543.
13. Коммунистический интернационал. Всемирный конгресс (7; 1935). Резолюции VII Всемирного конгресса Коммунистического интернационала. — М. : Госиздат, 1935.
14. *Станкевіч, А.* З Богама да Беларусі : зб. твораў / А. Станкевіч ; за рэд. А. Пашкевіча, А. Вашкевіча. — Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2008. — 1097 с.
15. *Gomolka, K.* Białorusini w II Rzeczypospolitej / K. Gomolka // Zeszyty naukowe Politechniki Gdanskiej. Ekonomia. Nr. 31. — Gdansk, 1992. — 179 s.
16. Палітычныя партыі Беларусі / П. І. Брыгадзін [і інш.]. — Мінск : Згода, 1994. — 262 с.
17. *Ладысеў, У.* КПЗБ — арганізатар барацьбы працоўных за дэмакратычныя правы і свабоды (1934—1938 гг.) / У. Ладысеў. — Мінск : Беларус. навука, 1976. — 168 с.
18. *Сакалоўскі, У.* Нямецчына й беларускі нацыянальны Рух напярэдадні й у першыя гады Другое Сусветнае Вайны / У. Сакалоўскі, У. Ляхоўскі // ВЗН. — 2000. — З. 13. — С. 5—21.
19. *Mironowicz, E.* Białorusini, komunizm i władze sanacyjne w latach 1937—1939 / E. Mironowicz // ВЗН. — 2006. — З. 25. — S. 102—115.

УДК 930.1

А. В. Демидович

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ К НЕЗАВИСИМОСТИ

25 марта 2018 г. исполнилось 100 лет со дня провозглашения Белорусской Народной Республики (БНР) — первой попытки создания белорусского государства, события важного в истории белорусского народа, но неоднозначного в оценках и выводах. Плеяда знаковых исторических событий, связанных со становлением белорусской государственности: 100-летие Октябрьской революции (25.10.1917), 100-летие провозглашения БНР (25.03.1918), 100-летие провозглашения ССРБ (01.01.1919) пробуждают широкий интерес белорусской общественности к своему историческому прошлому. Все эти события взаимосвязаны между собой и являются для нас знаковыми, оказавшими ключевую роль в формировании фундамента белорусской государственности.

Обретение суверенитета привело к значительному подъему национального самосознания и интереса к истории и культуре своего народа, особенно у молодого поколения белорусов, родившихся после распада СССР. Именно сейчас, когда Беларусь сформировалась как независимое государство, укрепило свой национальный суверенитет, проводит многовекторный путь мирной внешней политики сосуществования и развития, нам необходимо обратиться к своему историческому прошлому, чтобы объективно подойти к данному историческому событию, оценить свое историческое наследие и извлечь из него уроки на будущее.

Февральская революция в России дала мощный толчок в развитии белорусского национального движения. 25 марта 1917 г. в Минске начался I Съезд белорусских национальных организаций, на котором был создан Белорусский национальный комитет во главе с Р. Скирмунтом. Делегаты съезда поддержали Временное правительство и высказались за идею создания белорусской автономии в составе России. Центральную роль в деятельности национальных сил играла возрожденная Белорусская социалистическая громада (БСГ). II Съезд белорусских национальных организаций (8—10.07.1917, Минск) продолжил политику по созданию белорусской автономии, создал вместо ликвидированного БНК Центральную раду (с октября 1917 г. — Великая белорусская рада), призвал к формированию национальной армии [1, с. 19].

После событий 25—27 октября 1917 г. в Минске, связанных с Октябрьской революцией, ВБР издает «Грамоту к белорусскому народу», в которой осуждает свержение Временного правительства и призывает население покончить с «большевистской анархией», а также призывает к проведению I Всебелорусского съезда, на котором демократическим путем должна решиться судьба Беларуси. Однако в этот период белорусское национальное движение не имело четко выработанной политической стратегии, политические лидеры все дальше отделялись в своих целях от нужд и чаяний простого народа, в их рядах преобладал буржуазный элемент, а наиболее влиятельная партия БСГ была близка к расколу.

Тем временем политическую инициативу как в Минске, так и по всей не оккупированной немецкими войсками территории Беларуси перехватили большевики и до 20 ноября 1917 г. взяли власть в свои руки. Большевистские лозунги, провозглашенные в декретах о мире и земле, нашли огромное понимание в рядах белорусских крестьян, рабочих и солдат и были с большим одобрением и энтузиазмом

ими восприняты. 22 ноября 1917 г. большевики заключили перемирие с кайзеровскими войсками на Западном фронте, а 27 ноября 1917 г. большевики создали центральный орган власти — Областной исполнительный комитет Западной области и фронта (руководители К. Ландер, А. Мясников и др.), а также губернские и уездные органы советской власти. Необходимо отметить, что в руководстве Облсполкомзапа не было ни одного белоруса [2].

На I Всебелорусском съезде (7—17.12.1917, Минск) было заявлено о праве белорусов на самоуправление и установление демократических форм правления. Однако позиция относительно государственного строя разделилась, поэтому съезд принял компромиссное решение о создании временного органа власти — Всебелорусского Совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, который должен был заменить в Беларуси власть большевиков. Всебелорусскому Совету поручалась созвать Учредительное собрание для определения политического будущего Беларуси. Однако съезд не успел осуществить задуманное, его антисоветская позиция привела к тому, что большевики разогнали съезд. В подпольных условиях часть делегатов съезда организовала Исполком Совета съезда.

Тем временем подписание Брестского мира было сорвано, и немецкие войска, перешедшие линию фронта, заняли Минск и территорию по линии рек Западная Двина и Днепр (с 18.02.1918 по 01.03.1918). Советская власть в спешке эвакуировалась в Смоленск.

В таких условиях представители белорусского национального движения решили взять на себя ответственность за судьбу родного края. Так, 19.02.1918 белорусские национальные партии и вступившие с ними в коалицию партии эсеров, меньшевиков, Бунда от имени Исполкома Всебелорусского съезда создали правительство — Народный секретариат Беларуси. В день вступления немецких войск в Минск (21 февраля) Исполком Всебелорусского съезда принял I Уставную грамоту, в которой объявил себя государственной властью на территории этнической Беларуси [3, с. 50].

Несмотря на проявленную лояльность к кайзеровским войскам, белорусское «правительство» оккупационными властями было выставлено из губернского дома. Однако немецкие власти не собирались преследовать белорусские национальные организации. Немецкое правительство, пользуясь политикой национальной розни, использовало белорусское национальное движение против Советской России. Тем не менее немцы с первых дней оккупации Беларуси твердо показали, кто «в доме хозяин». Подписание 3 марта 1918 г. Брестского мирного договора и отсутствие на его переговорах официальных белорусских представителей свидетельствует о том, что Беларусь стала разменной монетой между государствами, а интересы белорусского народа никто учитывать не собирался.

В надежде на лояльность немецких властей по вопросу создания белорусского государства под Германским протекторатом представители белорусского национального движения продолжили сотрудничество с оккупационными властями. Однако немецкие власти не признали БНР, объясняя свою позицию условиями Брест-Литовского договора с Советской Россией. В таких обстоятельствах Исполком Всебелорусского съезда 09.03.1918 принял II Уставную грамоту, в которой было объявлено о создании Белорусской Народной Республики (провозглашались демократические свободы, 8-часовой рабочий день, равноправие народов, проживающих в Беларуси, отменялась частная собственность на землю и передача ее крестьянам без выкупа). В сложившихся обстоятельствах практически все политические силы Беларуси поддержали II Уставную грамоту. Так, 18.03.1918 Исполком Всебелорусского съезда был преобразован в Раду БНР (во главе с И. Середой).

25 марта 1918 г. лидеры Рады БНР, руководствуясь прагматическими мотивами поддержки Германией национальных движений и питая идеалистические мечты относительно белорусской государственности, провозглашают III Уставную грамоту, в которой объявляют БНР «свободным и независимым государством». Для благосклонности немецкого правительства руководство Рады БНР отправило кайзеру Вильгельму II телеграмму, в которой выражалась сердечная благодарность немецким войскам за освобождение Беларуси от тяжелого гнета и анархии большевиков и содержалась просьба «принять ее под протекторат Германии». «Только под опекой немецкого государства видела Рада лучшую судьбу своей страны в будущем», — говорилось в этом документе [1, с. 60].

Нескрываемая немецкая ориентация Рады БНР и позиция по созданию национального государства, направленного на разрыв с Россией, встретила резкое несогласие у меньшевиков, эсеров и бундовцев, и вскоре эти политические силы вышли из ее состава. БСГ также разделилась на два противоположных лагеря и летом 1918 г. раскололась на три партии.

К этому времени широкий размах приобретает народно-освободительная борьба против немецких оккупантов, возглавляемая большевиками. Однако правые представители Рады БНР продолжили идти по пути сотрудничества с немецкими властями. Сотрудничество с оккупантами полностью дискредитировало в глазах народа эту политическую организацию.

В ноябре 1918 г. резко изменилось внешнеполитическое положение в связи с революцией в Германии и ее капитуляцией в Первой мировой войне. Эти обстоятельства позволили Советской России аннулировать несправедливый Брестский мир. Надежда Рады БНР получить власть из рук немецких оккупантов в этот период не оправдалась. Немецкое командование, видя неспособность Рады БНР удержать власть, решает не обострять отношения с советским правительством. Постепенный отход немецких войск из Беларуси позволил восстановить советскую власть к середине февраля 1919 г. практически по всей ее территории. Так, 01.01.1919 в Минске большевики провозгласили Манифест о создании БССР. Политические силы, которые сгруппировались вокруг Рады БНР, БССР не признали и начали вести против нее борьбу.

Не найдя поддержки у немецких оккупантов, Рада БНР делает попытки наладить контакты со странами Антанты, Украинской Радой и генералам Деникиным, обещая за свою поддержку помощь в борьбе с советской властью. С этой целью Рада БНР делает малоуспешные попытки создать белорусские военные формирования. Не создав даже одной роты, Рада БНР, с приближением Красной Армии к Минску, бежала в Гродно, где продолжила антисоветскую борьбу, рассылая «ноты» и «протесты» правительствам стран Антанты. Но надежды Рады БНР в планы политики стран Антанты не входили, так как «белорусский вопрос» ими был тесно связан с политикой по отношению к Польше и к русскому белому движению, которые белорусскую государственность признавать не желали. Проект восстановления ВКЛ, на который возложила надежду Рада БНР, перешедшая на путь сотрудничества с Литовской Тарибой, результатов не возымел, так как литовское правительство стремилось создать национальное государство [4, с. 396].

Аналогичная ситуация сложилась во взаимоотношениях Рады БНР с польским правительством в период советско-польской войны 1919—1921 гг. Руководители Рады высказали Ю. Пилсудскому сердечную благодарность за освобождение белорусских земель от большевиков, просили «возродить ее в независимое государство, соседнее и дружественное с Польшей» и предложили свою помощь в борьбе против советских республик. Драматизм ситуации состоял в том, что поляки первоначально пропагандировали идею «федерации», впоследствии откровенно заявили о превращении белорусских земель в неотъемлемую часть польского государства. Отношение к польским властям вызвало очередное разделение Рады на полонофильскую «Наивышшую Раду» и Раду БНР, представители которой отказались сотрудничать с польскими властями.

После заключения Рижского мира (21.03.1921) деятели БНР вынуждены были окончательно эмигрировать в Польшу, затем в Литву, Чехословакию, Германию, США. В 1925 г. большинство деятелей БНР признали БССР белорусским государством и передали ей свои полномочия, однако часть политических эмигрантов самороспуск БНР не признали и продолжили деятельность в прежнем направлении. Черной страницей истории белорусского национального движения является участие ее представителей в годы Великой Отечественной войны в коллаборационистском движении. Кровь жертв белорусского народа, пролитая в годы военного лихолетья, до сих пор течет по рукам коллаборационистов, а национальная символика на долгое время была осквернена сотрудничеством с немецко-фашистскими оккупантами. Надо отметить, что Рада БНР не признает законной созданную фашистами в 1943 г. в Минске Белорусскую центральную раду, она долгое время соперничала с ней в эмиграции. Послевоенная деятельность наследников БНР характеризовалась антисоветской направленностью и сотрудничеством ее членов с ЦРУ США. Правительство БНР существует за рубежом и поныне, причем оно не признает образовавшуюся после распада СССР суверенную и независимую Республику Беларусь [5].

Таким образом, все попытки добиться реальной независимости БНР оказались безуспешными. Белорусское государство не входило в планы ни одной соседней страны и иных сильных держав мира, все смотрели на белорусские земли как источник своих политических интересов. Существовал и ряд других причин, объясняющих, почему БНР так и не смогла получить реальную государственность.

Во-первых, цели и задачи деятелей БНР были далеки от тогдашних нужд простого белорусского народа.

Во-вторых, белорусское национальное движение скомпрометировало себя в сотрудничестве с немецкими и польскими оккупантами, и деятели БНР рассматривались народом как пособники оккупантов.

В-третьих, возникли юридические вопросы относительно легитимности полномочий Рады БНР. Исполком Совета I Всебелорусского съезда вместо того, чтобы собрать Учредительное собрание, сам себя реорганизовал в Раду БНР, которая, никем не избравшись, взяла на себя «миссию» создания белорусской государственности.

В-четвертых, Рада и правительство БНР не обладали реальной властью, не создали административной и судебной власти, армии, полицейского и налогового аппарата, даже не успели принять конституцию. Большинство указов и решений властей БНР имели чисто декларативный характер.

И, наконец, советская власть перехватила инициативу, провозгласив создание БССР, укрупнила впоследствии ее территорию, провела политику белорусизации и осуществила ряд практических мероприятий, направленных на создание белорусской экономики, культуры и образования.

В то же время БНР отчасти воплотила в себя мечту многих белорусов о создании собственного государства, вдохновила белорусов на деятельность, направленную на получение белорусской государственности, развитие национальной культуры, образования, жизненной позиции «людзьмі звацца». БНР обладала рядом государственных атрибутов (государственная печать, символика в виде герба «Погоня» и бело-красно-белого флага), выдавались паспорта БНР, выпускались марки, имелась формальная законодательная и исполнительная власть, сформировалась система образования, предпринималась попытка создать белорусское войско, получено дипломатическое признание отдельных стран. Одним из главных результатов ее существования являлось опасение советских властей, что белорусы сплотятся вокруг национальной идеи. Решение ЦК РКП(б) о провозглашении БССР как независимой советской республики было отчасти мотивировано принятием правильного решения национального вопроса в целях консолидации белорусского народа на принципах советской власти и мобилизации его сил на защиту революционных завоеваний. В определенной степени образование БССР явилось контрмерой объединения белорусов под знаменами БНР. Возможно, без создания БНР история белорусского народа пошла бы совершенно другим путем... [5, с. 104].

Нельзя недооценивать и вклад деятелей белорусского национального движения в развитие белорусской культуры, науки и образования. Многие представители БНР (В. Ластовский, С. Некрашевич, А. Смолич и др.) вернулись в БССР в середине 1920-х гг. и активно включились в процесс белорусизации. Некоторые (А. Луцкевич, Б. Тарашкевич, С. А. Рак-Михайловский и др.), находясь в Западной Беларуси, активно отстаивали интересы белорусского народа против польских властей. История расставила все по своим местам.

Процесс самоопределения Беларуси развивался в сложных исторических условиях. Путь к независимости Беларуси был очень трудный, долгий и тернистый. Смотри на прошедшие события через смуты столетия, нужно отбросить эмоции и политические пристрастия, вспомнить позитивный опыт прошлого, для того чтобы объединить усилия ради многовековой цели белорусского народа — жить в своей независимой стране, быть «гаспадаром сваёй хаты».

Список цитируемых источников

1. Гісторыя Беларусі : падручнік : у 2 ч. / Я. К. Новік [і інш.] ; пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. — Мінск : Выш. шк., 2003. — Ч. 2. Люты 1917 г. — 2002 г. — 472 с.
2. *Зелинский, П. И.* Борьба за национальное самоопределение в Беларуси в первые месяцы Советской власти [Электронный ресурс] : пособие / П. И. Зелинский, В. Н. Пинчук. — Режим доступа: http://www.studmed.ru/zelinskiy-di-pinchuk-vn-istoriya-belarusi-xx-nachalo-xxi-v_b55bb674515.html. — Дата доступа: 12.12.2017.
3. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. / М. П. Касцюк [і інш.] ; Ін-т гісторыі АНБ. — Мінск : Беларусь, 1995. — Ч. 2. — 560 с.
4. Энциклапедыя гісторыі Беларусі / рэдкал.: М. В. Біч [і інш.] ; прадм. М. Ткачова ; маст. Э. Э. Жакевіч. — Мінск : БелЭн, 1993. — Т. 1. — 494 с.
5. Беларуская Народная Рэспубліка — крок да незалежнасці: да 100-годдзя абвяшчэння : гістарычны нарыс / А. А. Каваленя [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т. гісторыі. — Мінск : Беларус. навука, 2018. — 157 с.

УДК 316.7(476)

В. Л. Драгоева

Учреждение образования «Гомельский государственный педагогический колледж имени Л. С. Выготского», Гомель

ПОДГОТОВКА БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ К ФОРМИРОВАНИЮ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНИКА ПУТЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА

Девальвация духовных ценностей в мире оказала негативное влияние на общественное сознание молодежи. Патриотизм стал перерождаться в национализм. Во многом утрачено истинное значение и понимание интернационализма. Нынешние молодые люди зачастую растеряны, поскольку не могут найти объяснение всем противоречиям хода истории. Только осознанное осмысление своей истории, уважение к традициям старших поколений может стать основой гражданской позиции человека-созидателя.

Прогресс и поступательное развитие общества происходит благодаря преемственности поколений, благодаря обмену духовным опытом. Народные традиции — это не только сокровищница мудрости, кладовая педагогической мысли и нравственного здоровья; прежде всего, это духовные истоки.

Развитие общества немислимо без возвращения к истокам, без восстановления и творческого осмысления забытых традиций и обычаев.

Забывая свои корни, человек разрывает связь времен и поколений, теряет не только то, что формирует его национальный облик, но и то, что связывает его с общечеловеческой культурой.

Национальное самосознание — это совокупность взглядов, оценок, мнений, отношений, выражающих представления членов социально-этнической общности о своей истории, перспективах развития, месте среди других народов [1].

Понимание своей причастности к национальной общности пробуждает целую гамму чувств — чувство сопричастности к судьбе Отчизны, любви к исторической родине, национальной культуре, гордости или тревоги за судьбу своего народа.

Национальное самосознание включает в себя любовь к национальной культуре, родному языку, уважение к национальным ценностям, осознанное чувство национальной гордости.

Компонентом национального самосознания является приверженность к своим традициям.

Традиция (лат. *traditio* передача, предание) — элементы социального и культурного наследия, передающиеся от поколения к поколению и сохраняющиеся в определенных обществах, классах и социальных группах в течение длительного времени [2].

Национальное самосознание не является наследственностью и не дается ребенку при рождении, а требует от каждого человека напряженной работы мозга и души, научного подхода к его формированию у детей.

Воспитание национального самосознания, как и воспитание в целом, — комплексный процесс.

Проблема воспитания нравственности и духовности, национального самосознания у подрастающего поколения является сегодня одним из важнейших направлений воспитательной работы в педагогическом колледже. Необходимы поиски наиболее оптимальных путей ее разрешения, чтобы остановить процесс воспроизводства безликих поколений без собственного национального лица, без исторических корней, без памяти прошлого и без уверенности в будущем.

Отметим, что 2016 г. объявлен Годом культуры. Одним из приоритетных направлений в процессе профессиональной подготовки будущих педагогов в учреждении образования «Гомельский государственный педагогический колледж имени Л. С. Выготского» является внедрение эффективных форм культурологического воспитания у учащихся как выстроенной технологии образования. Вовлечение учащейся молодежи в проектную, творческую деятельность способствует их личностному и профессиональному росту. Ключевыми структурными компонентами образовательного проекта «Культурное наследие — во имя будущего» является учебно-поисковая и краеведческая деятельность, изобразительное и декоративно-прикладное творчество.

Мероприятия проекта включают организацию поисковой деятельности учащихся по изучению народной культуры региона, наследия старших поколений, систематизацию и обобщение краеведческого материала, проведение воспитательных и информационных часов, создание учащимися творческих работ изобразительного искусства и декоративно-прикладного творчества, организацию тематических выставок и конкурсов, участие в фестивалях.

Инновационность образовательного проекта «Культурное наследие — во имя будущего» заключается в использовании изобразительного искусства как средства формирования культурологического воспитания, национального самосознания, патриотизма и гражданской ответственности учащихся; в его интеграционном характере — в соединении культурологических ценностей, истории, литературы и краеведения; креативной и преобразующей деятельности участников проекта.

Поиск новых подходов в формировании национального самосознания обусловил следующие противоречия, сложившиеся в педагогической реальности: у учащихся есть потребность восполнения информации о национальной принадлежности, национальной идентификации и недостаточная степень удовлетворения потребности в рамках школьного образования; в то же время учащиеся понимают необходимость в передаче традиций последующим поколениям.

Гипотеза: изобразительное искусство для учащихся — это лучший материал для изучения белорусской народной культуры, своего рода фундамент для формирования национального самосознания.

Цель: изучение возможностей творческой деятельности в формировании основ национального самосознания учащихся.

Основные задачи:

- создание условий для формирования национального самосознания;
- развитие у учащихся системы общечеловеческих ценностей, понимания роли своей нации в мировом историческом процессе;
- развитие в личности высокой социальной активности, гражданской ответственности, духовности; способности проявлять себя в созидательном процессе в интересах государства;
- сохранение преемственности поколений на основе исторической памяти, примеров исторического прошлого народа;
- приобщение к традициям и культуре страны;
- развитие творческого потенциала учащихся;
- обоснование эффективности применения народных традиций в изобразительном искусстве и использование новых педагогических технологий в становлении конкурентоспособных специалистов.

Ожидаемые результаты. Учащиеся будут знать историческую последовательность становления и развития национальной культуры, ремесел и традиций декоративно-прикладного творчества белорусского народа, ярких представителей декоративно-прикладного искусства и изобразительного искусства Беларуси.

Учащиеся будут уметь сохранять и оберегать историческое наследие страны; осуществлять учебно-поисковую и краеведческую работу в своём регионе; работать над воссозданием и сохранением культурного богатства страны; создавать тематические творческие работы изобразительного искусства и декоративно-прикладного творчества; презентовать результаты работы по декоративно-прикладному творчеству и организовывать выставки.

Предмет «Изобразительное искусство» имеет огромный потенциал для интеграции с другими общеобразовательными и профессиональными дисциплинами: с историей Беларуси, всемирной историей, литературой и др. Принцип изучения тем занятий по изобразительному искусству на протяжении всего курса изучения дисциплины — «от родного порога в мир общественной культуры». Темы занятий открывают учащимся многообразие искусства разных народов, дают возможность понять то общее, что объединяет всех людей планеты, а также увидеть и осмыслить те особенности, те черты, которые присущи только нашему искусству, нашим народным традициям.

Так, например, содержание практических занятий по дисциплине «Изобразительное искусство» на II курсе отделения специальности «Начальное образование» опирается на восприятие произведений живописи и графики белорусских художников. Учащиеся учатся анализировать произведения искусства, понимать основную идею произведения, оценивать художественный образ, в результате — видеть великую силу искусства.

Все темы занятий по разделу «Декоративно-прикладное искусство» косвенно или напрямую связаны не только с изучением методики выполнения, но и с изучением традиций, обычаев, культуры белорусского народа, что позволяет развивать любовь к Родине, своему народу и культуре.

Особое внимание уделяется знакомству с искусством родного края, творчеством профессиональных и народных мастеров («Оговские куфры», «Ивенецкая керамика», «Слуцкие пояса»), местными художественными достопримечательностями. Изучение памятников архитектуры и изобразительного искусства, художественных промыслов и ремесел своего региона, города, села, деревни не только способствует вовлечению учащихся в творчество на основе местных традиций, но и прививает любовь к родному краю, уважение к людям, живущим рядом, формирует желание беречь и приумножать художественное достояние своего региона.

Большое количество занятий по изобразительному искусству на III курсе отделения специальности «Начальное образование» непосредственно направлены на развитие патриотических чувств у учащихся, таких как выполнение серии работ на темы «Народные праздники», «Мой родной город», «Памятники архитектуры — наследие предков», «Пейзаж родной земли», «Интерьер и внутреннее убранство белорусской хаты», «Праздничные народные гулянья».

Выполнение керамических изделий по разделу «Лепка» с учащимися по темам «Белорусская керамика», «Белорусская игрушка» расширяют знания учащихся об особенностях белорусского искусства.

Большая роль по формированию национального самосознания у учащихся отведена дисциплине «Методика преподавания изобразительного искусства».

На комиссии изобразительного искусства и трудового обучения разработаны конспекты уроков по восприятию белорусского искусства, направленные на воспитание национального самосознания учащихся начальных классов, создан учебно-методический комплект наглядных пособий по разделу «Декоративно-прикладное искусство».

Помимо учебной деятельности по изобразительному искусству в колледже в рамках воспитательной работы проводится внеучебная деятельность по формированию национального самосознания.

Учащиеся посещают «Картинную галерею Г. Х. Ващенко», «Гомельский областной музей военной славы», «Филиал Ветковского музея народного творчества в Гомеле», «Музей истории города Гомеля», «Ветковский музей старообрядчества и белорусских традиций», где с ними проводятся беседы о культуре, истории родного края.

В целях повышения познавательной активности учащиеся колледжа занимаются поисковой деятельностью. Они изучают историю родного края, города, архитектуру, творчество художников-земляков. Выполнены методические разработки и исследовательские работы по изучению народных традиций в декоративно-прикладном искусстве Беларуси в целях воспитания патриотических чувств и приобщения подрастающего поколения к отечественной культуре и национальному изобразительному искусству.

В исследовательской работе «Пластика из льна — сохранение народных традиций и развитие новаций» учащиеся колледжа раскрывают уникальность неглюбских рушников.

Учащиеся с педагогами посетили Ветковский музей народного творчества имени Ф. Г. Шклярова, где можно увидеть изделия из льна, рушники, ткани, инструменты обработки льна. Особое место в музее отведено неглюбским рушникам. Как рассказал нам научный сотрудник музея Г. И. Лопатин, «в деревне Неглюбка едва ли не каждая хата — филиал музея ткачества с уникальной экспозицией. Ткачих, которые помнят старое ремесло, еще можно встретить. Только вот кросны большинства из них уже давно прописались на чердаке. Рушник — ритуальная вещь. Здесь это оберег, который до сих пор украшает иконы и семейные портреты местных хат. Каждый неглюбский рушник — импровизация. Мотивы геометрические и геометрически-растительные — это “жалудзе”, “ліст”, “яблык”, “сланечнік”, “рэзька” и др. Можно найти и медведя, и козла, и воробья. Для этнографов — это сакральные символы. Неглюбская традиция сегодня самая богатая. Всего на тканых неглюбских рушниках зафиксировано более 120 узоров. Один из самых популярных называется “кручка”. Ему около 5 тысяч лет! Вообще, при помощи рушника люди показывали свое понимание жизни, времени».

Посетив в Гомеле филиал Ветковского музея, учащиеся узнали о ткачестве, о неглюбском рушнике от директора филиала П. М. Цалко. Они увидели сакральные знаки на рушниках, некоторые («кручка», «хрясть», «вєраб'і») даже стали отличать и находить их на разных экспонатах. Нам представилась возможность самим поработать на кроснах и выткать несколько рядов рушника. П. М. Цалко рассказал: «Неглюбские рушники, выполненные ткачихами на деревянных кроснах, известны во всем мире. Рушниками украшен один из офисов Беларуси в здании ООН. Музей “Метрополитен” приобрел рушники для своей коллекции».

На Гомельщине понимают: чтобы возродить уникальное ремесло неглюбских ткачих и «передать» традиции молодежи, необходимо, прежде всего, показать «товар лицом» в Беларуси и соседних странах. В 2013 г. в Неглюбке впервые прошел областной фестиваль белорусского рушника «Кросенцы», который всколыхнул Интернет. В филиале музея действует кружок «Параскева», который посещают как девочки, так и мальчики. Сегодня ткачество становится модным ремеслом.

Учащимся становится ясно, насколько важны его исконные корни — семья, этнос, к которым он принадлежит, его дом, в широком понимании — Беларусь. Они обретают способность открывать для себя традиции родной культуры, в которых заключена душа народа, учатся любить и чтить их, не поддаваться соблазну неосознанно копировать чужие образцы, идущие вразрез с истинно народной культурой.

На областной конкурс в 2016 г. «Ад прадзедаў спакон вякоў...» была представлена исследовательская работа на тему «Народная игрушка. Сохранение народных традиций и развитие новаций», которая была удостоена диплома 1 степени. В работе раскрыты исторические сведения о белорусской игрушке, традиции выполнения игрушки. Учащиеся осознали, что воспитание подрастающего поколения не может осуществляться вне традиционной культуры определенной нации. Важнейшие качества личности закладываются в детстве. Игрушка является главнейшим средством познавательной деятельности ребенка, ее педагогический эффект был известен давно.

Все исследователи сходятся во мнении, что «народная игрушка, созданная по строгим канонам, выработанным столетиями, вместе с песнями, сказками, праздниками, с детства воспитывает вкус и чувство красоты, закладывает фундамент понимания связи со своим народом, с Родиной» [3].

Народные игрушки воплощают лучшие художественные традиции, знакомят детей с культурой своего народа, закладывают фундамент связи с Родиной. Тематика их самая разнообразная, отражает труд и быт народа, его отношение к окружающему, сюжеты сказок. В белорусской народной игрушке проявляются как общие признаки, сближающие ее с игрушками других народов, так и особенные, свойственные только ей: компактность, обобщенность, лаконичность, экономность, выразительность изобразительных средств. В игрушке своеобразно преломляются наивность и вместе с тем мудрость, фантазия и реальность. Она стимулирует активную работу мысли, подталкивает к самостоятельной доработке, собственному прочтению игрушечного образа.

Возникнув многие тысячелетия назад, игрушка не только не утратила своей актуальности, но, пережив несколько этапов своего развития, превратилась в предмет глубокого научного исследования. Игрушка актуальна и в наше время в воспитании национального самосознания.

Учащиеся посетили экомузей «Беларуская лялька» в деревне Стреньки Рогачевского района Гомельской области. «Беларуская лялька» оформлена в стиле деревенской избы: здесь есть печь, под потолок подвешена «калыска», на стене висит «дыван», а вдоль стен стоят «лаўкі». На информационных витринах — «рушніках» — размещены схемы изготовления различных видов кукол-оберегов и обрядовых кукол. На декоративных полках — заготовки для мастер-классов по изготовлению кукол, а также необходимый материал (ткани, нитки). Сейчас экомузей пользуется большой известностью: ежегодно здесь проводится свыше 300 мероприятий. Этническая аутентичность продукции — лучшая гарантия ее популярности.

В целях воспитания у подрастающего поколения чувства патриотизма и сопричастности с судьбой своего народа, своего города, уважения к истории Отчизны в нашем колледже проводятся ежегодные конкурсы-выставки творческих работ учащихся.

На протяжении 2002—2016 гг. творческие работы учащихся удостоиваются Дипломов I—II степеней как в областном этапе Республиканского смотря-конкурса, так и в заключительном этапе Республиканского смотра технического и декоративно-прикладного творчества учащихся и работников учреждений профессионально-технического и среднего специального образования «Беларускі вянок».

Для того чтобы познакомиться с народными традициями, учащиеся в совместной работе с педагогами, в самостоятельной работе изучают не только традиционные ремесла Беларуси, своего родного края, разнообразие материалов, технологий, но и обряды, обычаи родного края. Учащиеся коллективно составляют сценарии внеклассных мероприятий по сохранению народных традиций и пропагандируют народную культуру («Гуканне вясны», «Купалле», «Свята ўраджаю», «Каляды»), а также становятся участниками обрядов и традиций.

Изобразительная деятельность как неотъемлемая часть воспитательного процесса в нашем колледже имеет большое значение в развитии творческих способностей учащихся.

Совместная художественная деятельность способствует формированию положительных взаимоотношений со сверстниками, умение сотрудничать, понимать и ценить художественное творчество других. В процессе совместной художественной деятельности учащиеся приобретают и совершенствуют умения коллективно выполнять задания различной сложности — это и оформление афиш, изготовление атрибутов и костюмов к народным праздникам, что является неотъемлемым условием формирования национального самосознания.

Педагогический опыт распространяется среди коллег посредством проведения семинаров и мастер-классов для педагогов. Наши учащиеся — постоянные участники городских выставок декоративно-прикладного искусства. Декоративные изделия пользуются неподдельным интересом у горожан.

Необходимость освоения учащимися сложного комплекса знаний и приобретение ими целого ряда навыков, определенных творческой образовательной программой, требует от руководителя специализации высокого педагогического мастерства, творческой инициативы, любви к своей работе. Он должен постоянно самосовершенствоваться, повышать квалификацию, идти в ногу со временем, быть демократичным и авторитетным для детей, родителей и коллег.

Основные педагогические идеи педагогов заключаются в следующем: изобразительное искусство включает в себя богатейший воспитательный потенциал, содействует формированию духовности и культуры подрастающего поколения.

Эффективное воздействие на формирование национального самосознания возможно при синтезе всех жанров народного творчества. Возвращение к духовным истокам, возрождение национальных

традиций для решения вопросов в сфере культуры и духовности — это составная часть проблемы воспитания нравственности и духовности.

Активно внедряя в практику новые идеи, которые формируют культурную личность, полезно использовать народную мудрость, заложенную в фольклоре, национальных традициях и обычаях. Народное творчество — неиссякаемый источник, неисчерпаемое богатство педагогики — имеет огромное воспитательное и познавательное значение.

Список цитируемых источников

1. Коновалов, В. Н. Словарь по политологии / В. Н. Коновалов. — М. : РГУ, 2010. — 235 с.
2. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева [и др.]. — М. : Совет. энцикл., 1983. — 836 с.
3. Кукла изо льна [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rukukla.ru/кукла%20из%20льна/>. — Дата доступа: 12.12.2017.

УДК 27(043.3)+008(043.3)

В. У. Кернажыцкая

Ваўкавыскі каледж установы адукацыі «Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы», Ваўкавыск

КАНФЕСІЯНАЛЬНЫЯ ПРАЦЭСЫ НА ВАЎКАВЫШЧЫНЕ: ГІСТОРЫЯ І СУЧАСНАСЦЬ

Рэлігія на працягу стагоддзяў выступала ў якасці асноўнага фактара, які ўздзейнічаў на фарміраванне светапоглядных арыенціраў. З'яўляючыся састаўной часткай нацыянальнай і гістарычнай традыцыі народа, яна і сёння працягвае аказваць уплыў на розум і сэрца многіх людзей.

Апошнія дзесяцігоддзі паказалі, што ў Беларусі істотна змянілася рэлігійная сітуацыя. Калі напярэдадні распаду СССР да ліку няверуючых адносілі сябе каля 65% насельніцтва рэспублікі, то сёння, па ацэнках беларускіх сацыёлагаў, да веруючых сябе далучаюць звыш 50% насельніцтва. Сярод веруючых больш за 80% праваслаўных, больш за 10% католікаў, амаль 2% пратэстантаў, 0,2% іўдзеяў, каля 1% спавядаюць іншыя рэлігіі [1, с. 167].

У ходзе сацыялагічнага даследавання ў Ваўкавыскім раёне высветлілася, што з праваслаўем сябе атыпавваюць каля 70% апытаных, з каталіцызмам — каля 30% [2, с. 1].

Такія істотныя маштабы распаўсюджвання рэлігійнасці тлумачацца карэннымі сацыяльна-эканамічнымі, сацыяльна-культурнымі і палітычнымі зменамі, якія адбыліся ў Рэспубліцы Беларусь у працэсе набывання ёю дзяржаўнай незалежнасці, цяжкім і неадназначным пераходам да рынкавай эканомікі, глыбокімі зменамі ў каштоўнасных арыентацыях і светапоглядных пазіцыях большасці насельніцтва нашай краіны.

Спецыфіка рэлігійнай сітуацыі ў Беларусі заўсёды вызначалася ў першую чаргу яе геапалітычным становішчам на стыку заходняй і ўсходняй цывілізацый, праваслаўнага і каталіцкага свету. Буфернае становішча Беларусі паміж Расіяй і Еўропай прывяло да таго, што большасць насельніцтва традыцыйна звязвае каталіцызм з Захадам, а праваслаўе — з Расіяй. Сёння ў межканфесійных ўзаемадзеяннях актыўна ўключаюцца пратэстанцкія дэнамінацыі.

Такім чынам, за апошнія гады ўзрасла колькасць рэлігійных аб'яднанняў у рэспубліцы, павялічылася іх канфесійная разнастайнасць. У канфесійнай структуры рэспублікі асноўную долю складаюць праваслаўныя (45%), каталіцкія (15,1%) і пратэстанцкія (35, 21%) суполкі; 4,63% — аб'яднанні астатніх веравызнанняў і рэлігійных плыняў [1, с. 167].

Усяго ў Беларусі на 1 студзеня 2016 г. зарэгістраваны суполкі 26 розных канфесійных кірункаў. Сярод іх 1 659 праваслаўных прыходаў у складзе 15 епархій, 493 каталіцкіх парафій у складзе 4 епархій, 1 060 пратэстанцкіх суполак [3, с. 4].

На тэрыторыі Ваўкавыскага раёна на сёння дзейнічае 31 рэлігійная абшчына 6 канфесій: 14 — Беларускай праваслаўнай царквы, 11 — Рымска-каталіцкай царквы, 6 пратэстанцкіх рэлігійных суполак. Рэлігійную дзейнасць на тэрыторыі раёна ажыццяўляе 41 святар. Богаслужэнні і рэлігійныя абрады праводзяцца ў 38 культурных будынках [2, с. 1].

Праваслаўная царква працягвае адыгрываць прыярытэтную ролю ў рэлігійным жыцці нашай краіны. У 1989 г. заснаваны Беларускі экзархат Рускай праваслаўнай царквы. Другая афіцыйная назва Беларускага экзархага — Беларуская праваслаўная царква (БПЦ). Кіраўніцтва ёю ажыццяўляе Сінод на чале з мітрапалітам Мінскім і Заслаўскім Паўлам, Патрыяршым экзархам усяе Беларусі.

Традыцыі праваслаўя на Ваўкавышчыне вельмі глыбокія. Старажытныя летапісы паведамляюць, што ў XI ст. Ваўкавыск уваходзіў у Тураўскую епіскапію. Верагодна, яшчэ ў пачатку XI ст. пры Святаполку I у Тураве была ўстаноўлена епіскапская кафедра. Артыкул у Кіеўскім патэрыку рэдакцыі

Іосіфа Трызны паведамляе: «Третье богомолие епископию поставил в Турове в год 6513 (1005) и дал ей города с погостами в послушание и священие и благословение держать себе Туровской епископии: Пинск, Новгород, Городен, Берестье, Волковыск..., и поставил первого епископа Фому» [4, с. 53—54]. Вядомы польскі гісторык XVI ст. М. Стрыйкоўскі адзначаў першапачатковасць праваслаўя на нашых землях. Аб гэтым бясспрэчным факце пісалі таксама нямецкі каталіцкі царкоўны гісторык Й. Марк, польскі гісторык Берасцейскай царкоўнай уніі Э. Лікоўскі і іншыя вядомыя даследчыкі.

Такім чынам, можна зрабіць выснову, што са старажытных часоў на землях Беларусі, а значыць, і на Ваўкавыскай зямлі вызнавалася праваслаўная вера.

Беларускі археолаг Я. Г. Звяруга ў сваёй кнізе «Старажытны Ваўкавыск» распавядае аб тым, што першы храм на Ваўкавышчыне пачаў будавацца ў XII ст. У гэты час на Беларусі была створана другая школа дойлідства — Гарадзенская. Яна была больш лакальнай, чым Полацкая (першая школа), ахоплівала толькі Гародню і Ваўкавыск. Храм пачалі будаваць на «Замчышчы», відавочна, у першай палове — сярэдзіне XII ст. Мяркуючы па рэштках, гэтая царква задумана даволі блізкай да Гродзенскай ніжняй царквы. Храм меўся быць шасцістоўпным, трохнефавым, трохапсідным, прычым бакавыя апсіды, як і ў Гародні, былі ўнутранымі. Недалёка ад падмуркаў былі знойдзены вялікія гранітныя і гнейсавыя валуны з адной ці дзвюма гладка адшліфаванымі гранямі, побач расчышчаны яшчэ і «склад» плінфы, з якой меркавалася ўзводзіць сцены. Камяні прызначаліся для дэкаратыўных уставак у муроўку, як гэта было ў гродзенскіх храмах, вялікая яма з вапнай — для замешвання рашчыны. Да паўднёва-заходняга кута храма прымыкалі падмуркі квадратнай у плане вежы, дзе, відавочна, меркавалася размясціць лесвіцу на хоры. Аднак будаўніцтва на гэтым было спынена. Чаму гэты цікавы помнік не дабудаваў — загадка гісторыі [5, с. 118].

У 1874 г. адбылося асвячэнне Свята-Мікалаеўскага храма. У сваёй пропаведзі святар Клімент Смольскі гаварыў, што даўней было дзве праваслаўныя царквы ў Ваўкавыску: адна на Заполлі, а другая на Замосці, дзе цяпер стаіць Свята-Мікалаеўскі храм, і што на гэтым месцы даўней былі праваслаўныя могілкі. Гэты старажытны храм быў знішчаны французскімі войскамі ў 1812 г. [4, с. 54].

Праваслаўныя людзі, пазбаўленыя храма, усё ж верылі, што наступяць лепшыя часы. І гэты час наступіў, калі рускія воіны 47 егерскага палка ў 1822 г. размясціліся ў горадзе. Воіны пабудавалі царкву з розных матэрыялаў на грошы, ахвяраваныя існуючым у горадзе Петрапаўлаўскім братэрствам, мясцовымі жыхарамі і дабрачыннымі арганізацыямі. Царква была асвечана ў імя Уваскрашэння Хрыстова і праіснавала больш за 40 гадоў. [4, с. 54].

З гадамі колькасць праваслаўных хрысціян павялічвалася, што прывяло да неабходнасці будаўніцтва новай царквы. Так з'явілася новая драўляная царква ў самым цэнтры горада (1867). Царква была асвечана ў імя Першавярхоўных апосталаў Пятра і Паўла, а праіснавала да 1941 г. і пры таямнічых абставінах згарэла.

Свята-Мікалаеўскі храм пры польскай уладзе 1919—1920 гг. быў пераўтвораны ў гарнізонны касцёл і вернуты вернікам пасля таго, як згарэў Петрапаўлаўскі храм ў 1941 г.

У 90-х гг. XX ст. на баззе ракі Ваўкавыі сіламі прыхода і на грошы добраахвотных ахвяравальнікаў пачалося будаўніцтва Свята-Петрапаўлаўскага сабора з памяшканнямі пад бібліятэку, чытальную залу, нядзельную школу. Восенню 2004 г. адбылося асвячэнне Свята-Петрапаўлаўскага сабора, ён адчыніў свае дзверы для прыхаджан.

У 1999 г. быў асвечаны ніжні храм Свята-Благавешчанскага сабора ў гонар святых Віленскіх пакутнікаў Антонія Іаана і Еўстафія. Святочнае богаслужэнне ўзначаліў Патрыяршы экзарх усея Беларусі мітрапаліт Мінскі і Слуцкі Філарэт. Будаўніцтва сабора працягваецца і сёння (у купальнай частцы).

Ажыццяўляецца будаўніцтва храма святых роўнаапостальных Мяфодзія і Кірыла па вуліцы Зянітчыкаў.

Як ужо зазначалася, каля 70% апытаных жыхароў Ваўкавыскага раёну аднеслі сябе да праваслаўнага веравызнання. Пастырскае служэнне на тэрыторыі раёна ажыццяўляе 21 праваслаўны святар.

Да ліку традыцыйных рэлігій у Беларусі адносіцца і Рымска-каталіцкая царква. Каталіцызм пачаў актыўна распаўсюджвацца на землях Беларусі з канца XVI ст. сярод мясцовага балцкага і славянскага (беларускага) насельніцтва ў адпаведнасці з тагачаснай палітыкай вялікіх князёў літоўскіх. Гэтаму працэсу садзейнічаў Ватыкан, шэраг манаска-рыцарскіх ордэнаў, а таксама польскі каталіцкі касцёл.

У перыяды з 30-х гг. XIX ст. па пачатак XX ст. і з 1918 г. па 80-я гг. XX ст. Рымска-каталіцкая царква падвяргалася дыскрымінацыі з боку царскай, а потым савецкай улады. Пазітыўныя змены ў адносінах да католікаў Беларусі пачаліся з 1988 г., калі адбываецца рэгістрацыя раней закрытых парафіяў і арганізацыя новых.

Гісторыю Рымска-каталіцкай царквы на Ваўкавышчыне трэба разглядаць не толькі ў межах існуючага сёння раёна, а шырэй — у межах існаваўшага з 1507 па 1940 г. Ваўкавыскага павета. У яго ўваходзілі тыя парафіі, якія пазней адносіліся да Бераставіцкага, Зельвенскага і іншых раёнаў Гродзенскай вобласці.

Як вядома, расшучы крок у кірунку распаўсюджвання каталіцызму ў межах ВКЛ зрабіў вялікі князь Ягайла, перад якім паўстала палітычная альтэрнатыва — пайсці на саюз з Масквой, ажаніўшыся на дачцэ Дзмітрыя Данскога (умовы шлюбу прадугледжвалі прыняццё праваслаўя), ці на саюз з Польшчай праз шлюб з польскай каралевай Ядвігай (умовай шлюбу было прыняццё каталіцызму). Ягайла прыняў другі варыянт. І менавіта Ваўкавыск стаў сведкай факту, які мае гістарычную значнасць. З Ваўкавыска

накіраваў Ягайла паслоў у Польшчу з заявай аб тым, што разам з усім народам прыме каталіцкае веравызнанне, калі Ядвіга будзе згодна аддаць яму сваю руку і калі яго абяруць каралём Польшчы. Перамовы ішлі доўга, увесь гэты час Ягайла чакаў вынікаў у замку ў Ваўкавыску. Менавіта тут Ягайла прыняў паслоў Польшчы і ў 1386 г. была заключана дамова аб прыняцці каталіцызму (пад назвай “*Nueiagum regni recoqnitia, quod Jagellonem ad regnum et conjugium Hedvigis invitarnut*”) [4, с. 58]. У гонар гэтай падзеі Ягайла абяцаў пабудаваць у Ваўкавыску касцёл за свой кошт. У 1386 г. князь Ягайла быў абраны каралём Польшчы, а ў 1387 г. заснаваў Віленскі дзяцэз (епархію), які ахопліваў амаль усю зямлю Беларусі і ў які ўвайшоў Ваўкавыск. Такім чынам пачалося развіццё каталіцызму на Ваўкавышчыне.

Абяцанне адчыніць у Ваўкавыску касцёл выканаў ужо вялікі князь літоўскі Вітаўт, які фундаваў касцёл святога Мікалая ў 1430 г. і надзяліў яго дзесяцінай. Перад 1558 г. быў утвораны Ваўкавыскі дэканат, адзін з 26 дэканатаў Віленскай епархіі.

Як толькі касцёльная арганізацыя некалькі ўмацавалася, у сярэдзіне XVI ст. надышла эпоха Рэфармацыі. Болей дысцыплінаваны і адукаваны каталіцызм менш пацярпеў, чым праваслаўе, але ён страціў нямала сваіх вернікаў, а некаторыя касцёлы далучыліся да кальвінізму. Аднак трыумф пратэстантызму быў кароткатэрміновым.

У 1598 г. у Ваўкавыску была заснавана місія ордэна езуітаў, падпарадкаваная Гродзенскаму калегіуму. Езуіты здолелі не толькі схіліць да вяртання ў лона касцёла ранейшых вернікаў-каталікоў, але і былых вернікаў-праваслаўных. Адзін за другім вярталіся згубленыя касцёлы — некаторыя нават пасля 80 гадоў знаходжання ў кальвінізме. Станавіліся касцёламі нават тыя пратэстанцкія святыні, якія раней былі пабудаваны самімі кальвіністамі.

У другой палове XVIII ст. у горадзе дзейнічала школа ордэна піяраў. А на тэрыторыі замка былі пабудаваны канцылярыя і дом для манах-марыявітак. У 1841—1848 гг. у Ваўкавыску быў пабудаваны мураваны касцёл святога Вацлава ў стылі позняга класіцызму. Сродкі на будаўніцтва касцёла ахвяравалі і мясцовыя парафіяне.

Другая па ліку на Ваўкавышчыне парафія была заснавана ў 1460 г. у Поразаве. Касцёл атрымаў назву святога Міхаіла Архангела. У 1478 г. заснавана парафія ў Воўпе. Касцёл святога Яна Хрысціцеля быў пабудаваны князем Гальшанскім Аляксеем — ваяводам віленскім, канцлерам караля Казіміра.

У першай палове XVI ст. пачалі сваю дзейнасць парафіі ў Шылавічах, Гнезна, Лыскава, Мсцібава, Ялаўцы і Струбніцы.

Трэба зазначыць, што фундатарамі касцёлаў на Ваўкавышчыне выступалі прадстаўнікі многіх вядомых магнатскіх радоў. Так, гетман ВКЛ Геранім Хадкевіч (1560—1617) фундаваў два касцёлы. Адзін з іх — у 1611 г. у Росі — касцёл Святой Троіцы, другі — у 1615 г. у Вялікай Бераставіцы — касцёл Візітацыі Дзевы Марыі. Князь Агінскі заснаваў ў 1638 г. касцёл у Мязэрычах. З імем прадстаўніка рода Сапегаў, другога па магутнасці пасля Радзівілаў ў ВКЛ, а менавіта Казіміра Яна Сапегі — ваяводы віленскага, гетмана вялікага літоўскага звязана фундацыя касцёла ў в. Пескі.

У часы барока — еўрапейскага стылю мастацтва XVII—XVIII стст. — граф Грабоўскі пабудаваў храм у Ізабеліне.

Пасля падзелаў Рэчы Паспалітай і ўваходжання беларускіх земляў у склад Расійскай імперыі стан рымска-каталіцкай царквы змяніўся, асабліва пасля паўстаўняў 1830—1831 і 1863—1864 гг. Была зачынена большасць каталіцкіх кляштароў, а значная частка касцёлаў перададзена праваслаўнай царкве, у тым ліку ў Ваўкавыскім павеце — у Мязэрычах, Вялікай Бераставіцы, Зэльве, Лыскава, Малой Бераставіцы.

Пасля Рыжскага дагавора 1921 г., па якому землі Заходняй Беларусі ўвайшлі ў склад Польшчы, зноў змяніўся статус рымска-каталіцкай царквы, якая па Канстытуцыі стала дзяржаўнай царквой. У гэты час пачалася актыўная рэстаўрацыя і будаўніцтва новых будынкаў касцёлаў, якія неслі на сабе адбітак распаўсюджанага ў гэтыя гады мастацкага стылю неаготыкі: Мсцібава, Зэльва, Рэпля, Шылавічы.

Як вынікае з лічбаў сацыялагічных апытанняў, каталіцкае веравызнанне ў нашы дні на заходніх землях па-ранейшаму ўтрымлівае моцныя пазіцыі. У межах Ваўкавыскага раёна з каталіцызмам, як зазначалася вышэй, атаясамліваюць сябе каля 30% рэспандэнтаў (у параўнанні з 10% цалкам па Беларусі).

Духоўнае служэнне ў каталіцкіх прыходах Ваўкавышчыны ажыццяўляюць 15 святароў (з іх 2 святары — грамадзяне Рэспублікі Польшча, 1 — грамадзянін Літоўскай Рэспублікі). Богаслужэнне ў храмах рымска-каталіцкай канфесіі праводзіцца на беларускай і польскай мовах, у адпаведнасці з заканадаўствам Рэспублікі Беларусь.

У чэрвені 1915 г. у Ваўкавыску была асвечана новая каталіцкая святыня — храм Святога Станіслава Косці. Асвятчэнне па запрашэнні епіскапа Гродзенскага Аляксандра Кашкевіча і ксяндза Алега Дуля ажыццявіў апостальскі нунцый у Беларусі Клаўдзія Гуджэроці.

З кожным годам на тэрыторыі Беларусі павялічваецца колькасць пратэстанцкіх суполак. Адносіны насельніцтва да апошніх нельга назваць адназначным. З аднаго боку, у масавай свядомасці пратэстанцкія дэнамінацыі часта асацыіруюцца з чымсьці негатыўным, а іх веравучэнні разглядаюцца як чужыя для Беларусі. У пэўнай ступені гэтаму садзейнічае ўнутраная арганізацыйная раздробленасць пратэстантызму і неадназначнае тлумачэнне яго разнастайнымі версіямі хрысціянскіх догматаў. З іншага боку, можна з упэўненасцю гаварыць аб тым, што пратэстанцкая традыцыя арганічна ўваходзіць у жыццё нашага грамадства, і сёння пратэстанцкія суполкі захоўваюць стабільнае становішча.

Такія кірункі пратэстантызму, як лютэранства і кальвінізм, былі вядомыя ў Беларусі яшчэ з часоў Рэфармацыі (XVI ст.). У той час як лютэранства не атрымала шырокага распаўсюджвання сярод насельніцтва Беларусі, кальвінізм ахапіў розныя сацыяльныя і этнічныя групы Беларусі. Амаль да канца XVI ст. гэтая канфесія была распаўсюджана ў асяроддзі мясцовых магнатаў і шляхты, гараджан і сялян рознай этнічнай прыналежнасці. У XVII—XVIII стст. вучэнне Кальвіна паступова страчвала сваю актуальнасць, а яго прыхільнікі сталі пераходзіць у каталіцтва і ўніяцтва. Такім чынам, лютэранства і кальвінізм можна толькі часткова аднесці да традыцыйных для Беларусі пратэстанцкіх цэркваў, так як гістарычная пераемнасць іх была прыпынена падзеямі XVI — першай паловы XX ст. і адноўлена толькі ў нашы дні.

Найбольш актыўна развіваюцца ў Рэспубліцы Беларусь розныя сучасныя пратэстанцкія хрысціянскія вучэнні. Мадэрнісцкая накіраванасць у адносінах дагматыкі, культуры, абраднасці садзейнічае даволі шырокаму ўспрыняццю ідэй пратэстантызму як ідэалогіі сучаснасці, якая дазваляе эфектыўна адаптавацца да хуткіх змен умоў жыцця.

За апошнія некалькі гадоў колькасць пратэстанцкіх пльняў у краіне павялічылася ў пяць разоў, колькасць суполак — амаль у тры разы (гэта найбольш высокі паказчык сярод розных канфесій). Там, дзе больш традыцыйныя і ўплывовыя ў Беларусі праваслаўныя і каталіцкія рэлігійныя аб'яднанні па той ці іншай прычыне паслабілі сваю дзейнасць, узнікае шырокае поле для прапаведніцкай дзейнасці пратэстанцкіх місіянераў.

У мінулым у Ваўкавыскім павеце вера евангелістаў-рэфарматараў асаблівай папулярнасцю ў насельніцтва не карысталася. Колькасць евангелістаў увесь час змяншалася. Вядома, што кальвінісцкі збор існаваў у в. Ізабелін (з 1778), дзякуючы намаганням уладальнікаў вёскі Грабоўскіх. У XVIII ст. кальвінісцкія зборы існавалі таксама ў Мачуліна, Свіслачы, Гнезна. На пачатку XX ст. у Ваўкавыскім павеце захаваліся толькі Ізабелінскі евангелісцка-рэфарматарскі прыход, у які ўваходзілі як рэфарматары-евангелісты, так і лютэране, якія жылі ў Ваўкавыскім, Слоніўскім, Пружанскім паветах. Амаль усе яны былі палякі, выхадцы з Прусіі, Германіі і Аўстрыі, стаўшыя расійскімі падданымі. Пазней, у савецкія часы, кальвіністы гэтага прыходу далучыліся да каталікаў.

У нашыя дні кальвінісцкія і лютэранскія суполкі актыўна адраджаюць сваю дзейнасць у Беларусі. Сярод дэнамінацый, якія прадстаўляюць «Другую хвалю пратэстантызму», найбольш актыўна дзейнічаюць «Хрысціянне веры евангельскай (ХВЕ)», чые суполкі складаюць каля 50% ад агульнай колькасці хрысціянскіх суполак, і евангельскія хрысціянне-баптысты (каля 40% суполак). Хутка памнажаюць колькасць сваіх паслядоўнікаў забароненыя раней «Сведкі Іеговы», а таксама «Саюз хрысціян веры евангельскай Беларусі» (пяцідзсятнікі) [1, с. 171].

Сёння на тэрыторыі Ваўкавыскага раёна дзейнічае 6 пратэстанцкіх рэлігійных суполак: 1) рэлігійная суполка сведкаў Іеговы ў Ваўкавыску зарэгістравана Гродзенскім аблвыканкамам 09.01.1995; 2) рэлігійная суполка царквы хрысціян-адвентыстаў сёмага дня Ваўкавыска зарэгістравана 17.07.1995; 3) рэлігійная суполка хрысціян веры евангельскай «Церковь “Благодать” у Ваўкавыску зарэгістравана 28.11.1995; 4) рэлігійная суполка «Царква евангельскіх хрысціян-баптыстаў горада Ваўкавыска» зарэгістраваная 21.04.1992; 5) рэлігійная суполка «Царква евангельскіх хрысціян-баптыстаў “Каўчэг”», зарэгістраваная 18.03.2002; 6) рэлігійная суполка «Царква евангельскіх хрысціян-баптыстаў “Преображение Господне” у гарадскім пасёлку Краснасельскі» зарэгістравана 16.10.1995.

Пратэстанцкія суполкі ўзначальваюць 6 пастыраў, працуе 3 нядзельныя школы (ЕХБ).

Відавочна, што рэлігія ў сучаснасці аказвае ўзрастаючы ўплыў не толькі на светапогляд, але і на вобраз жыцця амаль паловы насельніцтва рэспублікі. У гэтых умовах вялікае значэнне мае выпрацоўка паслядоўнай, навукова абгрунтаванай, паважлівай да пачуццяў вернікаў канцэпцыі ўзаемаадносін дзяржавы і рэлігійных арганізацый у розных сферах грамадскага жыцця.

Нельга не адзначыць важнасць канстытуцыйнага прызнання свабоды веравызнання і раўнапраўя ўсіх рэлігійных канфесій на тэрыторыі Беларусі, што дае магчымасць веруючым захаваць традыцыйныя духоўна-маральныя каштоўнасці. Гэта мае істотнае станоўчае значэнне, паколькі далучэнне значнай часткі грамадзян Беларусі, у тым ліку і моладзі, да рэлігійных каштоўнасцей, якія маюць агульнанацыянальную культурную значнасць, садзейнічае выхаванню патрыятызму, грамадзянскасці, культуры міжнацыянальнага і міжрэлігійнага ўзаемадзеяння. Акрамя таго, яно фарміруе верацярпімасць, садзейнічае выпрацоўцы добрасумленых адносін да працы, павагі да сям'і і Радзімы.

Гэтая станоўчая тэндэнцыя знайшла адлюстраванне і заканадаўчае замацаванне ў артыкуле 16 Канстытуцыі Рэспублікі Беларусь, дзе дэкларуецца роўнасць усіх рэлігій і веравызнанняў перад законам, пры гэтым падкрэсліваецца, што ўзаемаадносіны дзяржавы і рэлігійных арганізацый рэгулююцца законам з улікам іх уплыву на фарміраванне духоўных, культурных і дзяржаўных традыцый беларускага народа.

Сацыяльна-эканамічныя, палітычныя, сацыякультурныя пераўтварэнні, якія адбыліся ў 90-я гг. XX ст., якасна змянілі характар дзяржаўна-канфесійных адносін: дзяржава спыніла ўмяшальніцтва ў дзейнасць рэлігійных арганізацый і аб'яднанняў (калі яны дзейнічаюць у рамках закона), гарантуе поўную свабоду веравызнання, раўнапраўе ўсіх рэлігійных дэнамінацый. Дзякуючы гэтаму ўзрасла місіянерская і грамадская актыўнасць рэлігійных арганізацый, значная іх частка адыгрывае ўсё больш важную ролю ў рашэнні не толькі рэлігійных, але і сацыяльных, маральных і іншых праблем, якія закранаюць інтарэсы шырокіх мас грамадзян рэспублікі.

Асноўныя канстытуцыйныя палажэнні знаходзяць сваё ўвасабленне і канкрэтызацыю ў прынятым у снежні 1992 г. законе «Аб свабодзе веравызнанняў і рэлігійных арганізацый». Гэты заканадаўчы акт

быў істотна дапоўнены парламентам у студзені 1995 г., а затым у кастрычніку 2001 г. Закон гарантуе права грамадзян на вызначэнне і выражэнне сваіх адносін да рэлігіі, на адпавядаючыя гэтаму перакананні, на бесперашкоднае вызнаванне рэлігіі і выкананне рэлігійных абрадаў, а таксама на сацыяльную справядлівасць і роўнасць, абарону правоў і інтарэсаў грамадзян незалежна ад адносін да рэлігіі, і рэгулюе адносіны, звязаныя з дзейнасцю рэлігійных арганізацый і аб'яднанняў.

У адпаведнасці з заканадаўствам беларуская дзяржава не ўмешваецца ў дзейнасць рэлігійных арганізацый і не ўскладае на іх выкананне якіх-небудзь дзяржаўных функцый. Разам з тым рэлігійныя арганізацыі ўсіх канфесій удзельнічаюць у грамадскім жыцці, валодаюць правам выкарыстоўваць сродкі масавай інфармацыі, а таксама ствараць свае ўласныя для распаўсюджвання сваіх вучэнняў, поглядаў, рэлігійных і маральных прапаведзей. Так, на тэрыторыі Ваўкавыскага раёна распаўсюджваюцца перыядычныя выданні, якія выдаюцца Гродзенскімі праваслаўнай і каталіцкай епархіямі: «Гродзенские епархиальные ведомости», «Православный вестник», «Ступени», «Слова жыцця», «Милосердие».

Рэлігійныя суполкі Ваўкавыскага раёна не застаюцца ў баку ад вырашэння самых балючых праблем сучаснага грамадства. Радуе той факт, што прадстаўнікі розных канфесій канструктыўна ўзаемадзейнічаюць у кірунку адраджэння духоўна-маральных каштоўнасцей, фарміравання здаровага ладу жыцця. Так, кожны месяц праваслаўныя святары прысутнічаюць на пасяджэннях груп ананімных алкаголікаў «Піраміда». Каталіцкія святары падтрымліваюць гэтыя групы ў Ваўкавыску і аграгарадку Шылавічы. Праводзяцца сумесныя мерапрыемствы з удзелам рэлігійных арганізацый раёна па прафілактыцы правапарушэнняў і злачынстваў [2, с. 5].

Цесныя сувязі склаліся ў праваслаўных святароў з установамі адукацыі, якія забяспечваюць атрыманне сярэдняй спецыяльнай і прафесійнай адукацыі. У прыватнасці, адбыліся размовы навучэнцаў з праваслаўнымі святарамі па праблеме грамадзянскіх шлюбавых і дашлюбных адносін.

Дзяржаўная сістэма адукацыі і выхавання ў Беларусі, як вядома, мае свежы характар. Тым не менш рэлігійныя арганізацыі ў адпаведнасці з заканадаўствам маюць права ствараць для рэлігійнай адукацыі дзяцей і дарослых групы і нядзельныя школы, праводзіць навучанне ў іншых формах. Так, напрыклад, у Ваўкавыскім раёне пры рэлігійных суполках працуюць 23 нядзельныя школы. З іх праваслаўных — 8 (250 чалавек), каталіцкіх — 12 (1 100 чалавек), пратэстанцкіх — 3 (100 чалавек). Заняткі праводзяцца ў спецыяльна абсталяваных для гэтага класах у дамах святароў, цэрквах і касцёлах. Навучанне ў дзіцячых нядзельных школах ажыццяўляецца на рускай, беларускай і, па жаданні бацькоў, на польскай мовах [2, с. 4].

Царкоўныя арганізацыі ў Беларусі ўсё больш актыўна ўстанаўліваюць кантакты з уладнымі структурамі і органамі мясцовага самакіравання. Мясцовыя Саветы народных дэпутатаў садзейнічаюць рэлігійным суполкам у вяртанні ім культовых будынкаў, аказваюць дапамогу ў будаўніцтве новых храмаў.

Не з'яўляецца выключэннем і дзейнасць мясцовых уладаў Ваўкавыскага раёна. Райвыканкам ажыццяўляе пастаянны кантроль за рэлігійнай сітуацыяй, дзейнасцю рэлігійных суполак і святароў, выкананнем рэлігійнымі арганізацыямі заканадаўства, што рэгулюе канфесійную сферу. Кіраўнікі райвыканкама, прамысловых прадпрыемстваў горада і раёна пастаянна цікавяцца жыццём усіх канфесій, прымаюць удзел у святочных храмавых мерапрыемствах. Так, у чэрвені 2015 г. у Ваўкавыску на цэнтральнай плошчы прайшоў фестываль праваслаўнай культуры «Кладзень». У адкрыцці прынялі ўдзел прадстаўнікі мясцовай улады і мясцовага благачыння. У рамках фестывалю праходзілі прадстаўленні лячэнага тэатра «Батлейка», быў рэалізаваны праект «Добрае кіно» з дэманстрацыяй праваслаўных мастацкіх фільмаў і іншыя мерапрыемствы.

Адным з рычагоў ва ўдасканаленні работы па забеспячэнні заканадаўства Рэспублікі Беларусь у рэлігійнай сферы стала камісія садзейнічання кантролю за выкананнем заканадаўства аб свабодзе сумлення і рэлігійных арганізацый пры Ваўкавыскім райвыканкаме. У склад раённай камісіі ўваходзяць работнікі райвыканкама, аддзела адукацыі, рэдакцыі раённай газеты «Наш час». Камісія вывучае і аналізуе рэлігійную сітуацыю ў горадзе і раёне, разглядае матэрыялы аб рэгістрацыі статутаў рэлігійных суполак, вядзе ўлік рэлігійных суполак і культовых будынкаў на тэрыторыі раёна, выяўляе рэлігійныя групы, якія дзейнічаюць без рэгістрацыі, наведвае рэлігійныя богаслужэнні, абрады, мерапрыемствы духоўнай накіраванасці.

Стан межканфесіянальных адносін з'яўляецца адным з істотных фактараў уплыву на грамадска-палітычную сітуацыю. У адпаведнасці з гэтым на пасяджэннях выканаўчага камітэта, сесіях раённага Савета дэпутатаў разглядаюцца пытанні, якія тычацца канфесіянальнай сферы: выдзялення зямельных участкаў для будаўніцтва культовых аб'ектаў, правядзення масавых рэлігійных мерапрыемстваў, зніжэння стаўкі зямельнага падатку на нерухомасць для рэлігійных суполак і інш.

Таким чынам, можна канстатаваць той факт, што ажыццяўленне органамі ўлады рэгулявання канфесійных адносін, забеспячэнне сапраўднай рэалізацыі свабоды сумлення, рэальнага раўнапраўя ўсіх рэлігій дазваляюць захаваць стабільную сітуацыю і пазбягаць канфліктаў на рэлігійнай глебе. Аб гэтым сведчаць і дадзеныя сацыялагічнага апытання. Так, рэлігійную сітуацыю ў раёне ацэньваюць як спакойную 63% рэспандэнтаў, каля 27% апытаных лічаць яе добрай [2, с. 1].

У сакавіку 2015 г. Беларусь наведваў Дзяржаўны сакратар Святога прастола кардынал П'етра Паралін. Падчас сустрэчы з высокім госцем Прэзідэнт Рэспублікі Беларусь А. Р. Лукашэнка зазначыў, што міжканфесійны мір і нацыянальная згода — гаранты стабільнасці грамадства, і ў Беларусі ўсё робіцца дзеля падтрымання гэтай стабільнасці. Кіраўнік дзяржавы ў сваіх выступленнях неаднаразова падкрэсліваў думку аб тым, што верацярпімасць і талерантнасць з'яўляюцца традыцыйнымі рысамі

беларускага грамадства, і мы можам ганарыцца адсутнасцю ў Беларусі канфліктаў на рэлігійнай і этнічнай глебе. Адсюль вынікае задача — з улікам асаблівасцей рэлігійнага жыцця і поліэтнічнага складу насельніцтва садзейнічаць умацаванню і развіццю верацярпімасці, інтэрнацыяналізму і дружбы.

Прадставім вынікі даследавання стану рэлігійна-канфесіянальных працэсаў у вучнёўскім асяроддзі школ Ваўкавыскага рэгіёну.

Мэта даследавання — высветліць адносіны навучэнцаў сярэдніх школ да рэлігіі, размеркаванне канфесіянальных пераваг, узаемасувязь этнічных і канфесіянальных працэсаў.

У апытанні прынялі ўдзел 178 рэспандэнтаў: навучэнцы старэйшых класаў гімназіі № 1, гімназіі № 2, СШ № 3, СШ № 4, СШ № 7 г. Ваўкавыска, Біскупіцкай СШ Ваўкавыскага раёну.

Навучэнцам была прапанавана анкета «Мае адносіны да рэлігіі». Адказы рэспандэнтаў дазваляюць зрабіць наступныя высновы:

1) сучасная моладзь праяўляе досыць вялікую цікавасць да пытанняў, звязаных з рэлігіяй: больш за 70% навучэнцаў імкнуцца атрымоўваць інфармацыю рэлігійнай накіраванасці, 48% апытаных указалі, што наведвалі ці наведваюць нядзельныя школы пры храмах;

2) узровень рэлігійнасці ў маладзёжным асяроддзі вельмі высокі — амаль 90% апытаных аднеслі сябе да веруючых, аналагічная колькасць навучэнцаў (87%) указалі, што наведваюць храм;

3) канфесіянальныя перавагі схіляюцца да традыцыйных у Заходнім рэгіёне Беларусі рэлігійных плыняў — праваслаўнай і каталіцкай. Больш за 60% атыямліваюць сябе з праваслаўем і больш за 30% — з каталіцтвам;

4) сярод праваслаўных пераважаюць прадстаўнікі карэннай нацыі — беларусы (каля 90%). У асяроддзі вернікаў каталіцкай канфесіі назіраецца дыферэнцыяцыя — 56,3% каталікоў з'яўляюцца палякамі; 43,7% — беларусамі. Дадзеныя лічбы сведчаць аб адыходзе ад існаваўшай раней спрошчанай мадэлі этнічнай самаідэнтыфікацыі (каталік па веравызнанні лічыўся, як правіла, палякам па этнічнай прыналежнасці);

5) за апошнія гады рэлігійна-этнічная самасвядомасць народа Беларусі цалкам, і вучнёўскай моладзі ў прыватнасці значна ўзрасла, а канфесіянальны фактар зараз адыгрывае значную ролю ў грамадскім жыцці. У рэлігіі сталі бачыць гарантыю стабільнасці, парадку, непахіснасці духоўных асноў грамадства, адраджэнне нацыянальных традыцый народа.

Спіс цытаваных крыніц

1. *Бабосов, Е. М.* Основы идеологии современного государства / Е. М. Бабосов. — Минск : Амалфея, 2012. — 412 с.
2. Справка об этноконфессиональной ситуации в Волковысском районе, подготовленная идеологическим отделом Волковысского райисполкома в 2015 г.
3. Аналитическая справка об этноконфессиональной ситуации в Республике Беларусь и сотрудничестве с соотечественниками за рубежом в 2015 г.
4. Ваўкавышчына: з гісторыі краю і лёсу людзей : матэрыялы навук.-практ. краязнаўчай канф. / пад рэд. І. П. Крэня. — Ваўкавыск, 1997. — 211 с.
5. *Зверуго, Я. Г.* Древний Волковыск (X—XIV вв.) / Я. Г. Зверуго. — Минск, 1975. — 126 с.

УДК 32-027.21(075.8)

Г. И. Коктыш¹, М. Г. Коктыш²

¹Государственное учреждение образования «Гимназия № 192 г. Минска», Минск

²Учреждение образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ

В условиях глобализации современного мира, конкуренции в экономической, социальной и политической сферах на первый план выходит образование, наукоемкие современные технологии, которые способны обеспечить преимущество государства в инновационном развитии. Главным условием успешного инновационного развития должно стать формирование современной экономики знаний как новой парадигмы образования. Актуальное значение в образовании имеет формирование творческой личности, развитие гуманизма и гражданственности, профессиональной компетентности и личного роста.

Сегодня основой развития нашей страны является ориентация на создание высокообразованного, высококвалифицированного общества, в котором труд принимает все более интеллектуальные формы. Поэтому на первый план выдвигаются качественно новые задачи в области образования. Стратегической целью развития отечественной системы образования является повышение качества и доступности образования в соответствии с потребностями инновационной экономики, требованиями информационного общества, образовательными запросами граждан, развитием потенциала молодежи.

Государственная политика в Республике Беларусь в сфере образования преследует следующие цели: преемственность и непрерывность образования, равный доступ для получения образования представителей всех слоев белорусского общества; обязательное базовое образование, научность и национально-культурная основа образования; единство обучения с нравственным и физическим воспитанием, государственно-общественный характер управления образованием.

В Конституции Республики Беларусь закреплено, что гарантируется доступность и бесплатность общего среднего и профессионально-технического образования. Среднее специальное и высшее образование доступно для всех в соответствии со способностями каждого. Каждый может на конкурсной основе бесплатно получить соответствующее образование в государственных учреждениях образования [1, с. 13].

Государственную политику в сфере образования осуществляет Президент Республики Беларусь, а государственное управление — Правительство Республики Беларусь и республиканские органы государственного управления, местные Советы депутатов, исполнительные и распорядительные органы. Президент Республики Беларусь и Правительство Республики Беларусь выступают в качестве органов общей компетенции и решают наиболее важные вопросы государственного характера, республиканского масштаба. Местные Советы депутатов, исполкомы призваны решать вопросы, относящиеся к сфере образования, местного значения и ограниченные пределами соответствующей административно-территориальной единицы.

Среди основных приоритетов в сфере образования можно выделить следующие: обеспечение наиболее полного удовлетворения запросов семьи на образовательные услуги в системе дошкольного образования, в том числе на платной основе; повышение качества общего среднего образования, включая приобретение учащимися компетенций, необходимых в практической деятельности; формирование в учреждениях образования обучающей и воспитывающей среды, направленной на саморазвитие и личностный рост учащейся и студенческой молодежи; организация системы высокоэффективного непрерывного образования; осуществление в системе профессионально-технического и среднего специального образования структурно-содержательных преобразований, отвечающих прогрессивным общемировым тенденциям, переход на качественно новый уровень подготовки рабочих и служащих, специалистов с учетом инновационного развития экономики страны и потребности регионов [2, с. 4]. Подготовка квалифицированных конкурентоспособных рабочих и специалистов в соответствии с заказом реального сектора экономики; разработка образовательных стандартов нового поколения. Стратегическим ориентиром на ближайшее пятилетие является укрепление позиций Беларуси в группе тридцати наиболее развитых стран мира по показателям в сфере образования. Необходимо создать условия для получения непрерывного образования в течение всей жизни для представителей всех слоев белорусского общества.

Политику в сфере образования определяет государство, и она основывается на следующих принципах: обязательности общего базового образования; осуществления перехода к обязательному общему среднему образованию; доступности дошкольного, профессионально-технического и на конкурсной основе среднего специального и высшего образования; преемственности и непрерывности уровней и ступеней образования; национально-культурной основы образования; приоритета общечеловеческих ценностей, прав человека, гуманистического характера образования; научности; экологической направленности образования; демократического характера управления образованием; светского характера образования.

Для выполнения приоритетных задач работа всех структур и учреждений системы образования страны сфокусирована на следующих направлениях: расширение доступности дошкольного образования в микрорайонах-новостройках и местах точечной жилищной застройки, обеспечение здоровьесберегающего процесса, формирование культуры безопасности жизнедеятельности в учреждениях дошкольного образования на основе межведомственного взаимодействия; дальнейшее повышение качества общего среднего образования; обновление содержания, структуры и организации образования; сохранение доступности и вариативности образования для лиц с особенностями психофизического развития, создание специальных условий, в том числе безбарьерной среды, для обучающихся с особенностями психофизического развития; увеличение числа научных работников высшей квалификации по приоритетным специальностям, необходимым для развития высокотехнологичных производств V и VI укладов экономики; модернизация и развитие материально-технической и социально-культурной базы учреждений образования; укрепление социального статуса педагогических работников; формирование у молодежи активной гражданской позиции и патриотизма, вовлечение ее в активную общественную деятельность, привитие навыков здорового образа жизни, удовлетворение потребностей детей и молодежи в дополнительном образовании [2, с. 6].

Стремление и реализация качественного образования в Республике Беларусь на всех стадиях обучения обеспечивает оперативное обновление содержания образования; внедрение современных информационных технологий в процесс обучения; высокий уровень профессиональных, педагогических кадров; социальную поддержку учащихся, материально-техническое и учебно-методическое обеспечение; воспитание молодежи в духе гражданственности и патриотизма.

В Республике Беларусь функционирует 52 учреждения высшего образования, 23 из них относятся к Министерству образования Республики Беларусь, 20 — к иным органам государственного управления. Кроме того, существуют 9 частных университетов. Учреждений среднего специального образования — 147, из них 53 относятся к системе Министерства образования Республики Беларусь и 94 — к иным

органам государственного управления, 7 — негосударственной формы собственности. Общих образовательных школ и школ-интернатов государственной формы собственности насчитывается более 3 тысяч, а негосударственной формы собственности — 12, учреждений дошкольного образования — 4 359, учреждений профессионально-технического образования — 246, из них 238 относятся к системе Министерства образования Республики Беларусь.

В послании Президента Республики Беларусь 2014 г. белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь отмечалось, что экономическое возрождение нашей республики не может состояться без гражданского становления каждого человека. От того, насколько человек почувствовал себя человеком, осознал свою причастность к происходящему, ответственность за судьбу отечества, от его ценностных ориентаций и мировоззренческих установок зависит содержание, характер, направленность социально-экономического и политического развития Республики Беларусь. Сегодня мир пришел к пониманию того, что основой решения глобальных экологических и социальных проблем является осознание того, что миру необходим человек самостоятельный, свободный и культурный [3, с. 7].

В социально-общественной сфере основными приоритетами в нашей стране являются развитие интеллектуального потенциала общества, укрепление исторического сознания белорусского народа, сохранение и приумножение его духовно-культурного наследия, формирование гражданственности и патриотизма [4, с. 78].

Гражданственность представляет собой долг, достоинство, ответственность, формирование основ национального самосознания через систему идей о целях белорусского общества и гражданина, овладения способами реализации прав и ответственности по отношению к себе как к личности, семье, окружающим, Отечеству, признание и соблюдение Конституции Республики Беларусь, овладение основами правовой культуры, осознание приоритетов белорусской модели социального развития. Критериями гражданской культуры выступают уровень знаний и степень их реализации в соблюдении и выполнении гражданских, политических, экономических и социальных прав и обязанностей человека. Формирование гражданской культуры основывается на процессе постижения личностью нравственных ценностей: достоинства, честности, свободы.

Основная цель гражданского воспитания состоит в формировании гражданственности как интегративного качества личности, заключающего в себе внутреннюю свободу и уважение к государственной власти, любовь к Родине и стремление к миру, чувство собственного достоинства и дисциплинированность, гармоничное проявление патриотических чувств и культуры межнационального общения. Становление гражданственности как качества личности определяется как субъективными усилиями родителей, педагогов, общественных организаций, так и объективными условиями формирования общества — особенностями государственного устройства, уровнем правовой, политической, нравственной культуры общества.

Гражданское воспитание ориентировано на формирование чувства любви и уважения к своей Родине, чувства гордости за достижения Беларуси в социально-экономическом развитии; приумножение авторитета страны через собственные достижения в обучении, труде, спорте, общественной жизни; формирование гражданской позиции, чувства ответственности за настоящее и будущее Беларуси; уважение Конституции Республики Беларусь и других законов государства; осознание роли государства и общества как гарантов максимального развития интересов и способностей человека; понимание того, что основная цель государства — обеспечить успешное развитие человеческого потенциала; повышение уровня и качества жизни граждан на основе стимулирования их трудовой и социальной активности, предоставления им возможности обеспечить собственное благосостояние и благосостояние своей семьи; стимулирование попечительства и благотворительности как показателей гражданской зрелости современного человека.

Оценивая эффективность различных форм работы с учащимися по воспитанию гражданственности и патриотизма, респонденты высказали следующие мнения: около половины опрошенных (47%) считают интересными проведение диспутов, конференций и форумов; кроме того, еще 30% видят в них пользу (подавляющее большинство — студенты); около 17% считают данные формы работы с учащимися неинтересными, из них основная масса — студенты и кураторы студенческих групп; бесполезными не считает практически никто; большинство (58%) опрошенных студентов и школьников считают полезным волонтерство; интересным — еще 17%; 19% опрошенных отметили бесполезность данной деятельности, среди них большинство — студенты; неинтересными не считает почти никто; 68% студентов и школьников видят пользу в мероприятиях по благоустройству города, а также помощи ветеранам; еще 17% считают их интересными; такое же количество опрошенных (из них основная масса — студенты) — неинтересными; бесполезными не считает никто; экспедиции, посвященные истории и культуре родного края, кажутся интересными 53% опрошенных школьников и студентов; еще 25% находят их полезными; 23% считают такие экспедиции неинтересными; бесполезными не считает никто; викторины, посвященные истории и культуре родного края, считают интересными 34% опрошенных, полезными — еще 26%; бесполезными — 21%, неинтересными — 19%; тематические праздники, посвященные памятным датам, считают интересными более половины опрошенных (58%); еще 21% находят их полезными; 13% респондентов не видят пользы в этих мероприятиях; неинтересными их не считает почти никто [5, с. 29—30].

Современная социально-экономическая и политическая ситуация в стране выдвигает множество проблем, в том числе и проблему воспитания позитивного ценностного отношения к Родине. Гражданственность является важным показателем социальной зрелости студенческой молодежи. Ценностное

отношение к Родине выступает как важнейший компонент мировоззрения молодежи, помогает им в выборе лично значимой системы ценностных ориентаций.

В этой связи важно отметить, что 97% респондентов, студентов БарГУ, гордятся историей и прошлым Беларуси, 92% — желают видеть Беларусь процветающей, 90% — испытывают гордость за Родину, 78% — верят в будущее своей страны, 60% — испытывают гордость за настоящее Беларуси, 52% респондентов считают возможным добиться в стране поставленных целей [5]. Данные аналитические процентные показатели раскрывают высокий уровень гражданственности и патриотизма среди обучающихся и говорят об эффективном образовательном и воспитательном процессе в университете.

Президент Республики Беларусь неоднократно подчеркивал, что наша страна включена в глобальные образовательные процессы, но приоритет — это укрепление национальной системы образования. Поэтому общая стратегия ее развития должна рассматриваться не только через призму общемировых тенденций и общественного мнения. Необходимо ориентироваться на имеющиеся достижения, особенности и традиции отечественной системы образования, накопленный в ней опыт. Образование в Республике Беларусь рассматривается как один из главных приоритетов государственной политики, имеющей своей целью формирование свободной, творческой, интеллектуально и физически развитой личности.

Список цитируемых источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2013. — 63 с.
2. Журавков, М. А. Задачи общенациональной значимости. О развитии системы образования в Республике Беларусь / М. А. Журавков // Беларус. думка. — 2016. — № 2. — С. 3—11.
3. Лукашенко, А. Г. Сильная экономика и честная власть — фундамент независимости страны и процветания нации : послание Президента белорусскому народу и Национальному собранию / А. Г. Лукашенко // СБ: Беларусь сегодня. — 2014. — 23 апр. — С. 1—9.
4. Гусаков, В. Г. На основе интеллектуального капитала. Наука и развитие белорусской социально-экономической модели / В. Г. Гусаков // Беларус. думка. — 2015. — № 9. — С. 76—85.
5. Исследование состояния и эффективности воспитательной и идеологической работы в учреждениях образования : материалы для кураторов студенческих групп / В. И. Гусев [и др.]. — Барановичи : РИО БарГУ, 2009. — 48 с.

УДК 101.1:316

И. Н. Колядко¹, Н. С. Колядко²

¹Белорусский государственный университет, Минск

²Учреждение образования «Слуцкий государственный колледж», Слуцк

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В настоящее время актуальность исследования национальной идентичности обусловлена несколькими факторами. Во-первых, это те социально-политические преобразования в современной Беларуси, которые повлекли за собой изменения в социальном восприятии её жителей, которые из представителей советского народа превратились в граждан суверенного государства. Эти перемены повлекли и изменения в национальном самосознании населения нашей республики.

Во-вторых, актуальность данной проблемы определяется дефицитом социально-психологических и философских знаний, необходимых для оценки сложившейся сегодня ситуации в республике, анализа специфики современных этнонациональных процессов.

Целью данной статьи является историко-философская экспликация феномена национальной идентичности как фактора социокультурного развития в условиях трансформационных и глобализационных процессов современности.

Сегодня стало очевидно, что в новых условиях развития республике нужны социально-политические, социально-культурные концепции, отвечающие на вопросы, в каком направлении дальше развиваться стране, на какие модели ориентироваться.

Думается, что ни прежние модели формирования советской идентичности, ни классические западные концепции формирования национальной идентичности не годились, так как первые строились на теории марксизма-ленинизма, а вторые — ввиду того, что они конструировались для классических буржуазных наций, и не могут быть адаптированы к условиям Беларуси [1, с. 24].

Новая концепция конструирования национальной белорусской идентичности начала складываться с конца 90-х гг. XX в., причём в этом процессе приняли участие не только официальные идеологи страны, но и академические институты и учёные, а также те, кто ранее поддерживал белорусскую оппозицию, но по мере исчерпания её потенциала перешли на объективные научные позиции [1, с. 25].

Можно сказать, что она сложилась к концу первого десятилетия нынешнего века, хотя и сегодня продолжает развиваться [2, с. 12].

Основой социокультурного подхода к формированию белорусской идентичности стали общие базовые ценности, разделяемые народом Беларуси. Эти ценности в определённой мере являются и общечеловеческими: они включают семью, благополучие, безопасность, счастливую жизнь. Именно государство и общество предоставляют (или не предоставляют) человеку социальные условия для их достижения.

Вместе с тем в современных условиях важны ценности, которые сплачивают людей и делают общество стабильным и устойчивым. Это ценности стабильности, социальной безопасности, равенства и справедливости. Создавая и поддерживая условия для достижения указанных ценностей, государство создаёт условия для того, чтобы население республики идентифицировало себя с другими по сходным признакам.

В эпоху глобализации и многовекторности развития особую остроту приобретает процесс формирования и поддержания национальной идентичности [2, с. 19]. При усилении воздействия глобальных тенденций снижается влияние внутренних факторов. Сегодня много говорят о европейском пути развития Беларуси (проект «Восточное партнёрство»), но мало поясняется, что он значит в контексте белорусской идентичности.

В современных условиях прослеживается новая закономерность развития белорусской идентичности — рост гражданской идентичности, на которую в последующем могут ориентироваться другие постсоветские страны. Важнейшей предпосылкой для проявления данной закономерности выступает устойчивость социально-экономического развития Республики Беларусь на современном этапе, которую можно рассматривать как притягательную модель для других постсоветских стран.

Сегодня гражданская идентичность наиболее распространена как этнонациональная идентичность. Тип этнонациональной идентичности будет сохранять свои позиции в Беларуси, но в то время важными для самоопределения населения останутся религиозные различия и славянская самоидентификация. Восточнославянским народам, чтобы не оказаться вытолкнутым на обочину исторического процесса, в мировую периферию, а занять достойное место в геополитической (финансово-экономической, демографической, экологической) обстановке XXI в., ещё более противоречивой и конфликтной, чем в XX в., необходимо выработать и осуществить инновационную, прорывную стратегию развития. В данный исторический момент для восточнославянских народов (Беларуси в том числе) наиболее важно формирование восточнославянского центра развития на собственной культурно-исторической основе. Таким центром мог бы быть союз Беларуси и России и их деятельность в рамках СНГ [1, с. 27].

Вполне вероятно, что программа «Восточное партнёрство», в которой с 2009 г. участвует Беларусь наряду с другими пятью бывшими советскими республиками, приведёт к снижению уровня негативной европейской самоидентификации белорусов, что в будущем белорусы будут себя чувствовать европейцами не в меньшей мере, чем, например, поляки или литовцы. Однако на сегодня данная закономерность чётко зафиксирована на всём постсоветском пространстве. Так, в Украине европейская идентичность с 1992 по 2008 г. снизилась в восемь раз, превратившись в практически незначительную величину. Сходная ситуация зафиксирована и в России [1, с. 28].

Укрепление Евросоюза и конструирование новых барьеров (политических, экономических, военных) между ЕС и постсоветскими странами, не вошедшими в это объединение, привело к снижению взаимного интереса двух субнациональных общностей, что и выразилось в резком падении идентичности, в то время как славянская идентичность у населения Беларуси имеет тенденцию роста.

Современная белорусская идентичность является многосторонней, где ни одна большая идентификационная группа не доминирует. Существуют разные идентичности, которые имеют практическую или символическую значимость для разных сегментов белорусского населения.

Беларусь, как и Россия, пока ещё «находится на промежуточной стадии, между распадающейся идентичностью советской и пока до конца не состоявшейся российской национально-государственной идентичностью» [3, с. 83—87].

Будущее белорусской идентичности зависит от умения страны (гражданского общества и руководства) справиться с вызовами современности. Вместе с укреплением государства будет расти и уровень национальной идентичности. Только в условиях стабильности белорусского государства можно сказать, что концепция белорусской национальной идентичности будет окончательно сформирована [4].

Мы живём в эпоху глобализма: Интернет, ноутбуки, банкоматы, телефоны, спутниковая связь и телевидение. В этом смысле отрицать возрастающие масштабы глобального развития в принципе невозможно. Глобализация — это процесс, который имеет разные темпы в каждой из трёх важнейших сфер жизнедеятельности — политике, культуре и экономике. И, прежде всего, это процесс стремительного формирования единого общемирового финансового, информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий.

По мере глобализации и распространения одинаковых технологий на планете устанавливаются приблизительно одинаковые политические институты, экономические модели. Новые технологии и новые модели организации экономики требуют появления наднациональных организмов. Появляется всё большее число международных инстанций, которые действуют через голову национальных правительств. Между тем к процессам экономической глобализации, информационной инновации, вызванному последней поли-

тическому пробуждению и активизации миллиардных масс, к падению управляемости процессами в области международной безопасности, к старым разломам между исламским и христианским мирами добавляются ещё два фактора — энергетические ресурсы и борьба между странами старого капитализма, между странами старого Запада и нового, олицетворением которого являются Россия и Китай [5, с. 47].

Таким образом, глобализация ведёт к утрате реального значения государственного суверенитета многих стран, а также к утрате нравственных и религиозных устоев. Главное в глобализации — изменение идентичности. В этом состоит основная проблема новых независимых стран. Так, постепенно они вынуждены уступать суверенитет, т. е. способность полностью распоряжаться своим достоинством и проводить какую угодно внутреннюю политику, независимо от внешних сил. Как сохранить наш суверенитет перед лицом этого процесса глобализации?

Каждый народ, каждое общество, каждая цивилизация существуют только тогда, когда они сохраняют в неприкосновенности свою идентичность. Без суверенитета, без свободы, без права идти своим собственным путём не будет и подлинной независимости Республики Беларусь.

Первая составляющая новой идеи — это сохранение традиции. Необходимо научиться не стесняться быть самим собой. Принять, что у нас, как и у всех, есть свои положительные и отрицательные особенности и свои интересы. Ведь в культуре, истории, национальном характере всегда важно не общее, усреднённое, а особенное. Русская литература — особенная, французское кино — особенное, итальянская живопись — особенная. Нация обладает своими устоями, своим образом, характером. Однако сутью культуры являются язык, религия, ценности, традиции и обычаи. Их необходимо обязательно сохранить, потому что именно эти различия и особенности оставляют всю полноту человечества. Если мы не будем сильны и прагматичны, не будем проводить собственную линию, подчинённую нашим национальным интересам, нас просто не будет [6, с. 53].

Вторая составляющая национальной идеи — это готовность к принятию масштабных задач, т. е. к принятию глобализации с учётом своей идентичности. Глобализация экономики и политики не должна сопровождаться глобализацией и размыванием национально-культурного характера.

Мы находимся в динамично развивающейся взаимосвязи и взаимозависимости. Мы включились в мировую систему. Мир становится всё более тесным и взаимозависимым. Мы — небольшая страна, нация, которая взаимодействует с другими культурами. Не надо этого бояться. Необходимо использовать это во благо. И мы можем использовать, если будем действовать по принципу: осваивать чужое, не теряя своего.

Демократические институты должны формироваться на собственной национальной почве. Дело мирового сообщества — помогать созданию благоприятных условий для развития этого процесса, проявляя уважение к существующим традициям и выбору путей продвижения демократии, который делается каждой страной на основе её базовых ценностей [5, с. 48].

Однако насильственное внедрение демократических институтов часто ведёт к разрушению даже существовавших в них ограниченной демократии и, как следствие, к падению качества управления, деградации экономики и самого общества.

Задача каждой нации состоит в том, насколько она способна абсорбировать других, самообогащаться в процессе культурного взаимодействия с другими народами. Национальная изоляция — признак регресса, а не прогресса. Как известно, вперёд вырывались страны, которые умело вписывались в кардинально изменяющееся мировое хозяйство. Белорусы — это нация, склонная к синтезу культур. Наш народ открыт миру, отличается удивительной внутренней свободой и способностью к интеграции.

Наша страна имеет многие богатства. Это земля и её недра, это прекрасная природа. Но главное наше богатство — это люди. Они сформировали и сохранили наше духовное наследие, нашу культуру, нашу интеллектуальную мощь. Создав родную страну, предки завещали её не только нам, но и потомкам. И наш долг — сохранить и возродить страну, сделать сильным и процветающим её народ. И эстафету достойно передать будущему поколению.

Специфическое место Беларуси в мире определяется её историей, традициями, культурой многонационального состава населения, принадлежностью его к различным конфессиям, что, в свою очередь, обусловило самобытность развития Беларуси, неразрывность её связей не только с Европой, но и с Азией.

Возрождение и развитие нашей страны возможны только на путях органического соединения собственных корней, глубинных источников развития и всего лучшего, что дали и дают мировой цивилизации как Запад, так и Восток. Взаимодействие и заимствования всегда имели место в отношениях между цивилизациями, а с развитием современных средств передвижения и коммуникации они стали ещё шире.

Глобализация — общепланетарные процессы изменения финансовых рынков и производственных ниш, в результате которых географические границы, национальные правительства практически не контролируют массовое производство и потребление товаров. Сила, в том числе сила национальной культуры, сила идеологий, образов и смыслов, транслируемых нацией, — вот, что приходит на смену аморфным общечеловеческим ценностям. Главное состоит в том, чтобы способствовать формированию позитивных представлений и образов, чтобы создавать обстановку взаимной толерантности и уважения друг к другу.

Идеологическая консолидация общества является важным источником силы. Идентичность является важным инструментом политической консолидации общества. Она сплачивает близких политических единомышленников, обладает значительным воспитательным потенциалом и будет содействовать формированию политической культуры граждан.

Список цитируемых источников

1. Титаренко, Л. Г. Концепция белорусской национальной идентичности в условиях современной многовекторности развития / Л. Г. Титаренко // *Философия и соц. науки*. — 2010. — № 4. — С. 24—30.
2. Науменко, Л. И. Белорусская идентичность. Содержание. Динамика. Социально-демографическая и региональная специфика / Л. И. Науменко. — Минск : Беларус. навука, 2012. — 205 с.
3. Миненков, Г. Я. Европейская идентичность как горизонт белорусского воображения / Г. Я. Миненков // *Европейская перспектива Беларуси: интеллектуальные модели* / сост. О. Шпарага. — Вильнюс : ЕГУ, 2007. — С. 60—104.
4. Миронов, В. В. Трансформация культуры и её последствия в условиях глобализации [Электронный ресурс] / В. В. Миронов. — Режим доступа: http://new.philos.msu.ru/uploads/media/Doklad_V.V.Mironova.pdf. — Дата доступа: 27.02.2015.
5. Иманалиев, К. К. Глобализация и национальная идентичность / К. К. Иманалиев // *Вестн. КРСУ*. — 2009. — № 1. — С. 46—50.
6. Малахов, С. В. Идентичность / С. В. Малахов // *Новая философская энциклопедия* : в 4 т. — М. : Мысль, 2010. — Т. 2. — С. 53—55.

УДК 329.78

З. А. Красавина

АО «Ажур-Медиа», Санкт-Петербург, Российская Федерация

УСЛОВИЯ И ХАРАКТЕР ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ НАЧАЛА XXI ВЕКА

В число важных факторов, влияющих на политическую социализацию молодежи в Республике Беларусь на современном этапе, входят и трансформационные процессы общественно-политической жизни, общие для всех постсоветских государств в последние десятилетия, и глобализационные изменения, и тенденции развития социума в постиндустриальную эпоху. Вместе с тем необходимо отметить, что условия, характер и результаты политической социализации белорусской молодежи в процессе формирования современной белорусской государственности приобретают свои специфические черты, определяющие векторы развития молодежной политики сегодня и завтра. Экономические и политические преобразования в Беларуси конца XX — начала XXI в. актуализировали вопросы поиска оптимальных механизмов адаптации и интеграции молодежи в сферу политической культуры общества, так как старые, эффективно действовавшие в условиях советской системы стратегии социализации уже не отвечают нынешним реалиям и утратили свой потенциал эффективности, а новые еще не стали стандартными и общепринятыми. При этом скорость социальных изменений, с одной стороны, расширяет возможности молодежи в процессе реализации жизненных планов, а с другой — увеличивает риск отстать от этих изменений и не успеть за ходом социальных преобразований.

Под влиянием различных сил меняется социальный облик современных обществ, и именно молодежь является наиболее мобильным и активным субъектом этих отношений. Мы исходим из понимания молодежи как социально-демографической группы, обладающей «совокупными половозрастными и социально-психологическими особенностями, проходящей стадии социализации в реальных условиях жизнедеятельности общества» [1, с. 263]. Как социально-демографическая группа молодежь выделяется на основе возрастных параметров, имеет ряд особенностей социального положения и социально-психологических качеств. В данной работе в соответствии с действующими нормативными актами и выводами социологов мы будем рассматривать молодежь как социально-демографическую группу в возрастных рамках от 14 лет до 31 года. Именно на эти годы приходятся главные социодемографические события в жизни человека: получение среднего и высшего образования, выбор и получение профессии, начало и первые шаги в трудовой деятельности, вступление в брак, рождение детей. Это поколение людей, усваивающих, а в более зрелом возрасте уже усвоивших основные образовательные, профессиональные, политические, культурные и другие социальные функции.

По данным Национального статистического комитета Республики Беларусь за 2014 г., к молодежи мы можем отнести около 2,2 млн человек, что составляет почти четверть от всей численности населения Беларуси [2, с. 5—6]. В настоящее время это почти четверть населения Беларуси — более 23%. При этом в городах проживает около 70%. Учащаяся молодежь составляет более половины в общем количестве молодежи республики, причем значительную долю учащейся молодежи составляет студенчество.

Процессы адаптации и интеграции молодежи в политическую систему общества находятся в большой зависимости от условий социально-экономического развития страны и отдельных регионов, от реальной помощи государства в гражданском и профессиональном становлении, в создании благоприятных условий жизнедеятельности. В возрастной психологии молодость характеризуется как период формирования устойчивой системы ценностей, становления самосознания и социального статуса личности. В силу специфики поколенческого опыта у каждой возрастной группы политическая социализация происходит как многослойный процесс, в котором детский опыт нередко преломляется и даже не по одному разу. Однако, по мнению многих исследователей, очень часто знания, навыки и стереотипы,

сформированные в достаточно раннем возрасте, являются определяющими для выбора политической роли и стратегии политического поведения в будущем. Среди разных групп молодежи, участвующих в политической социализации в Беларуси сегодня, можно выделить и условно назвать по условиям первичной социализации следующие группы: 1—12-летние (2002—2013 годы рождения) — дети современной Беларуси; 13—18-летние (1996—2001 годы рождения) — дети периода становления и развития современной национальной государственности; 18—24 летние (1990—1996 годы рождения) — «постсоветские» дети; 25—31-летние (1983—1989 годы рождения) — «дети перестройки».

Остальные возрастные категории населения, которые условно можно обозначить в соответствии с историческими реалиями как поколение позднего застоя, дети брежневской эпохи, дети хрущевской «оттепели» и послевоенное поколение, в ходе современной политической жизни участвуют в процессах ресоциализации. Политическая социализация трех первых возрастных групп уже проходила и проходит в условиях суверенной и независимой Беларуси, и именно они сегодня — это действующий и потенциальный электорат, от гражданской позиции и уровня политической культуры которого зависит будущее нашей страны. В метафоричных названиях групп по условиям первичной социализации ярко отображается детерминированность развития молодежи уровнем и особенностями исторического развития общества в целом. Общественное положение и функции молодежи, ее образ жизни, мировоззрение, интересы, образ мышления, формы поведения и психические особенности могут быть поняты и объяснены только из контекста объективных общественных условий. Исходя из этого, во многом современные черты нынешнего молодого поколения обусловлены культурно-историческими и экономическими изменениями, произошедшими в течение последних нескольких десятилетий. Так, в силу перестроечных процессов на постсоветском пространстве молодежь, впрочем, как и другие возрастные категории населения, остро ощутила социальную незащищенность, которая впоследствии обернулась снижением уровня доверия к властным структурам и общественным организациям. Также следует отметить и тот факт, что детство нынешнего молодого поколения проходило в «достаточно неблагоприятных экологических (следствие Чернобыльской аварии), экономических (крушение принципов социалистической экономики и стихийное формирование рыночной), семейно-бытовых и нравственно-культурных условиях (состояние аномии, когда советские моральные принципы уже потеряли свою актуальность, а новые не были сформированы, или формировались стихийно, под влиянием западной массовой культуры)» [3, с. 4]. Кроме того, во многих социологических исследованиях, проведенных в последнее время в Беларуси, динамика ценностных ориентаций современной молодежи нередко трактуется как «переход от традиционных ценностных ориентаций к новым, так называемым постмодерным ориентациям и ценностям. При этом обычно предполагается, что современные изменения в нашем обществе выступают такой характеристикой его системной трансформации, по отношению к которой все предшествующие ценностные ориентации могут быть охарактеризованы как «традиционные». Более того, традиционные, т. е. укоренившиеся в нашей культуре, например, христианские или общечеловеческие, ценности, зачастую энергично противопоставляются некоторым якобы новым, или посттрадиционным, ценностям» [4, с. 215].

Исходя из вышесказанного, процессы формирования политического сознания молодежи и ее интеграции в политическую систему современной Беларуси определяется рядом объективных обстоятельств. Во-первых, сегодня усложнился и удлинился сам процесс политической социализации, соответственно, другими стали критерии политической зрелости молодежи. Они определяются не только вступлением в самостоятельную жизнь и выбором определенной политической роли, но и завершением образования, получением профессии, реальным использованием политических и гражданских прав, материальной независимостью от родителей, уровнем сознательной общественной активности. Во-вторых, становление политической и социальной зрелости молодежи происходит сегодня под влиянием не только традиционных агентов (семьи, школы, трудового коллектива, средств массовой информации, молодежных организаций и групп), но и всевозрастающих по силе и спектру воздействия агентов нетрадиционных: виртуальное пространство сети Интернет и социальные сети, новые массмедиа, молодежные субкультуры и новые кумиры. В-третьих, социологи отмечают в последние десятилетия расширение процессов десоциализации и маргинализации молодежи, что в свою очередь оказывает значительное влияние на сценарии социального поведения, в том числе на уровень политической активности и участия молодых людей в политической жизни общества. В-четвертых, в современной Беларуси, как и во многих постсоветских странах, исследователи констатируют тенденции падения социальной ценности труда, престижа ряда важных для общества профессий. В трудовой мотивации молодежи часто приоритет отдается не содержанию труду, а труду, направленному на получение материальной выгоды. Большая зарплата — этот мотив оказался решающим при выборе места работы. Определенная часть молодежи желает иметь хороший доход, при этом не имея ни профессии, ни желания работать.

Однако следует особо подчеркнуть, что в белорусском государстве проблемам молодежной социализации на протяжении последних десятилетий уделялось особо пристальное внимание, поэтому, несмотря на объективные условия современного социального развития и некоторые негативные факторы, влияющие на современную белорусскую молодежь, необходимо отметить ряд отличительных позитивных тенденций в социализации молодых белорусов в современных условиях.

Во-первых, на всех уровнях государственного и политического управления присутствует ясное понимание значимости молодежи как важнейшего стратегического социального ресурса общества. Молодежь имеет свои особые функции в воспроизводственном процессе, никакой другой социально-демографической группой не замещаемые и не реализуемые. На этом основаны сущность и содержание особой политики государства в отношении молодежи. Понимание этого аксиоматического тезиса присутствует в Основном законе нашей страны и стратегическом курсе государства. В жизни белорусского общества последовательно реализуются принципы социально ориентированного государства. Формирование жизнеспособного молодого поколения становится одной из главных стратегических задач в Республике Беларусь. Молодежь — важнейший объект национально-государственных интересов, один из главных факторов обеспечения социально-экономического развития страны.

Во-вторых, в государстве активно и результативно используются все ресурсы для активизации агентов направленной и управляемой политической социализации молодежи. Институты государственной власти, учреждения образования, детские и молодежные общественные организации, государственные средства массовой информации ведут целенаправленную и плодотворную работу по вовлечению молодых людей в экономическую и политическую жизнь страны. Государственные институты стремятся к воспроизводству типа поведения, лояльного к белорусской политической системе, к принятым в нашем обществе политическим ценностям и нормам. Сохранен принцип преемственности политической культуры, в отличие от большинства государств постсоветского пространства не разрушена инфраструктура, позволяющая подросткам и молодежи на ранних этапах чувствовать себя частью государства, активно формировать и выражать свою гражданскую позицию, перенимая базовые духовно-нравственные и политические ценности белорусского народа.

В-третьих, продуманная и взвешенная молодежная политика Республики Беларусь позволяет минимизировать воздействие различных деструктивных факторов на политическое сознание молодежи, а также вовлекает в процесс формирования основных моделей политического поведения, политического сознания молодых граждан все социальные институты и группы общества: семья и родители, научно-техническая интеллигенция, культурная элита Беларуси, мир бизнеса и т. д. Именно поэтому в материалах проводимых в Беларуси социальных исследований среди молодежи просматривается как результат социализации «устойчивая ориентация народа на сильную власть, на государство, способное поддержать и защитить человека. Даже уровень своего собственного благосостояния значительный процент респондентов увязывают в первую очередь с благосостоянием государства в целом» [5, с. 87]. В обществе, в том числе в молодежной среде, сохраняются извечные для нашего народа представления о долге и чести. Социологи отмечают также, что в общем числе респондентов преобладают люди, ориентированные на социальное окружение (коллективисты), т. е. социально ориентированная государственная политика целиком корреспондируется с общественными настроениями. Такая государственная политика требует поддержания сложившихся традиций. Здоровый консерватизм в данном случае — не что иное, как стремление системы к сохранению своей устойчивости перед воздействием на нее внешних факторов и изменениями отдельных элементов внутри самой системы.

Большое внимание, которое уделяется в современной Беларуси формированию и реализации государственной молодежной политики, создает условия наибольшего благоприятствования для выбора молодежью позитивных стратегий политического поведения. После обретения нашей республикой независимости был принят целый ряд документов, подтверждающих, что молодежная политика белорусского государства признается важнейшим направлением его деятельности, важнейшей частью концепции демографического развития республики, важнейшим направлением социальной политики. Следует отметить, что даже начало 2015 г., объявленного в Беларуси Годом молодежи, ярко продемонстрировало активную включенность практически всех органов государственного управления в формирование и реализацию государственной молодежной политики. Большую роль играют сегодня также негосударственные организации и институты, Белорусский республиканский союз молодежи, иные общественные организации детей и молодежи, которых в настоящее время более 130. На современном этапе молодежная политика уже имеет возможность опереться на серьезную нормативно-правовую базу, которая создана в условиях суверенного государства. С 1991 по 2011 г. были определены основные концептуальные основы государственной молодежной политики. В ее основу положены принципы и положения, сформулированные в Конституции Республики Беларусь. Главная идея состоит в том, что «государство как основной субъект молодежной политики ставит своей целью обеспечить полноценный правовой и социальный статус молодым гражданам республики, защитить их права и свободы. Концепция государственной молодежной политики направлена на создание правовых, экономических и организационных условий и гарантий для самореализации личности молодого человека и развития молодежных объединений, движений и инициатив. Концепция молодежной политики исходит из того, что эффективная организация системы социального развития молодежи, ее воспитания позволит преодолеть духовно-нравственный кризис в обществе, достигнуть гражданского согласия и создать предпосылки для процветания сильной, демократической Беларуси» [6, с. 25]. Она ориентирована на то, чтобы создать эффективные механизмы по привлечению самой молодежи и молодежных организаций к разрешению молодежных проблем, к самоорганизации, активной реализации молодежной политики, к формированию новой модели развития белорусского общества.

Конституция Республики Беларусь закрепляет положение о том, что молодежи гарантируется право на духовное, нравственное и физическое развитие, а также подчеркивает, что государство берет на себя обязательства создать все необходимые условия для свободного и эффективного участия молодежи в политическом, социальном, экономическом и культурном развитии нашей страны [7]. Во многих статьях Конституции закреплены обязательства государства по обеспечению гражданам республики права на охрану здоровья, на жилище, на образование (ст. 45, 47, 49, 51). Все эти права распространяются также на молодых граждан Республики Беларусь. Конституционные основы молодежной политики нашли свое воплощение в других нормативно-правовых актах, которые приняты в нашей стране. Важнейшими документами, которые определяли и определяют основы государственной молодежной политики в нашей республике, являются законы «Об общих началах государственной молодежной политики Республики Беларусь» (24 апреля 1992 г.) и «Об основах государственной молодежной политики» (7 декабря 2009 г.). В законе сформулировано понятие государственной молодежной политики. «Государственная молодежная политика — это система социально-экономических, политических, организационных и правовых мер, направленных на поддержку молодых граждан Республики Беларусь в возрасте до 31 года, она реализуется в целях социального становления и развития молодежи, наиболее полного раскрытия ее потенциала в интересах всего общества» [8]. Здесь же установлены основные принципы государственной молодежной политики в Республике Беларусь: сочетание государственных, общественных интересов с интересами и правами молодых граждан, последовательность и комплексность, научная обоснованность, учет интересов и потребностей молодых граждан, гарантированность защиты прав и интересов молодых граждан, гласность и открытость, участие самой молодежи в разработке и реализации молодежной политики. В нашей стране регулярно, начиная с 1996 г., принималась специальная программа «Молодежь Беларуси». Однако на совещании по республиканской программе «Молодежь Беларуси» на 2011—2015 гг. 17 января 2011 г. Президент Республики Беларусь Александр Лукашенко потребовал минимизировать формализм в работе власти и исключить в дальнейшем такую практику работы, как формирование концепций, программ и других подобных документов по уже проработанным направлениям жизнедеятельности государства, где и без дополнительных бумаг ясно и понятно, что и как необходимо делать. Глава государства заявил, что все должно быть подчинено конкретной работе, реальным делам, а не бумаготворчеству. С этого времени можно констатировать завершение периода становления государственной молодежной политики Республики Беларусь и переход к новому периоду, который провозглашает необходимость конкретной работы, реализацию всех уже созданных концептуальных положений на практике. Особую ценность начального этапа составляет формирование основ работы с молодежью, создание и обеспечение функционирования системы государственной и общественной поддержки молодого поколения, которая позволила в белорусском обществе избежать острого кризиса социализации молодежи, наблюдающегося в некоторых сопредельных странах постсоветского пространства. Смысл и сущность нового этапа можно обозначить в сохранении и развитии лучших традиций молодежной политики, проведении конкретных мероприятий, направленных на решение наиболее актуальных проблем современной молодежи, а также поиск и апробацию новых форм и методов, которые соответствуют реалиям сегодняшнего дня и максимально эффективно смогут противодействовать деструктивным проявлениям в сфере общественной жизни. Новая молодежная политика должна учитывать все проявления и тенденции глобализационных процессов в мире в целях формирования «игры на опережение» в борьбе за ценностные установки в сознании подрастающего поколения.

Таким образом, при формировании и реализации основных направлений, целей и задач молодежной политики необходимо учитывать все особенности современного этапа в развитии общества. Политическая социализация современного поколения молодежи происходит в иных, чем при административно-командной системе, условиях. Новое поколение растет в условиях крушения и низвержения авторитетов, разрушения привычных ценностей и идеалов, разрушения сложившейся системы воспитания. Но оно также растет и в условиях политической свободы, политического плюрализма, политической борьбы. Что касается экономической составляющей, то современная молодежь живет в условиях сильного имущественного расслоения, влияния принципов общества потребления, становления совершенно иных схем межличностных отношений. В процессах политической социализации молодежи в Республике Беларусь сильная государственная молодежная политика приобретает особое значение, ведь социальная адаптация и политическая социализация — процессы управляемые. Управление ими может осуществляться не только в русле воздействия социальных институтов на личность в ходе ее жизнедеятельности, но и в русле стимулирования сознательного патриотизма, социальной активности, гражданского участия, самоуправления. В новых условиях формирование молодежной политики возможно только на основе взаимосвязи с теми процессами, которые происходят во всей общественной системе, в соответствии с логикой и стратегическими целями развития белорусского общества.

В современной Беларуси основным субъектом политической социализации молодежи выступает государство как атрибут сильной власти, субъект мобилизации человеческих ресурсов. Действенность власти, как уже отмечалось, определяется наличием эффективных механизмов молодежной политики. Государство призвано осуществлять взаимодействие и строить партнерские отношения с молодежью, оказывать поддержку инициативам, способствовать развитию молодежного движения. Результативность молодежной

политики государства переходного типа обусловлена степенью координации идеологического влияния на формирование сознания и актуальных политических качеств молодежи. Это обеспечивает организационное единство сообществ молодежного движения как полноправного субъекта политической системы.

Формируя современную молодежную политику, органы государственного управления и другие институты политической системы общества должны изучать и использовать в своей деятельности знания о современных тенденциях, которые участвуют в процессах политической социализации молодежи в качестве агентов и факторов влияния. Зная проблему, можно спрогнозировать вероятные сценарии развития различных ситуаций и предпринять ряд мер по нивелированию возможных негативных последствий. Общациональная модель политической социализации должна соответствовать стратегическим целям развития Республики Беларусь, ключевым аспектам национальной идеологии, транслировать и развивать политическую культуру белорусского государства, отвечать традициям белорусского народа и требованиям современности. Необходимо только помнить, что молодежь адекватно реагирует и активно откликается на те формы социализации, которые представляют собой в ее понимании свежие идеи, неординарные подходы, смелые решения, развитие новейших компетенций. Позитивная модель политической социализации как содержание в инновационной форме способна содействовать воспитанию необходимого белорусской политической системе современного молодого гражданина.

Таким образом, сегодня успех развития белорусского социума, построения демократического правового социально ориентированного государства и формирования гражданского общества зависит, прежде всего, от участия в этом процессе молодежи. Молодежь представляет особый интерес как группа, являющаяся своеобразным индикатором, отражающим противоречивый опыт социально-политических преобразований последних десятилетий. На сегодня в Республике Беларусь молодежь — это самая образованная часть населения, будущая элита белорусского общества, которая будет определять лицо новой Беларуси. Она является самой восприимчивой и адаптивной частью белорусского общества, и от того, какие ценности укоренятся в ней, будет зависеть вектор общественного развития, а в конечном счете — успех всех преобразований. Поэтому, несмотря на множество проблем на уровне макросреды, есть возможность создания гармоничных и успешных моделей социализации на уровне мезо- и микросреды, если при формировании и реализации государственной молодежной политики учитывать, что перспективы реформирования белорусского общества и его политической сферы напрямую обусловлены вовлечением молодежи в политику, и особенно наиболее образованной и социально активной ее части.

Список цитируемых источников

1. Энциклопедия идеологического работника / сост. А. Б. Чешевик. — Минск : Парадокс, 2011. — 536 с.
2. Половозрастная структура населения Республики Беларусь на 1 января 2014 года и среднегодовая численность населения за 2013 год : стат. бюл. / Нац. стат. комитет Респ. Беларусь. — Минск, 2014. — 183 с.
3. Социальный облик современной белорусской молодежи : сб. ст. / редкол.: Е.В. Лебедева (отв. ред.) [и др.]. — Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2008. — 123 с.
4. Чуешов, В. И. Об исследовании ценностных ориентаций молодежи как оснований инновационной деятельности / В. И. Чуешов, Е. В. Беляева, Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь // Проблемы управления. — 2007. — № 1. — С. 213—217.
5. Баранова, Е. В. Социология массовой коммуникации : учеб. пособие / Е.В. Баранова. — Минск : Высш. шк., 2013. — 174 с.
6. Роль молодежных организаций и объединений в гражданском становлении личности : материалы респ. науч. конф. преподавателей, аспирантов и студентов, Витебск, 17 мая 2007 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: А. П. Орлова (отв. ред.) [и др.]. — Витебск : Изд-во ВГУ, 2007. — 232 с.
7. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. — Минск : Амалфея, 2005. — 48 с.
8. Об основах государственной молодежной политики [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 7 дек. 2009 г., № 65-3 // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. — 2009 — № 2/1617.

УДК 37:930(476)(035.3)

В. И. Кривуть

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ПОЛЬСКАЯ ШКОЛА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОВЕДЕНИЯ ОФИЦИАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Школа всегда являлась одним из ведущих государственных институтов проведения официальной молодежной политики. Это в полной мере относится и к польской школе на территории Западной Беларуси в период 1920—1930-х гг. К сожалению, данная проблематика не нашла достаточного освещения в отечественной историографии, что лишь придает ей дополнительную актуальность. Данная статья является попыткой, опираясь на ряд впервые вводимых в научное обращение материалов, частично

заполнить этот пробел. В статье характеризуется участие школы в реализации официальной молодежной политики на территории Западной Беларуси в составе межвоенного польского государства, основные ее достижения и недостатки деятельности польской системы образования в данной сфере.

В межвоенный период польские власти смогли организовать систему народного образования, основанную на всеобщей школьной обязанности. На территории Западной Беларуси ее структурными элементами стали Виленский и Полесский школьные округа. В 1932 г. в состав Виленского школьного округа входили Виленское и Новогрудское воеводства, а также Гродненский, Волковыский и Сувальский поветы Белостокского воеводства. Полесский округ включал, соответственно, Полесское воеводство и Белостокский, Августовский и Сокульский поветы Белостокского воеводства [1, с. 88].

На протяжении межвоенного периода система образования II Речи Посполитой прошла определенную эволюцию. Согласно постановлениям «Декрета о школьной обязанности» от 7 февраля 1919 г. полная всеобщая школа должна была охватывать семь лет обучения. Но декрет рекомендовал создавать в первую очередь четырехлетние обязательные школы с дополнительными трехлетними или обязательные пятилетние с дополнительными двухлетними. Школьная обязанность распространялась на детей с 7 до 14 лет [2, с. 556].

Считается, что в первые годы независимости польская школа была архаичной, что проявлялось в ее многоступенчатости и тупиковости. Полная всеобщая школа являлась тупиковой, поскольку после ее окончания можно было поступить лишь в учительские семинарии или ремесленные школы. Чтобы поступить в университет, необходимо было окончить восьмилетнюю платную гимназию, в которую поступали после окончания начальной школы (трех классов). Именно в гимназиях осуществлялась подготовка для поступления в вузы или, после соответствующих курсов, занятия чиновничьей должности [3, с. 100—101].

Попыткой модернизировать систему образования стала школьная реформа, предпринятая по инициативе министра Я. Енджеевича в 1932 г. Согласно новому школьному законодательству, основой системы народного образования должна была стать семилетняя всеобщая школа, обучение в которой являлось обязательным. В зависимости от количества учеников и учителей всеобщие школы делились на три ступени. К школам первой ступени относились школы с 1—4 классами, ко второй ступени — с 1—6 классами и к третьей ступени — с 1—7 классами. Полностью программа всеобщей школы реализовывалась только в школах третьей ступени. Средняя школа была основана на школе второй ступени, после которой шли четырехлетняя гимназия и двухлетний лицей. Полный курс общеобразовательной подготовки, дававший право на поступление в вуз, продолжался 12 лет [3, с. 110]. В средней школе учащиеся находились в возрасте с 13 до 18 лет.

Правящие круги польского государства, особенно после установления режима «санации», считали, что школа должна являться «идеальной площадкой», «самым соответствующим воспитательным средством государства». Накануне начала школьной реформы 1932 г. Я. С. Быстронь, один из известных польских социологов межвоенного периода, выражал уверенность в том, что школа должна быть точным инструментом общественной политики государства и тем самым служить существующей идеологии и реализации определенной программы общественного переустройства страны [4, с. 110].

Школа должна была превратиться из образовательного института в институт воспитательный. Обучение рассматривалось как часть воспитательного процесса. Первым об этом заявил в марте 1931 г. Ю. Балицкий, глава программного отдела министерства просвещения. Он отметил, что «в современной школе обучение не является само по себе целью, оно является только средством для достижения цели». Во время школьной реформы такой подход вел к широкому введению воспитывающего обучения. Одновременно говорилось о необходимости разрыва с «чрезмерным интеллектуализмом» в воспитании [4, с. 111].

Особое внимание уделялось тому, чтобы содержание программ соответствовало принципам «государственного воспитания». В качестве примера можно взять преподавание истории. Этот предмет должен был играть принципиальную роль в гражданском формировании детей и молодежи. Изучение истории должно было привести к «пониманию обязанностей по отношению к государству и человечеству и сформировать чувство гражданской ответственности среди молодежи польского государства независимо от ее национальной принадлежности» [5, с. 46—47].

Школьная программа по истории учитывала многонациональный характер польского государства. Но даже этот своеобразный реверанс по отношению к национальным меньшинствам II Речи Посполитой был поставлен по службе польской государственности. В программе подчеркивалось: «Знания по истории и культуре национальных меньшинств должны пробудить у польской молодежи уважение к этим культурам и готовность к гражданскому сосуществованию с меньшинствами в границах государственной жизни. Молодежь национальных меньшинств на основе знания истории Польши должна вынести из школы привычку к польской культуре и уважение к ней. Подчеркивание моментов активного и позитивного участия меньшинства в государственной жизни Польши направлено на усиление в нем чувства государственной принадлежности и гражданской ответственности по отношению к государству» [5, с. 18]. В методических разработках Виленского школьного округа учителям рекомендовалось отрицательные факты из прошлого взаимоотношений между поляками и другими народами уравнивать фактами положительными, «благодаря которым потом началось дружественное сотрудничество и понимание на протяжении следующих поколений» [6, с. 12]. Одновременно следует отметить, что за весь межвоенный период предпринималась только одна попытка создать специальный школьный учебник по истории для национальных окраин польского государства. В 1925 г. была издана первая часть «Рассказов из общей истории», в которой отдельно рассматривалась история Польши, Литвы и Руси [7, с. 53—54].

Ученики-белорусы вынуждены были воспитываться на примерах из польской истории и в основном на примерах героев этой истории. При этом самым главным героем являлся Ю. Пилсудский, культ которого стал неотъемлемой частью «санационной» концепции воспитания. Биография маршала подробно освещалась на страницах учебников [8, с. 313; 9, с. 32—34]. Что касается Западной Беларуси, то местное руководство системы образования не осталось в стороне от распространения культа Ю. Пилсудского. Так, руководство Виленского школьного округа наладило выпуск специальных дидактических пособий, посвященных связям маршала с восточными окраинами [8, с. 132; 10]. Специфической формой культа Ю. Пилсудского стало присвоение его имени учреждениям образования. После смерти польского диктатора эта акция начала приобретать откровенно спекулятивный характер. Министерство просвещения начало поддерживать проекты массового строительства школ имени Ю. Пилсудского в северо-восточных воеводствах страны. Так, план строительства в Полесском воеводстве 100 школ — памятников Ю. Пилсудскому получил в качестве дополнительного финансирования 1 600 000 злотых [8, с. 322].

Некоторые изменения в контексте «государственного воспитания» в школе произошли во второй половине 1930-х гг., когда был взят курс на активную подготовку молодежи к обороне страны. Эти изменения затронули в первую очередь среднюю школу. В дидактической сфере при преподавании отдельных предметов необходимо было делать упор на те элементы знаний, которые имели отношение к обороноспособности государства. Например, на уроках географии рекомендовалось изучать элементы топографии, на занятиях по физике и химии изучалась работа двигателей внутреннего сгорания, радиоприемников, элементы противохимической и противовоздушной обороны [11, с. 228]. В целях подготовки к обороне страны использовались и гуманитарные предметы. При их помощи ученик должен был достичь «такой степени гражданской сознательности, чтобы он чувствовал себя связанным мыслями и чувствами с нацией и государством, чтобы он знал и понимал культурные, политические, экономические и общественные достижения польской нации и государства, чтобы имел чувство ее исключительности и своеобразных ценностей, чтобы в полной мере чувствовал и понимал необходимость увеличения оборонного потенциала» [12, с. 809]. На уроках истории ученики должны были знакомиться с историей вооруженных сил Речи Посполитой. Для юношей эти знания должны были сыграть роль «начального профессионального образования будущего офицера польской армии» [12, с. 813]. Например, в учебнике истории для 4 класса гимназии около 18% содержания было посвящено военной обязанности и вопросам укрепления обороноспособности. Ученики помимо информации об условиях призыва и организации армии узнавали о характере современной войны и принципах деятельности тыла в военных условиях [13, с. 21].

Одновременно возросла роль такого предмета, как военная подготовка, которая с 1937 г. стала обязательной в средних школах. При этом надо отметить, что в некоторых гимназиях на территории северо-восточных воеводств военная подготовка стала обязательной намного раньше. Так, в Пинской государственной гимназии ученики старших классов с осени 1929 г. в обязательном порядке должны были записываться в школьный отряд военной подготовки [14, с. 196].

Помимо непосредственно учебы важным средством распространения влияния «государственного воспитания» на школьную молодежь являлось втягивание учеников в деятельность разного рода общественных организаций. Эти организации действовали как на территории учебных заведений, так и за их пределами. Считалось, что работа молодежи в ученических организациях создает возможности для формирования чувства гражданской ответственности и высвобождения творческих инстинктов. Для реализации этих возможностей школьные организации следовало окружить специальной опекой со стороны педагогов. Но опека эта должна была быть осторожной, воспитателю следовало вмешиваться в работу в исключительных случаях, вся инициатива и формальная ответственность должны были лежать на самой молодежи. Через работу в школьных организациях молодежь должна была «научиться добросовестному труду и понять, что общественная работа — это дело благородное, но тяжелое» [15, с. 134—135].

Деятельность общественных организаций на территории средних учебных учреждений (средних общеобразовательных школ, учительских семинарий, профессиональных школ) регулировалась специальным циркуляром министра просвещения, изданным 3 сентября 1927 г. Данный документ признавал, что организация кружков и объединений на территории учебных заведений является очень важным фактором общественного воспитания молодежи. При этом все кружки и объединения школьной молодежи могли создаваться и распускаться только с разрешения и по указанию директора школы. Молодежь могла принадлежать только к кружкам и объединениям, которые существовали в соответствующей школе. Исключения составляли межшкольные спортивные кружки и в некоторых случаях межшкольные харцерские дружины. Но и в данном случае требовалось разрешение директора. Министерский циркуляр также регламентировал виды организаций ученической молодежи. К первой группе организаций относились объединения религиозного, самообразовательного, артистического и спортивного характера. Такими кружками должны были руководить учителя, для них не предусматривалось создание каких-либо органов внутреннего самоуправления. Ко второй группе организаций относились организации самоуправления, кооперативные, гуманитарные (Братская помощь, кружки польского Красного Креста) и этические объединения. Такие организации должны были иметь устав и опекуна (куратора), назначенного дирекцией школы. Циркуляр не позволял кружкам из разных школ объединяться и иметь общее руководство. Исключением являлись харцерские дружины. Циркуляр подчеркивал, что руководитель

школы должен следить за тем, «чтобы молодежь, взяв на себя чрезмерное количество обязательств, не приучилась к поверхностной работе и на слишком широком поле выбора дополнительной работы не принимала неразумных решений» [16, с. 41—42].

Так, 6 февраля 1928 г. министерством был издан еще один циркуляр, посвященный ученическим кружкам в школе, на этот раз конспиративным. Циркуляр утверждал, что подрывные элементы «предпринимают попытки повлиять на молодежь, готовят и осуществляют покушения на спокойствие школьной молодежи». Этим деструктивным влияниям следовало противостоять самым решительным образом. Успешными средствами борьбы с конспиративными кружками считалось проникновение в духовную жизнь молодежи, надзор за проявлениями формирования гражданских и политических взглядов, отслеживание внешкольных влияний на молодежь. Педагоги должны были обращать свое внимание в первую очередь именно на конспиративные объединения молодежи. В случае если такие проявления были замечены, необходимо было «всеми целесообразными в данных обстоятельствах средствами формировать у молодежи чувство вредности этих конспиративных акций в стране, где личная свобода и свобода совести являются конституционно гарантированными». Директор школы должен был быть информирован «обо всех проявлениях коллективной жизни молодежи и в случае необходимости ликвидировать нежелательные влияния» [16, с. 43—44]. Появление данного циркуляра свидетельствовало, что «санационные» власти столкнулись с серьезными противниками в борьбе за влияние на школьную молодежь. Этими конкурентами являлись как польские националисты, так и коммунистическое молодежное движение.

Большое внимание руководство системы образования обращало на развитие ученических и школьных кооперативов, главным образом в виде школьных магазинов, кредитно-сберегательных касс, книжных лавок и буфетов. В соответствии с очередным министерским циркуляром, в школе ученик должен был привыкнуть к идее экономности, она должна была стать одной из основ его жизни и деятельности. В 1930 г. министр С. Червинский обратился к учителям с призывом развернуть живую и широкую акцию организации и проведения школьных сберегательных касс. Одновременно в своем циркуляре он не приказывал использовать некую единую форму, а учитывать местные условия и потребности [17, с. 134].

В русле указаний министерства действовали и руководители государственной системы образования в школьных округах на территории Западной Беларуси. Так, в апреле 1932 г. был издан циркуляр куратора Виленского школьного округа, посвященный вопросу ученических организаций. Циркуляр констатировал, что в этой сфере господствует «определенная хаотичность», и рекомендовал ряд мероприятий для исправления ситуации. Разрешалось существование только организаций, предусмотренных министерским циркуляром от 3 сентября 1927 г. Давалось указание всемерно поддерживать контакты и сотрудничество между организациями, действующими на территории отдельных школ. Воспитатели должны были обратить свое внимание на то, чтобы вносить новое содержание в старые формы ученических организаций, которые, как признавал циркуляр, «часто прозябают и существуют только формально». В самой работе ученических организаций приказывалось противостоять «малоценной, а часто даже вредной мании чтения рефератов». Предлагалось вести «конкретную работу». Эта работа должна планироваться таким образом, чтобы развивать молодежь в «гражданском и общественном направлении». Также работа школьных организаций должна была по возможности выходить за пределы школьных стен. В связи с этим прямо рекомендовалось поддерживать и содействовать созданию «организаций, которые дают молодежи возможность активной разрядки и воспитывают через нее». К организациям такого типа причислялись харцерство, отряды военной подготовки (на тот момент военная подготовка еще не была обязательным предметом), краеведческие кружки, кружки таких общегосударственных организаций, как Морская лига, Лига противовоздушной обороны, польский Красный Крест, а также спортивные, драматические, художественные и технические кружки, организации самопомощи и кружки гражданской и общественной работы. Циркуляр подчеркивал, что гражданская жизнь учеников и их формирование в гражданском духе должны быть одной из главных забот директора и учителей. Именно организованность молодежи, жизнеспособность ученических организаций и их влияние на молодежь объявлялись главным показателем успешности и основательности воспитательной работы педагогического коллектива школы [18, с. 146—147].

Важным элементом общественно-воспитательной жизни средней школы являлось ученическое самоуправление. Разные его формы в той или иной степени проникли во все типы школ II Речи Посполитой. Целями ученического самоуправления объявлялись: выработка солидарности, создание здоровых коллективных взглядов, формирование чувства индивидуальной и коллективной ответственности, развитие инициативы и творческих способностей. Обычно членами самоуправления являлись все ученики данной школы, за исключением учеников младших классов во всеобщих и средних школах. Все классы имели свои правления, которые, в свою очередь, формировали главное правление всей школы. Высшей инстанцией самоуправления был сеймик или общее собрание всех членов. Деятельность самоуправления охватывала такие школьные общественные институты, как взаимопомощь, товарищеский суд, ученический кооператив, школьная газета, библиотека, хозяйственная, спортивная и художественная комиссии. Вся деятельность ученического самоуправления должна была опираться на самостоятельную работу молодежи. Разумеется, что педагогический коллектив учебного учреждения обязан был опекать работу самоуправления [19, л. 32; 20, с. 223—226].

Государственная система образования, созданная польскими властями на территории Западной Беларуси, имела ряд серьезных недостатков. Даже к концу 1930-х гг. фактически не было обеспечено всеобщее начальное обучение, сохранялся высокий процент неграмотности, большую часть школ составляли школы первой и второй ступеней. Известно также, что в 1938/1939 учебном году на западно-белорусских землях более 100 тыс. детей не посещали школу [2, с. 483]. Что касается средней школы, то для большинства учеников она была недоступна. В первую очередь это было вызвано высокой стоимостью обучения. Так, например, в 1931/1932 учебном году вступительная плата в государственной гимназии составляла 223 злотых. Для сравнения — корова на рынке стоила около 100—200 злотых [21, с. 74]. От оплаты могли освобождаться лишь бедные ученики-отличники, при этом число таких учеников не должно было превышать 10% от всего числа учеников данной школы. Частичное освобождение от оплаты предусматривалось для детей государственных чиновников и профессиональных военных, в исключительных случаях — для детей из бедных семей [22, с. 183]. Кроме того, с конца 1920-х гг. наблюдался процесс сокращения численности гимназий. Так, если в 1927/1928 учебном году их было 85 (17 800 учеников), то в 1938 г. — 58 (15 900). Одновременно сократилось и число учительских семинарий — с 15 (2 258 учащихся) в 1929/1930 учебном году до 8 (300) [23, с. 222].

Следует отметить, что некоторые представители официальной прессы возлагали вину за катастрофическое положение образования молодого поколения Западной Беларуси в том числе и на самих родителей. Так, виленский публицист С. Шантер заявлял, что темнота и нужда заглушили в них человечность, они «свинью ценят выше, чем своего родного ребенка». Он отмечал, что белорусские крестьяне считают своих детей рабочей силой в хозяйстве и не создают им возможностей для нормальной учебы [24, с. 5].

Еще одним недостатком государственной системы образования было практически полное игнорирование культурно-просветительских потребностей национальных меньшинств межвоенного польского государства. Ярким проявлением этого была судьба белорусской школы. Сразу после майского переворота 1926 г. часть «санационного» лагеря в конъюнктурных политических целях пошла на определенную либерализацию по данному вопросу, но не была поддержана местной администрацией. Как отмечают некоторые исследователи, на рубеже 1920—1930-х гг. центральные власти ограничились своим вмешательством в развитие политики относительно белорусов. Они стали рассматривать эту проблему не в государственном измерении, а как локальный вопрос. Вопросы белорусского населения все в большей мере начали решаться местной администрацией и поветовыми комендантами полиции [25, с. 207]. Это повлияло и на развитие белорусской школы. Еще в декабре 1929 г. виленский воевода В. Рачкевич заявлял про то, что стремление белорусов к национальной школе является опасным [26, л. 45]. Такое отношение властей сохранялось вплоть до самого начала Второй мировой войны. Новогрудский воевода А. Корвин-Соколовский в 1937/1938 учебном году рекомендовал полную ликвидацию белорусских и литовских школ и замену их польскими. Рекомендовалось и «полное вытеснение непольского элемента с постов учителей» [27, с. 375—376]. Также новогрудский воевода заявлял, что «в школе необходимо делать определенный упор в направлении обработки белорусов. Часто это будет насильственно, но цель является великой... Школа это то, что создает польскость. Лозунг аполитичности школ — это какое-то недоразумение. На креслах школа должна быть политической, это оружие, которое используется политической администрацией» [28, с. 104]. По мнению польских властей, доминирующим языком во всеобщей школе должен был быть польский. Что касается средней школы, то существование других средних школ помимо польских признавалось вредным для интересов государства [29, с. 157].

Как известно, к 1939 г. белорусские школы на территории Западной Беларуси практически исчезли. Ситуацию же в польских школах хорошо характеризовали слова одного ученика-белоруса: «На протяжении всего обучения во всеобщей школе я вообще ничего не услышал про свою деревню, про культуру и творчество народа, от крови и кости которого мы приходим. Никто ни слова не сообщил мне ни про историю белорусской нации, ни про ее литературу» [30, с. 113].

Анализ вышеприведенных фактов позволяет заключить, что польская средняя школа в соответствии с планами правящих кругов польского межвоенного государства должна была стать одним из инструментов реализации молодежной политики польских властей на территории Западной Беларуси. Планы ее образовательной и воспитательной деятельности были приспособлены к осуществлению на практике основных положений «государственного воспитания». Кроме того, в условиях западнобелорусских воеводств она становилась орудием полонизации местного молодого поколения и усиления польского влияния.

Тем не менее эффективность средней школы была снижена тем, что на всем протяжении межвоенного периода она не смогла охватить значительного числа местной молодежи. Абсолютному большинству западнобелорусской молодежи в силу социально-экономических причин средняя школа была просто недоступна. Ее обучение ограничивалось лишь первыми классами всеобщей школы, после чего оно выходило из-под влияния польской системы образования. В связи с этим власти вынуждены были искать другие пути осуществления своей молодежной политики, в первую очередь в рамках проправительственных общественных организаций. Впрочем, и в сфере внешкольной деятельности представители системы образования играли заметную роль.

Список цитируемых источников

1. *Siemakowicz, M.* Organizacja szkolnictwa dla ludności białoruskiej w II Rzeczypospolitej / M. Siemakowicz // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. — 1999. — № 12. — S. 80—132.
2. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921 — 1953 гг. : в 2 кн. — Минск : Беларус. навука, 2014. — Кн. 1. — 593 с.
3. *Добрынин, М. А.* История общеобразовательной школы и педагогической мысли Польши / М. А. Добрынин. — Брест : Альтернатива, 2008. — 340 с.
4. *Jakubiak, K.* Realizacja ideologii wychowawczej sanacji w praktyce szkolnej / K. Jakubiak // *Wychowania a polityka. Tradycje i współczesność* : pod. red. W. Wojdyły. — Toruń : Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1997. — S. 109—120.
5. *Drzewiecki, S.* Wychowanie obywatelsko-państwowe w nowych programach / S. Drzewiecki. — Warszawa : Gebethner i Wolff, 1932. — 68 s.
6. *Malczyk, W.* Zabytki Wilna a nauka historii w szkole powszechnej / W. Malczyk. — Wilno : Nakładem Dziennika Urzędowego K. O. S. Wileńskiego, 1936. — 119 s.
7. *Sanojca, K.* Obraz sąsiadów w szkolnictwie powszechnym Drugiej Rzeczypospolitej / K. Sanojca. — Wrocław : Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2003. — 166 s.
8. *Cichoracki, P.* Legenda i polityka. Kształtowanie się wizerunku marszałka Józefa Piłsudskiego w świadomości zbiorowej społeczeństwa polskiego w latach 1918—1939 / P. Cichoracki. — Kraków : Księgarnia Akademicka, 2005. — 412 s.
9. *Składanowski, H.* «Od uwielbienia do negacji» — Józef Piłsudski w podręcznikach historii w szkole powszechnej (podstawowej) w II RP i okresie stalinowskim PRL / H. Składanowski // *Wiadomości historyczne*. — 2006. — № 5. — S. 30—38.
10. *Dobaczewska, W.* Wileńszczyzna i Nowogródzczyzna w latach 1920 — 1937. Sprawy polityczne i społeczne / W. Dobaczewska. — Wilno : Nakładem Dziennika Urzędowego K. O. S. Wileńskiego, 1938. — 38 s.
11. *Jabłonowski, M.* Wobec zagrożenia wojną. Wojsko i gospodarka Drugiej Rzeczypospolitej w latach 1935—1939 / M. Jabłonowski. — Warszawa : ASPRA-JR, 2001. — 476 s.
12. *Bornholtz, T.* Przygotowanie do obrony kraju w programach przedmiotów humanistycznych szkoły ogólnokształcącej / T. Bornholtz // *Oświata i wychowanie*. — 1937. — № 9—10. — S. 806—813.
13. *Urbanowicz, B.* Przystosowanie wojskowe w edukacji szkolnej II Rzeczypospolitej / B. Urbanowicz // *Prace naukowe Akademii im. Jana Długosza w Częstochowie. Res Politiacae*. — 2014. — № VI. — S. 9—26.
14. *Śliwiński, F.* Gimnazjum państwowe w Pińsku w 1919—1930 r. Zarys monografii szkoły / F. Śliwiński. — Pińsk : Nakładem Gimnazjum państwowego, 1930. — 306 s.
15. *Posseltówna, I.* Orzanizacja życia szkolnego a wychowanie obywatelskie młodzieży / I. Posseltówna // *Oświata i wychowanie*. — 1934. — № 3—5. — S. 129—140.
16. Wskazania wychowawcze zawarte w rozporządzeniach i okólnikach Min. W. R. i O. P. Łódź: Wydawnictwo drukarni państwowej w Łodzi, 1935. — 166 s.
17. *Leżańska, W.* Społeczne i pedagogiczne funkcje nauczyciela szkoły średniej ogólnokształcącej w Drugiej Rzeczypospolitej / W. Leżańska. — Łódź : Wydawnictwo Uniwersytetu Łódzkiego, 1985. — 158 s.
18. Okólnik Kuratora Okręgu Szkolnego Wileńskiego z dn. 11 kwietnia 1932 r. do Dyrekcji szkół średnich ogólnokształcących, zawodowych i seminarjów nauczycielskich w Okręgu w sprawie organizacji uczniowskich // *Dziennik Urzędowy kuratorjum okręgu szkolnego Wileńskiego*. — 1932. — № 5. — S. 146—147.
19. Archiwum Akt Nowych. Z. 14. Ministerstwo Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego w Warszawie. Sign. 219. Wydział Wychowania — okólniki, zarządzenia wewnętrzne, pisma okólnie, skład osobowy.
20. *Majkowska, M.* Samorząd uczniowski / M. Majkowska // *Oświata i wychowanie*. — 1930. — № 3. — S. 221—227.
21. *Вабішчэвіч, А. М.* Асвета ў Заходняй Беларусі (1921—1939 гг.) / А. М. Вабішчэвіч. — Брест : Выд-ва БрДУ, 2004. — 116 с.
22. *Araszkiewicz, F.* Szkoła średnia ogólnokształcąca w Polsce 1918—1939 / F. Araszkiewicz. — Wrocław : Ossolineum, 1972. — 220 s.
23. Нарысы гісторыі Беларусі : у 2 ч. — Мінск : Беларусь, 1995. — Ч. 2. — 560 с.
24. *Szanter, S.* Smutnej nauczycielce — ku pocieszeniu (Artykuł dyskusyjny) / S. Szanter // *Kurjer Wileński*. — 1935. — 9 maja. — S. 5.
25. *Mironowicz, E.* Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego / E. Mironowicz. — Białystok : Wydawnictwo Uniwersyteckie Trans Humana, 2007. — 294 s.
26. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). — Ф. 242п. Оп. 1. Д. 435.
27. Гісторыя Беларусі : у 6 т. — Мінск : Экаперспектыва, 2006. — Т. 5. Беларусь у 1917—1945 гг. — 613 с.
28. *Mironowicz, E.* Białorusini, komunizm i władze sanacyjne w latach 1937—1939 / E. Mironowicz // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. — 2006. — № 25. — S. 102—115.
29. *Śleszyński, W.* Wychować lojalnych obywateli. Polityka oświatowa władz polskich na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej (1919—1939) / W. Śleszyński // *Wspólne dziedzictwo ziem północno-wschodnich dawnej Rzeczypospolitej*. — Białystok, 2007. — T. VI. — S. 151—158.
30. *Mauersberg, S.* Szkolnictwo powszechne dla mniejszości narodowych w Polsce w latach 1918—1939 / S. Mauersberg. — Wrocław : Ossolineum, 1968. — 230 s.

УДК 101.1:316

Е. А. Криштаносова

Учреждение образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск

МУЛЬТИКУЛЬТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВЕТСКИЙ И ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОДЫ

Исторически мультикультурализм в Беларуси последовательно реализовывался в каждом из его типов: в период Киевской Руси наблюдается ряд попыток мультикультурного сосуществования на основе равноправных бытовых интеракций групп-контактеров; в период ВКЛ сформировался спонтанный мультикультурализм; политика ассимиляции в период Речи Посполитой содействовала «надлому» в развитии институционализованного мультикультурализма; пребывания белорусских земель в составе Российской

империи повлекло за собой ликвидацию достижений институционализированного мультикультурализма, но и активизацию креативно-интеллектуального типа мультикультурализма. Советскому периоду культуры Беларуси также были свойственны специфические тенденции развития мультикультурализма, которые рассмотрим более подробно.

Революция 1917 г. породила всплеск протестных настроений населения Российской империи по отношению к политике царизма, и не в последнюю очередь — в национальном вопросе. Неудивительно, что значительное количество протестующих составили представители этнокультурных групп, имеющие свои ценностно-смысловые установки в этнокультурной сфере. Итогом протестных настроений в Беларуси стало объявление в марте 1918 г. Белорусской Народной Республики (БНР), а впоследствии — создание БССР. В апреле 1918 г. постановлением Народного секретариата БНР белорусский язык объявлен государственным [1, с. 45]. Следует подчеркнуть, что, получив право на самоопределение, белорусы не оставили в стороне языковые установки этнокультурных групп. Так, в феврале 1918 г. создан Белорусский национальный комисариат, где особое внимание уделялось вопросам этнокультурных групп, которые рассматривались при специальном отделе по делам национальных меньшинств и беженцев. В июле 1920 г. X Съезд РКП(б) принял резолюцию «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», в которой подчеркивалось необходимость внедрять родные языки этнокультурных групп в деятельность органов власти, судов, школ, прессы и т. д., а также создавать курсы по изучению белорусского языка. В целом действия властей по развитию мирных взаимоотношений, на наш взгляд, представляют собой практики современного мультикультурализма. Поэтому мы можем говорить не только о наличии спонтанного мультикультурализма в этот период, но и о выработке практики институционализированного. Основы мультикультурализма продолжила развивать «политика белорусизации». Помимо основных задач были поставлены дополнительные — развитие и поддержание равноправного сосуществования представителей этнокультурных групп.

Новая политика предполагала не идею моноэтнической изолированности белорусов и ассимиляции этнокультурных групп внутри республики, а, напротив, диалогические контакты на основе равноправия. На II Всебелорусском съезде Советов (1920) и на сессии ЦИК БССР (1921) было признано равноправие белорусского, русского, польского и еврейского языков, что дало возможность развития культуры на родном языке для основных культурных групп населения. Так, в 1927 г. в республике выходило 20 газет, из них 10 на белорусском языке, 3 — на русском, 2 — на польском, 1 — на литовском, 1 — на смешанном [2, с. 70].

Значимым фактором развития белорусской культуры этого периода как гармонической полиэтнической целостности являлась консолидация «верхов» и «низов» в целях плодотворного развития и сохранения белорусской культуры и бесконфликтного взаимодействия с другими этнокультурными группами. Мы убеждены, что именно сочетание спонтанных мультикультуралистических устремлений с законодательно оформленными, государственно поощряемыми действиями властей является необходимым условием для плодотворного развития мультикультурализма во всех областях культуры. Можно лишь предполагать, насколько позитивным был бы результат совместных усилий правящих и духовных элит, с одной стороны, и народных масс, представленных этнокультурными группами Беларуси, — с другой, в случае дальнейшего развития этих тенденций.

К 30-м гг. XX в. дискриминация этнокультурных групп стала распространяться и на другие сферы (уже не только на религиозную, но и на этнокультурную, и на политико-правовую).

Страну ждали тяжелые испытания как внутреннего, так и внешнего характера: уже с 30-х гг. XX в. наблюдается отход от мультикультуралистических устремлений, свойственных первому десятилетию советской власти. В это время происходят события, сыгравшие существенную роль в дальнейшем развитии не только белорусской культуры, но и культуры этнокультурных групп в составе БССР: начинаются массовые аресты деятелей культуры (М. Горецкий, М. Чарот, М. Довнар-Запольский, Тишка Гартны, В. Дубовка, Г. Березкин и др.). Начался жесткий процесс ассимиляции, которая затронула и титульное население, и остальные этнокультурные группы на территории Беларуси. В свете этого была разработана и внедрена новая модель развития для всех народов, которая предусматривала повсеместное использование русского языка и, как следствие, перестройку всей системы образования, науки, издательской сферы и в целом сферы культуры и искусства. Итогом этого периода является стирание всех национально-культурных границ как внутри всего государства, так и внутри республик и автономий. Со стороны власти делается попытка смены поликультурного «мы-образа» послереволюционных лет на «советский».

Однако на уровне общества модель построения толерантных отношений и в целом мультикультуралистская тенденция продолжала существовать, будучи подкреплена исторически выработанной ментальной установкой белорусского народа на межкультурные контакты. Можно даже предположить, что именно благодаря этой установке советская идеологема «братских народов» была с такой легкостью принята белорусами. Следует также учитывать огромную роль совместной борьбы народов СССР с фашистской агрессией. Об этом свидетельствуют данные о количестве представителей различных этнокультурных групп в белорусских партизанских отрядах в период Великой Отечественной войны: русские — 43%, украинцы — 14%, поляки — 11%, евреи — 8%, литовцы — 8%, татары — 6%, узбеки — 4%, азербайджанцы — 3%, представители других национальностей — 3% [3, с. 89].

В послевоенный период (1945—1991) для Беларуси в составе СССР были характерны: реальный подъем и стабилизация промышленности и сельского хозяйства, а значит, улучшение социальных условий жизни населения [4, с. 422]; развитие образования и научно-технической сферы [4, с. 423]; становление культурной сферы — создание и открытие театров, музеев, библиотек, кинотеатров и т. д.

В этот период Беларусь стала одной из самых развитых среди других республик СССР. Это явилось хорошим подспорьем для удовлетворения социальных ценностно-смысловых установок не только титульного этноса, но этнокультурных групп, не только уже проживающих, но и активно мигрирующих на территорию Беларуси. Если в 1959 г. все население Беларуси составляло 8 055 714 человек, то в 1970 г. — 9 002 338, в 1979 г. — 9 532 516, в 1989 г. — 10 151 806 (при этом процентное соотношение белорусов в среднем составляло 81%, а остальные 19% — этнокультурные группы) [5, с. 63].

Итак, за годы Великой Отечественной войны, а также в послевоенный период взаимодействия белорусов и этнокультурных групп не только продолжались, но и расширялись. Этому содействовало как совместное участие в военных действиях, так и последующие совместные восстановительные работы. Это способствовало утверждению единого «мы-образа». Представляется, впрочем, что «мы-образ» претерпел ряд изменений. Так, впервые в истории в нем появился отчетливый и распространенный на все слои населения надлокальный компонент, связанный с общей государственной идентичностью.

Причины его появления не только идеологические, но и социокультурные в широком смысле слова. Здесь сыграли свою роль: а) сплочение в борьбе против фашистских захватчиков и в послевоенном труде всех народов страны и создание на этой основе особого типа надлокального патриотизма; б) повышение уровня образования населения (так, в БССР на тот момент было 24 студента на 1 000 человек, что приближается к количеству студентов во Франции, Англии, Германии того периода), дающее достаточно высокий уровень не просто этнокультурной, но и государственной компетентности; в) единый характер образования во всех республиках СССР; г) система союзной прессы, проводящая единый идеологический курс, и т. д.

Можно отчасти согласиться с теми исследователями, которые с тревогой пишут о размытости национального самосознания, находя ее истоки в советской культуре. Однако это только одна сторона медали. Другая состоит в том, что, как показали исследования, в этот период этнический «мы-образ» в меньшей степени строится на языковом и, разумеется, религиозном аспектах, а имеет характер принадлежности к общности, очерчиваемой границами республики. Можно даже сказать, что именно в этот период складывается белорусская полиэтническая нация как мультикультурное сообщество, включающее все этнокультурные группы республики на основе равноправия и взаимодополнительности.

Что касается «унификации» белорусов как титульного этноса этого сообщества, то, безусловно, она имела место, как, впрочем, и всех других республик СССР, но, по нашему убеждению, главным образом все в том же языковом аспекте, по преимуществу в сфере образования. Так, если в Минске в 1945/1946 учебном году из двадцати восьми школ четырнадцать были белорусскоязычными, то в 1952/1953 учебном году из сорока шести школ — девять соответственно, а двадцать девять райцентров Западной Беларуси вообще не имели белорусскоязычных школ [6, с. 189]. Спустя 40 лет на белорусском языке преподавание проводилось только в 23,1% школ и 19,3% дошкольных детских учреждений (почти исключительно в сельской местности), а по количеству книг на национальном языке Беларусь занимала последнее место среди всех республик СССР [7, с. 71].

Однако уже с 60-х гг. XX в. мы можем наблюдать большое количество белорусскоязычных изданий (так, выпуск журналов составил в 1989 г. 134 наименования [6, с. 186]); интенсивно проводились дни литературы и искусства республик СССР в Беларуси и аналогичные дни и декады литературы и искусства Беларуси в других республиках. В свете такого культурного скачка связи белорусов как титульного этноса расширялись не только с точки зрения внутреннего состава населения БССР, но и в контексте диалога с другими народами СССР. Думается, причина доброжелательности этих контактов — наличие мультикультурных тенденций (в русле спонтанной модели), обусловленное веками жизни в полиэтническом социуме. Именно поэтому Беларусь уже до распада СССР превратилась в единственную республику, в которой реальными стали бесконфликтные интеракции, носившие характер сотрудничества.

Исторически сформировавшийся спонтанный мультикультурализм и мультикультурная идентичность содействовали укреплению единого «мы-образа» на территории нашей страны после распада СССР и не допускали ранжирования этнокультурных групп по национальному признаку в условиях жесточайшего экономического кризиса 90-х гг., как в других странах (где отсутствие единого мультикультурного «мы-образа» привело к многочисленным конфликтам, причинами которых были неприязнь и дискриминация). Распад СССР — дезинтеграция социально-политической, экономической и социокультурной сфер — вызвал разрушение большого «советского» «мы-образа» и, соответственно, «кризис идентичности». Это, в свою очередь, стало причиной изоляции народов и замыкания на собственной группе (группоцентризм, активный групповой фаворитизм), а значит, тщетность поисков пересечения ценностно-смысловых установок. Все вышеперечисленное стало причиной межгрупповой напряженности и многочисленных конфликтов (например, на Кавказе). В Беларуси ситуация имела противоположный характер по нескольким причинам: во-первых, в силу уже достигнутой сплоченности белорусов и этнокультурных групп (спонтанный мультикультурализм); во-вторых, культурной практики государства (институционализированный мультикультурализм).

Здесь необходимо отметить следующее: хотя, безусловно, в этой политике прослеживались яркие универсалистские тенденции, но, по нашему убеждению, благодаря белорусскому историческому опыту (развитый спонтанный мультикультурализм и наличие периода развития креативно-интеллектуального) советский универсализм проявился главным образом в языковой сфере, но не смог распространиться на иные ценностно-смысловые установки народов Беларуси. Позитивным фактором развития мультикультурализма мы считаем его институциональную закрепленность и осознание многокультурности как внешне советского пространства (надлокальный «мы-образ»), так и утверждение полиэтничности самого состава БССР (локально республиканский «мы-образ»).

Это подтверждают исследования, проведенные в 1989 г., которые показывают построенные мирных (толерантных) взаимоотношений белорусов и других этнокультурных групп республики. Так, 19,4% белорусов оценили отношения между представителями разных национальностей в своих коллективах как хорошие; 65,1% — как хорошие в целом, только 2,7% — как не совсем хорошие. В целом респонденты считали, что отношения к приезжим, мигрантам и другим носит доброжелательный характер (57%), а 20,5% отнеслись к этому факту нейтрально [4, с. 424]. Можно констатировать, что к 80—90-м гг. XX в. присущая белорусам толерантность в отношении к другим конфессиям, языкам, культурам и в целом к представителям других этнокультурных групп полностью сохранилась и даже углубилась. Можно с уверенностью сказать, что сегодня Беларусь представляет собой одно из немногих постсоветских государств, в котором мирное сосуществование с иными этнокультурными группами является не декларируемым фактом, а реальностью, которая существует как на государственном (институционализованный мультикультурализм), так и на бытовом (спонтанный мультикультурализм) уровнях. Это подтверждают данные социологического опроса. Население нашей республики отвергает обе крайности: неонацизм и великодержавный шовинизм, с одной стороны, и национализм в любых его формах — с другой (соответственно, наихудшим злом их считают 68,8 и 56%) [7, с. 84].

Можно сделать вывод, что ситуация в Беларуси — уникальное историко-культурное явление. Если в других странах мультикультурализм разрабатывался и внедрялся искусственно на уровне «верхов», то в Беларуси формировался на уровне «низов» естественным путем. Все последующие трансформации, происходящие в наиболее сложные для страны периоды, не смогли поколебать его. Мы полагаем, что причины этого — «мультикультурный» менталитет народов Беларуси и деятельность духовных элит. Именно это явилось преградой для универсалистских тенденций, в значительной мере свойственных советскому государству. Эта бивалентная обоснованность мультикультурализма в Беларуси, на наш взгляд, и сделала возможным зарождение его институционализованного типа в СССР и развитие в современный период.

Список цитируемых источников

1. *Калубовіч, А.* Крокі гісторыі. Даследаванні, артыкулы, успаміны / А. Калубовіч. — Мінск : Тесей, 1993. — 319 с.
2. *Каўка, А.* Перад усім — адданаць Беларусі / А. Каўка // Беларус. гіст. час. — 1993. — № 4. — С. 70—73.
3. *Нацыянальна-дэмаграфічныя працэсы на Беларусі / Беларус. дзярж. ун-т імя М. Танка, ФДД у Рэсп. Беларусь.* — Мінск : БДПУ, 1998. — 144 с.
4. *Беларусы: вытокі і этнічнае развіццё / В. К. Бандарчык [і інш.] ; НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы.* — Мінск : Беларус. навука, 2001. — 433 с.
5. *Население Республики Беларусь : стат. сб. / ред. Г. И. Гасюк.* — Мінск : М-во статистики и анализа Респ. Беларусь, 2007. — 814 с.
6. *Саракавік, І. А.* Беларусазнаўства / І. А. Саракавік. — Мінск : Веды, 1998. — 284 с.
7. *Дубянецкі, С. Ф.* Цяжкі шлях да адраджэння / С. Ф. Дубянецкі, Э. С. Дубянецкі. — Брэст : Изд-во С. Лаврова, 1997. — 89 с.

УДК 476:32

А. М. Куницкая

Учреждение образования «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия», Горки

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ ДЕКЛАРАЦИИ О ГОСУДАРСТВЕННОМ СУВЕРЕНИТЕТЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В 1990 ГОДУ КАК ОДИН ИЗ ЭТАПОВ СТАНОВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Декларация о государственном суверенитете Республики Беларусь от 27.07.1990 провозгласила «полный государственный суверенитет Республики Беларусь как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти республики в границах ее территории, правомочность ее законов, независимость республики во внешних отношениях» [1].

Возникновение и становление любого государства связано с определенными признаками, которыми должна обладать страна для придания ей статуса государства. Наиболее важными признаками государства являются суверенитет, территория, население и власть.

Государственный суверенитет — это присущее государству верховенство на своей территории и его независимость в сфере международных отношений [2, с. 102]. Суверенитетом обладает любое государство с момента его возникновения. Согласно ст. 3 Межамериканской конвенции о правах и обязанностях государств 1933 г. «политическое существование государства не зависит от его признания другими государствами. Даже еще не признанное государство имеет право защищать свою целостность и свою независимость, заботиться о своей сохранности и процветании и, как следствие этого, организоваться, как ему заблагорассудится, законодательствовать относительно своих интересов, управлять своими ведомствами и определять юрисдикцию и компетенцию своих судов» [3, с. 12].

Только то государство можно назвать суверенным, у которого наличествуют и политическое содержание (суверенитет факта), и правовая форма суверенитета (формальный суверенитет). Безусловно, возникновение независимого государства Республики Беларусь связано с получением страной суверенитета.

Так, изначально рассматривая данный аспект с точки зрения исторического метода исследования, устанавливаем, что в начале XX в. формирование белорусской нации оказалось незавершенным. Тенденция национальной консолидации и противоположная тенденция русификации белорусов развивались одновременно и находились в равновесии. Неопределенность самоидентификации народа создавала условия для различных вариантов его развития в зависимости от геополитической ситуации. Вхождение белорусского народа в состав СССР в 1922 г. в рамках БССР не избавило его от состояния национальной неопределенности.

Две названные выше противоположные тенденции продолжали развиваться в несколько модифицированном виде. С одной стороны, осуществлялась форсированная русификация и «советизация» белорусского общества. В ходе быстрой урбанизации разрушался очаг своеобразной народной культуры и белорусского языка в деревне. С другой стороны, сам факт существования БССР как бы фиксировал существование белорусского этноса на государственном уровне, воздействовал на самосознание и способствовал национально-государственной самоидентификации граждан. Эта противоречивость и двусмысленность этнического самосознания оказала существенное влияние на все социальные процессы в Беларуси [4, с. 36].

После окончания Великой Отечественной войны, отдавая должное роли белорусского и украинского народов в разгроме фашистской Германии, делегации этих двух субъектов федерации СССР были приглашены на Сан-Францисскую конференцию для создания одной из представительнейших международных организаций — Организации Объединенных Наций, участниками которой могли быть только суверенные государства. Этим были заложены основы суверенитета БССР, будущей Республики Беларусь.

В 60—80-е гг. XX в. («период застоя») в Советском Союзе по мере ослабления кремлевского единоцентризма проходила децентрализация государственного управления. В ряде регионов страны (Грузия, Узбекистан) сложились в значительной мере автономные своего рода «удельные княжества». Определенную самостоятельность получила и партийно-государственная номенклатура Беларуси.

Если в СССР в целом, как и во всех европейских странах советского блока, к середине 1980-х гг. общественная система исчерпала себя и оказалась в состоянии кризиса, то в Беларуси ситуация была иная. Здесь существовавшая система к этому времени не выработала свой ресурс, имела еще определенный запас прочности и могла какое-то время сравнительно эффективно функционировать.

Однако к началу горбачевской перестройки (1985) в Беларуси, в отличие от других стран СССР, прежняя система себя не исчерпала. Общество не созрело для реформ. Поэтому демократизация и реформирование начались здесь не естественно, не органически, на собственной основе, а были привнесены из Москвы. Произошел импорт реформ. Если для коммунистических стран Центральной Европы, республик Балтии достаточно было слабого сигнала из столицы СССР, чтобы прежние режимы быстро развалились, то в Беларуси, наоборот, общество всячески сопротивлялось изменениям из Центра. Большинство населения Беларуси считало, что трансформация социализма произошла не в результате внутреннего кризиса, а вследствие действий неких политических сил («демократов», Горбачева, БНФ), что рынок и демократия искусственно привнесены с Запада с помощью его агентов и здесь насильственно внедряются. У людей происходило психологическое отторжение новых форм общественного устройства.

Тем не менее белорусская партийно-государственная элита оказалась в сложном положении. С одной стороны, бурные демократические процессы в Москве и в ряде других регионов СССР, официально провозглашенный ЦК КПСС курс на реформы вынуждали всегда послушное руководство республики как-то реагировать. Одновременно нарастало давление оппозиции. БНФ, несмотря на свою относительную слабость, все больше становился законодателем политической моды в Беларуси. Все идеи, становившиеся предметом общественного обсуждения, дававшие импульс реформам, инициировались именно Фронтом. Под влиянием этих обстоятельств партийное руководство нехотя было вынуждено двигаться в русле начавшихся событий. В начале 1990 г. Верховный Совет БССР 11-го созыва, избранный еще в доперестроечные времена, принял закон о языке, который предусматривал постепенное введение белорусского языка в качестве государственного [5, с. 7].

Характерной особенностью этих процессов на рубеже 1980—90-х гг. являлась предельная осторожность Минска при рассмотрении вопроса о суверенизации республики и проведении самостоятельной политики.

В 1990 г. в СССР начался «парад суверенитетов». Союзные республики одна за другой принимали официальные акты о суверенитете. И лишь когда такой документ приняла Россия, Верховный Совет Беларуси, по предложению его председателя Н. Дементя, 27 июля 1990 г. принял Декларацию о государственном суверенитете БССР на белорусском языке.

Участники тех событий считают, что белорусская декларация была данью времени, логичным продолжением процессов, которые уже вовсю шли на советских просторах.

«Мы свою декларацию приняли последними! Хотя фракция партии БНФ предлагала принять документ о независимости гораздо раньше, но предложение отвергали, — вспоминает Станислав Шушкевич, тогда заместитель председателя Верховного совета Белорусской ССР. А тут сам ЦК компартии выступил с предложением, для меня это было неожиданностью. Время пришло, вот и они решили показать себя радетьелями за национальную идею... Правда, их декларация напоминала набор воззваний, как к 1 Мая или ноябрьским праздникам, и состояла аж из 38-ми пунктов». В результате «за» проголосовали 229 депутатов из 232 зарегистрировавшихся, «против» и воздержавшихся не было. Трое не голосовали.

Декларация торжественно провозглашала «полный государственный суверенитет Белорусской ССР как верховенство, самостоятельность и полноту государственной власти республики в границах ее территории, ...независимость республики во внешних отношениях». В документе заявлялось о верховенстве Конституции и законов Беларуси на территории республики, а земля, ее недра объявлялись собственностью белорусского народа. Образовывался Национальный банк, организовывалась собственная налоговая и таможенная служба. Статья 10 предусматривала право Беларуси на собственные вооруженные силы, органы безопасности. Воинские формирования, военные базы других государств могли быть размещены на территории республики только с согласия Верховного Совета. «Белорусская ССР ставит целью сделать свою территорию безъядерной зоной, а республику — нейтральным государством», — говорилось в этой статье [1, с. 6].

Таким образом, принятая 27 июля 1990 г. Декларация о государственном суверенитете БССР заложила основу самоопределения белорусской нации, поступательного процесса восстановления собственной государственности.

Безусловно, принятие Верховным Советом декларации было чрезвычайно важным рубежом на пути к независимости. День 27 июля был объявлен государственным праздником. Но лишь последующие события, произошедшие в августе 1991 г. («путч» ГКЧП), окончательно разрешили проблему независимости страны, когда начался быстрый распад СССР.

По примеру других союзных республик Верховный Совет Беларуси придает Декларации о государственном суверенитете статус конституционного закона. Было принято специальное постановление, провозглашающее экономическую и политическую независимость Беларуси. Поменяли название государства: вместо БССР — Республика Беларусь. Ввели новую символику (бело-красно-белый флаг и герб «Погоня»), против которых до тех пор правящая номенклатура вела непримиримую борьбу, объявляя их фашистскими. Была приостановлена деятельность КПБ-КПСС. Вместо Н. Дементя Председателем Президиума Верховного Совета был избран демократ С. Шушкевич.

2 октября 1991 г. теперь уже Верховный Совет Республики Беларусь принял заявление «О принципах внешнеполитической деятельности Республики Беларусь», в котором подтверждалась приверженность Беларуси принципам Устава ООН, Всеобщей декларации о правах человека 1948 г., а также всем международным обязательствам Беларуси.

В заявлении выражалась готовность присоединиться к факультативному протоколу Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. и признать компетенцию Комиссии по правам человека. Кроме того, заявлялось о намерении Беларуси подписать Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ), принять на себя обязательства по документам в рамках этой организации.

В то же время отношения с ведущими государствами мира не могли полноценно развиваться параллельно с находившимся в стадии распада СССР. Несмотря на очевидные признаки его ослабления, зарубежные государства не решались пойти на установление прямых отношений с республиками СССР.

Осторожная, выжидательная позиция международного сообщества по отношению к внутривнутриполитическим процессам на пространстве СССР не позволяла Беларуси полностью задействовать потенциал международного сотрудничества для решения социально-экономических и экологических проблем.

В октябре 1991 г. в ходе выступления на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр П. Кравченко изложил приоритеты белорусской внешней политики. Центральное место среди них заняло обеспечение реального суверенитета и независимости Беларуси.

Однако окончательной точкой в процедуре признания суверенитета Беларуси необходимо назвать окончательный распад Советского Союза — в декабре 1991 г., когда в условиях нарастающего социально-экономического и общественно-политического кризиса важнейшей задачей руководства и внешнеполитического ведомства страны стало обеспечение быстрого и необратимого международно-правового признания суверенитета страны.

В течение 1991 — начале 1992 г. независимость Беларуси была полностью де-юре признана международным сообществом. В число первых государств, которые признали Беларусь еще до отставки М. Горбачева и подписания Алмаатинской декларации, вошли Турция (16 декабря 1991 г.), Швеция (19 декабря 1991 г.), Монголия (20 декабря 1991 г.). 27 декабря 1991 г. суверенитет Беларуси был признан США. До конца года Беларусь признают 54 государства мира, 2 из которых установили с Беларусью дипломатические отношения (США и Украина).

Признание протекало по нарастающей и интенсифицировалось в 1992 г. Международно-правовое признание сопредельными странами являлось первым шагом по формированию пояса добрососедства по периметру собственных границ.

Признание суверенитета Беларуси не всегда шло параллельно с установлением дипломатических отношений. Из 129 государств, признавших Республику Беларусь в период 1991—1994 гг., дипломатические отношения с белорусским государством установило только 102. В основном дипотношения устанавливались путём подписания соответствующего соглашения или протокола в ходе визитов в страну глав зарубежных внешнеполитических ведомств и министра иностранных дел Беларуси за рубежом. С некоторыми государствами дипотношения были установлены через обмен дипломатическими нотами.

Процесс признания независимости Беларуси можно разделить на несколько этапов:

- 1) вхождение БССР в состав СССР, когда были сохранены частично отдельные вопросы самостоятельности республики;
- 2) признание за БССР частичной международной правосубъектности (вхождение в состав ООН);
- 3) политика перестройки и нарастание центробежных тенденций на союзном пространстве, формирование предусловий для выхода Беларуси из состава СССР;
- 4) объявление Декларации о государственном суверенитете БССР, начало широкой общественно-политической дискуссии по вопросу восстановления белорусской государственности и независимости;
- 5) перерастание центробежных тенденций на союзном пространстве в необратимый процесс, активизация усилий союзных республик по международному признанию их независимости, документальное оформление дезинтеграции СССР и появления молодых независимых государств, в том числе Республики Беларусь.

Список цитируемых источников

1. Декларация Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. — 1991. — № 31. — С. 5—8.
2. Энциклопедический словарь экономики и права. — М.: Науч. кн., 2005. — 736 с.
3. Моисеев, А. А. Суверенитет государства в современном мире: международно-правовые аспекты / А. А. Моисеев. — М.: Науч. кн., 2006. — 246 с.
4. Камышев, Ю. К. Международное признание Республики Беларусь / Ю. К. Камышев // Журн. междунар. права и междунар. отношений. — 2005. — № 1. — С. 6—10.
5. Карбалевиц, О. Политическое развитие и национально-государственные интересы Республики Беларусь (1988—1996 гг.) / О. Карбалевиц // Информ.-аналит. бюл. — 1999. — № 1 (6). — С. 24—48.

УДК 930.1

А. У. Літвінскі

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

НАЦЫЯНАЛЬНА-ГІСТАРЫЧНАЯ САМАСВЯДОМАСЦЬ ЯК ФАКТАР СТАНАЎЛЕННЯ БЕЛАРУСКАЙ ДЗЯРЖАЎНАСЦІ

У артыкуле, які прапануецца зацікаўленаму чытачу, аналізуецца ўплыў нацыянальна-гістарычнай самасвядомасці насельніцтва Беларусі на працэс станаўлення беларускай дзяржаўнасці. Асобныя аспекты гэтай праблемы намі разглядаліся раней [1—3], і матэрыялы папярэдніх работ выкарыстаны ў дадзеным артыкуле, аднак адностраваная ў яго назве праблематыка, па вялікім рахунку, даследуецца аўтарам ўпершыню. Зразумела, фармат артыкула дазваляе разгледзець навуковую праблему толькі збольшага, шляхам тэзіснага паказу асноўных тэндэнцый эвалюцыі нацыянальна-гістарычнай самасвядомасці ў кантэксце беларускага дзяржаўнага будаўніцтва. Паколькі падрыхтоўка работы прымеркавана да маючага адбыцця Круглага стала, мы палічылі дапушчальным у пэўнай ступені адыйсці ад стылістыкі акадэмізму і зрабіць ухіл, хаця і не надта значны, у бок эсэістыкі, якая, на наш суб'ектыўны погляд, больш адпавядае фармату Круглага стала з яго паліфанічнасцю і дыскусійнасцю.

Мабыць, варта пачаць з таго, што працэс фарміравання беларускай нацыі быў надзвычай складаным і супярэчлівым. Фактычна адмоўныя і станоўчыя фактары ўраўнаважвалі адзін аднаго. Да першых аднясем непаўнату сацыяльнай структуры беларускага этнасу па стане на пачатак і нават на сярэдзінку XIX ст., яго «плебейскі» характар [4, с. 75—76], рэлігійна-канфесійны раскол беларускай

этнічнай супольнасці, нізкі ўзровень этнічнай самасвядомасці беларусаў (нават сучасны аўтаэтнонім прыжываўся даволі цяжка, сярод іх успомнім пра вядомы феномен «тутэйшасці»), актыўная палітыка русіфікацыі з боку ўладаў Расійскай імперыі, недастатковы ўзровень развіцця адукацыйнай сістэмы. Да другіх — умацаванне сацыяльна-эканамічных сувязей паміж рэгіёнамі Беларусі, паступовае павышэнне агульнага ўзроўню адукаванасці насельніцтва, развіццё беларусазнаўства, адраджэнне беларускай літаратурнай мовы (што важна адзначыць, на аснове жывой гутарковай мовы, а не на аснове мовы пісьмовых крыніц эпохі ВКЛ) і, адпаведным чынам, пачатак выдання беларускай мастацкай літаратуры і перыядычнага друку (з 17 кастрычніка 1905 г., ад Маніфеста Мікалая II — на легальных падставах), пачатак фарміравання беларускай нацыянальнай эліты, які найбольш адметна выявіўся ў факце ўзнікнення Беларускай сацыялістычнай грамады — першай акрэслена нацыянальнай беларускай палітычнай партыі.

Сярод станоўчых фактараў асобна трэба вылучыць развіццё беларусазнаўства. І тут можна паразважаць пра адзін з парадксаў беларускай гісторыі. Вядома, што стваральнікі, так бы мовіць, «класічнай» традыцыі беларусістыкі, навуковая дзейнасць якіх прыпадае на другую палову XIX — пачатак XX ст. і амаль сінхранізуецца з найбольш інтэнсіўнай фазай фарміравання беларускай нацыі, зусім не былі беларускімі нацыянальнымі дзеячамі і, за рэдкім выключэннем, з’яўляліся прыхільнікамі ідэалогіі заходнерусізму, хаця з гэтай нагоды наўрад ці будзе карэктным адмаўляць ім у прыхільнасці да беларускасці, хаця гэтая беларускасць мела своеасаблівы «этнаграфічна-краёвы характар», у значнай ступені адрозны ад беларускай нацыянальнай ідэі, і таму, на думку А. І. Цвікевіча, даволі супярэчлівы і непаслядоўны [5, с. 289—294, 322—329] (тут варта назваць такія імёны, як І. І. Насовіч, П. В. Шэйн, Е. Р. Раманаў, М. Я. Нікіфароўскі, У. К. Стукаліч, А. П. Сапуноў, і, зразумела, Я. Ф. Карскі).

Аднак іх працы напоўніцу былі выкарыстаны якраз дзеячамі беларускага нацыянальнага руху ў рэчышчы канструявання нацыянальнай ідэі, паколькі з гэтых прац браліся аргументы на карысць самастойнага існавання беларускага народа як аб’ектыўнай рэальнасці. Складваецца ўражанне, што першапачаткова гэтыя дзеячы не ў дастатковай ступені выкарысталі навукова-гістарычны патэнцыял у працэсе дадзенага канструявання. Гэта можна растлумачыць, па-першае, тым, што не на ўсё ставала часу і сіл. Адносна нешматлікія, да таго ж ва ўмовах і маштабах Расійскай імперыі малаўплывовыя, яны вымушаны былі перш за ўсё сцвердзіць існаванне беларусаў у якасці этнічнай супольнасці «тут і зараз», і сацыяльна-палітычная актуальнасць для іх была важнейшай за гістарычную рэтраспекцыю.

Па-другое, гіпертрафаваная сацыяльнасць іх дзейнасці прадугледжвала зварот да звычайнага беларускага мужыка як да магчымай апоры беларускага руху. Можна пагадзіцца з думкай А. І. Цвікевіча, калі ён зазначаў, што рэчаіснасць Расійскай імперыі ў канцы XIX — пачатку XX ст. літаральна прымушала людзей, якія фарміравалі і адстойвалі беларускую нацыянальную ідэю, шукаць падтрымкі ў бядняцка-серадняцкіх колах тутэйшага сялянства, паколькі нават больш зможнае сялянства прыязна паглядала ў бок заходнерусізму, чакаючы даброт ад царскага ўраду [5, с. 313—314] (пра апошняе, як вядома, яскрава сведчылі вынікі выбараў у дзяржаўныя думы па беларускіх губернях). Наогул, як лічыць В. В. Акудовіч, «ніводнага з базавых складнікаў (шматлікі сярэдні клас, капіталізацыя і ўрбанізацыя), неабходных для паўстання Нацыі, Беларусь ні ў XIX, ні на пачатку XX стагоддзя не мела» [6, с. 40]. Таму нараканні на тое, што беларускі рух быў занадта сацыялістычным і не змог плённа выкарыстаць патэнцыял больш зможных пластоў грамадства, якія раз-пораз выказваюцца ў дыскусіі па праблемах беларускага нацыянальнага будаўніцтва, на нашу думку, не маюць належных падстаў (хаця аўтар гэтых радкоў калісьці прытрымліваўся падобнай пазіцыі). Паколькі нацыянальная агітацыя адрасавалася гарапашнаму сялянству, даводзілася ўлічваць вельмі нізкі ўзровень гістарычных ведаў гэтай сацыяльнай групы, амаль абсалютную незапатрабаванасць ёю навукова-гістарычнага дыскурсу, нават пэўны антыгістарызм яе ментальнасці, і дадзеная акалічнасць не рабіла надзённай справу распрацоўкі ўласна беларускай канцэпцыі гісторыі Бацькаўшчыны.

Да таго ж вядомы футурызм сацыялістычнай ідэалогіі, яе скіраванасць у будучыню, нават часам з эсхаталагічным адценнем — не самае лепшае жыццёнае гістарычнай свядомасці і самасвядомасці. Такі падыход арыентаваў на тое, што мінулае, якое ацэньвалася гіперкрытычна (разам з сучаснасцю), мае каштоўнасць непараўнальна меншую, чым меркаваная амаль што ідэальная будучыня.

Была яшчэ і ўласна гістарыяграфічная прычына, што стрымлівала развіццё беларускай нацыянальна-гістарычнай самасвядомасці. Прычына гэтая выглядала як быццам нейкае зачараванае кола: відавочны брак навукова-гістарычнай кваліфікацыі беларускіх адраджэнцаў перашкаджаў ім стварыць нацыянальную канцэпцыю мінуўшчыны і нацыянальную навукова-гістарычную школу, а без існавання і таго, і другога немагчыма было павысіць адпаведную кваліфікацыю да хаця б адносна высокага ўзроўню. У сваю чаргу, без асэнсавання гістарычнага мінулага роднага краю падмурак адраджэння стаўся б вельмі хісткім.

У такіх умовах дзеячам беларускага нацыянальнага руху не заставалася іншага выйсця, як спачатку спрабаваць адаптаваць існуючыя канцэпцыі для патрэбаў гэтага самага руху. Не скажаць, каб па стане на пачатак XX ст. поле беларускай мінуўшчыны не было кранутае плугам навукова-гістарычных даследаванняў. Асабліва актыўна, пачынаючы з 60-х гг. XX ст., шчыравалі на ім прадстаўнікі ўжо згаданага вышэй заходнерусізму [7, с. 173—206]. Тэзіс аб беларусах як аб частцы адзінага рускага народа, грунтаваўся ў заходнерусістаў на прызнанні праваслаўя ў якасці духоўнай асновы ўсходнеславянскага адзінства. Зразумела, што ўсё каталіцкае і польскае ацэньвалася пры такім падыходзе адмоўна. Не ў апошнюю чаргу гэта тлумачыцца тым, што заходнерусізм узнік як ідэалогія своеасаблівага

сацыяльнага і канфесійнага рэваншу. Шмат хто з актыўных заходнерусістаў першага пакалення паходзіў з уніяцкага асяроддзя. Яны добра ведалі аб «плебейскім», у пэўнай ступені, прыніжаным статусе грэка-каталіцкай царквы ў параўнанні з рымска-каталіцкай, статусе, які трывала захоўваўся амаль на працягу ўсяго існавання Рэчы Паспалітай.

Праўда, меркаванні дваранскай салідарнасці для царызму доўгі час былі важнейшымі за вернападданніцтва разначынаў-«западнароссоў», паколькі польскае памешчыцкае землеўладанне істотна не абмяжоўвалася, а пасады займалі дваране, якія з'яўляліся ўраджэнцамі ўнутраных губерняў Расіі [5, с. 278—284]. І толькі ў перыяд актыўнай палітычнай дзейнасці П. А. Стальпіна — рашучага прыхільніка русіфікацыі Беларусі — кіруючыя колы імперыі павярнуліся тварам да ідэйных нашчадкаў безумоўнага лідара заходнерусіскай навукова-гістарычнай школы М. В. Каяловіча [5, с. 299—310].

У пачатку XX ст. заходнерусізм, які з'ява гістарычнай навукі, паступова, нягледзячы на падтрымку з боку ўрада імператарскай Расіі, стаў здаваць свае пазіцыі ў параўнанні з расійскай гістарыяграфіяй ліберальнага кірунку. Аднак у якасці фактара гістарычнай самасвядомасці і этнакультурнай самаідэнтыфікацыі беларусаў дадзеная плынь грамадска-палітычнай і навукова-гістарычнай думкі аказала відавочны ўплыў на далейшае гістарычнае развіццё Беларусі. Можна пагадзіцца са сцвярджэннем польскіх гісторыкаў беларускага этнічнага паходжання А. Латышонка і Я. Мірановіча пра тое, што на працягу XIX—XX стст. адбылася цывілізацыйная пераарыентацыя Беларусі з Польшчы на Расію [8, с. 14—15]. Безумоўна, заходнерусізм як ідэалогія, увасобленая ў гістарычных працах, спрычыніўся да гэтага працэсу.

На думку І. А. Марзалюка, заходнерусізм, больш у якасці навукова-гістарычнай школы, чым палітычнай ідэалогіі, істотным чынам паўплываў на стварэнне своеасаблівай беларускай гістарыяграфічнай, а ў пэўным сэнсе, і культурна-аксіялагічнай «матрыцы» [4, с. 16—37, 82], паколькі, хаця «адны заходнерусы цалкам адмаўлялі якую б там ні было беларускую самабытнасць, другія ж горача да яе апеявалі, публікуючы крыніцы па беларускай гісторыі, збіраючы беларускі фальклор, вывучаючы і духоўную, і матэрыяльную культуру беларускага народа» [4, с. 37]. У чымсьці падобную ацэнку дзейнасці М. В. Каяловіча і яго паслядоўнікаў мы можам знайсці ў А. Латышонка, які не бачыць падстаў для адназначна адмоўнай ацэнкі заходнерусізму [9, с. 403—404]. Тут неабходна хіба што дадаць: беларускія адраджэнцы ставіліся да заходнерусіскай спадчыны досыць прагматычна, выбіраючы з яе толькі тое, што адпавядала інтарэсам нацыянальнага будаўніцтва. Да «палітычнага» ж заходнерусізму пачатку XX ст. яны ставіліся адмоўна.

Калі называць імя гісторыка з адпаведнай акадэмічнай адукацыяй, які ў найбольшай ступені паўплываў на фарміраванне нацыянальнай гістарыяграфіі, то, на наш погляд, гэта выхаванец кіеўскай навукова-гістарычнай школы М. В. Доўнар-Запольскі. Калі характарызаваць яго адносіны да заходнерусізму, то, вобразна кажучы, ён быў не супраць гэтага кірунку, а быццам бы ў баку ад яго. Ва ўсялякім разе, Д. У. Караў упэўнена далучае М. В. Доўнар-Запольскага да тых гісторыкаў, якія персаніфікавалі сабою ліберальны і дэмакратычны кірункі ў беларускай гістарыяграфіі, якая толькі нараджалася [7, с. 219—230] (пры ўсёй умоўнасці падзелу на гісторыкаў-лібералаў і гісторыкаў-дэмакратаў, паколькі паміж гэтымі кірункамі, на нашу думку, існаваў своеасаблівы ідэйна-метадалагічны кантынум).

Мабыць, не наша задача асвятляць у дадзеным артыкуле ўсе бакі багатай творчай спадчыны М. В. Доўнар-Запольскага. Усё ж неабходна адзначыць, што гісторык не сумняваўся ў гістарычнай суб'ектнасці беларускага народа. Больш за тое, менавіта М. В. Доўнар-Запольскі, па меркаванні І. А. Марзалюка, стаўся фактычна пачынальнікам канцэпцыі беларускага аўтахтанізму [4, с. 37—39]. З дадзенага пастулату па-свойму лагічна вынікаў тэзіс аб праве беларусаў, старажытных насельнікаў гэтай зямлі, самім вырашаць свой лёс, у тым ліку палітычнымі сродкамі, шляхам стварэння ўласнай дзяржавы. І сапраўды, гісторык не застаўся ў баку ад працэсу станаўлення беларускай дзяржаўнасці. У каламутным віры бурлівых падзей 1917—1922 гг. (ад Лютаўскай рэвалюцыі ў Расіі да ўтварэння СССР) знайшоўся месца для выдання яго брашуры «Асновы дзяржаўнасці Беларусі», якая пабачыла свет у 1919 г. [10]. Выданне гэтае мела мэтай пераканаць перш за ўсё еўрапейскую грамадскасць у неабходнасці рэалізацыі неад'емнага права народа Беларусі на палітычнае самавызначэнне і стварэнне ўласнай дзяржавы. Нездарма ж яно было адрасаванае ўдзельнікам Версальскай мірнай канферэнцыі [7, с. 250].

У дадзенай брашурцы М. В. Доўнар-Запольскі ў сціслай, амаль лозунгавай форме выклаў свае навукова-гістарычныя ідэі. З яго экскурсу ў мінулае вынікалі права беларусаў і неабходнасць далучыцца да палітычнай сям'і народаў Еўропы. Іншая справа, што гэты заклік быў праігнараваны ўдзельнікамі канферэнцыі. Аднак сама спроба сцвердзіць такім чынам беларускую дзяржаўнасць заслугоўвае ўвагі. Яна сведчыць пра тое, што дзеячы беларускага нацыянальнага руху пачалі разумець неабходнасць звароту да мінулага як адной з асноў беларускай дзяржаўнасці.

Пэўнай праблемай беларускай гістарыяграфіі, якая толькі што нарадзілася, да пары да часу была адарванасць яе ад шырокіх пластоў грамадства, якім адрасавалася нацыянальная агітацыя. Першым, хто на беларускай мове выклаў уласныя гістарычныя погляды ў навукова-папулярнай форме, быў вядомы беларускі палітык В. Ю. Ластоўскі. Гаворка, безумоўна, ідзе пра яго «Кароткую гісторыю Беларусі» [11]. У кантэксце, што нас цікавіць, важна падкрэсліць менавіта імкненне аўтара не толькі данесці да народа гістарычныя веды, хаця б на элементарным узроўні, але і паступовае выспяванне разумення актуальнай неабходнасці забяспечыць беларускі нацыянальны рух аргументацыяй навукова-гістарычнага характару.

Гэтае разуменне літаральна выпінаецца фактычна з першых радкоў твора: «Гісторыя — гэта фундамент, на каторым будзеца жыццё народа. І нам, каб адбудаваць сваё жыццё, трэба пачынаць з фундаменту, каб будынак быў моцны. А фундамент у нас важны, гісторыя наша багатая: “жатва многа, а делатель мало”, як кажа Святое Пісанне. Поле пустое, бо сыны Бацькаўшчыны нашай к чужым у найміты пайшлі, чужыя гумны і засекі багацяць» [11, с. 5] (*тут і ніжэй у тэксце цытаты пададзеныя ў адпаведнасці з нормамі сучаснага акадэмічнага беларускага правапісу — А. Л.*). Выбачаемся перад чытачом за такое адносна працяглае цытаванне, але надта ўжо ёмістая ў гэтым выпадку думка В. Ю. Ластоўскага. Па сутнасці, тут маецца абгрунтаванне грамадска-палітычнай і нацыянальна-культурнай важнасці гістарычных ведаў, няхай і выкладзенае досыць банальна.

Твор гэты мае характар навуковай кампіляцыі, гэткага «гіперрэферату», калі можна так выказацца. Разумеў дадзеную акалічнасць і сам аўтар, у чым не саромеўся прызнацца перад чытачамі [11, с. 5]. Аднак як своеасаблівы канспект па гісторыі, дадзены твор якраз быў прыдатны для гістарычнай адукацыі народа (зразумела, з улікам тых даволі абмежаваных магчымасцей, якімі валодалі беларускія адраджэнцы).

Гэтакасама В. Ю. Ластоўскі разумеў і мабілізацыйнае значэнне гістарычных ведаў. Нездарма ж асноўны тэкст працы аздоблены заключнай думкай наступнага зместу: «Васьмімільённы беларускі народ прачнецца з векавечнага сну і сам пойдзе за культурнай дабычай, сам збудзе сабе лепшую долю і не як загнаны пасынак, але як родны і роўны брат засядзе калісь у сям’і славянскай» [11, с. 103]. І хаця з кантэксту вынікае, што размова тут вядзецца пра выданне «Нашай нівы», наўрад ці будзе занадта смелым меркаваць, што гэтую веру падзяляў аўтар і яна, уласна кажучы, натхніла яго на стварэнне «Кароткай гісторыі Беларусі».

Такім чынам, прэдадзень беларускай дзяржаўнасці маладая беларуская гістарыяграфія сустрэла не з пустымі рукамі. Яе намаганнямі Беларусь з зямлі паміж Расіяй і Польшчай, на якую прэтэндавалі азначаныя тут бакі, не пытаючыся думкі беларусаў, паступова ператваралася ў самастойны аб’ект вывучэння метадамі гістарычнай навукі, а ад вылучэння яе ў аб’ект гісторыі паступова пралегла адна з дарог да палітычнай суб’ектнасці. Праўда, і перабольшваць значэнне гэтага фактару ў працэсе станаўлення беларускай дзяржаўнасці не даводзіцца. Сапраўды, наіўна было б спадзявацца, што лідары дзяржаў Антанты, азнаёміўшыся са згаданай вышэй брашурай М. В. Доўнар-Запольскага [10], выдадзенай на шасці мовах, раптам расчуляцца і прызнаюць-такі права беларусаў на самавызначэнне і на стварэнне ўласнай дзяржавы. Рэчаіснасць, як вядома, сталася значна больш жорсткай і трагічнай. Як здзек над лепшымі памкненнямі барацьбітоў за дзяржаўнасць Беларусі выглядае Рыжская мірная дамова 18 сакавіка 1921 г. паміж ужо Савецкай Расіяй і адроджанай Польшчай. Можна тут бачыць праяву адноснай слабасці беларускага руху. Але вось жа ўкраінскі нацыянальны рух быў прыкметна мацнейшым за беларускі (як, дарэчы, і мацнейшай за беларускую была ўкраінская гістарыяграфія [7, с. 253—257]), аднак і Украіна была падзелена.

І ўсё ж намаганні беларускіх гісторыкаў давалі плён, няхай сабе і апасродкавана. Пастуляванне этнаграфічнага адзінства беларускага народа і адзінага гістарычнага лёсу, якое праходзіць праз творы М. В. Доўнар-Запольскага [10; 12] (апошняя праца не была выдадзена пры жыцці гісторыка, аднак яе змест вынікаў з яго папярэдніх, апублікаваных і вядомых дасведчанаму чытачу прац), В. Ю. Ластоўскага [11], У. М. Ігнатюскага [13] (гэтая праца выкарыстоўвалася фактычна ў якасці падручніка ў спрыяльныя гады беларусізацыі), І. Абдзіраловіча [14] паступова рабілася фактам грамадскай свядомасці, з якім трэба было лічыцца нават тым, хто не адчуваў аніякіх сантыментаў да Беларусі, імкнучыся яе выкарыстоўваць як поле для геапалітычных гульняў. Без такога пастулявання і стварэння гістарычнага вобразу Беларусі бадай што былі б немагчымымі ўзбуйненні БССР у 1924 і 1926 гг. (ва ўсялякім разе, малаверагоднымі). І мы павінны быць удзячнымі першым беларускім гісторыкам, якія, няхай сабе памыляючыся, часам спрашчаючы у сваіх работах рэчаіснасць мінуўшчыны, тым не менш уносілі важкі ўклад у працэс станаўлення беларускай дзяржаўнасці, фарміруючы нацыянальна-гістарычную самасвядомасць.

Спіс цытаваных крыніц

1. *Літвінскі, А. В.* Историческое самосознание современных белорусов: варианты ценностной ориентации / А. В. Литвинский // Социальная синергетика и актуальная наука. Россия в глобальном мире: вызовы и перспективы развития : Междунар. сб. науч. тр. / под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. В. П. Шалаева. — Йошкар-Ола : Мар. гос. техн. ун-т, 2011. — С. 298—306.
2. *Літвінскі, А. У.* Працэс трансфармацыі нацыянальна-гістарычнай самасвядомасці беларусаў у канцы XX — пачатку XXI стагоддзя / А. У. Літвінскі // Трансформационные процессы в белорусском обществе в Новейшее время. Дню независимости Республики Беларусь посвящается : материалы Респ. науч.-практ. конф., 18 апр. 2014 г., г. Барановичи, Респ. Беларусь / редкол.: А. В. Никишова (гл. ред.), А. В. Демидович (отв. ред.) [и др.]. — Барановичи : РИО БарГУ, 2014. — С. 13—18.
3. *Літвінскі, А. У.* Заходнерусізм як фактар гістарычнай самасвядомасці беларусаў / А. У. Літвінскі // Специалист XXI века : материалы III Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 10-летию со дня образования ун-та, 4—5 июня 2014 г., г. Барановичи, Респ. Беларусь : в 2 кн. / редкол.: А. В. Никишова (гл. ред.), А. А. Селезнёв (отв. ред.) [и др.]. — Барановичи : РИО БарГУ. — Кн. 1. — С. 22—26.
4. *Марзалюк, І. А.* Міфы «адраджэнскай» гістарыяграфіі Беларусі : манаграфія / І. А. Марзалюк. — Магілёў : МДУ імя А. А. Куляшова, 2009. — 148 с.
5. *Цвікевіч, А.* «Западнарусізм»: нарысы з гісторыі і грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX ст. / А. Цвікевіч. — Мінск : Навука і тэхніка, 1993. — 347 с.
6. *Акудовіч, В. В.* Код адсутнасці (асновы беларускай ментальнасці) / В. В. Акудовіч. — Мінск : Логвінаў, 2007. — 216 с.
7. *Карев, Д. В.* Белорусская и украинская историография конца XVIII — начала 20-х гг. XX в. в процессе генезиса и развития национального исторического сознания белорусов и украинцев / Д. В. Карев. — Вильнюс : ЕГУ, 2007. — 312 с.

8. *Латышонак, А.* Гісторыя Беларусі ад сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XXI ст. / А. Латышонак, Я. Мірановіч. — Вільня : Ін-т беларусістыкі ; Беласток : Беларус. гіст. т-ва, 2010. — 368 с.
9. *Латышонак, А.* Нацыянальнасць — беларус / А. Латышонак. — Вільня : Ін-т беларусістыкі ; Беласток : Беларус. гіст. т-ва, 2009. — 558 с.
10. *Доўнар-Запольскі, М. В.* Асновы дзяржаўнасці Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. — Мінск : ВПП Дзяржэканомплана Рэсп. Беларусь, 1994. — 23 с.
11. *Ластоўскі, В. Ю.* Кароткая гісторыя Беларусі / В. Ю. Ластоўскі. — Мінск : Універсітэцкае, 1993. — 126 с. : іл.
12. *Доўнар-Запольскі, М. В.* Гісторыя Беларусі / М. В. Доўнар-Запольскі. — Мінск : Бел. Энцыкл., 1994. — 510 с. : 1 л.
13. *Ігнатоўскі, У. М.* Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У. М. Ігнатоўскі ; 5-е выд. — Мінск : Беларусь, 1991. — 190 с., [12] л. : іл.
14. *Абдзіраловіч, І.* Адвечным шляхам: даследзіны беларускага сьветагляду / І. Абдзіраловіч. — Мінск : Навука і тэхніка, 1993. — 44 с.

УДК 159.947.5

О. Е. Мальцева

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно

ИЗМЕНЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЁЖИ В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ОБУЧЕНИЯ

Беларусь, как и все мировое сообщество, вступила в эпоху постиндустриальной цивилизации, одним из признаков которой является высокий темп развития информационных технологий и становление в стране информационного общества. Происходящий постоянный рост научно-технической информации, компьютеризация и автоматизация производства, внедрение новых технологий способствуют возникновению жесткой конкуренции на рынке труда, повышают уровень требований к профессиональной подготовке, переподготовке и повышению квалификации специалистов. Современному молодому специалисту необходимо не только осваивать рынок труда, закрепляться в нем, но и быть мобильным, конкурентоспособным, готовым к профессиональной деятельности и ответственным за ее результаты. Для него также необходимо четкое представление о своём профессиональном пути. В этой связи ведущей целью образования в новых экономических условиях Республики Беларусь должно стать целостное развитие человека как личности на протяжении всей его жизни, повышение возможностей его трудовой и социальной адаптации в быстро меняющемся мире, развитие его способностей, стремлений и возможностей. В контексте современной социально-экономической ситуации актуальными для нашего общества становятся психологические проблемы, связанные с процессом профессионального становления личности.

Многие психологи, придерживаясь разных направлений исследования, при раскрытии ядерной составляющей структуры личности, всегда ссылались на ценности, разделяемые людьми, поскольку ценностные ориентации выступают содержательной стороной, подсистемой, компонентом направленности личности [1]. Так, Б. Г. Ананьев отмечал, что «психологическое исследование мотивации поведения личности невозможно без социолого-философского (аксиологического) и социально-психологического изучения самих ценностей...» [2, с. 146]. С точки зрения Г. М. Андреевой, ценности представляют собой одновременно мотивационные и когнитивные образования. Они направляют, организуют, ориентируют поведение человека на определенные цели и в то же время детерминируют когнитивную работу с информацией [3]. Кроме того, ценности выступают как образования мотивационно-потребностной сферы и регулируют социальное поведение людей. Они представляют собой некоторые конечные (идеальные) цели, к которым стремится индивид, дают возможность принять решение в ситуации выбора, активизируют и направляют поведение и деятельность человека, в этой ипостаси ценности реализуются в ценностных ориентациях, определяя элемент диспозиционной структуры личности. Иначе говоря, ценностные ориентации осуществляют психическую регуляцию социальной деятельности и поведения субъекта в социальной среде [4]. По мнению М. С. Яницкого, система ценностных ориентаций определяет жизненную перспективу, «вектор» развития личности [5].

Стоит отметить, что в социальных, психологических и педагогических исследованиях (Б. Г. Ананьев, М. И. Бобнева, А. Г. Здравомыслов, О. И. Зотова, Г. Е. Залесский, Б. С. Круглов, Е. В. Шорохова, В. А. Ядов и др.) используются как понятие «ценности», так и понятие «ценностные ориентации». Под ценностными ориентациями понимается отражение в сознании человека ценностей, признаваемых им в качестве стратегических жизненных целей и общих мировоззренческих ориентиров [6]. Ценностные ориентации — это интериоризированные личностью ценности социальных групп. Таким образом, оказывается вполне оправданным говорить о ценностях личности как ее ценностных ориентациях [7]. Содержание ценностных ориентаций личности обусловлено характером общественных отношений [8] и в значительной степени взаимосвязано с процессом обучения и воспитания.

Таким образом, в целях совершенствования системы профессионального образования процесс подготовки специалистов необходимо строить с учетом ценностей и мотивов обучающихся, поскольку

именно их характер определяет направление и содержание активности личности. Особое значение приобретает изучение ценностных ориентаций обучающихся на разных этапах непрерывного образования, что и стало предметом нашего исследования.

В настоящей работе представлен анализ ценностных приоритетов обучающихся на разных этапах непрерывного образования. Для её решения мы использовали методику, разработанную Ш. Шварцем и У. Билски в адаптации О. А. Тихомандрицкой, В. М. Дубовской [4]. Выборку составили 685 обучающихся, из них: 113 выпускников общеобразовательных школ Гродно, 396 студентов ГрГУ им. Янки Купалы I, III и V курсов обучения и 176 слушателей ИПКиП.

На первом этапе исследования проводился анализ величины рангов, которые занимают определенные ценности относительно других, что позволило сделать вывод об их относительной значимости для испытуемых исследованной выборки. Установлено, что на уровне нормативных идеалов (на уровне убеждений) для испытуемых, независимо от этапа обучения, наиболее значимыми, занимающими 1, 2 и 3 ранговые места, являются ценности «достижение», «саморегуляция» и «гедонизм». При этом стоит отметить, что у студентов, независимо от курса обучения, а также у слушателей курсов повышения квалификации первое ранговое место занимает ценностный блок «достижение», включающий следующие ценности: интеллект, здоровье, компетентность, репутация, самоуважение, тогда как для старшеклассников наибольшую значимость представляют такие ценности: наслаждение жизнью, удовольствие, забота о себе, составляющие ценностный блок «гедонизм».

Полученные данные свидетельствуют о том, что обучающиеся на всех этапах профессионального образования в большей степени направлены на достижение личного успеха посредством проявления компетентности и профессионализма в соответствии со социальными стандартами и тем самым на получение социального одобрения, а также на достижение независимости и автономности, что проявляется в самостоятельности мышления и выбора способов действия, в творчестве и исследовательской активности. При этом для старшеклассников наибольшее значение имеет удовольствие, чувственное наслаждение жизнью.

Наименьшей значимостью для всех обучающихся обладают такие ценности, как конформность, традиции и власть. Определяющая мотивационная цель ценностного блока «конформность» заключается в сдерживании склонностей и побуждений к действиям, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям. Ценности конформности подчёркивают самоограничение личности в каждодневном её взаимодействии с другими индивидами. Мотивационная цель ценностного блока «традиции» включает уважение, принятие обычаев и идей, которые существуют в культуре (уважение традиций, смирение, благочестие, принятие своей участи, умеренность) и следование им. Центральная цель ценностного блока «власть» заключается в достижении социального статуса или престижа, контроля или доминирования над людьми и средствами (авторитет, богатство, социальная власть, сохранение своего общественного имиджа, общественное признание). Отметим, что этот ценностный блок, в отличие от ценностного блока «достижение», относится к достижению господства в пределах общей социальной системы, а не в конкретном взаимодействии.

Следовательно, обучающиеся в меньшей степени направлены на ограничение собственных действий и побуждений, даже причиняющих вред или нарушающих социальные ожидания и нормы, а также на признание идей, существующих в определенной культуре и религии, и на достижение господства в пределах социальной системы.

Сравнительный анализ значимости ценностей и динамических отношений между ними показал, что в ценностной структуре всех категорий обучающихся ценности изменения представлены в большей степени, чем ценности сохранения. Исходя из определяющих целей ценностных блоков, включённых в группу ценностей изменения, можно заключить, что современные обучающиеся в значительной степени стремятся к новизне и глубоким переживаниям для поддержания оптимального уровня активности, а также самостоятельности мышления и выбора способов действия, к творчеству и исследовательской активности.

Кроме того, для всех категорий испытуемых ценности самоопределения имеют большую значимость, чем ценности самовозвышения. Что свидетельствует о том, что для обучающихся более значимы понимание, терпимость и поддержание благополучия собственного «Я», а также сохранение благополучия людей, с которыми они находятся в личных контактах (полезность, дружба, зрелая любовь).

Характерно, что независимо от этапа профессионального обучения в ценностной структуре обучающихся индивидуалистические ценности имеют большую значимость по сравнению с ценностями, выражающими интересы группы. Вероятно, обучающиеся более настроены на достижение социального статуса, престижа, личный успех через проявление компетентности в соответствии с социальными стандартами. Они стремятся к самостоятельности мышления и выбору способов действия в творчестве и исследовательской активности, к наслаждению жизнью, т. е. выражено преобладание собственных мнений, взглядов, убеждений над общепринятыми, защита своей неповторимости и независимости.

На следующем этапе анализа определялись тенденции динамики ценностей участников образовательного процесса. Основой для определения тенденций динамики послужили результаты применения последовательного сравнительного анализа по категориям выборки. Достоверность различий определялась с помощью *t*-критерия Стьюдента (таблица 1).

Т а б л и ц а 1 — Различия выраженности ценностей по категориям выборки

Типы ценностей	Школьники		Студенты						Слушатели ПК		Достоверность различий			
			I курс		III курс		V курс				1—2	2—3	3—4	4—5
	1		2		3		4		5					
	Ср.	σ	Ср.	σ	Ср.	σ	Ср.	σ	Ср.	σ				
Конформность	4,97	1,00	4,64	1,23	4,88	1,13	4,47	1,23	4,85	1,04	*	—	**	**
Традиции	4,34	1,36	4,61	1,29	4,74	1,31	4,38	1,46	5,00	1,09	—	—	*	***
Благосклонность	5,61	0,87	5,29	1,13	5,43	0,98	5,08	1,05	5,50	0,89	**	—	**	***
Самоориентация	5,44	1,25	5,04	1,50	5,42	1,43	5,08	1,47	5,47	1,35	*	*	—	*
Саморегуляция	5,82	0,71	5,65	0,98	5,79	0,81	5,41	1,05	5,75	0,92	—	—	***	**
Стимуляция	5,38	0,87	5,37	1,04	5,42	0,98	5,04	1,12	5,19	1,00	—	—	**	—
Гедонизм	6,01	0,91	5,65	1,13	5,72	1,18	5,43	1,10	5,68	1,09	**	—	*	*
Достижения	5,80	0,82	5,69	0,92	5,94	0,84	5,73	0,85	5,91	0,82	—	*	—	—
Власть	3,62	1,59	3,47	1,76	3,82	1,56	3,85	1,60	3,99	1,53	—	—	—	—
Безопасность	5,00	1,17	4,92	1,34	5,23	1,20	4,70	1,44	5,19	1,25	—	*	**	**
Ценности сохранения	4,77	1,00	4,73	1,09	4,95	1,07	4,52	1,26	5,01	0,97	—	—	**	***
Ценности изменения	5,60	0,70	5,51	0,94	5,61	0,83	5,22	1,02	5,47	0,89	—	—	***	*
Ценности самоопределения	5,53	0,87	5,17	1,08	5,42	1,01	5,08	1,13	5,49	0,99	**	*	*	***
Ценности самовозвышения	5,14	0,86	4,93	1,05	5,16	1,00	5,00	0,98	5,19	0,93	—	—	—	—
Ценности индивида	5,32	0,71	5,16	0,89	5,34	0,84	5,09	0,93	5,30	0,86	—	—	*	*
Ценности группы	4,98	0,88	4,85	1,06	5,02	1,00	4,65	1,13	5,12	0,88	—	—	**	***

Примечание. * — при уровне значимости $p < 0,05$; ** — при уровне значимости $p < 0,01$; *** — при уровне значимости $p < 0,001$.

Сравнительный анализ значимости типов ценностей для старшеклассников и студентов I курса обучения выявил, что для школьников более значимы ценности: конформность и самоориентация ($p \leq 0,05$), благосклонность и гедонизм ($p \leq 0,01$). Следовательно, старшеклассники в большей степени, чем первокурсники, ориентированы на поддержание благополучия собственного «Я» и наслаждение жизнью, на сохранение благополучия людей, с которыми находятся в личных контактах, на сдерживание и предотвращение действий, которые могут причинить вред другим или не соответствуют социальным ожиданиям. Стоит отметить, что гедонизм противоречит конформности, выражая конфликт между потворствованием себе и сдерживанием собственных потребностей, принятием социальных ограничений.

Установлено, что для студентов III курса обучения достоверно более значимы ($p \leq 0,05$), чем для первокурсников, ценности «самоориентация», «достижения» и «безопасность». Вероятно, третьекурсники в большей степени ориентированы на поддержание благополучия собственного «Я», достижение личного успеха посредством проявления компетентности и стабильности, безопасность как общества, семьи, так и самого индивида.

В свою очередь выявлено, что студенты V курса в меньшей степени ($p \leq 0,01$) ориентированы на ценности «конформность», «традиции», «благосклонность», «саморегуляция», «стимуляция», «гедонизм» и «безопасность», чем студенты III курса. Характерно, что ценности «саморегуляция» и «стимуляция» противоречат конформности, традициям и безопасности, поскольку существует некоторая оппозиция между сохранением собственных независимых взглядов и действий индивида и сохранением традиций, защитой стабильности и неизменности общества.

Структура ценностей слушателей характеризуется более выраженной, чем у студентов V курса, ориентацией на ценности «традиции» и «благосклонность» ($p \leq 0,001$), «конформность», «самоориентация», «саморегуляция», «гедонизм» и «безопасность» ($p \leq 0,01$).

Сравнительный анализ значимости групп ценностей выявил, что для старшеклассников более значимы ($p \leq 0,01$), чем для первокурсников, ценности самоопределения. В свою очередь для студентов III курса обучения ценности самоопределения значимо выше ($p \leq 0,05$), по сравнению с первокурсниками. Студенты III курса в большей степени ориентированы на ценности сохранения, изменения, самоопределения и ценности, выражающие интересы индивида и группы, чем студенты V курса обучения, тогда как в ценностной структуре взрослых обучающихся, в сравнении с пятикурсниками, преобладают все группы ценностей, кроме ценностей самовозвышения.

Проведенный сравнительный анализ значимости ценностей в различные периоды обучения позволяет наметить некоторые тенденции динамики ценностных ориентаций обучающихся на разных этапах непрерывного образования.

Установлено, что значимость ценностей «конформность», «гедонизм» и «благоклонность» имеет тенденцию к снижению в период вузовского (к I и V курсам) и возрастанию на этапе послевузовского обучения. Ценности «традиции» и «саморегуляция» остаются относительно постоянными вплоть до V курса обучения, где и происходит значительное снижение их значимости, но на этапе послевузовского обучения их значимость резко возрастает. У первокурсников отмечается некоторое снижение значимости ценности «самоориентация», но уже к III курсу студенты в значительной степени ориентируются на ценности этого типа и тенденция к росту значимости сохраняется к этапу послевузовского обучения. Некоторой скачкообразностью отличается динамика ценности «безопасность». У третьекурсников её значимость возрастает, к V курсу обучения отмечается снижение значимости, а на этапе послевузовского обучения вновь значимость этого мотивационного типа резко возрастает.

Особое внимание привлекает тот факт, что значимость ценностей «стимуляция» «достижения» и «власть» остаётся относительно неизменной по сравнению с другими ценностями на протяжении обучения. Кроме того, характерно снижение к V курсу обучения значимости групп ценностей сохранения, изменения, самоопределения и ценностей, а также ценностей, выражающих как интересы индивида, так и интересы группы. Однако у взрослых обучающихся, по сравнению с выпускниками университетов, эти группы ценностей вновь значимо возрастают. Также особое внимание привлекает факт волнообразного изменения значимости ценностей самоопределения: к I курсу обучения их значимость снижается, у третьекурсников значительно возрастает, к моменту окончания университета вновь отмечается снижение значимости этой группы ценностей, а в период получения последипломного образования заметен значительный рост.

Результаты исследования показали, что на уровне нормативных идеалов (на уровне убеждений) для испытуемых, независимо от этапа обучения, наиболее значимыми являются мотивационные типы достижение, саморегуляция и «гедонизм», что говорит о стремлении молодых людей к автономности и независимости, с одной стороны, удовольствиям и новизне — с другой. Наименьшей значимостью для всех обучающихся обладают такие ценности, как конформность, традиции и власть. Кроме того, в ценностной структуре всех категорий обучающихся ценности изменения представлены в большей степени, чем ценности сохранения, ценности самоопределения имеют большую значимость, чем ценности самовозвышения.

Также выявлено, что независимо от этапа профессионального обучения в ценностной структуре обучающихся индивидуалистические ценности имеют большую значимость по сравнению с ценностями, выражающими интересы группы. Преобладание индивидуалистических ценностей, вероятно, можно объяснить недостаточным уровнем развития самостоятельности и компетентности участников образовательного процесса, с одной стороны, и некоторой нестабильностью современных социальных условий — с другой. Так, Н. М. Лебедева отмечает, что в нестабильных социальных условиях личностная идентичность становится ведущей и определяющей в адаптации человека к изменившейся реальности [9].

Список цитируемых источников

1. Журавлева, Н. А. Динамика ценностных ориентаций личности в российском обществе : монография / Н. А. Журавлева. — М. : ИП РАН, 2006. — 335 с.
2. Ананьев, Б. Г. Избранные психологические труды : в 2 т. / Б. Г. Ананьев. — М. : Педагогика, 1980. — Т. 1. — 1980. — 232 с.
3. Андреева, Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. — М. : Аспект Пресс, 2009. — 363 с.
4. Тихомандрицкая, О. А. Особенности социально-психологического изучения ценностей как элементов когнитивной и мотивационной сферы. Методические аспекты / О. А. Тихомандрицкая, Е. М. Дубовская // Мир психологии. — 1999. — № 3. — С. 80—90.
5. Яницкий, М. С. Ценностно-смысловая сфера личности / М. С. Яницкий. — Кемерово : Кемер. гос. ун-т, 1999. — 92 с.
6. Краткий психологический словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — 2-е изд. — Ростов н/Д : Феникс, 1999. — С. 436—437.
7. Карандашев, В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. — СПб. : Речь, 2004. — 70 с.
8. Ломов, Б. Ф. Личность как продукт и субъект общественных отношений // Психология личности в социалистическом обществе: активность и развитие личности. — М., 1989.
9. Лебедева, Н. М. Социальная идентичность на постсоветском пространстве: от поисков самоуважения к поискам смысла / Н. М. Лебедева // Психол. журн. — 1999. — Т. 20, № 3. — С. 48—59.

**КОНЦЕПЦИИ ХРИСТИАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КАТОЛИЧЕСКОЙ ТЕОЛОГИИ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX — НАЧАЛА XXI ВЕКА**

Проблема идентичности является актуальной темой как для современных исследований в рамках психологии и политологии, так и для философских исследований, в том числе в области философии религии. Функция идентификации является одной из основных функций религии. И. А. Ильин, различая понятия веры и верования (как собственно религиозной веры), отмечал, что, в отличие от людей верящих, «верующие» люди имеют единый и общий им всем духовный Предмет; они вступают в творческое единение с Ним, а через это объединяются между собою» [1]. Соглашаясь с данным утверждением лишь отчасти, можно утверждать, что религиозная вера, безусловно, и интегрирует, и дезинтегрирует общество, так как религиозная идентичность одновременно работает и как отождествление себя с другими представителями определенной группы (я и Другой), и как противопоставление себя (в качестве представителя определенного сообщества) субъектам, не входящим в данную группу (я и Чужой). Таким образом, можно констатировать, что феномен религиозной идентичности является мировоззренческим ядром межрелигиозных и межконфессиональных отношений, являясь тем самым важным и актуальным предметом для всестороннего изучения.

Особое место среди религий, традиционных для населения Республики Беларусь, занимает христианство. Согласно данным на июль 2010 г., предоставленным аппаратом Уполномоченного по делам религий и национальностей Республики Беларусь, 58,9% населения считают себя верующими. Из них 87% относят себя к христианам [2]. Большинство религиозных общин в Республике Беларусь также составляют общины христианских конфессий. Республика Беларусь является ярким примером сосуществования трех основных ветвей христианства: католицизма, протестантизма и православия. По мнению ряда исследователей, межконфессиональное согласие является условием устойчивого развития Республики Беларусь (И. В. Котляров [3] и др.). Свидетельством об ориентации Республики Беларусь на межконфессиональный диалог является создание в 2008 г. Консультативного межконфессионального совета при Уполномоченном по делам религий и национальностей. В положении о Консультативном межконфессиональном совете подчеркивается, что одна из задач совета — содействие сохранению и укреплению межконфессионального мира и согласия в Республике Беларусь, поддержание традиций веротерпимости и толерантности. Таким образом, можно заключить, что особенно важным в нашем социокультурном контексте является всестороннее изучение именно феномена христианской идентичности, а также (в перспективе) выявление общего и особенного в конструктах христианской идентичности в рамках католического, православного и протестантского религиозного сознания.

Цель исследования — выявление подходов к определению христианской идентичности в текстах католических теологов второй половины XX — начала XXI в. Данная работа представляет собой этап более масштабного исследования по выявлению общего и особенного в вариантах христианской идентичности, сформированных в католической, православной и протестантской теологии второй половины XX — начала XXI в. Основными методами исследования являются теоретическая реконструкция и компаративный анализ.

В ходе исследования выявлено, что в текстах католических теологов второй половины XX — начала XXI в. можно вычленил как минимум два подхода к определению христианской идентичности. Первый подход сводится к отождествлению христианского с католическим. Вторым подходом выходит за рамки такого отождествления и представлен в двух вариантах: первый вариант идентичности формируется в контексте концепции *анонимного христианства* и наиболее эксплицитно разработан в работах К. Ранера (хотя данную тему разрабатывал также А. Ропер и др.), а второй подход развивается Г. Кюнгом и может быть охарактеризован как концепция *экуменического христианского бытия*. Целью данного текста является теоретическая реконструкция подхода к христианской идентичности, выходящего за рамки отождествления христианского и католического и представленного в современной католической теологии в двух версиях: концепцией анонимного христианина К. Ранера и концепцией экуменической идентичности Г. Кюнга.

Концепция анонимного христианства К. Ранера раскрывается в таких текстах данного теолога, как «Анонимные христиане», «Анонимное христианство и миссионерская задача Церкви», «Анонимная и эксплицитная вера». Сам К. Ранер характеризует это понятие как противоречивое и в поздних своих размышлениях отмечает, что более уместным является употребление не словосочетания «анонимное христианство», а понятия «анонимный христианин» [4, с. 281] (хотя и первое он допускает, но с определенными оговорками). Таким образом, К. Ранер переводит данную проблему в сферу антропологии, однако тем самым неосознанно выводит ее на уровень концептуализации христианской идентичности.

В защиту концепции анонимного христианина К. Ранер приводит следующие аргументы: спасительная воля Бога направлена на всех людей, человек может принимать благодать, самосообщение Бога, не подозревая об этом. Анонимным христианином может являться язычник после начала христианской миссии, который живет в состоянии благодати, но еще этого не осознает. Однако К. Ранер также указы-

вает, что и человек, опровергающий христианство и даже считающий себя атеистом, может бессознательно стремиться к Богу. Такой образ христианской идентичности основан на представлении К. Ранера о наличии в каждом человеке сверхъестественного экзистенциала — благодатного призыва к бытию с Богом. Сверхъестественный экзистенциал остается в человеке, даже когда тот отказался от Бога. Человек изначально задуман Богом как пространство Его самосообщения. Таким образом, сверхъестественный экзистенциал есть у всех созданий, наделенных свободой, т. е. у всех людей, но не у всех есть подлинное его завершение. Можно сделать вывод, что, согласно К. Ранеру, анонимный христианин не обладает подлинным завершением экзистенции. Для ее подлинного завершения необходимо сделать осознанный выбор в пользу Иисуса Христа. Однако в контексте вопроса об идентичности необходимо отметить, что сама формулировка К. Ранера влечет за собой следствия размывания христианской идентичности и наделение ее избыточной широтой. Именно за такие возможные следствия самой формулировки «анонимного христианина» К. Ранера критикуют некоторые другие современные католические теологи, к примеру, Г. У. фон Бальтазар. Немаловажным также является уточнение К. Ранера о необходимости различать понятия «анонимного теиста» и «анонимного христианина» [4, с. 282]. Последнее понятие предполагает именно христианское отношение к Богу и человечеству посредством неосознаваемой веры, надежды и любви.

Иной взгляд на христианскую идентичность предлагает Г. Кюнг в таких работах, как «Быть христианином», «Христианский вызов» и «Во что я верю». Так, этот теолог подчеркивает: «Христианин — не просто человек, пытающийся вести человеческую, социальную или даже религиозную жизнь. Христианин — это тот, кто старается вести человеческую, социальную и религиозную жизнь, основываясь на Христе», а также что «христианство остается христианским лишь в том случае, если оно четко **связано с Христом** (выделено автором — *А. М.*)» [5]. Более того, Г. Кюнг подчеркивает, что это не означает верное истолкование Иисуса как Христа (уровень доктрины, христологии), но подразумевает веру в Христа и следование за Христом. В таком случае жизнь и смерть Иисуса Христа рассматриваются как основной и непреложный стандарт человеческого бытия. Согласно Г. Кюнгу, для того чтобы современный человек мог следовать за Христом как за стандартом человеческого бытия, христианские истины необходимо переводить из эллинистического социокультурного контекста в контекст современности, при этом сохраняя сущностное содержание. Следует также пояснить, что когда Г. Кюнг пишет о Христе как о стандарте человеческого бытия, он в первую очередь указывает на предложенные Иисусом Христом новое отношение к жизни и новый стиль жизни. Таким образом, христианин, согласно данному теологу, это не просто человек, центром мировоззрения которого является вера в учение Иисуса Христа, но это человек, ориентирующийся на полноту жизни, смерти и воскресения Иисуса Христа: «...оно (следование за Иисусом Христом — *А. М.*) отличает христиан от других учеников и приверженцев великих людей, поскольку для христиан существует полная устремленность к этой личности, не только к ее учению, но и к ее жизни, смерти и новой жизни. Ни марксист, ни фрейдист не могли бы притязать на такое отношение к своему учителю» [5].

Следует особо подчеркнуть, что истинное христианское бытие, с точки зрения Г. Кюнга, должно быть экуменическим христианским бытием. При этом экуменическая христианская идентичность не означает отказа от своей конфессиональной принадлежности: «...христианин может быть христианином в полном смысле слова, не отрекаясь от своего собственного конфессионального прошлого, однако и не заслоняя лучшее экуменическое будущее...» [5]. Данный теолог полагает, что основными различиями между конфессиями являются не столько доктринальные противоречия, сколько различия в основополагающих позициях. Однако, разрабатывая данный вопрос, Г. Кюнг говорит лишь о католицизме и протестантизме. Так, он отмечает, что для католика такой основополагающей позицией является кафоличность, подразумевающая устремленность к единой церкви как в вертикальном измерении (связь с традицией), так и в горизонтальном измерении (связь между верующими, между всеми группами, входящими в католическую церковь). Основополагающей позицией протестанта является постоянная критическая обращенность к Евангелию. Тем не менее, как отмечает Г. Кюнг, при правильном понимании эти основополагающие позиции не исключают друг друга, а могут быть представлены как сконцентрированная на Евангелии «евангелическая кафоличность» или как осмысленная на основании католической универсальности «католическая евангеличность» [5].

Итак, можно сделать вывод, что в современной католической теологии можно выявить как минимум два подхода к определению христианской идентичности. Первый сводится к отождествлению христианского с католическим. Второй подход выходит за пределы такого отождествления и представлен как минимум в двух вариантах: первый вариант идентичности формируется в рамках концепции *анонимного христианства* К. Ранера, а второй подход — в рамках концепции *экуменического христианского бытия* Г. Кюнга. Концепт анонимного христианина разрабатывался К. Ранером с намерением указать на универсальность спасительной воли Бога [6, с. 199], т. е. использовался как инструмент раскрытия сотериологической проблематики. Следствиями введения такого понятия в теологический категориально-понятийный аппарат являются как ориентация на межрелигиозный диалог (миссионерская цель — показать анонимному христианину его христианскую суть), так и указание на избыточную широту христианской идентичности, ее максимальное выхолащивание. Другим вариантом христианской идентичности является предложенная Г. Кюнгом экуменическая христианская идентичность. Такая идентичность, с одной стороны, является призывом к межконфессиональному диалогу, однако, разрабатывая свою теологическую позицию по данному вопросу, Г. Кюнг обесценивает все доктринальные различия между христианскими конфессиями.

Список цитируемых источников

1. Ильин, И. А. Путь духовного обновления. Гл. 1. О вере [Электронный ресурс] / И. А. Ильин. — Режим доступа: http://www.paraklit.org/sv.otcy/I.Ijlin/I.Ijlin-Putj-duhovnogo-obnovleniya.htm#_Toc151871454. — Дата доступа: 17.04.2016.
2. Количество религиозных общин в Республике Беларусь (по состоянию на 1 января 2010 г.) // Беларусь. XXI век [Электронный ресурс]. — 2010. — Режим доступа: http://belarus21.by/ru/main_menu/religion/relig_org/new_url_1949557390. — Дата доступа: 07.10.2012.
3. Котляров, И. В. Республика Беларусь в конфессиональном измерении / И. В. Котляров, Л. Е. Земляков ; Мин. ин-т упр. — Минск : Изд-во МИУ, 2004. — 231 с.
4. Rahner, K. Observations on the Problem of the “anonymous Christians” / K. Rahner // Theological Investigations ; translated by D. Bourke / K. Rahner. — Vol. XIV. — London : Dartn, Longman & Todd, 1976. — P. 280—294.
5. Кюнг, Г. Христианский вызов [Электронный ресурс] / Г. Кюнг. — М. : Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея (ББИ), 2012. — 476 с. — Режим доступа: <http://mreadz.com/read27373/p2>. — Дата доступа: 17.04.2016.
6. Кюнг, Г. Во что я верю / Г. Кюнг. — М. : Библ.-богосл. ин-т св. апостола Андрея (ББИ), 2013. — 288 с.

УДК 27(043.3)+008(043.3)

С. А. Мудров

Учреждение образования «Полоцкий государственный университет», Полоцк

РАЗВИТИЕ ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В НЕЗАВИСИМОЙ БЕЛАРУСИ

Верховный Совет БССР 27 июля 1990 г. принял Декларацию о государственном суверенитете Белорусской Советской Социалистической Республики. 25 августа 1991 г. декларация была придана статус конституционного акта с провозглашением экономической и политической самостоятельности Беларуси. 8 декабря 1991 г., после подписания Беловежских соглашений, было объявлено о распаде Советского Союза. Беларусь обрела государственную независимость. К концу декабря 1991 г. независимость Беларуси была признана 54 государствами.

Белорусская православная церковь (самая многочисленная и наиболее влиятельная конфессия страны) не принимала официальных заявлений по вопросу о независимости, дистанцируясь в этом плане от событий политического характера. Вместе с тем в Рождественском послании митрополита Филарета, Патриаршего экзарха всея Беларуси, присутствовало положительное упоминание о факте образования независимого белорусского государства. Данное послание, датированное 7-м января 1992 г., содержало, в частности, следующие слова: «Возродилась независимая Республика Беларусь! Восстановлена её национальная символика, зримы её духовные ценности и культурные достижения. Это означает, что народ не утратил веры в Бога и любви к Отечеству. Вместе с тем, мы не можем не тревожиться глубокими потрясениями нравственного и социального характера, которые поражают наше общество» [1, с. 6].

В Пасхальном послании от 26 апреля 1992 г. митрополит Филарет подчеркнул, что «в минувшем году рухнула государственная система, основанная на учении, отрицавшем бытие Бога». Как отметил митрополит, атеистическое мировоззрение «лишало людей истинного смысла жизни». Говоря о новом периоде в развитии страны, наступившем после 1991 г., Экзарх назвал его «суровым, тяжким», но в то же время «спасительным» временем [2, с. 5]. Действительно, крах коммунистической системы открыл возможности для позитивного развития церковно-государственных отношений в Беларуси, причём страна прошла ряд важных преобразований в области религиозного законодательства.

В декабре 1992 г. Верховный Совет Республики Беларусь 12 созыва принял первый демократический закон в сфере религии — Закон Республики Беларусь «О свободе вероисповеданий и религиозных организациях». В закон было внесено несколько принципиально новых положений. Устанавливался принцип равенства конфессий перед законом. В ст. 6 подчеркивалось, что «все религии и вероисповедания равны перед законом. Ни одна религия, вероисповедание не пользуются никакими преимуществами и не имеют никаких ограничений по сравнению с другими». Статья 3 закона провозглашала, что «в соответствии с правом на свободу вероисповеданий каждый гражданин самостоятельно определяет свое отношение к религии, вправе единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии» [3]. Таким образом, было закреплено право верующих на миссионерскую деятельность, не существовавшее в советское время.

Новая Конституция Беларуси, принятая в марте 1994 г., в части, касающейся религии, повторяла основные положения закона 1992 г., провозглашая равенство всех религий перед законом. В ноябре 1996 г. в Конституцию были внесены существенные изменения. В частности, были усилены полномочия президента, вместо Верховного Совета был образован двухпалатный парламент, состоящий из Совета Республики (верхняя палата) и Палаты представителей (нижняя палата). Изменился также регулятивный принцип, касающийся взаимоотношений с религиозными организациями. Новый вариант Конституции

не содержал столь привычного с советских времен принципа отделения церкви от государства. Вместо этого в ст. 16 было указано, что «взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются законом с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа» [4]. Таким образом, создавалась возможность для реалистичного признания вклада конфессий в историю белорусского государства, а также для их более активного участия в жизни страны.

Спустя почти шесть лет после внесения изменений в Конституцию был введён в действие новый закон в области религии — Закон Республики Беларусь «О свободе совести и религиозных организациях», существенно отличавшийся от закона 1992 г. В июне 2002 г. Палата представителей приняла проект закона, который вступил в силу в октябре того же года, после того, как был одобрен Советом республики и подписан президентом. По мнению Игоря Котлярова и Леонида Землякова, закон стал итогом многочисленных дискуссий и компромиссов как в парламенте, так и среди других ветвей власти и религиозных конфессий [5, с. 165]. И хотя закон не получил одобрение абсолютно всех деноминаций, в его поддержку высказались наиболее влиятельные и многочисленные религиозные организации (православные, католики, лютеране, иудеи и мусульмане) [6].

Принятие нового закона символизировало переход от американского принципа религиозной свободы к принципу европейскому. Закон подтвердил право каждого на свободу совести и вероисповеданий и вновь подчеркнул равенство всех религий перед законом. В преамбулу также были включены положения о «признании определяющей роли православной церкви в историческом становлении и развитии духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа», «духовной, культурной и исторической роли католической церкви на территории Беларуси» и «неотделимости от общей истории народа Беларуси евангелическо-лютеранской церкви, иудаизма и ислама» [7].

Данный закон сформировал трёхступенчатую структуру религиозных организаций: религиозные общины, религиозные объединения и республиканские религиозные объединения. Религиозные общины признаются базовой структурой; для их регистрации необходимо не менее двадцати совершеннолетних граждан Беларуси, «постоянно проживающих в одном или нескольких населенных пунктах, имеющих смежные территориальные пределы» (ст. 14). Религиозные объединения, согласно закону, создаются при наличии «не менее десяти религиозных общин единого вероисповедания, из которых хотя бы одна осуществляет свою деятельность на территории Республики Беларусь не менее двадцати лет» (ст. 15). При этом только религиозным объединениям предоставлено право учреждать монастыри, братства, сестричества, духовные миссии и богословские образовательные учреждения (за исключением воскресных школ). Религиозной проблематикой в Беларуси на государственном уровне занимается Аппарат уполномоченного по делам религий и национальностей. Этот государственный орган был создан в 2006 г., после прекращения деятельности Комитета по делам религий и национальностей при Совете министров Республики Беларусь. Нынешний глава аппарата Леонид Гуляко исповедует православие, хотя и не является, по его же словам, «ревностным прихожанином» [8].

Закон «О свободе совести и религиозных организациях», обозначивший возможность более тесного сотрудничества церкви и государства, способствовал предметному оформлению государственно-церковных отношений. Вполне ожидаемым и закономерным стало подписание в июне 2003 г. Соглашения о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской православной церковью. В рамках данного соглашения государство признало православную церковь «одним из важнейших социальных институтов» и гарантировало свободу её внутренней организации. Со стороны церкви было подчеркнуто, что сотрудничество с государством позволит укрепить духовную и социальную деятельность, а также улучшит возможности для противодействия псевдорелигиозным структурам [9]. Соглашение обозначило в качестве приоритетных такие области взаимного сотрудничества, как образование, культура, благотворительная деятельность, семья и семейные ценности, нравственность и т. д. Как было подчеркнуто Станиславом Буко, занимавшим на момент подписания соглашения должность председателя Комитета по делам религий и национальностей, «подписание соглашения с православной церковью является признанием ее заслуг и роли в культурной и духовной традиции белорусского народа» [10]. Со своей стороны митрополит Филарет подчеркнул, что «церковь спокойно живет своей жизнью и не стремится принимать на себя не свойственные ей государственные черты или функции, в чем нас иногда пытаются несправедливо упрекнуть... Соглашение Белорусской православной церкви с государством носит “рамочный” характер и определяет основные принципы наших двусторонних отношений и взаимного восприятия друг друга» [11].

После оформления соглашения с государством были подписаны соглашения о сотрудничестве между церковью и различными органами власти и управления. Так, подписаны рамочные соглашения с министерствами образования, информации, культуры, обороны, внутренних дел, природных ресурсов и охраны окружающей среды и рядом других. Часть соглашений рассчитана на короткие периоды, в то время как другие подписывались на длительные сроки и даже бессрочно. При этом все стороны стремятся к тому, чтобы ни один из документов не нарушал права других конфессий, зарегистрированных в Республике Беларусь. В целом можно отметить, что в Беларуси на законодательном уровне оформилась европейски ориентированная система церковно-государственных отношений, которая, если следовать классификации Люсиана Леустеана [12, с. 248], может соответствовать кооперационистской модели взаимоотношений церкви и государства.

Список цитируемых источников

1. Рождественское послание митрополита Филарета // Минские епархиальные ведомости. — 1991. — № 6.
2. Пасхальное послание митрополита Филарета // Минские епархиальные ведомости. — 1992. — № 1—4.
3. О свободе вероисповеданий и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 дек. 1992 г. № 2054-ХІІ // Ведамасці Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь. — 1993 г. — № 2. — Ст. 18.
4. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб 1996 г. и 17 окт. 2004 г. — 10-е изд., стер. — Минск : Нац. центр правовой информ Респ. Беларусь, 2014. — 62 с..
5. *Котляров, И. В.* Республика Беларусь в конфессиональном измерении / И. В. Котляров, Л. Е. Земляков. — Минск : Изд-во МИУ, 2004.
6. Белорусский парламент принял одобренный ведущими конфессиями страны новый закон о свободе вероисповеданий. 02.10.2002 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/news/020930/01.htm> . — Дата доступа: 04.03.2014.
7. О свободе совести и религиозных организациях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 17 дек. 1992 г. № 2054-ХІІ : с изм и доп // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. — 01.11.2002. — 2/886.
8. Мониторинг СМИ. Столичное телевидение. 21.11.2011 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://churchby.info/bel/741/> . — Дата доступа: 04.03.2014.
9. Соглашение о сотрудничестве между Республикой Беларусь и Белорусской Православной Церковью. 12.06.2003 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://church.by/resource/Dir0009/Dir0015/> . — Дата доступа: 04.03.2014.
10. *Улитенок, Г.* Государство и православная церковь оформили свои отношения / Г. Улитенок // СБ: Беларусь сегодня. — 13.06.2003.
11. *Филарет*, митрополит. Воспитание веры // НГ-Религии, 06.08.2003.
12. *Leustean, Lucian.* ‘Challenges to Church-State Relations in Contemporary Europe: Introduction / Lucian Leustean // Journal of Religion in Europe. — 2008. — Vol. 1. — № 3.

УДК 930.1

Н. Л. Мысливец, И. Л. Кергет

Учреждение образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно

РОЛЬ МУЗЕЕВ В СОХРАНЕНИИ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ПОГРАНИЧЬЯ

Проблема переосмысления прошлого в последние годы приобрела невероятную остроту. Изучение различного рода социальных катаклизмов, альтернатив и противоречий, которые общества преодолевали на предыдущих этапах своей истории, глубокий и содержательный анализ всего многообразия мнений и оценок, сопровождавших выбор того или иного пути развития, отказ от рассмотрения прошлого исключительно в черно-белых тонах — все эти вопросы приобретают особую актуальность в пространстве исторического, социального, кросс-культурного взаимодействия различных этносов, культур, цивилизаций, в пространстве пограничья.

Проблемы пограничья на протяжении вот уже более двух десятков лет являются одним из наиболее актуальных исследовательских направлений в современной социологии, культурологии, антропологии, этнологии, философии, привлекая к себе вследствие этого самое пристальное внимание ученых разных стран [1—4]. Данный интерес проявляется на различных уровнях — глобальном, межгосударственном, национальном, региональном, наконец, личном — и требует соответствующего теоретико-методологического инструментария. Актуализация проблематики, связанной с исследованием пограничья, предопределяется, прежде всего, фактором повышенного риска конфликтности в данной зоне, что обуславливается ее культурной гетерогенностью, а также особой динамикой и интенсивностью многочисленных и масштабных межкультурных взаимодействий.

Важнейшую роль в сохранении историко-культурного наследия территории пограничья и в развитии его социокультурного потенциала играют музеи. Музей как социокультурный феномен и как один из важнейших социальных институтов современного общества позволяет не только бережно хранить и передавать последующим поколениям информацию о прошлом, но и активно участвует в ее формировании и развитии. Распространяемое и популяризируемое таким образом знание несет на себе черты культурной, политической и экономической ситуации, в которой оно было создано, отражает конкретный момент в истории данного общества. В осознании музейной ценности предметов объективного мира выражается особое отношение человека к действительности: любая вещь, которая попадает в музей и занимает соответствующее ей место в той или иной экспозиции, оказывается включенной в определенную систему ценностей. Тем самым музей выражает отношение общества к той или иной составляющей хранимого им культурно-исторического наследия. Привнося ценности прошлого в современное общество, музей способствует образованию на их основе новых ценностей, оказывая таким образом значительное влияние на формирование исторической памяти общества.

На протяжении ряда лет Гродненский государственный университет имени Янки Купалы принимал участие в реализации международного проекта «Повышение привлекательности трансграничного региона путём включения этнокультурных ресурсов в туристическую деятельность (акроним — Путешествие

в этносазку)». Данный проект выполнялся в рамках программы «Польша — Беларусь — Украина. 2007—2013 гг.». Одной из важнейших целей проекта являлось изучение этнокультурного потенциала пограничья и перспектив его использования для повышения привлекательности и развития туристического потенциала белорусско-польского пограничья. Для ее достижения в октябре 2012 г. был проведен опрос среди работников организаций туристической отрасли и среди населения пограничного региона. Свое мнение относительно деятельности музеев в ходе опроса высказали 56 сотрудников различных музеев: 29 человек были опрошены на территории Гродненской области (Республика Беларусь) и 27 — на территории Сувалкского региона (Республика Польша).

Все участники опроса согласны с тем, что музеи играют важнейшую роль в процесс изучения и сохранения национальной культуры и искусства. 49,1% респондентов считает, что музеи выступают в качестве основных центров изучения и популяризации национальной культуры и искусства. 42,1% указали, что музеи органично дополняют остальные элементы этнотуристического комплекса региона. Лишь 3,5% указали, что музеи не выступают сегодня основными объектами этнотуристического комплекса региона.

Интересным представляется распределение мнений респондентов, представляющих разные страны — Республику Беларусь и Республику Польша. Участники опроса из Беларуси в большинстве своем рассматривают музеи как основные центры изучения и популяризации национальной культуры и искусства. Удельный вес данной группы — 60,7% опрошенных (рисунок 1). Среди польских респондентов такую точку зрения разделяет гораздо меньшее число респондентов — 37,9%.

Среди опрошенных поляков 55,2% рассматривают музеи в качестве органичного дополнения остальных элементов этнотуристического комплекса, тогда как среди белорусов такой точки зрения придерживается лишь 28,6% респондентов.

Позиция, которую высказали большинство польских респондентов, на наш взгляд, более реалистично отражает роль музеев в современном обществе. Рассматривать музеи в качестве фактора, который дополняет остальные элементы этнотуристического комплекса региона, можно только при условии, что такие элементы уже существуют и являются достаточно развитыми. При отсутствии развитой этнокультурной туристической инфраструктуры именно музеи остаются едва ли не единственным источником изучения национальной культуры и искусства в приграничном регионе.

Базис истории и культуры пограничного региона — этнографический музей. Такой музей представлен собственными экспозициями, помещением для осуществления выставочной деятельности, а главное — фондами. Такие музеи осуществляют комплектование, хранение, изучение и популяризацию памятников истории, материальной и духовной культуры, учат любви к родному краю.

В ходе исследования респондентам был задан вопрос, как они оценивают существующий сегодня интерес к таким музеям. Лишь 14% всего массива опрошенных считает, что краеведческие музеи вызывают повышенный интерес в обществе (рисунок 2).

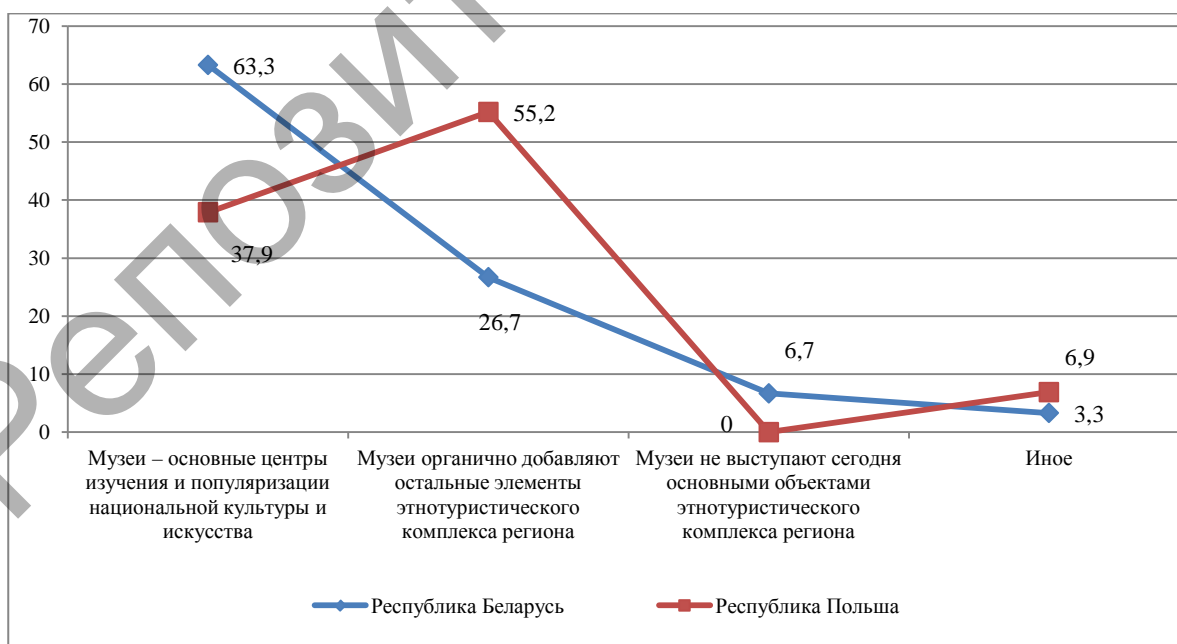

Рисунок 1 — Роль музеев в процессе изучения национальной культуры и искусства

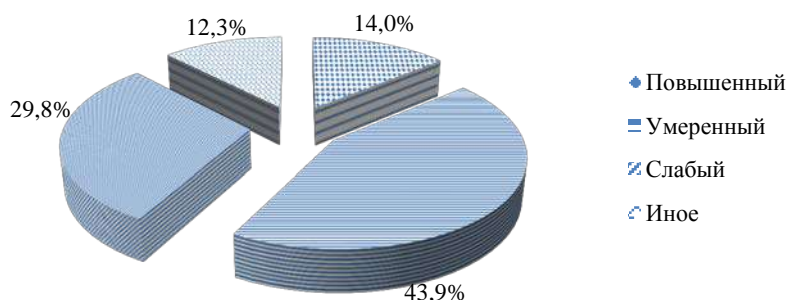

Рисунок 2 — Характеристика существующего сегодня интереса к краеведческим музеям

В свою очередь 43,9% респондентов считают, что такие музеи вызывают умеренный интерес, а по мнению 29,8% такой интерес и вовсе является незначительным. Необходимо отметить, что 24,1% респондентов с польской стороны (12,1% всех опрошенных) выразили особое мнение по данному вопросу. По их мнению, интерес к краеведческим музеям носит «сезонный» характер.

Одним из актуальных направлений в развитии современного музейного дела является реализация музеями широкого спектра дополнительных услуг, позволяющих разнообразить процесс ознакомления с музейной экспозицией, расширить круг посетителей, заработать дополнительные средства. Указанное направление востребовано в деятельности как белорусских, так и польских музеев. На необходимость осуществления такой работы указали 87,7% всего массива опрошенных, в том числе 89,3% белорусов и 86,2% поляков (таблица 1).

Т а б л и ц а 1 — Ответы на вопрос «Стремитесь ли Вы реализовывать в рамках своего музея различные дополнительные элементы, позволяющие разнообразить процесс ознакомления с музейной экспозицией?», %

Респонденты	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Республика Беларусь	89,3	7,1	3,6
Республика Польша	86,2	6,9	6,9
Итого	87,7	7,0	5,3

В целях повышения своей привлекательности среди потенциальных клиентов музеи активно вовлекают в свою деятельность новые элементы. Это способствует росту их популярности на рынке туристических услуг. К числу новых элементов, которые музеи активно используют в настоящее время, относятся аудио-озвучивание, внедрение анимационных программ, проведение мероприятий с использованием мультимедийных установок, организация временных экспозиций, встреч с артистами, обучение, показы фильмов, лекции о музеях, реконструкция объектов, мероприятия для разновозрастных групп, музейные уроки, тематические экскурсии, встречи в музее с интересными людьми, свадебные обряды, эффекты голоса в экспозициях, проведение концертов и массовых мероприятий, выставки работ современных мастеров в этническом стиле.

В то же время расширение спектра предлагаемых услуг влечет вопрос о компенсации затрат на их оказание. Результаты опроса свидетельствуют, что музейные работники из Беларуси и из Польши по-разному относятся к возможности повышения платы за посещение музея, если музей предлагает что-то большее, чем простое ознакомление с экспонатами своей коллекции.

Абсолютное большинство опрошенных сотрудников польских музеев считает, что оказание музеями дополнительных услуг, помимо простого ознакомления с экспонатами своей коллекции, не является основанием для существенного повышения платы за их посещение. 60,7% всех опрошенных считает, что оплата может быть немного выше, а 35,7% указали, что ее размер не должен сильно отличаться.

Респонденты из Беларуси придерживаются иного подхода в отношении возможного увеличения платы за посещение музея. 32,1% опрошенных полагает, что оплата может быть увеличена более чем в 2 раза. 60,7% полагает, что она может быть немного выше. И только 2 респондента указали, что ее уровень должен сохраняться.

Полученные данные позволяют сделать следующие выводы. Работники музеев из Республики Польша в подавляющем большинстве рассматривают расширение спектра предоставляемых музеями услуг как неотъемлемый элемент своей профессиональной деятельности. Таким образом они планируют укреплять место своих музеев на рынке современных туристических услуг и считают, что данная работа не может являться основанием для повышения платы за их посещение. Анализ мнений опрошенных

белорусов свидетельствует, что посредством предоставления посетителям более широкого перечня услуг они в первую очередь хотели бы увеличить доходность своих музеев.

В современном обществе музеи оказываются в условиях жесткой конкуренции. Такая борьба непосредственным образом уже сказывается на развитии польских музеев. Очевидно, что в самое ближайшее время в условиях более острой конкурентной борьбы окажутся и белорусские музеи.

Одним из конкурентов ныне действующих музеев выступают виртуальные музеи. Их присутствие на рынке информационно-познавательных услуг оказывает существенное влияние на позиции ныне действующих. Об этом в первую очередь свидетельствуют мнения польских респондентов.

Заслуживают внимания различия в распределении ответов польских и белорусских респондентов на вопрос об их отношении к появлению в интернет-пространстве виртуальных музеев (рисунок 3).

Как показывают полученные нами результаты, респонденты из Беларуси активно поддерживают позицию, которую можно назвать просветительской: 82,1% опрошенных белорусов положительно оценивает появление в сети Интернет виртуальных музеев, лишь 17,9% опрошенных высказали отрицательное отношение к их распространению.

Польские респонденты более критичны в отношении деятельности виртуальных музеев. О положительном отношении к ним заявил только 31% опрошенных поляков, ровно столько же респондентов высказали отрицательное отношение, 38% опрошенных выбрали вариант ответа «мне все равно». Такое отношение имеет выраженный отпечаток прагматического подхода к появлению и деятельности возможных конкурентов на существующем рынке музейных услуг.

Большинство опрошенных по обе стороны границы респондентов (63,2%) считает, что одна из основных проблем, препятствующих дальнейшему развитию музеев в странах-соседах, — это недостаточное финансирование их деятельности. В числе других существенных проблем опрошенные нами работники называли отсутствие системы в работе с органами образования, конкуренцию с другими учреждениями, менталитет людей. Очевидно, активизация деятельности музеев по реализации указанных направлений будет способствовать не только росту их популярности во внешней среде, но и более активному использованию этнокультурного потенциала белорусско-польского пограничья в деле развития туристической отрасли в странах-соседах в целом.

Необходимость выполнения научно-исследовательской и просветительской функций предполагает создание и оснащение на современном уровне залов для проведения конференций, лекций и семинаров. Благодаря бурному развитию инфраструктуры цифровых коммуникационных сетей современный музей получил возможность демонстрировать свои коллекции всем желающим, в том числе людям, проживающим в других городах и странах. Посредством организации видеоконференций музей может принять в своих стенах посетителей даже из самых удаленных уголков мира. Бесспорно, что естественное и виртуальное его посещение значительно отличаются друг от друга, однако трудно переоценить просветительское и социально-культурное значение данного направления в развитии музейного дела в нашей стране.

Вторая половина XX — начало XXI в. отмечены в культуре как время «музейного бума»: темпы прироста числа музеев в мире в это время составляли в среднем 10% за каждые 10 лет, т. е. из всего числа существующих в мире музеев примерно половина была создана в течение последних пятидесяти лет [5, с. 13]. В настоящее время продолжается долгий и сложный процесс развития и становления музея как историко-культурного феномена. В связи с расширением социально-культурных запросов общества меняются его статус, задачи и функции. Современные музейные коллекции включают не только предметы постоянных и временных экспозиций, но и огромный объем ценнейшей информации, содержащейся в фондах, хранилищах и других подразделениях. Для его активного и эффективного использования музей должен обладать мощной инфраструктурой, способной обеспечить быстрый и удобный доступ к сведениям, хранящимся в соответствующих базах данных, а также современными компьютерными системами и технологиями, включая Интернет.

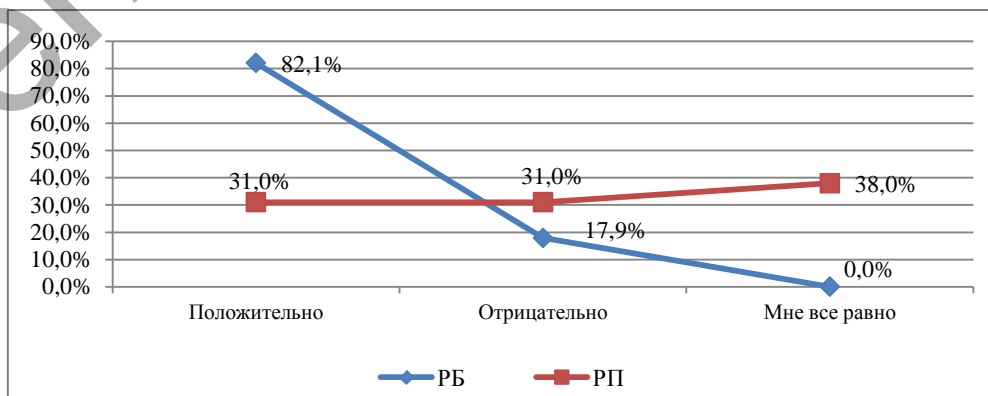

Рисунок 3 — Отношение к появлению в сети Интернет виртуальных музеев, которые позволяют увидеть экспозицию музея, не вставая из-за компьютера

Современный музей давно перестал быть хранилищем экспонатов для определенного круга ценителей: это в первую очередь культурный и досуговый центр, решающий задачу оптимального и выразительного представления своих коллекций, ориентированный в своей работе на различные категории потребителей. К традиционным задачам хранения, экспонирования и популяризации коллекций добавилось много новых. Вне зависимости от тематики музея, в нем должны располагаться специализированный магазин, кафе, аудитории, легко трансформирующиеся под разные функции, помещения для занятий с детьми и пр. В силу этого, а также в связи с постоянным пополнением коллекций, наряду с возведением новых зданий актуальны проблемы модернизации и расширения исторических музейных комплексов.

Музей включает в сферу своей деятельности не только объекты нематериального культурного наследия, но и является важнейшим институтом, способным сохранять и формировать историческую память общества, обеспечивая возможность более глубокого и широко аспектного понимания специфики его социально-культурного развития. Посредством музеефикации нематериальные культурные формы как элементы традиционной культуры приобретают ценность как для ее непосредственных носителей, так и для всего общества в целом. Выполняя роль аксиологического фильтра, музей через отбор из среды бытования, экспозиционную и вербальную интерпретацию явлений культуры вводит посетителя в систему ценностей собственной культуры, обеспечивая формирование оценочной установки как на уровне социума, так и на уровне отдельного индивида.

Принимавшим участие в исследовании респондентам было предложено составить портрет своего посетителя. По их мнению, музеи чаще всего посещают представители различных отрядов учащейся молодежи (дети, школьники, студенты). Затем следуют молодые люди, супруги с детьми, пенсионеры, туристы либо туристические группы, а также люди, интересующиеся историей либо конкретной экспозицией. Очевидно, что более тщательный анализ предпочтений различных групп посетителей, выявленных на основе изучения их возрастных, образовательных, социально-культурных, духовно-психологических особенностей, позволит формировать музеям не только успешные конкурентные предложения на рынке оказываемых ими услуг, но и обеспечит возможность надежного сохранения и эффективного использования и развития накопленного в пограничном регионе историко-культурного наследия.

Список цитируемых источников

1. *Sadowski, A.* Pogranicze Polsko-Białoruskie: tożsamość mieszkańców / A. Sadowski. — Białystok : Trans humana, 1995.
2. *Smułkowa, E.* Białoruś i pogranicza. Studia o języku i społeczeństwie / E. Smułkowa. — Warszawa, 2002.
3. *Беспамятных, Н. Н.* Этнокультурное пограничье и белорусская идентичность: проблемы методологии анализа кросс-культурных взаимодействий / Н. Н. Беспамятных ; науч. ред. проф. М. А. Можейко. — Минск : РИВШ, 2007. — 404 с.
4. *Беспамятных, Н. Н.* Белорусско-польско-литовское пограничье: границы, культуры, идентичности / Н. Н. Беспамятных ; под науч. ред. проф. М. А. Можейко. — Минск : РИВШ, 2009. — 244 с.
5. *Дриккер, А. С.* Музейный бум как феномен демократической культуры / А. С. Дриккер // Вестн. СПбГУ. Сер. 6. — 2012. — Вып. 3. — С. 10—15.

УДК 122/129

И. П. Потопович

Частное учреждение образования «Барановичский экономико-юридический колледж», Барановичи

ПАТРИОТИЗМ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Чувство любви к Родине является компонентом духовной культуры личности. Идея патриотизма во все времена занимала особое место не только в духовной жизни белорусского общества, но и во всех важнейших сферах его деятельности: идеологии, политике, культуре, праве, экономике и т. д. О важности и сложности этого вопроса говорит тот факт, что за последнее десятилетие отношение к патриотизму в разных социальных группах колебалось от полного неприятия до безусловной поддержки. Насущной остается проблема изучения причин такого положения в обществе, а также того, какое влияние оказывает патриотизм на духовно-нравственное состояние личности и общества в целом. Не вызывает сомнения тот факт, что общество не может полноценно функционировать без отлаженной должным образом не только самой системы патриотического воспитания, но и организованного на высоком научном уровне изучения этого вопроса.

Проблемы патриотизма рассматривались в трудах таких представителей мировой философии, как Платон, Фихте, Гегель, Ясперс.

Значительный вклад в развитие идей патриотизма внесли белорусские мыслители: М. Гусовский, Ф. Скорина, С. Будный, А. Волан, В. Тяпинский, Л. Сапега, С. Полоцкий, К. Калиновский, Ф. Богушевич и др.

Несмотря на большое количество трудов, посвященных исследованию патриотизма, следует признать, что уровень наших знаний о происхождении и сущности патриотизма не в полной мере соответствует требованиям современности. Практически отсутствуют исследования по истории самого патриотизма, а без знания проблемы возникновения, формирования и эволюции этого непростого и важного явления сложно строить практическую работу по его формированию. Насущным является осмысление нового содержания патриотизма в условиях активизации сепаратистских и националистических движений, усилении глобализационных процессов, соотношения национализма и космополитизма.

В начале III тысячелетия важнейшие проблемы современности, усилившиеся интернациональные процессы в мире выдвигают на первое место среди других вопросов духовной жизни страны соизмерение любви к своей Родине, верности ей, гордости за ее самобытность, культуру и историю. Патриотизму народа всегда отводилась особая роль в решении проблем личности, социума и государства.

Патриотическая идея в нашей стране всегда подпитывалась историческими событиями и фактами. Она передавалась из поколения в поколение. Ведь по своей сути патриотизм представляет собой одну из наиболее значимых, непреходящих ценностей, присущих всем сферам жизни белорусского общества и государства, характеризующих высший уровень духовно-нравственного развития личности и проявляющихся в ее активной деятельности самореализации на благо своего Отечества [1, с. 21].

В философских исследованиях патриотизм рассматривается как явление общественного сознания. Смысловое наполнение патриотизма зависит от конкретно-исторических условий жизни общества, его классов, политики господствующих групп, целей и задач, стоящих перед ними.

О развитии идеологии патриотизма правомерно говорить по отношению к более раннему историческому периоду. И связано это, прежде всего, с воззрениями таких философов-мыслителей, как Платон, Аристотель, Цицерон, Гегель, французских материалистов XVIII в., а также русских революционеров-демократов.

Отношение к Отечеству считали главным еще древние мыслители. «Самые благородные помышления о благе отечества», — говорил Цицерон в диалоге «О государстве» [2, с. 87]. Античные философы отводили патриотизму главную роль в системе нравственных обязанностей членов общества. При этом нравственная категория долга перед Отечеством означала для них не только его военную защиту, но и активное участие в государственном управлении.

Французские просветители XVIII в., несмотря на существенные различия в философских и политических взглядах, были едины во мнении о единстве патриотизма и политики, утверждая, что патриотические чувства и деятельность людей в конечном счете зависят от государства и его законов. Именно в них они видели основную причину, порождающую патриотизм. Более того, Д. Дидро, К. Гельвеций, П. Гольбах и некоторые другие мыслители того времени были уверены в решающем влиянии политических учреждений на формирование духовного облика людей.

Великий немецкий философ Гегель связывал патриотизм с чувством доверия граждан к государству. Развивая свою мысль, он писал: «Патриотизм основывается на сознании абсолютного государства. Такое унастроение, готовность отдать свое достояние и жизнь ради целого в народе тем больше, чем больше отдельный человек может ради общего дела действовать по собственной воле и самостоятельно и чем больше доверия испытывает он к государству» [3, с. 70].

Исторические документы и материалы, отражающие национальные интересы в допетровскую эпоху, свидетельствуют, что идеологии патриотизма до XVII в. в четко оформленном виде не было выработано. Идеи православия, державности и национальной сплоченности находили свое выражение в основном в литературных и религиозных источниках, отражались в национальной психологии русского народа на уровне обыденного сознания.

Петр I одним из первых среди государственных деятелей Российской империи предпринял попытку соединить великие идеалы борьбы с врагом за Родину и отразить их в указах, законах, наставлениях, воинских уставах и других законодательных актах, имеющих правовой статус. Необходимо подчеркнуть, что патриотическая идеология с самого начала формировалась Петром Великим как государственная идеология. В период реформаторских преобразований Петра I государственный патриотизм ставится выше всех нравственных ценностей. В основу патриотического воспитания Петром I была положена глубоко национальная идея преданности и верности своему Отечеству. В XVIII в. начинает складываться система патриотического просвещения и военно-патриотического воспитания. «Инструкция пехотного полка полковнику» предписывала командирам проводить работу по патриотическому воспитанию воинов посредством регулярного разъяснения и чтения уставов, артикулов, приказов, а также рассказов о славе и могуществе государства. Непременным правилом считалось, что каждый офицер будет ярким примером и носителем патриотизма [1, с. 24].

Важнейшей обязанностью каждого члена общества считали защиту Отечества декабристы. В проекте Конституции, составленном Н. П. Муравьевым, подчеркивалось, что каждый русский обязан носить общественные повинности, повиноваться законам и властям Отечества и являться на защиту Родины, когда востребует закон [4]. «Любовь к Отечеству — источник всех государственных добродетелей и сильнейшая подпора существования и благоденствия всех царств», — писал другой декабрист — С. Пестель [1, с. 23].

Свое понимание патриотизма, долга перед Отечеством мы находим в трудах А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, В. Г. Белинского и других революционеров-демократов. «Любовь к отечеству, — отмечал В. Г. Белинский, — должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину — значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому» [5, с. 489]. По мнению Н. Г. Чернышевского, «историческое значение каждого человека измеряется его заслугами перед Родиной, а его человеческое достоинство — силою его патриотизма» [1, с. 23].

Историк Н. М. Карамзин считал: «Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества и желание способствовать им во всех отношениях. Любовь к собственному благу производит в нас любовь к Отечеству, а личное самолюбие — гордость народную, которая служит опорой патриотизма» [1, с. 23].

Свой вклад в развитие теории патриотизма внесли В. С. Соловьев, И. А. Ильин, П. А. Флоренский, В. В. Розанов, Н. А. Бердяев и другие мыслители конца XIX — начала XX в. «Все наши политические достижения находятся в прямой зависимости от степени нашего патриотического воодушевления, от роста ответственного национального сознания в обществе и народе. Патриотизм есть великая школа гражданственности в опасный для Родины час», — писал Н. Бердяев [6, с. 13].

Прошлое нашей Родины свидетельствует о том, что во все времена государственно-патриотическая идея была одним из основных факторов, обеспечивающих формирование и развитие общества. Патриотизм был и сегодня остается характерной чертой менталитета белорусского народа, духовной основой государственности. Своими истоками он уходит в древность, в период распространения христианства на Руси и борьбы с многочисленными иноземными захватчиками, когда формировались традиционные моральные ценности нашего народа. Две трети своего существования наша Родина вела борьбу за сохранение своей независимости. В этих условиях патриотизм стал естественной государственной идеологией.

В современных условиях содержание воспитания по формированию гражданственности и патриотизма личности ориентировано на усвоение общечеловеческих гуманистических ценностей, культурных, духовных традиций белорусского народа, идеологии белорусского государства, правовых знаний, формирование готовности к исполнению гражданского долга, правовой ответственности. Работа, направленная на воспитание социально зрелой и профессионально компетентной, ответственной, открытой инновациям, приверженной высоким нравственным идеалам и традиционным национальным ценностям личности [7].

Термин «патриот» приобрел широкое распространение только в XVIII в., но как было отмечено выше, идеи патриотизма занимали уже мыслителей античности, уделявших им пристальное внимание.

Патриотизм (греч. *patris* родина) — это любовь к Родине [8, с. 473]; преданность и любовь к своему Отечеству, к своему народу [9, с. 494]; эмоциональное отношение к Родине, выражающееся в готовности служить ей и защищать ее от врагов [10, с. 447].

В период господства марксистско-ленинской идеологии патриотизм понимался односторонне. Так, В. И. Лениным патриотизм был поделен по классовому принципу, как феномены культуры и нации. Патриотизм определялся как «одно из самых глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных Отецеств». Следуя данной традиции, марксистская философская и социологическая наука, фактически игнорируя объективное существование патриотизма на общенациональном уровне во всех классово неоднородных обществах, положительно оценивала лишь «социалистический патриотизм» и его разновидность — советский. «Социалистический патриотизм» трактовался советскими исследователями как «глубоко осознанная преданность социалистическому Отечеству, идеалам «социализма и коммунизма, социалистическому общественному строю», деятельность, направленная на служение интересам социалистического Отечества [11].

Как педагогическая категория, «патриотизм» наиболее содержателен в трактовке В. В. Дьяченко: «сложное явление, ведущее интегративное качество личности» [12, с. 3]; у Н. В. Ипполитовой, где «его сущность связывается с интегративностью ее свойств [13, с. 9]; у И. В. Суколенова «как интегративный комплекс качеств личности» [14, с. 12].

В философской энциклопедии под редакцией Ф. В. Константинова патриотизм определен как любовь к отечеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам [15]. Аналогичное определение содержится и в философском энциклопедическом словаре под редакцией Л. Ф. Ильичева [16, с. 483]. В философском словаре Спонвиля отмечено, что патриотизм — любовь к Родине, свободная от ослепления и ксенофобии. Отличается от национализма и иногда служит для его маскировки. Национализм — это, как правило, чужой патриотизм, тогда как патриотизм — национализм от первого лица. Одно из свойств слепоты заключается в том, что человек не видит сам себя. Поэтому патриотизм ценен только в том случае, если подчинен разуму, носящему универсальный характер [17, с. 267].

Толковый словарь под редакцией Л. Я. Дятченко определяет это понятие как «чувство привязанности к стране рождения или проживания, выражающееся в готовности созидать и жертвовать личным благом для общественной пользы» [18, с. 110].

Анализ различных точек зрения на понятие и содержание категории «патриотизм» позволяет констатировать, что современное понимание сущности патриотизма эволюционирует. Он понимается как возвышенно-эмоциональное, как многообразное проявление возвышенного чувства любви к Отечеству (Л. Толстой, А. Солженицын); активно-деятельностное, где сила патриотического чувства не ограничивается

лишь глубиной и возвышенностью любви к Отечеству, а побуждает нас к активным действиям, поступкам на благо Родины (В. Ленин, Е. Троицкий). В конце 1960-х — начале 1980-х гг., он исследовался как явление общественного сознания (А. Крупник, В. Прозоровский, Л. Рошин, Г. Кочкалда); как одно из явлений духовной жизни общества с середины 1980-х годов (Б. Каневский, П. Шебардин, П. Петрий, О. Платонов), как проявление черт менталитета, психики, патриотизм — явление, пронизывающее все сферы жизни общества, его сознание, духовную жизнь (В. Соловей). Государство рассматривается как объект патриотизма, поэтому его можно назвать «государственным патриотизмом», главная идея, которого заключается в понимании патриотизма как проявления его субъектами чувства национальной гордости за державу, их активное участие в укреплении государства (Н. Карамзин, Н. Губанов, И. Ильин); личностный патриотизм, альтернативный по отношению к предыдущему. Г. Флоровский, рассматривает его «как культурное творчество и национальное напряжение собственных сил, именно этот личностный акт, а не военная мощь создает величие государства, формирует правильную и благословенную любовь к Родине» [2, с. 132].

На наш взгляд, наиболее всесторонним является определение, данное профессором Н. М. Ильичевым: патриотизм — это «исторически сложившаяся и диалектически развивающаяся категория социальной философии, в которой отражено положительное отношение людей к своей Родине, включающая патриотические сознание, деятельность, отношения, организации и реализующая мировоззренческую, методологическую, коммуникативную, регулятивную, ценностную и другие функции» [19, с. 87].

Исследуя идеологию патриотизма, необходимо раскрыть и функции, присущие патриотизму, что позволит более детально и глубоко познать его сущность. Н. М. Ильичевым определены следующие его функции:

1) мировоззренческая. Как известно, мировоззрение представляет собой систему наиболее общих взглядов человека на мир и на свое место в нем. Отсюда ясно, что патриотизм, являясь социальной категорией, способствует формированию мировоззрения;

2) методологическая. Поскольку метод есть способ духовной и практической деятельности по преобразованию действительности, то и патриотизм, включающий фундаментальные знания, реализует эту функцию;

3) коммуникативная. Проистекает из того, что патриотизм сплачивает, объединяет людей для решения наиболее кардинальных задач общественной жизни;

4) регулятивная. Выражается в добровольном выполнении личностью, различными социальными группами патриотических норм и принципов, обуславливающих развитие всех сторон прогресса страны;

5) ценностная. Выражается в том, что положения патриотического содержания являются теми критериями, которые обеспечивают определенные качества, направленность поступков как отдельных людей, так и различных общностей.

В условиях совершенствования современной системы образования Республики Беларусь возрос интерес ученых и педагогов к особенностям организации гражданско-патриотического воспитания. Это отмечено в нормативных документах на государственном уровне и многих методических публикациях. Формирование гражданственности, патриотизма и национального самосознания детей и учащейся молодежи на основе государственной идеологии — одна из основных задач воспитания [7]. Воспитание патриота предполагает преобразование его знаний в глубокие убеждения, которые могли бы быть применены в его практической деятельности. Патриотизм только тогда становится убеждением, когда закрепляется индивидуальным опытом, становится нормой патриотической деятельности. Патриотизм как элемент мировоззрения и важнейшая черта духовной культуры личности является неотъемлемым ее качеством.

Проведенное исследование понятия «патриотизм» позволило сформулировать следующие выводы.

Патриотизм представляет собой глубокую традицию отечественной гуманитарной науки и культуры. Он всегда рассматривался как необходимое условие силы народа, единства и величия государства. При этом сущность патриотизма по-разному трактовалась различными мыслителями, прежде всего, в плане его духовного выражения и реально-действенного проявления.

В содержание патриотизма, как категории социальной философии, входит четыре основных элемента: патриотическое сознание, патриотическая деятельность, патриотические отношения и организации. Функции патриотизма могут быть сведены к следующим: мировоззренческая, методологическая, коммуникативная, регулятивная, ценностная.

Социокультурные условия современной Беларуси позволяют молодому человеку по-новому взглянуть на свою страну, глубже осмыслить личную сопричастность к ее истории и культуре, осознать свою роль в укреплении и развитии Отечества. Формирование настоящего патриота предполагает преобразование его знаний в глубокие убеждения, которые могли бы быть применены в его практической деятельности. Патриотизм только тогда становится убеждением, когда закрепляется индивидуальным опытом.

Список цитируемых источников

1. *Азарова, А. В.* К вопросу об истории развития идеологии патриотизма в России / А. А. Азарова // *Вестн. Воен. ун-та.* — 2010. — № 3 (23). — С. 21—25.
2. *Цицерон, М. Т.* Диалоги: О государстве; О законах / М. Т. Цицерон. — М.: Наука, 1994. — 224 с.
3. *Гегель, Г. В. Ф.* Работы разных лет: в 2 т. / Г. В. Ф. Гегель; сост., общ. ред. А. В. Гулыгин. — М.: Мысль, 1971. — 209 с.
4. *Губанов, Н. И.* Отечество и патриотизм / Н. И. Губанов. — М.: Политиздат, 1960. — 34 с.
5. *Белинский, В. Г.* Полное собрание сочинений: в 13 т. / В. Г. Белинский. — М., 1954. — Т. 4. — 674 с.
6. *Волков, С.* Николай Александрович Бердяев / С. Волков // *Совет. патриот.* — 1990. — № 21. — С. 12—17.
7. Концепция непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи [Электронный ресурс]: утв. постановлением М-ва образования Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 82. — Режим доступа: <http://adu.by/?p=7769>. — Дата доступа: 02.03.2016.
8. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — 20-е изд. — М.: Азбуковник, 1999. — 944 с.
9. Современный энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. — 2-е изд. — М.: Совет. энцикл., 1982. — 1120 с.
10. Политический энциклопедический словарь / отв. ред. и сост. Ю. И. Аверинцев. — М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. — 988 с.
11. *Волков, И.* Не быть иностранцами в своем Отечестве / И. Волков // *Ориентир.* — 1998. — № 3. — С. 7—9.
12. *Дьяченко, В. В.* Современные проблемы патриотического воспитания учащейся молодежи / В. В. Дьяченко. — М.: Наука, 1999. — 98 с.
13. *Ипполитова, Н. В.* Теория и практика подготовки будущих учителей к патриотическому воспитанию учащихся: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / Н. В. Ипполитова. — Челябинск, 2000. — 24 с.
14. *Суколенов, И. В.* Теория и практика гражданского образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01 / И. В. Суколенов. — М., 2001. — 37 с.
15. *Философская энциклопедия*: в 5 т. / под ред. Ф. В. Константинова. — М.: Совет. энцикл., 1960—1970. — Т. 4. — 592 с.
16. *Философский энциклопедический словарь* / гл. ред.: Л. Ф. Ильичев [и др.]. — М.: Совет. энцикл., 1983. — 840 с.
17. *Философский словарь* / под ред. А. Конт-Спонвиля. — М.: Этерна, 2012. — 502 с.
18. *Социальные технологии: толковый слов.* / под ред. В. Н. Иванова. — Белгород: Луч — Центр социальных технологий, 1995. — 978 с.
19. *Ильичев, Н. М.* О сущности, содержании и значении патриотизма / Н. М. Ильичев // *Вестн. Рос. филос. о-ва.* — 2002. — № 3. — С. 84—92.

УДК 346(476)

Е. В. Речиц

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина», Брест

О НЕКОТОРЫХ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ И ПРИКЛАДНЫХ ПРОБЛЕМАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬНИЧЕСТВА КАК ТРАДИЦИОННОЙ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЙ ПРАКТИКИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

На белорусских землях добровольничество (древнеслав. добро и воля) зародилось у самых истоков государственности как практическое воплощение традиционных духовно-нравственных ценностей славян любви к ближнему и безусловной отзывчивости, душевной щедрости и милосердия, единства и непоколебимой силы духа. На пути построения сильной, независимой и процветающей республики добровольничество содержательно обогащалось в зависимости от историко-культурного контекста, не утрачивая при этом своих устремлений к достижению всеобщего мира и спокойствия, свободы и безопасности, социальной справедливости и реализации возможностей для всех людей. В современных условиях жизнедеятельности белорусского общества и государства, когда человечество претерпевает кардинальные преобразования, характеризующиеся высокой степенью непредсказуемости и интенсивности, неуклонно возрастает роль добровольчества в качестве вклада в национальное устойчивое развитие и средства приближения всех социальных групп к общей цели развития человека [1; 2].

Признавая важную роль добровольчества в деле доставления благополучия белорусскому обществу, в то же время нельзя не учитывать возможные риски многообразных последствий данного вида социальной активности в случаях ее недостаточного урегулирования и подконтрольности государству: при отсутствии научно обоснованных теоретических подходов к добровольчеству сохраняется угроза утраты доверия населения к общественно-полезной деятельности, распространения туеядства, создания благоприятных условий для деморализации и т. д. Очевидно, что необходимо применять все возможные усилия для устойчивого формирования в общественном сознании адекватного взгляда на сущность добровольчества, понимание которой не может быть усвоено инстинктивно и приобретает исключительно в результате глубокого и всестороннего изучения этого вида деятельности.

Белорусское добровольничество страдает от полнейшего отсутствия специальной литературы по этой проблеме. Несмотря на наличие, хотя и предельно узкого, перечня экономической и гуманитарной литературы по отдельным аспектам осуществления добровольчества таких белорусских авторов, как Ю. Веремейко, С. О. Каминская, Ю. М. Козлова, С. Н. Козрев, Т. Н. Кузьмина, И. В. Лижбанова,

С. Овсейко, И. Н. Панцакова, О. В. Потапенко, В. Рязов, С. И. Тимошенко, И. Шагойка, Л. Шехман и некоторых других, внимание со стороны отечественной науки к проблеме добровольничества до сих пор практически не уделялось.

Добровольничество как историко-культурная практика берет начало от традиций милосердия и великодушной щедрости, которые являются общечеловеческими ценностями, имеющими глубокий нравственный и гуманистический смысл, связанный с зарождением духовности человека. Историко-культурная практика помощи ближнему, оказавшемуся в трудной жизненной ситуации и не способному самостоятельно ее преодолеть, существовала до становления национальных и мировых религий, а с возникновением последних вошла органической частью в освящаемые божественным авторитетом нравственно-этические системы. Личности, занимающие активную жизненную позицию, не остающиеся в стороне тогда, когда их помощь необходима окружающим, готовые принести в жертву не только свои имущественные интересы, а зачастую собственную жизнь ради достижения всеобщего благополучия, совершая тем самым подвиг, во многом определили судьбу белорусского народа.

С давних времен наряду с понятием «добровольничество» в широкий обиход вошло не идентичное ему по содержанию и значению понятие «добровольчество», которым в наиболее общем смысле первоначально обозначался один из способов комплектования и пополнения вооружённых сил, основанный на привлечении в войска добровольцев. Безусловно, добровольное поступление на военную службу является неотъемлемой частью совокупности общественно полезных отношений, возникающих в связи с осуществлением добровольниками деятельности в национальных интересах. Логика «укорачивания» формы слова «добровольничество» на «добровольчество», вероятно, объясняется объективными потребностями военнослужащих в кратком, четком и простом лексиконе.

В настоящее время под добровольничеством следует понимать совокупность общественно полезных отношений, возникающих в связи с осуществлением добровольниками деятельности в национальных интересах во всех сферах жизнедеятельности белорусского общества и государства в контексте устойчивого социально-экономического развития нашей страны в целом и приближения всех групп белорусского общества к общей цели развития человека в частности. По сути добровольничество является особым типом социальной активности инициативных граждан вне зависимости от их культурных и этнических особенностей, религии, возраста, пола, физического, социального и материального положения, в котором волонтерство выступает как определяющий фактор развития и системообразующая организационная форма. Добровольничество способствует вовлечению всех членов белорусского общества в процесс определения и решения его проблем; поддерживает и создает возможности для молодежи быть лидерами посредством добровольного служения обществу, как неотъемлемой составляющей их жизни; дает возможность каждому быть услышанным; создает возможность для каждого быть добровольником; дополняет, но не заменяет общественно полезную деятельность других секторов экономики и оплачиваемых работников; создает возможности людям приобретать новые знания и навыки, полноценно развивать свой творческий потенциал и уверенность в себе; содействует солидарности на семейном, общинном, национальном и глобальном уровнях [3].

Выдвигая на передний план функции обмена и взаимности, добровольничество перестает ограничительно отождествляться с осуществляемой исключительно из альтруистических побуждений волонтерской деятельностью и основывается на множественности побудительных мотивов. Добровольничество предусматривается главным образом в трех следующих ипостасях: во-первых, как пропагандируемое государственными органами «обязательное добровольничество» граждан; во-вторых, как организуемые и проводимые гражданами и организациями волонтерство, пожертвование, спонсорская помощь; в-третьих, как содействие граждан и организаций государственным органам при решении общественно полезных задач, в первую очередь при выполнении обязанностей по охране общественного порядка, борьбе с правонарушениями, отправлению правосудия. В результате построения цифровой экономики в нашей стране вскоре станет уместным вести речь об «онлайн-добровольничестве», характеризующимся широким применением информационных систем и технологий различного уровня.

Действующее законодательство Республики Беларусь в целом благоприятно для дальнейшего развития добровольничества в национальной историко-культурной практике как по кругу участвующих в такой деятельности граждан, так и по охваченным сферам занятости населения (образовательный процесс, услуги здравоохранения, социальное обслуживание, охрана окружающей среды, физическая культура и спорт, оказание гуманитарной помощи). При этом на нормативном правовом уровне необоснованно не применяется системный подход к регулированию добровольничества как совокупности общественно полезных отношений, возникающих в связи с осуществлением добровольниками деятельности в национальных интересах во всех сферах жизнедеятельности белорусского общества и государства. Добровольничество не закреплено как свободное волеизъявление, безвозмездное предоставление, которое осуществляется на основе принципов добровольности, честности, равноправия и соблюдения законности в части осуществления деятельности добровольников; свободы в определении целей, форм, видов и методов в выборе добровольнической деятельности, основанной на безусловном соблюдении прав человека и гражданина, национального законодательства, традиций и общественного уклада; гласности и общедоступности информации о добровольнической деятельности с безусловным соблюдением прав личности,

семейной тайны, персональных данных и информации; гуманности, соблюдения прав и свобод человека и гражданина как получателя помощи добровольника, так и самого добровольника; равенства всех независимо от пола, вероисповедания, национальности, языка, социального статуса, возраста в праве на осуществление добровольничества с безусловным соблюдением национальных традиций; солидарности, добросовестности, честности и порядочности, поддержки участников добровольнического движения; безопасности для жизни добровольника и жизни окружающих, сохранности их имущества, охраны окружающей среды; равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества в сфере добровольничества [4].

Приходится констатировать, что ни официальные документы, ни складывающаяся практика их исполнения не дают почти никакого представления о реальном состоянии и тенденциях белорусского добровольничества, только при тщательном изучении проблемы обнаруживается целый ряд обстоятельств, тормозящих его правильное развитие. В частности, нет ни одного специального государственного органа или иной организации, направляющей, координирующей, руководящей, организующей, контролирующей других участников в указанном направлении, не ведется почти никакой обязательной статистики, белорусское общество совершенно не знакомится с деятельностью практикующих добровольников, а часто даже не знает об их существовании, граждане и их объединения иногда затрудняются с поиском, куда им обратиться с просьбой об участии в общественно-полезной деятельности. Белорусы не имеют должного представления о философии добровольничества, об идеях и целях истинного добровольничества, а добровольники не имеют заслуженной солидарности и согласия с единомышленниками, не взаимодействуют с государственными органами и друг с другом, что лишает множества выгод и преимуществ, происходящих от действия совместными усилиями и взаимопомощи в общем деле.

Например, рассматривая «пожертвования» и «спонсорскую помощь» как две организационные формы добровольничества, можно отметить, что по своей сути оба вида деятельности основываются на «акте доброй воли», осуществляются свободно и безвозмездно инициативными гражданами и их объединениями вне зависимости от культурных и этнических особенностей, религии, возраста, пола, физического, социального и материального положения. Направления и формы предоставления пожертвований и спонсорской помощи, как правило, совпадают и затрагивают многие сферы общественной жизни (образовательный процесс, услуги здравоохранения, социальное обслуживание, охрана окружающей среды, физическая культура и спорт, оказание гуманитарной помощи и др.). Несмотря на общность идейной основы, можно выделить все же некоторые разграничения предоставления пожертвований и спонсорской помощи, главным образом, исходя из системы источников государственного регулирования, получателей предоставлений, степени конкретизации цели предоставлений. Специальное комплексное исследование в области политико-программного и правового обеспечения белорусского добровольничества, в результате которого были бы определены целесообразные формы предоставления пожертвований и спонсорской помощи, в наибольшей степени соответствующие потребностям нашего государства и в наименьшей степени подвергаемые коррупционным рискам и другим злоупотреблениям, лучшие средства для собирания пожертвований и спонсорской помощи и их распределения, способы противодействия распространению тунеядства и деморализации при предоставлении пожертвований и спонсорской помощи и прочие аспекты этой общественно полезной деятельности.

На основании вышеизложенного очевидно, что в современных условиях жизнедеятельности белорусского общества и государства добровольничество следует признать одним из наиболее актуальных векторов государственной политики по достижению целей устойчивого развития в Республике Беларусь. Все упомянутые недостатки объясняются во многом сравнительной молодостью нашей страны в деле политико-программного и правового обеспечения добровольничества. Нет никакого сомнения, что в ближайшем будущем пробелы эти будут восполнены и Республика Беларусь займет и в этом высокогуманном деле соответствующее почетное место в числе прочих цивилизованных государств.

По нашему мнению, необходимо поступательное совершенствование государственного регулирования добровольничества, начиная с формирования концептуальной основы, отраженной в специальном политико-программном документе, наделенном юридической силой и обязательным к исполнению всеми государственными органами, иными организациями и гражданами, согласно трем уровням источников (политико-программные документы, обеспечивающие осуществление добровольничества; нормативные правовые акты, регулирующие общественные отношения, возникающие при осуществлении добровольничества; международные соглашения Республики Беларусь, затрагивающие различные аспекты добровольничества, обязательства по выполнению которых принимает наша страна).

В специальном политико-программном документе должны быть определены цели, задачи и принципы добровольничества; направления добровольничества; этапы реализации государственной политики в данной области; институциональная модель реализации добровольничества, включающая государственные органы, общественные объединения и иные организации; способы, методы и функции осуществления добровольничества; взаимодействие органов управления в области добровольничества друг с другом и с аналогичными органами управления других стран; система организационно-правовых, экономических и идеологических мер реализации добровольничества; ожидаемые результаты осуществления добровольничества. К национальной концепции добровольничества должен прилагаться соответствующий национальный план мероприятий, подлежащий систематическому пересмотру в зависимости от достигнутых результатов проведенных мероприятий и реального состояния дел в обозначенной области.

В предлагаемом к разработке Законе Республики Беларусь «О добровольничестве», предметом регулирования которого следует признать широкий спектр общественно полезных отношений, возникающих в связи с осуществлением добровольниками деятельности в национальных интересах во всех сферах жизнедеятельности белорусского общества и государства, следует установить правовые основы добровольничества в Республике Беларусь, включая необходимый понятийно-категориальный аппарат относительно добровольничества, основные принципы осуществления добровольнической деятельности, виды добровольческой деятельности, цели и задачи добровольнической деятельности, основные формы и порядок ее осуществления, меры по государственной поддержке добровольников и многое другое. Имплементация международно-правовых норм в национальное законодательство позволит учесть европейский и международный опыт в указанном направлении, а также наладить двухстороннее сотрудничество Республики Беларусь с другими странами в области добровольничества на основе положений соответствующих международных документов. Главным критерием необходимости и достаточности имплементации международно-правовых норм по вопросам осуществления добровольничества выступают национальные интересы Республики Беларусь, что обосновывает рассмотрение международных документов не как бесспорного эталона, а как возможного образца для формирования национального законодательства в обозначенной области.

Список цитируемых источников

1. Послание белорусскому народу и Национальному собранию [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. — Режим доступа: http://president.gov.by/ru/news_ru/view/poslanie-k-belorusskomu-narodu-i-natsionalnomu-sobraniju-18594/. — Дата доступа: 10.08.2018.
2. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс] // М-во экономики Респ. Беларусь. — Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitija-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf>. — Дата доступа: 10.08.2018.
3. Всеобщая декларация добровольчества [Электронный ресурс] : [принята на XVI Всемирной Конференции Международной Ассоциации Добровольческих Усилий — IAVE, Амстердам, январь, 2001 г.] // Режим доступа: <http://www.kdobru.ru/materials>. — Дата доступа: 20.11.2018.
4. О модельном законе о добровольчестве (волонтерстве) [Электронный ресурс] : постановление Межпарламентской Ассамблеи государств—участников Содружества Независимых Государств, 16 апр. 2015 г., № 42-15 : [принято в г. Санкт-Петербург 16.04.2015 г.] // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2018.

УДК 78.03(367)

М. І. Святошчык

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

ПРАБЛЕМА ЗАХАВАННЯ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ Ў РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ

Адзінае пытанне з'явілася падставай да напісання гэтага артыкула: чаму большасць беларусаў працягвае размаўляць на рускай мове? Адказ на гэтае пытанне мае на ўвазе не толькі знаёмства з гісторыяй Беларусі, але і тэарэтычнае веданне аб тым, якім чынам у сучасным грамадстве выжываюць тыя ці іншыя мовы, асабліва «нацыянальныя».

З канца XVIII ст., па меры распаўсюджвання ідэй нацыяналізму ў Еўропе сфармавалася ўяўленне пра мову як пра аснову нацыянальнай ідэнтычнасці. Гэта значыць, што існаванне нацыі наўпрост звязвалася з наяўнасцю «нацыянальнай мовы», якая з'явілася да «нацыянальнага адраджэння». Аднак у канцы XX ст. погляды змяніліся, з'явілася ўяўленне пра «нацыянальную мову» як пра «канструктар», які ствараўся паралельна працэсу распаўсюджвання нацыяналізму. «Нацыянальная мова» ў гэтым выпадку з'яўляецца не столькі асновай нацыянальнай ідэнтычнасці, колькі вынікам яе фарміравання, выконваючы важную сімвалічную ролю крытэрыю «адрознівання» нацыянальных культур [1, с. 21].

Прымяненне сучасных канцэпцый дае новыя падставы для аналізу моўнай сітуацыі ў Беларусі, у тым ліку і для аналізу пачатковага перыяду фарміравання «нацыянальнай мовы». Калі ісці за аўтарамі гэтых канцэпцый, то не наяўнасць беларускай «нацыянальнай мовы» (стандартызаванай літаратурнай формы) папярэднічала стварэнню беларускай нацыі ў канцы XIX — пачатку XX ст., а наадварот: у ходзе стварэння нацыі і з'яўляецца беларуская «нацыянальная мова», помнікам якой стала «Беларуская граматыка для школ» Б. Тарашкевіча, выдадзеная ў 1918 г. Яна была апублікавана ўжо пасля таго, як з'явіўся нацыянальны рух, які стаў выкарыстоўваць моўныя адрозненні ў якасці рэсурсу для атрымання палітычнага капіталу. У сучаснай Беларусі, як і ў перыяд «нашаніўскага Адраджэння», праблема распаўсюджвання беларускай мовы шмат у чым працягвае яшчэ трактавацца як праблема

канчатковага здабыцця нацыянальнай ідэнтычнасці. Аднак варта адзначыць, што за фасадам спрэчак пра мову часта стаяць зусім іншыя праблемы, значна больш глыбокія [2, с. 11].

У перыяд рэалізацыі савецкага мадэрнізацыйнага праекту (1917—1991) сфера ўжывання беларускай мовы значна паменшылася. Беларусізацыя 20-х гг. XX ст. была згорнута, а ў 1933 г. правялі рэформу па спрашчэнні беларускай мовы і набліжэнні яе да рускай. Культурнае адзінства БССР грунтавалася на камуністычнай ідэалогіі і рускай мове, што пераўтварылася не толькі ў мову «міжнацыянальных зносін», але і ў мову, пры дапамозе якой у асноўным можна было зрабіць кар’еру ў савецкай краіне [3, с. 15].

У савецкі перыяд у нашай краіне і з’явілася «трасянка»: многія этнічныя беларусы размаўлялі на беларускай мове, сталі выкарыстоўваць рускую мову па кар’ерных меркаваннях, што спараджала накладанне дзвюх моў адна на адну і ўзнікненне вельмі спецыфічнай з’явы. Акрамя гэтага, паступова адбылася «дэвальвацыя» сацыяльнай каштоўнасці беларускай мовы ў масавай свядомасці, яна стала асацыявацца з «вясковым», неўрбаністычным ладам жыцця. Тую рускую мову, якая і пачала распаўсюджвацца ў БССР, нельга, аднак, назваць менавіта рускай. Хутчэй за ўсё яе можна назваць «савецкай рускай мовай», паколькі гэта была мова прапагандысцкіх штампай і канцылярызму, савецкае «навамоўе» (па вызначэнні Б. В. Сарнова) [2, с. 21].

Акрамя таго, інтэрвенцыя рускай мовы ў беларускую культуру і грамадства суправаджалася не пераносам на ўсё зместу рускай культуры ў поўным аб’ёме, а распаўсюджваннем «кароткай версіі рускай (савецкай) культуры», арыентаванай на неадкладнае і неглыбокае выкарыстанне.

У сучасных індустрыяльных грамадствах, колькасць людзей, якія выкарыстоўваюць у паўсядзённай камунікацыі мову, непазбежна скарачаецца, што звязана з неабходнасцю адзінай сістэмы камунікацыі. У ходзе савецкай мадэрнізацыі, аднак, адносна натуральны працэс змяншэння моўнай разнастайнасці быў значна ўзмоцнены палітычным складнікам: мовы не проста «паміралі», ім дапамагалі гэта зрабіць. Або захоўвалі нацыянальныя мовы ў якасці фальклорнай адзінкі. Беларуская мова ператварылася ў сімвал супраціву камуністычнаму мінуламу, акрамя гэтага, яна апынулася найбольш відавочнай для выкарыстання культурным «адрозненнем», якім неадкладна можна было скарыстацца для мабілізацыі насельніцтва ў рамках ідэі нацыяналізму [1, с. 19].

У 1990 г. беларуская мова была абвешчана дзяржаўнай, і пачаўся новы этап беларусізацыі. У правядзенні гэтай беларусізацыі і ў спрэчках вакол яе ўдзельнічалі розныя палітычныя сілы і сацыяльныя групы, чые інтарэсы, аднак, адрозніваліся. Наданне рускай мове статусу дзяржаўнай не толькі пашырала электаральную падтрымку ўлады ўнутры краіны, але і дала магчымасць ператварыць беларускую мову ў адзін з прадметаў торгу за танныя рэсурсы. Беларусь стала ледзь не адзінай постсавецкай краінай, якая захавала рускую мову ў якасці дзяржаўнай мовы ў абмен на ўмацаванне эканамічнага і палітычнага саюза з Расіяй. Захаваўшы палітычны суверэнітэт, афіцыйная Беларусь адмовілася ад культурных каштоўнасцяў ва ўгоду вялікай палітыцы. Рашэнне моўнай праблемы ў 1995 г. было заснавана на гістарычна складзеным факце ўкараненнасці рускай мовы ў постсавецкай Беларусі, але яно не было аб’ектыўным ў адносінах да беларускай мовы як мовы тытульнай нацыі [1, с. 26].

Адзін з фактараў, якія ўплываюць на існаванне мовы, — гэта дзяржаўная моўная палітыка. Менавіта ад палітычнай волі дзяржавы залежыць масіраваная інтэрвенцыя беларускай мовы ў сферу адукацыі і прававодства, забеспячэнне хоць бы рэальнага двухмоўя, зыходзячы з рашэнняў рэфэрэндуму. Але на сёння дзяржава хутчэй заахочвае захаванне рускай мовы ў якасці асноўнай. Геапалітычны фактар таксама мае вялікае значэнне для будучага развіцця беларускай мовы. Уніфікуючыя тэндэнцыі ў культуры ў рамках праекта Саюзнай дзяржавы адрозніваюцца ад прынятай у Еўропе ўвагі да культурнай разнастайнасці і павагі да такіх «дэталей», як «нацыянальныя мовы» [3, с. 17].

Лёс беларускай мовы залежыць ад волі яго носьбітаў. У сучаснай Беларусі з’явілася праслойка маладых людзей, якая належыць да ўрбанізаванага пакалення і адносіцца да беларускай мовы даволі нязвыкла: мова стала інструментам дэманстрацыі «стылю жыцця», індывідуальнасці, якая абапіраецца не толькі на нейкія асабістыя якасці, але і на культурную традыцыю. Такое выкарыстанне беларускай мовы падобна, на першы погляд, на спажывецкія практыкі выбару «брэндавага» адзення або іншых рэчаў, якія надаюць нам нейкую «каштоўнасць», і ўсё ж справа ідзе некалькі інакш.

Каб выкарыстоўваць беларускую мову ў якасці каштоўнага адрознення, трэба прыкласці нямала намаганняў, пераадолюючы кожны раз здзіўленне тых, хто ўсё жыццё размаўляў на рускай. Новае пакаленне людзей, выбраўшы беларускую мову, арыентавана не столькі на нейкую пэўную палітычную пазіцыю, колькі на ідэю сучаснасці і дэмакратычных каштоўнасцей, якія адносяцца перш за ўсё да сферы прыватнага жыцця: у сённяшняй Беларусі надзвычай цяжка не папусціцца статкаваму пачуццю і настойваць на сваім праве выбіраць тые спосабы камунікацыі, да якіх чалавек схільны [1, с. 71].

Такім чынам, жаданне размаўляць на беларускай мове сёння — жаданне быць аўтаномным суб’ектам, самастойна вызначаць свае звычкі. Новае пакаленне беларусаў вырасла ўжо не ў СССР, руская мова для іх перастала быць «святой». Глобалізацыя і рынак працы спрыяюць росту папулярнасці іншых замежных моў. Гэтыя працэсы, дарэчы, не памяншаюць шанцы для адраджэння беларускай мовы, хутчэй, наадварот. І, вядома, застаецца спадзявацца на тое, што грамадства Беларусі, у якім пакуль дамінуюць «каштоўнасці выжывання», дасягне ўзроўню эканамічнай бяспекі, зможа перайсці да рэалізацыі «каштоўнасцей самавыяўлення», якія ўключаюць у сябе культурную разнастайнасць, цікавасць да традыцый і нацыянальнай мовы як спосаб быць сучасным «культурным чалавекам».

Спіс цытаваных крыніц

1. Ласкоў, М. А. Адкуль пайшла беларуская мова / М. А. Ласкоў. — Мінск : Беларус. энцыкл., 2003. — С. 156.
2. Затулін, К. С. Саюзная дзяржава на постсавецкай прасторы / К. С. Затулін // Садружнасць. — 2001. — № 6 (39). — 27 чэрв. — С. 34.
3. Версіі: ці патрэбна беларусам беларуская мова? // Белгазета. — 2001. — 25 чэрв. — С. 26.

УДК 94(470)(476)“1917”

Н. Е. Семенчик

Учреждение образования «Белорусский государственный технологический университет», Минск

ДОСТИЖЕНИЯ И УТРАТЫ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ В БЕЛАРУСИ

События Февральской революции 1917 г. в Беларуси с разной степенью объективности и полноты освещены в трудах ее современников (Б. Бреслав, А. Бурбис, Д. Жилунович, В. Кнорин и др.) и отечественных партийно-советских историков (В. Ивашин, И. Игнатенко, В. Кругалевич, Н. Сташкевич и др.). Как правило, в центре их внимания находилась тема борьбы большевиков за власть. В значительно меньшей степени в работах представлены процесс формирования новой политической системы, позитивная деятельность в этом органов Временного правительства и политических партий, отношение населения к Учредительному собранию и многое другое, что не вписывалось в ленинскую концепцию социалистической революции. Между тем специальное рассмотрение этих аспектов позволит выяснить значимость Февральской революции для Беларуси с момента крушения самодержавия и до Октябрьского переворота.

Победа вооруженного восстания в Петрограде 27 февраля 1917 г. привела к крушению авторитарной системы в Российской империи. В числе последних актов царствования Николая II стал его Указ от 2 марта о формировании нового кабинета министров во главе с Г. Е. Львовым. Данный властный орган, вобравший в себя высшие законодательные и исполнительские функции, был рассчитан на определенный срок, отсюда и его название — Временное правительство. Его министры видели свое предназначение не только в решении неотложных текущих задач, но в подготовке выборов Учредительного собрания с тем, чтобы передать в сферу его полномочий осуществление всех назревших политических, социально-экономических и других проблем государственного значения. Провозглашенная 3 марта Декларация Временного правительства положила начало реформационному обновлению государственного и общественного организма.

Известия о падении самодержавия и формировании нового правительства вызвали в стране мощный морально-политический подъем. С особым ликованием граждане приняли провозглашение демократических свобод, амнистию политическим заключенным, отмену смертной казни, роспуск жандармерии и полиции. По этому случаю в не оккупированных германскими войсками городах и местечках Северо-Западного края прошли торжественные мероприятия с участием всех слоев населения и военнослужащих [1, с. 22—25].

Отречение Николая II освобождало всех военнослужащих от принесенной ему присяги, что позволило им с чистой совестью дать клятву на верность Временному правительству. Признание армией правительства явилось определяющим фактором в установлении нового политического режима. Под руководством военного командования происходило создание в губернских, уездных и волостных центрах так называемых «комитетов общественной безопасности» — временных органов власти по поддержанию порядка, которые действовали до лета 1917 г. [1, с. 113]. Также с ведома командования вместо губернаторов и земских начальников высшие должности в губернских и уездных центрах передавались вновь назначенным комиссарам. Чуть позже вместо волостных управ прошло избрание волостных комитетов. Одновременно городские думы и земские собрания стали пополняться так называемым демократическим элементом, т. е. представителями трудящихся, профсоюзов, партий, а также Советов рабочих и солдатских депутатов. Полная демократизация городских органов самоуправления произошла в июле—августе, а земских — в сентябре—октябре 1917 г. [1, с. 126—129].

Временное правительство в числе важнейших мероприятий, необходимых для укрепления строя, сочло необходимым избавить армию от рудиментов царской дисциплины, которая, помимо прочего, унижала достоинство рядовых воинов. Кроме того, опасаясь возможности использования вооруженных сил высшим командованием в контрреволюционных целях, военный министр А. Гучков отстранил от должности многих генералов, в том числе командующих Западным и Северным фронтами. Он же разрешил деятельность в войсках солдатских и офицерских комитетов, создаваемых для разрешения конфликтных ситуаций, улучшения быта и просвещения военнослужащих и т. д. Съезд рабочих и солдатских делегатов Западного фронта, состоявшийся в Минске 7—17 апреля 1917 г., свел все солдатско-офицерские организации под начало Исполнительного комитета (Искомзап). В результате здесь обосновался крупный центр революционной демократии Западного фронта и расположенных в Беларуси

гарнизонов. Завершающим аккордом в деле укрепления армии в целях обороны революции, упрочения демократии и поддержки Временного правительства стал майский приказ военного министра А. Керенского о введении в действие Декларации прав воина-гражданина [1, с. 75].

Революционные перемены в обществе актуализировали земельный вопрос. С учетом того, что основная масса военнослужащих была мобилизована из деревни, от его решения в значительной мере зависело морально-политическое состояние всех вооруженных сил. Поэтому Временное правительство в целях подготовки к аграрной реформе, возложенной на Учредительное собрание, приступило к созданию земельных комитетов. Их важнейшей функцией являлось также предотвращение крестьянских захватных выступлений. Значительную часть этой же работы взяли на себя продовольственные комитеты, созданные для обеспечения «хлебной монополии», и Советы крестьянских депутатов. Летом 1917 г. всем названным структурам, возглавляемым (в своем большинстве) эсерами, удалось пресечь несанкционированный дележ помещичьих угодий и лесов. Белорусские организации не смогли привлечь крестьянство к совместной работе по реализации классовых и национальных интересов, поэтому оно оставалось в русле эсеровской политики.

Для других народов России именно этот аспект (реализация национальных интересов) стал важным направлением деятельности и стимулом в развитии революции. Определяющим для евреев фактором в этом процессе стало осуществление в марте 1917 г. постановлений Временного правительства о ликвидации национального и религиозного неравенства, а также моральная поддержка всего русского общества [1, с. 42]. Одним из первых результатов преодоления порочной политики царизма в отношении евреев стало полное исчезновение публичного антисемитизма. Сам «еврейский вопрос» стал сферой деятельности исключительно еврейской диаспоры. Другое дело, что каждая из еврейских организаций — от сионистов до бундовцев — по-своему оценивала его содержание. Вместе с тем еврейское население, как и все остальное, в составе отдельных организаций или вне их имело возможность влиять на формирование властных структур и участвовать в работе общественно-политических организаций. Высокая общественно-политическая активность евреев позитивно отразилась на составе партий, городских Советов, самоуправлений, профессиональных союзов [2].

Национальное движение поляков за возрождение собственной государственности было поддержано Временным правительством и общественностью всей России [3]. Несмотря на существование в белорусских городах польских социалистических организаций, их влияние на соотечественников не было определяющим. Основная масса поляков при участии костела сплотилась вокруг национальных рад, которые тесно контактировали с Главным польским военным комитетом (Начполь) и в то же время следовали принципу невмешательства в общероссийские дела. В целях создания вооруженных сил будущей Польши на Западном фронте стали формироваться части I Польского корпуса во главе с генералом И. Довбор-Мусницким [4].

В отличие от евреев и поляков, движение белорусов за свои национальные идеалы не получило должной поддержки ни со стороны государства, ни общественности. Благодаря кипучей деятельности революционной демократии, прежнее название белорусских губерний «Северо-Западный край» уступило место «Западной области», но названия «Белоруссия», равно как и «белорусы», не получили распространения. По-прежнему подавляющее большинство сельского населения называло свою национальность в зависимости от вероисповедания (католик — поляк, православный — русский). Члены Белорусской социалистической громады (БСГ), которые восстановили свою деятельность в Минске, Бобруйске и за пределами Беларуси, призвали к сотрудничеству всех соотечественников, заинтересованных в осуществлении национальных лозунгов, в первую очередь в приобретении автономии и белорусской школы. О зрелости национальных лозунгов говорил инициатор создания отдела Партии народной свободы (ПНС) в Минске В. Самойло. Председатель фронтового комитета Всероссийского земского союза В. Вырубов отмечал целесообразность введения в белорусских губерниях областного управления. Но стоило организаторам белорусского съезда поставить в порядок дня вопрос о национальном самоопределении, как он встретил критику со стороны власти (в лице заместителя губернского комиссара И. Метлина) и деятелей революционной демократии (С. Ковалика, М. Фрунзе и др.). Основная причина их недовольства заключалась в том, будто требование съезда лозунга автономии не имеет поддержки широких народных масс; будто это является несвоевременным и вредным для развития революции. В дальнейшем немалые трудности белорусскому движению приносила ошибочная тактика лидеров БСГ, ее неспособность к компромиссам, предпочтение классовых лозунгов в ущерб национальным, увлечение работой в среде беженцев вне Беларуси, внутривластная борьба и др. [1, с. 45, 166]. Сильные нападки на белорусские организации имели место со стороны крестьянских Советов, а также Союза белорусской демократии (Гомель) и Белорусского народного союза (Витебск) [1, с. 110—111]. Тем не менее Центральная рада белорусских организаций, руководимая БСГ, не теряла надежд на признание российской общественностью прав белорусов на национальную автономию и продолжала за это бороться.

Новым явлением для городов и местечек Беларуси стало создание и развитие системы общественно-политических объединений трудящихся, народной интеллигенции, а также военнослужащих. Важнейшим стимулом их активности стало стремление поддержать центральную и местную власть, предотвратить вспышки насилия и объединить сознательных граждан против возможных контрреволюционных выступлений. В дальнейшем, рассматривая себя органами революционной демократии, они направляли

свою основную энергию на поддержку политики Петроградского, а с мая—июня 1917 г. исполкомов Всероссийских советов. Несмотря на то, что Советы являлись одним из источников формирования органов власти на местах, они не выказывали претензий на власть. Общность задач, которые стояли перед ними в деле закрепления завоеваний революции, способствовала сближению и объединению их в единые уездные (Бобруйск, Гомель, Мозырь, Орша) и даже губернский (Витебск) Советы. Рабоче-солдатским и крестьянским Советом в своем большинстве удалось сохранить в трудовой массе и среди гарнизонной военных определяющее, по сравнению с другими организациями, влияние. Наибольших успехов в этом достигли лидеры революционной демократии Могилевщины [1, с. 72—93].

Рабочие организации — профсоюзы и фабрично-заводские комитеты (ФЗК), созданные в первую очередь для защиты интересов трудящихся, — хотя прямо и не выдвигали политических требований, но также участвовали в их реализации. Следует отметить, что рабочие стремились отстаивать свои экономические интересы путем компромисса и лишь в крайних случаях использовали забастовки. В целом рабочее движение находилось под контролем его партийных, профессиональных и советских органов [1, с. 81—84].

Существенным завоеванием Февральской революции явилась многопартийная система, в том числе и в белорусских губерниях. В силу прифронтового расположения и особой этносоциальной структуры местного населения роль каждой из партийных организаций была неодинаковой. Так, рабочие и служащие расположенных здесь учреждений по обслуживанию фронта, а также военнослужащие составляли основной источник пополнения социал-демократов (РСДРП), Партии социалистов-революционеров (ПС-Р) и Партии народной свободы (ПНС). Заметную роль в партийной жизни играли также бундовцы, сионисты, социалисты-сионисты, поалеиционисты, а также белорусские, польские, латышские и другие социалисты.

На первом этапе развития революции, в марте — первой половине апреля 1917 г., на волне всенародного подъема, сильного идейного противостояния между партийными организациями не наблюдалось. Партийное сотрудничество имело место в РСДРП, местные члены которой долгое время находились в составе объединенных организаций (Минск, Могилев, Витебск, Рогачев). Деятельность большевиков как «партии революционного пролетариата», по существу, проходила в солдатской среде, а их влияние на тот же пролетариат по причине его малочисленности и подконтрольности Бунду было незначительным. Не случайно посылаемые из Минска в Витебск номера газеты «Звезда» в городе не распространялись, а направлялись прямо на Северный фронт. Близкой к РСДРП по формам и содержанию партийной деятельности являлась ПС-Р, которая стремилась объединить трудящихся города и села, а также народную интеллигенцию. Партия эсеров оказывала определяющее влияние на белорусское крестьянство, имела высокий авторитет среди военных (Бобруйск, Могилев, Минск, Орша, Полоцк), а также рабочих (Витебск, Гомель, Мозырь). К осени эсеры прочно закрепились в советах, военных комитетах, думах, земствах, земельных комитетах и в ряде профессиональных союзов. Неизменная преданность Трудовой народно-социалистической партии (ТН-СП) идеям коалиции и оборончества обеспечила им правые позиции в лагере социалистов, но необходимой поддержки со стороны местного населения она не приобрела.

Революционная демократия считала буржуазию во главе с Партией народной свободы (ПНС) своим классовым и идейным антиподом. В то время, когда подавляющая масса населения (из той ее части, кто интересовался политикой) оказалась в русле влияния социалистических идей, направленных на удовлетворение классовых интересов, кадетская программа построения нового общества в интересах каждого и всех на основе верховенства права и обеспечения свобод имела шансы на поддержку в первую очередь части жителей и военнослужащих с прочным чувством гражданственности, имеющих сравнительно высокий уровень интеллектуального развития, весомый общественный статус и значительный объем собственности. Не случайно поэтому партийные отделы кадетов в первую очередь составляли земские и военные чиновники, юристы, налоговые служащие, предприниматели, финансисты, священники, высшее офицерство и др. Даже часть крестьян, в своей массе отрубники и хуторяне, выказывали заинтересованность к кадетской аграрной программе. Но, несмотря на открытость ПНС, пополнение и расширение ее организаций происходило сравнительно медленно, а сама их деятельность сопровождалась острой критикой со стороны революционной демократии. В целом все существовавшие в Беларуси партийные организации (за исключением большевиков) осуществляли курс на закрепление новой политической системы, с тем чтобы с помощью парламента усовершенствовать ее с учетом интересов всех слоев населения. Примечательно и то, что в Беларуси даже в дни корниловщины не оказалось ни одной контрреволюционной организации.

Местные партийные организации в своей практической деятельности почти не затрагивали национального вопроса, ограничиваясь резолюциями с признанием права наций на самоопределение (РСДРП), право наций на самоопределение вплоть до отделения и создания самостоятельного государства (РСДРП б), право национальной автономии в составе федеративной Российской республики (ПС-Р и ТН-СП), за единую Российскую республику (ПНС). Примечательно также, что эта проблема затрагивалась ими в связи с национальным движением украинцев, финнов, татар, но никак не белорусов. Едиными организациями, которые солидаризировались с национальными требованиями последних, были украинские социалисты и деятели польских рад. В целом же присутствие белорусских представителей во властных (комиссариаты, думы, земства), общественно-политических (Советы, общественные комитеты, профсоюзы и др.) организациях значительно уступало представителям польской и еврейской диаспор. Белорусские

организации (БНК, ЦРБА) и партии не пользовались авторитетом ни в правительственных кругах, ни в среде революционной демократии. Как правило, их деятельность происходила изолированно от последней. Несмотря на определенные успехи их отдельных организаций, само движение еще не впитало в себя той массы народа, чтобы можно было преодолеть национальный и политический застой и вместе с другими народами осуществлять право на самоопределение.

В вопросе о форме национального самоопределения белорусов революционная демократия встала на точку зрения о целесообразности объединения территорий их проживания в самоуправляемую область, а не выделения белорусских губерний в национальную автономию во главе с Краёвой радой в составе Российской федеративной республики. Такое сложившееся к октябрю положение вещей было обусловлено господствовавшим в российском обществе представлением о белорусах как западном ответвлении народа русского, а посему якобы не имеющих оснований претендовать на собственную государственность. В отличие от евреев и поляков, которые всемерно использовали установившийся демократический режим в своих национальных интересах, белорусы в этом плане все еще заметно отставали от них. В числе иных причин, тормозивших этот процесс, следует назвать низкий уровень национального и политического развития белорусского крестьянства, классовые предпочтения лидеров БСГ, а также сильную антибелорусскую агитацию со стороны эсеров и большевиков. Определенные сдвиги к лучшему обнаружились только осенью, когда белорусские лозунги были вынесены для обсуждения общероссийской общественности, а также после того, как началось создание фронтовых белорусских организаций.

С обретением демократических прав и свобод все граждане и военнослужащие приобрели реальные возможности формировать органы власти и участвовать в их работе. Известно также, что состав органов Временного правительства на местах в течение своего существования с марта по октябрь 1917 г. не оставался неизменным. По мере политизации общественной жизни их состав значительно расширился за счет представителей партий, Советов, общественных комитетов, национальных и других групп. Причем, роль Советов в этом была если не главной, то очень значительной, о чем свидетельствуют, в частности, факты отстранения по их инициативе витебского и моголевского губернских комиссаров, а также множества уездных. Что касается городских и земских самоуправлений, то уже летом—осенью после перевыборов они превратились в реальные всенародные органы местной власти, где преобладали представители социалистических партий.

Характерными чертами общественно-политической жизни в период с марта по октябрь 1917 г. являлись наличие идейного плюрализма, свобода слова, гласность, открытость в решении спорных вопросов, признание определяющего авторитета Учредительного собрания и т. д. Господство революционной демократии во всех сферах общественно-политической жизни Беларуси не препятствовало деятельности других слоев населения — помещиков, священников, чиновников и др. В то же время заинтересованность крестьян политической не выходила за пределы аграрной проблемы. Такими же экономическими, но никак не политическими соображениями руководствовались те из них, кто стремился укрепить свое хозяйство за счет помещичьего имущества. Эсеровским руководителям крестьянских Советов едва хватало средств, чтобы удерживать своих братьев по классу от захватных действий. По мере созревания нового урожая, активизации земельных комитетов и под воздействием большевистской агитации эти настроения в деревне все больше усиливались (в основном в среде хозяев с общинной формой землепользования).

С момента прихода Временного правительства к власти его курс на подготовку к Учредительному собранию получил всенародную поддержку, но в силу причин выборы в него откладывались [5]. В этой связи вся ответственность за непрекращавшуюся войну, нерешенные аграрный, продовольственный, рабочий, национальный и другие вопросы не всегда правомерно возлагалась на правительство. В частности, недальновидная политика Временного правительства продолжения войны до заключения демократического мира не достигла цели, а санкционированная ею демократизация вооруженных сил привела к упадку их боеспособности. Армия стала утрачивать те качества, на которые рассчитывала революционная демократия. Так, наделенные свободами и правами рядовых граждан солдаты переставали подчиняться командирам, отдавая предпочтение своим комитетам. В результате командование стало утрачивать контроль над подчиненными, а в армии усилились анархические процессы: невыполнение боевых приказов, братания, дезертирство, насилие в отношении офицеров и т. д. [6]. Мероприятия Временного правительства, направленные на укрепление дисциплины, в том числе и введение смертной казни за воинские преступления, вызывали острые протестные настроения солдат. В армии усилились лозунги свержения правительства. Из опоры ему она стала постепенно превращаться в его противника [7]. Желание воевать за освобождение страны от германской оккупации высказывали только белорусские организации, но формирование ими национальных частей началось только в 20-х числах октября.

Летом эсеры, возглавившие Министерство земледелия и земельные комитеты, форсировали процесс учета и распоряжения государственной и частной собственности, чем в ряде мест вызвали организованный ее захват крестьянами отдельных деревень. В свою очередь и большевики усилили агитационную работу в деревне с призывом конфискации земель до созыва Учредительного собрания. Тем самым социально-экономическая обстановка в стране, в том числе и в Беларуси, еще более ухудшилась.

Проекты Временного правительства по разрешению продовольственной проблемы также оказались под угрозой, причем главным образом по его же вине. Дело в том, что объявленная им «хлебная монополия»

поддерживалась крестьянами до того времени, пока на продукты питания и фураж сохранялась их стабильная стоимость. Но как только правительство повысило на них цены, крестьяне стали придерживать хлеб, картофель, фрукты, сено и другие продукты нового урожая в целях их продажи с максимальной для себя выгодой. Их коммерческие расчеты подкреплялись резким ухудшением централизованного — из хлебных губерний России и Украины — снабжения населения Беларуси и окопников Западного фронта. Характерно также, что рост антивоенных настроений на фронте и в тылу стал отрицательно сказываться на крестьянских объемах поставок продовольствия и фуража интендантским службам. Вместе с тем начавшийся процесс разложения действующей армии сопровождался ростом спроса солдат на алкогольные напитки, производимые крестьянами. Как отмечалось в октябре 1917 г. на совещании работников продовольственных комитетов, Минская губерния «превратилась в один огромный винокуренный завод, снабжающий водкой-самогонкой, главным образом, фронт» [1, с. 172]. Как следствие провала «хлебной монополии» и возросшего дефицита продуктов в Беларуси участились случаи погромов солдатами помещичьих имений.

Объективно усиление антивоенных настроений на фронте и в тылу, угроза голода и обострение внутривластной борьбы в ходе предвыборной кампании в Учредительное собрание способствовали росту авторитета большевистской партии, которая связывала решение всех проблем со свержением Временного правительства и передачей власти Советам. Но основная масса Советов Беларуси, исключая Гомельский, Минский и Речицкий, этого лозунга не разделяла, считая носителями власти демократически избранные городские и земские самоуправления. Таким образом, объективно большевики представляли собой угрозу завоеваниям революции. Не случайно, гомельские и витебские социалисты назвали корниловский мятеж «большевизмом справа» [1, с. 160]. Но парадокс заключался в том, что, с одной стороны, большевистские лидеры не имели реальных шансов получить власть демократическим путем, а с другой — послефевральский режим не создавал им существенных препятствий для достижения своих целей насильственными средствами, через вооруженное восстание. Только в Беларуси и на Западном фронте численность членов и сочувствующих большевистской партии превысила 56 тыс. человек, в своем подавляющем большинстве военнослужащие [8].

Вместе с тем общее осложнение военно-политического и социально-экономического положения в Беларуси никоим образом не свидетельствовало о настроениях ее населения решить все назревшие проблемы путем новой революции. Существовавшая в белорусских губерниях система власти Временного правительства в совокупности с органами самоуправления, Советами, солдатскими комитетами и другими общественными объединениями представляла собой достаточно сильный организм, способный обеспечить поддержку нормальной жизнедеятельности населения и военнослужащих. В сентябре министр-председатель А. Керенский провозгласил установление в бывшей Российской империи республиканского строя и объявил о подготовке к выборам в Учредительное собрание. Состав Временного правительства, его комиссариатов на местах, а также органов местного самоуправления по партийному признаку становился все более социалистическим. Несмотря на частые смены кабинетов Временного правительства, оно оставалось символом победившей революции и ощущало поддержку революционной демократии. Достаточно сказать, что в Беларуси с марта по октябрь 1917 г. не произошло ни одного антиправительственного выступления [9].

В 20-х числах октября 1917 г. сильными дестабилизирующими положение в Беларуси факторами являлись столичные события, связанные с распространением известий о подготовке в Петрограде большевистского переворота. В ряде городов (Бобруйск, Витебск, Гомель, Речица) последнее обстоятельство вызвало серьезное беспокойство у жителей по причине возможных погромов и, как следствие, активность революционной демократии по формированию комитетов общественной безопасности. Белорусские организации, отстраненные от властных и общественно-политических рычагов управления краем, были не в состоянии повлиять на дальнейший ход событий.

Последствия Февральской революции для населения Беларуси, как и всей России, имели позитивный характер. Все граждане, в том числе и военнослужащие, получили равные демократические права, гарантировавшие реализацию их коренных социально-экономических, политических, национальных и других интересов путем осуществления реформ Учредительным собранием. Тому способствовали: всенародная поддержка Временного правительства и его политики, создание местных органов власти и самоуправления, многопартийной системы, Советов, профсоюзов, фабрично-заводских и солдатских комитетов, демократизация армии, численное и идейное господство революционной демократии. Белорусы в числе других узников бывшей «тюрьмы народов» получили возможность развернуть работу по обретению своей государственности. Вместе с тем поступательное развитие революции, долженствовавшей закончиться созывом и деятельностью Учредительного собрания, затормозилось главным образом по причине нерешительной и недальновидной политики Временного правительства (затягивание выборов в Учредительное собрание; чрезмерная демократизация армии, приведшая к резкому упадку ее боеспособности, провалу летнего наступления и дальнейшей большевизации; крах «хлебной монополии» и обострение продовольственной проблемы и др.), а также из-за чрезмерного увлечения общественностью реформистскими преобразованиями общества на фоне подготовки большевиками государственного переворота.

Список цитируемых источников

1. *Сяменчык, М. Я.* Грамадска-палітычнае жыццё на Беларусі ў перыяд Лютаўскай і Кастрычніцкай рэвалюцый (сакавік 1917 — сакавік 1918 г.) : у 2 ч. / М. Я. Сяменчык. — Мінск : БДПУ, 2001. — Ч. I. Грамадска-палітычнае жыццё ва ўмовах дэмакратычнага рэжыму. — 200 с.
2. *Сяменчык, М. Я.* Дэмакратызацыя грамадска-палітычнага жыцця і рэцыдывы антысемітызму на Беларусі (вясня—восень 1917 г.) / М. Я. Сяменчык // Тр. БГТУ. Сер. V. Політологія, філосафія, гісторыя, філалогія. — Мінск, 2004. — Вып. XII. — С. 7—14.
3. *Сяменчык, М. Я.* Нацыянальныя рухі на Беларусі ў кантэксце фарміравання новай палітычнай сістэмы (сакавік—кастрычнік 1917 г.) / М. Я. Сяменчык // Славянскі свет: мінулае і сучаснае : матэрыялы Рэсп. навук. канф., 26 сак. 2004 г. : у 2 ч. — Мінск, 2004. — Ч. I. — С. 226—233.
4. *Сяменчык, М. Я.* Польскія вайсковыя арганізацыі і фарміраванні на Беларусі ў 1917—1918 гг. / М. Я. Сяменчык // Праблемы айчынай і сусветнай гісторыі (да 60-годдзя доктара гістарычных навук, прафесара У. М. Міхнюка) : матэрыялы навук. чытанняў, г. Брэст, 28 вер. 2007 г. ; Брэст. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна. — Брэст : Выд-ва БрДУ, 2008. — С. 139—150.
5. *Сяменчык, М. Я.* Рэфармацыйныя і рэвалюцыйныя змены на Беларусі (сакавік—кастрычнік 1917 г.) / М. Я. Сяменчык // Тр. БГТУ. — № 5 (162). Гісторыя. Філосафія. Філалогія. — Мінск, 2012. — С. 41—45.
6. *Сяменчык, М. Я.* Наступальная кампанія рускай арміі 1917 года ў лесе Лютаўскай рэвалюцыі / М. Я. Сяменчык // Тр. БГТУ. — № 5 (143). Філосафія. Гісторыя. Філалогія. Вып. XVIII. — Мінск, 2011. — С. 33—36.
7. *Сяменчык, М. Я.* Аб стане законнасці і правапарадку на Беларусі ў кантэксце рэвалюцыйнага абнаўлення расійскага грамадства ў сакавіку 1917 г. // Тр. БГТУ. Сер. V. Політологія, філосафія, гісторыя, філалогія. — Вып. XVI. — Мінск, 2008. — С. 97-101.
8. *Семенчик, Н. Е.* Деятельность большевиков Беларуси в марте—октябре 1917 г. / Н. Е. Семенчик // Нац. ассоциация ученых (НАУ). — 2014. — № 5. — С. 141—143.
9. *Семенчик, Н. Е.* Становление и крах революционной демократии в Беларуси / Н. Е. Семенчик // Тр. БГТУ. — № 5 (169). Гісторыя. Філосафія. Філалогія. — Мінск, 2015. — С. 21—24.

УДК 316.6

А. А. Селезнёв

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

ФАКТОРЫ ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ВЫЗОВА ОБРАЗОВАНИЯ

Духовное здоровье общества является интегральным показателем культуры и развития общества, определяется социальными, ценностно-смысловыми установками каждого его индивида на самопознание, самовоспитание и самореализацию, которые опосредованы культурными традициями, образованием, экономическими условиями, социальной политикой государства, определяющими безопасность и эффективную жизнедеятельность каждого индивида и общества в целом [1]. Определение данного понятия отражает необходимость не только выделения психологической, нравственной составляющей из медико-биологического каркаса образных понятий «социальное здоровье», «здоровое общество», но и дополнения понятия «здоровый образ жизни». Традиционно господствующее понимание здоровья как биологического феномена, стандартная оценка эффективности функционирования общества по медико-биологическим, социально-экономическим показателям (рождаемость, смертность, заболеваемость, экономические потери и т. п.) не позволяют оценить уровень социально-психологических, нравственных девиаций, нарушающих правовые и моральные социальные нормы.

Современным вызовом образования являются новые научные направления, определяющие приоритеты здоровьесберегающей, психолого-педагогической и государственной деятельности по сохранению здоровья подрастающего поколения и общества в целом. Социальная психология как наука, изучающая закономерности познания людьми друг друга, их взаимоотношений и взаимовлияний в различных областях жизнедеятельности — хозяйственной, политической, воспитательной, лечебной и других, дополняется новым разделом «социальная психология здоровья», изучающим влияние особенностей взаимоотношений, жизнедеятельности людей на состояние их здоровья. Демографические факторы необходимо оценивать не только с биологических позиций, но и с социально-психологических, выделяя влияние фактора пола, возраста, образования, культуры, религии, принадлежности к этнической группе, социальному классу на индивидуальные копинг-стратегии в объяснении здоровья, гендерные роли; фактора этнической установки — на чувство принадлежности к определенному государству, приверженность его государственной идентичности, национальной идее, государственным символам и др.

В Республике Беларусь для представителей разных наций, культур, религий аспекты образования и веротерпимости, толерантности, национальной идентичности, коллективистской идентификации актуальны в связи с необходимостью выработки всеобщего нравственного закона в целях сохранения и развития духовного здоровья общества.

Развитие личности и общества подчиняется сложным, в том числе психологическим, законам, не поддающимся строгим математическим расчетам, через включение в духовную культуру. И это происходит иначе, чем развитие материальной цивилизации, что подтверждается мировой тенденцией роста насилия в современном мире.

Как утверждает В. Д. Губин в статье «Русская культура и феномен насилия», «насилие — естественное состояние человека, естественный способ общения одного индивида с другим, и будет оставаться таковым, пока общество находится на стадии своего “животного” развития, пока человек в массе своей остается, по Ницше, “супершимпанзе”» [2, с. 3]. Автор указывает: насилие — естественно; добро, альтруизм — искусственны. Нужно прилагать большие усилия, чтобы быть добрым. Быть добрым — это искусство. Отмечая рост насилия как доминирующей тенденции в целом, В. Д. Губин говорит о возможном появлении некоего межконфессионального мессии, который бы увлек всех людей мира открытием принципиально новых горизонтов бытия. И это должно возникнуть как альтернатива сложившейся культуре, которая не сдерживает человека от насилия.

Психоаналитик З. Фрейд в примечании к книге «Тотем и табу» отмечает, что «совесть (немецкое “Gewissen”) происходит от слова “wissen” (знать), а русское “совесть” — от “ведать”» [3, с. 355]. «Ибо что такое “совесть”? Как показывает само название, совесть составляет то, что лучше всего известно, в некоторых языках обозначение совести едва отличается от обозначения сознания» [3, с. 355]. Совесть — знание того, что можно и что недопустимо, сохраняемое многими поколениями людей, которое не нуждается в доказательстве и обосновании. Нарушение веления совести ведет за собой чувство вины, неизвестное по своему происхождению. Обращаясь к монотеистическим религиозным учениям, З. Фрейд называл их иллюзиями, сравнивал с бредовыми идеями [4, с. 504—505]. «О реальной ценности большинства из них нельзя судить: они в такой же степени недоказуемы, в какой и непроверяемы. Мы еще слишком мало знаем, чтобы подойти к ним критически. Загадки вселенной лишь медленно открываются нашему взору, наука в наше время на многие вопросы еще не может ответить» [4, с. 505]. В то же время З. Фрейд практически заимствовал структуру душевной жизни у махасангхиков, приверженцев большой общины в буддизме, религии без Бога с 2500-летней историей, цель которой — помочь человеку самому освободиться и освободить других от всего того, что окружает каждого в мире [5]. Таким образом, в каждой религии можно найти истоки современных направлений психотерапии: психоанализа, православной психотерапии.

Верно замечает Д. А. Авдеев: «Духовный, православный подход к больному человеку не подменяет медико-биологического взгляда, но обогащает, дополняет и завершает представление о личности» [6, с. 14]. «Сейчас болезнь чаще всего объясняется физиологической патологией. Приводимые Библией доводы сегодня воспринимаются как проявление невежества и суеверия. Но в некоторых христианских теологических трудах до сих пор сохраняется следующее представление: поскольку общеизвестно, что болезнь может вызывать какой-либо патогенный фактор или некое биологическое существо, то почему же не признать, что человеческий разум еще не позволяет нам обнаружить наличие духовных существ, которые могут сами выступать в роли опасного для физического или умственного здоровья патогенного фактора?» [7, с. 244].

Важными факторами духовного здоровья являются сохранение национальной идентичности и коллективистская идентификация белорусского общества. В социогуманитарном знании идентичность — одно из центральных понятий большинства культур-ориентированных дискурсов; выступает в качестве чувства самотождественности, собственной истинности, полноценности, сопричастности миру и другим людям; чувства обретения адекватности и стабильного владения личностью собственным «Я» независимо от изменений последнего и ситуации; способности личности к полноценному решению задач, встающих перед ней на каждом этапе развития.

В психологии З. Фрейд ввел понятие «идентификация» как бессознательный процесс подражания, самое раннее проявление эмоциональной привязанности ребенка к матери, эмоциональное слияние с ней, а также как способ защиты личности от давления инстинктов, как один из механизмов формирования личностно-моральной инстанции «сверх-Я» (супер-Эго) через отождествление ребенком себя с родителями или иным авторитетом и таким образом интериоризации их моральных норм и запретов, ценностей и соответствующих форм поведения. Для неортодоксального психоанализа понятие идентификации стало центральным механизмом формирования способности «Я-субъекта» к саморазвитию. С точки зрения психодинамического подхода, «Я» — сфера личности, характеризующаяся внутренним осознанием самой себя и осуществлением приспособления личности к реальности в силу воспитания на основе национальных традиций, соответствующего образования всегда «национальна», но глубинная основа психики человека и мотиваций, детерминирующих базовые жизненные активации, всегда «интернациональна», точнее, трансперсональна. Психоанализ убеждает нас в том, что «существует некое общее для всех ядро человечества» [8, с. 284].

Необходимо отметить рост националистических настроений в мире, особенно в условиях социально-экономической нестабильности. Национализм — идеология и политика, а также психология в национальном вопросе, противопоставленная интернационализму. Национализм проповедует верность и преданность своей нации, политическую независимость и работу на благо собственного народа, его культурное и духовное возрождение, объединение национального самосознания для защиты условий жизни нации, территории ее проживания, экономических национальных ресурсов и духовных ценностей. Нельзя отождествлять национализм и патриотизм, разделять умеренные и крайние течения в национализме (шовинизм, ксенофобия и др.). Национализм по мере своего развития проявляет себя через агрессию, способствует нарастанию межнациональной розни и этнической дискриминации, что относится к международным правонарушениям. Патриотизм, в отличие от национализма, направлен, прежде всего, на защиту интересов нации. В силу того, что многие современные радикальные движения подчеркивают свою

националистическую окраску, в средствах массовой информации, сознании многих людей бывшего СССР национализм часто ассоциируется с этнической, культурной и религиозной нетерпимостью, с нацизмом — формой фашизма с элементами расизма и антисемитизма.

С. А. Левицкий в книге «Трагедия свободы» пишет: «Один из главных корней современного кризиса — в ложном понимании свободы (индивидуализм) и в отрицании свободы (коллективизм). Трагедия современности есть в глубине своей трагедия свободы, не осознавшей своей подлинной природы» [9, с. 366]. В теоретико-методологическом плане изучение проблемы сохранения национальной идентичности народа приобретает особую важность для различных специалистов в сфере обучения и воспитания, поликультурного образования, в том числе для осмысления индивидуальной агрессивности, особенно в молодежной среде, профилактики ксенофобии, насилия и деструктивности, что убедительно свидетельствует о важности данной проблемы с точки зрения духовного здоровья общества.

После преступлений нацистов во время Второй мировой войны нацистская партия Германии была запрещена, однако в настоящее время партии с нацистской или неонацистской идеологией существуют во многих странах. Сотни концентрационных лагерей были организованы в 1933—1945 годах нацистами в Германии и оккупированной Европе для содержания политических и идеологических противников. Холокост (1933—1945) — истребление европейских евреев и других народов германскими нацистами — достиг пика в «Окончательном решении» (нацистской программе массового уничтожения) [10, с. 1088]. Нацисты считали евреев, славян и другие народы низшей расой и уничтожали их в концентрационных лагерях — Аушвиц, Бельзен, Дахау, Майданек, Трешлинка. Общее количество погибших только среди евреев достигало 6 млн человек — три четверти живших в Европе евреев. Холокост вызвал научные и моральные проблемы дальнейшего развития европейской цивилизации. Современные условия совместного проживания требуют коллективистской идентификации, совместной деятельности, гуманных отношений. Коллективистская идентификация означает единство мотивации, формирование взаимоотношений на основе нравственных принципов; наиболее полно выражается в сочувствии и соучастии, когда каждый член группы, общества эмоционально и деятельно откликается на удачу и неудачу каждого. Развал СССР привел к разрушению исторически новой для XX в. социальной и интернациональной общности — советского народа. В душевной области выделение части из целого, разрушение прежнего уклада жизни сопровождаются психосоматическими нарушениями и заболеваниями; в государственном масштабе последствия разрушения исторически сложившейся общности людей, возникшей на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, проявили себя через межнациональные конфликты, войны, тысячи убитых и покалеченных людей.

Взрослый образованный человек осознает, что имеет не только право на сохранение национальных культурных традиций, родного языка, но и обязанности перед «соседями» нашей коммунальной квартиры под названием «Земля». Когда речь идет о сохранении родного языка, культурных традиций — это одно, но, когда людей насильно заставляют говорить на чужом для них языке, ограничивают в трудоустройстве, вытесняют за пределы территории страны, где они родились, лишают гражданских прав — это уже государственная проблема в некоторых новых государствах, образовавшихся после распада СССР. Психология требует обратить внимание на место родного языка человека в системе высших психических функций — в их взаимоотношении с мышлением, сознанием, памятью, эмоциями; структуре личности и деятельности. Благодаря речи, особенно внутренней, которая формируется с детства в процессе интериоризации речи внешней, словесно выражаются процессы восприятия мира, действий и переживаний личности, формируются ее установки и отношения к миру, развивается способность к саморегулированию поведения. Таким образом, тот или иной «запрет», ограничения использования родного языка в общении, профессиональной деятельности затрагивает общую проблему сохранения психического, чреват нарушением духовного здоровья человека.

Совместный труд и общение людей снижают проблемы, «ломают» сложившиеся стереотипы, помогают человеку оставаться человеком, а не «супершимпанзе». В отличие от национализма, интернационализм проявляет себя в борьбе народов за национальное освобождение и добровольное сотрудничество представителей разных наций. Интернационализм, коллективистская идентификация на его основе — важнейшие условия развития современного человеческого общества, борьбы против военной опасности.

В современном транзитивном мире наряду с сохранением национальной идентичности необходима коллективистская идентификация народа как фактора стабильности, развития общества и государства в целом. Игнорирование коллективистской идентификации на основе учета исторического опыта существования и разрушения СССР в конечном итоге грозит проявлениями шовинизма, крайнего национализма, проповедующего расовую исключительность и разжигающего национальную вражду и ненависть.

Трансформация мировоззрения в обществе по-новому раскрывает перед нами проблему формирования общественного сознания, ориентированного на необходимость ведения здорового образа жизни, сохранения духовного здоровья общества. К сожалению, одним из главных механизмов, на практике обуславливающих сходство ценностных установок представителей разных социальных групп, являются транслируемые в обществе средствами массовой информации когнитивные схемы копинг-стратегий поведения, которые, в свою очередь, являются отражением не столько успехов профилактической медицины, психологии, педагогики, сколько коммерческих интересов компаний, представителей бизнеса.

Замена нравственных интересов на материальные, формируя потребительскую идеологию, не способствует сохранению здоровья людей, проявляется ростом психосоматических и соматопсихических нарушений. «Большая» социальная среда создает невротические, искаженные по форме и содержанию нормы «здорового» поведения. Демонстрация гомосексуальных связей через информационные технологии способствует «распаковке» *тени-Эго*, что облегчает распространение ВИЧ-инфекции и полностью исключает репродуктивную функцию человеческого общества. Алкоголизм и наркомания приводят к социальной дезадаптации, нарушениям генофонда. Насилие и жестокость, ненормативная лексика, транслируемые некоторыми средствами массовой информации, распространяются эпидемически среди детского и взрослого населения, выступая в качестве «модных» социально значимых моделей поведения. Создается «почва» для превращения человека разумного (*Homo sapiens*) в «животное» орудие для достижения чьих-то корыстных интересов.

По утверждению Сенеки Младшего, «когда человек не знает, к какой пристани он плывет, для него ни один ветер не будет попутным» [11, с. 73]. В погоне за удовольствиями, материальными благами цивилизации весьма заманчиво выглядит идеология А. Маслоу с ее «пирамидой потребностей», некритичное восприятие которой оправдывает стремление человека к наживе и богатству [12]. Но, заменив нравственные ценности на материальные, мы нарушаем свое психическое и телесное здоровье [13, с. 30—31]. В современных условиях развития цивилизации, энергетических и технических возможностей, роста численности населения, катастрофических природно-техногенных последствий проблема духовного выбора, психологического благополучия, смысла человеческого существования занимает одно из центральных мест. Прослеживается тенденция отказа от одностороннего увлечения идеалами антропоцентризма или идеалами социотризма, возвращение к идеям античного мира, которые находят свое отражение в идеале коэволюции, взаимосвязи интра- и интерперсональных установок личности на самореализацию и сотрудничество, на совместную эволюцию личности, общества и окружающей природно-социальной среды [14].

Предметом социальной психологии здоровья являются механизмы и закономерности влияния психологической культуры, образования на формирование психологического, духовного здоровья общества, обеспечивающие личностную, профессиональную эффективность и безопасность жизнедеятельности каждого человека, включенного в социальные сообщества; а также здоровьесберегающие факторы, закономерности и механизмы, присущие самим этим сообществам.

Выделение психологических, духовных факторов здоровья необходимо для проектирования профилактических образовательных программ в целях совершенствования психолого-педагогического сопровождения образования. Надеяться, что человек сам, без помощи специалистов сможет сориентироваться в современном информационном потоке и создаст собственную систему оздоровления — все равно, что уповать на ураган, который пронесется над свалкой и соберет «чудо»-лекарство от всех недугов личности.

Пути знания, совести и веры призваны освобождать людей от невежества и страха, вести к здоровому образу жизни, духовному здоровью. Отсутствие веры, будь то доверия к какому-либо богу, или, в более широком смысле, определенного видения мира, как и «слепое», неумеренное религиозное рвение всегда сопровождалось войнами, гибелью людей, опустошением государств. Иудаизм, христианство и ислам сближает между собой вера в единого Бога. Но их конфронтация в силу своих принципов и своих интересов в истории и в наше время является источником горя и страдания. «Философы говорят много дурного о духовных лицах, духовные лица говорят много дурного о философах; но философы никогда не убивали духовных лиц, а духовенство убивало немало философов» (Д. Дидро) [15, с. 121]. «Когда у какой-либо одной религии возникает претензия заставить все человечество принять ее доктрину, она становится тиранией» (Р. Тагор) [15, с. 128]. Путь науки также не всегда позитивен, учитывая то, что в первую очередь, огромные материальные ресурсы затрачиваются на создание различного рода оружия, все более изощренных средств уничтожения человечества, гонку вооружений. В то же время «каждый шаг прогресса в науке заставляет отступать религию» (М. Кашен) [15, с. 122]. «Я не сомневаюсь, что полубоги и даже боги древности — всего лишь те наши предки, которых высоко почитали» (Т. Уайлдер) [15, с. 128]. Искусство жизни, достижения духовного и телесного здоровья народа заключается в том, чтобы идя по стезе мудрости, знания, совести и религиозного чувства, люди не конфликтовали, не убивали друг друга.

Духовное здоровье народа необходимо укреплять как разумом, так и верой. И этому нам еще предстоит научиться. Образование должно способствовать духовному здоровью личности и общества, так как от богатства внутренней структуры каждого человека во многом зависят не только личностный рост, успех его профессиональной деятельности, сознательное отношение к ведению здорового образа жизни, но и безопасность развития государства.

Для реализации личностной, профессиональной эффективности и безопасности жизнедеятельности каждого человека социальная психология здоровья призвана решать задачи: разработки теоретико-методологических подходов к развитию психологической культуры и улучшению психологического, духовного здоровья личности и общества; исследования соотношения культуры и здоровья общества, критериев психологической культуры, духовного здоровья личности и общества; определения природы и сущности становления духовного здоровья народа; обоснования психологических основ диагностики

профилактической социально-педагогической деятельности; раскрытия механизмов и закономерностей формирования духовного здоровья личности и общества; изучения основ здоровьесберегающей деятельности специалистов системы образования; оценки эффективности; разработки психолого-педагогических здоровьесберегающих основ дальнейшего совершенствования образовательного процесса и др.

Список цитируемых источников

1. Селезнёв, А. А. Психологическое здоровье общества и социальная психология здоровья / А. А. Селезнёв // Дискуссионные проблемы социальной психологии : коллект. моногр. / отв. ред. А. Ю. Нагорнова. — Ульяновск : Зебра, 2018. — С. 105—119.
2. Губин, В. Д. Русская культура и феномен насилия / В. Д. Губин // Вопр. философии. — 1995. — № 5. — С. 3—5.
3. Фрейд, З. По ту сторону принципа наслаждения. Тотем и табу. «Я» и «Оно». Неудовлетворенность культурой / З. Фрейд. — Харьков : Книжный клуб «Клуб семейного досуга»; Белгород : Книжный клуб «Клуб семейного досуга», 2012. — 480 с.
4. Фрейд, З. Психоаналитические этюды / З. Фрейд. — Минск : Попурри, 2006. — 608 с.
5. Сагадеев, А. В. Ибн-Рушд (Аверроэс) / А. В. Сагадеев. — М. : Мысль, 1973. — 207 с.
6. Авдеев, Д. А. Очерки православной психотерапии. В помощь страждущей душе / Д. А. Авдеев. — М. : СофтИздат, 2012. — 464 с.
7. Зюбер, В. Словарь религий: иудаизм, христианство, ислам / В. Зюбер, Ж. Потен. — СПб. : Питер, 2009. — 656 с.
8. Фромм, Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. — Минск : Попурри, 1999. — 624 с.
9. Левицкий, С. А. Трагедия свободы / С. А. Левицкий. — М. : Канон, 1995. — 512 с.
10. Новый большой иллюстрированный энциклопедический словарь. — М. : АСТ : Дизайн. Информация. Картография, 2004. — 1256 с.
11. Селезнёв, А. А. Психология здоровья : учеб.-метод. пособие / А. А. Селезнёв; БарГУ. — Барановичи, 2006. — 132 с.
12. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. — СПб. : Питер, 2008. — 352 с.
13. Далай-лама. Мудрость Востока и Запада. Психология равновесия / Далай-лама, П. Экман. — СПб. : Питер, 2012. — 304 с.
14. Селезнёв, А. А. Основные положения и выводы психотерапии, ориентированной на психологическое здоровье личности / А. А. Селезнёв // Актуальные проблемы формирования психолого-педагогической культуры будущих специалистов : межвуз. сб. науч. ст. с междунар. участием. — Барановичи : РИО БарГУ, 2015. — Вып. 5 : в 2 ч. Ч. 1 : Психология / под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. Я. Л. Коломинского; отв. ред. А. А. Селезнёв; Междунар. редкол.: И. В. Дубровина [и др.]. — С. 94—111.
15. Ждан, А. А. Жемчужины мысли / А. А. Ждан. — Минск : Современ. шк., 2010. — 864 с.

УДК 32-027.21 (075.8)

В. Н. Сивицкий

Учреждение образования «Белорусская государственная академия авиации», Минск

АКТУАЛЬНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ГРАЖДАН В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Патриотизм, позиционируясь как основа консолидации белорусского общества, формирования сплочённого морального духа народа, как один из важнейших факторов обеспечения военной и шире — национальной — безопасности Республики Беларусь [8, с. 4; 4, с. 4; 5], является одним из главных концептов идеологии современного белорусского государства. В Концепции национальной безопасности патриотическое воспитание граждан рассматривается в качестве одного из основных направлений нейтрализации источников внутренних угроз и защиты от внешних угроз. В целях подготовки страны к обороне первостепенное внимание, согласно концепции, должно быть уделено «развитию в обществе патриотизма, воспитанию у граждан чувства ответственности за защиту Отечества» [5, разд. 4, гл. 8, ст. 55].

Обеспокоенность государства уровнем патриотизма различных слоёв населения на современном этапе неслучайна. На рубеже XX—XXI вв. наше общество столкнулось с серьёзными рисками, вызовами и угрозами, требующими кардинального совершенствования патриотического воспитания граждан.

В первую очередь это связано с обострением противоборства в мире в реалиях постиндустриального компьютерно-информационного общества. Небывалое обострение в мире информационно-консциентального противоборства значительно усложнило военно-политическую обстановку в мире и вокруг Республики Беларусь. В ситуации экспансии информационно-консциентального контента общества, с возрастанием тотальной связанности человека с информацией и усилением зависимости личности и общества от неё, в ситуации, когда при этом внешние угрозы национальной безопасности могут реализовываться через внутренние источники, по словам генерал-майора А. Н. Гуры, «необходимо достижение осознания гражданами того, что в современных условиях каждый из них является защитником своего Отечества, обеспечивая защиту национальных интересов Беларуси на своём конкретном участке, независимо от сферы и характера деятельности» [3, с. 39].

Развитие в белорусском обществе чувства патриотизма, усиление патриотического воспитания граждан становятся особо актуальными в контексте вступления в активную общественную жизнь нового — постсоветского — поколения людей, воспитанного на реалиях дико-прагматичного рыночного времени со всеми идеологическими и духовно-нравственными изъянами последнего, с его конкурентной средой

выживания и психологией индивидуализма. В перестроечное и постперестроечное время дух патриотизма в обществе значительно ослаб, патриотические ценности деформировались и девальвировались, появилось предвзятое отношение к патриотизму.

Кроме того, как заявил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко, выступая с ежегодным Посланием белорусскому народу и Национальному собранию 8 мая 2012 г., «вступает во взрослую жизнь новое, первое поколение белорусов, родившихся и выросших в суверенном государстве. Их Родина — Республика Беларусь. Их будущее — это будущее этой страны». «Новому поколению, — отметил Глава государства, — жить в новом времени — полном кардинальных изменений и тревожных вызовов. Наша с вами общая задача как эффективной власти современной Беларуси — сделать все, чтобы превратить эти вызовы в возможности и в успех страны. Но богатство — не самоцель. Убежден: движение вперед невозможно без искренней любви к Родине, земле предков, к своему народу. «Патриотизм проявляется не в словах и лозунгах, а в жизненной позиции человека, его повседневных трудах. В том, что он живет не только для себя, но и для своего Отечества». «Многое может меняться вокруг нас, но эта истина остается непоколебимой. Патриотизм был, есть и должен оставаться незыблемым постулатом нашей государственности. Это вечная ценность, которая скрепляет поколения» [6].

Очевидными факторами, оказывающими влияние на ослабление в обществе чувства патриотизма, готовности граждан к вооружённой защите независимости, территориальной целостности, суверенитета и конституционного строя Республики Беларусь, являются:

- экспансия в общественном сознании образцов массовой потребительской культуры, настраивающей индивида на удовлетворение материального интереса, ослабляющей духовные начала личности;
- негативные последствия процессов глобализации, ведущие к космополитизации ценностных установок личности, потере ею национально-культурной идентичности;
- утрата значительной частью населения, в особенности молодёжью, традиционных национально-культурных и религиозно-конфессиональных установок белорусского общества, размывание этих установок в индивидуальном и общественном сознании;
- распространение в мире и белорусском обществе идеологии плюрализма и либерализма, подрывающих устои традиционной народной этики должностования;
- чётко обозначившееся информационно-консциентальное противоборство, так называемое противоборство в сфере смыслов, призванное распространить в мире культурные образцы унифицированно-западного типа.

В Республике Беларусь много делается для организации патриотического воспитания граждан. Патриотическое воспитание в нашей стране носит системный характер, в нём задействованы как государственные организации, так и практически все общественные объединения, разработана и развивается нормативно-правовая база патриотического воспитания и т. д. Вместе с тем патриотическое воспитание граждан в стране связано с определёнными проблемами. Обозначение и осмысление их и составляет предмет нашего доклада.

Первая и главная, на наш взгляд, проблема патриотического воспитания — это проблема комплексности предпринимаемых усилий.

Комплексный подход предполагает обеспечение единства духовно-нравственного, культурно-этнического, информационно-просветительского, политического, пропагандистского, историко-культурного, социально-деятельностного и других направлений в формировании чувства патриотизма личности. Комплексность патриотического воспитания граждан предусматривает, что воспитательный процесс должен осуществляться во всех сферах, со всеми категориями граждан, на всех этапах их жизненного пути, всеми доступными формами и методами [4, с. 8]. Патриотическое воспитание при этом должно соответствовать социокультурной фактуре объекта воспитания. Содержание, методы, способы и формы педагогического и психологического воздействия на личность должны быть соотнесены с возрастом человека, спецификой его профессиональной деятельности, его интересами и пристрастиями. Патриотическое воспитание, вообще, не терпит унификации.

Реализуя принцип комплексности в современной социально-политической обстановке, очень важно учесть тот факт, что эффективность патриотического воспитания граждан явно зависит от успешности решения других проблем общества, от функционирования экономической, политической, социальной, духовно-нравственной сфер общества. Совершенствование системы патриотического воспитания граждан требует, таким образом, совершенствования всей деятельности государства и других политических институтов общества.

Чрезвычайно важным фактором комплексного подхода в патриотическом воспитании является в этом плане способность государства в максимальной степени гарантировать соблюдение в обществе принципа социальной справедливости. Осознание своего общества, своей страны как социально справедливой реальности значительно повышает градус патриотичности граждан.

Организуя систему патриотического воспитания, сегодня необходимо чётко осознавать национально-культурную природу чувства патриотизма, не искажая и не подменяя её какими-либо иными ценностными ориентациями личности.

Значимость национально-культурного контента в патриотическом воспитании граждан обуславливается тем, что именно осознание личностью и обществом своей национально-культурной принадлежности, своего потенциала самобытности обеспечивает аутентичность и полноценность развития личности, общества и государства. Способствуя процессу адекватной идентификации индивида в пространстве и времени, достижению социокультурной идентичности общества, установки национальной культуры выступают в качестве эффективного фактора интеграции субъектов культуротворческой деятельности и консолидации их усилий в различных сферах: политической, экономической, социальной, военной, правовой, религиозно-конфессиональной и др. Культура любой нации представляет собой особую целостную интегративную сферу смыслов, идей, ценностей, определяющих нравственную деятельность индивидов и сообществ людей.

Основу патриотического воспитания граждан Республики Беларусь в этом плане должна составлять чётко обозначенная национальная идеология государства. Национальная идеология в условиях глобализации необходима сегодня любому обществу, сохранившему в себе инстинкт самосохранения. Иначе общество рискует быть разметённым стихией космополитизма, мультикультурного плюрализма и хаоса.

Особого внимания в Республике Беларусь на современном этапе требуют вопросы сохранения и пропаганды ценностей аутентичной культуры титульного этноса страны — белорусов. Национальная культура белорусского народа в социокультурных реалиях современной Беларуси выглядит несколько затерянно, ужато-дозированно. В идеологических баталиях сил Запада и Востока, в публикациях даже отечественных СМИ историческая достоверность существования белорусского народа иногда подвергается сомнению, иногда вообще отрицается или же белорусский народ трактуется как исторически пассивный, исключительно мужицко-«сялянский» этнос, который на протяжении своей истории использовался то поляками, то русскими, то ещё кем-то.

Формирование явно негативного имиджа белорусского народа объективно подрывает и дискредитирует систему патриотического воспитания граждан в Республике Беларусь, поскольку именно культура белорусов, как титульного этноса, в нашей стране определяет типологический строй всей национальной культурной традиции, её самобытность, ментальные основы.

Невозможно воспитать патриота, подспудно прививая индивиду концепт исторической несостоятельности, арьергардности белорусского этноса, не видя позитивного в истории белорусов, развенчивая её национальных героев, подвергая сомнению титульность белорусского этноса в этноконфессиональной структуре белорусской нации.

Как препятствие на пути совершенствования патриотического воспитания граждан рассматривают эксперты тот факт, что за период существования суверенной, независимой Беларуси стране пока «не удалось добиться безусловного доминирования национального контента и государственных интересов в информационном и социокультурном пространстве». В республике до сих пор доминируют инациональные СМИ, инациональные ресурсы глобальной сети Интернет, несущие в себе потенциал негативного влияния на общество [4, с. 7].

Культурно-цивилизационное выживание белорусской нации и возможность её инновационного развития напрямую зависят от сохранения традиционной национально-культурной среды, поскольку это обеспечивает культуросообразность передачи жизненного опыта от поколения к поколению, культуросообразность системы обучения и воспитания. Рассуждая о мировоззренческом выборе белорусского общества и вызовах современности, Глава нашего государства А. Г. Лукашенко в докладе на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов 27 марта 2003 г. заявил, что единственно верным решением является развитие на «родной, сложившейся веками белорусской почве, <...> прежде всего, в рамках собственной культурной традиции. К заимствованию идеалов, ценностей и целей необходимо подходить осторожно» [7, с. 16]. «Собственные традиции, идеалы, ценности, цели и установки, — отметил Президент, — составляют стеновой хребет нашего народа. Они не придуманы, а выстраданы нашим народом, это результат естественного приспособления общества к окружающему природному и социальному миру. Внедрение чуждых установок никогда не сможет сделать тот или иной народ похожим на западный. А разрушить основы самобытной цивилизации может. В этом случае можно со всей определённостью сказать, что исчезнет не только культура народа, но и сам народ» [7, с. 16].

Значимой проблемой совершенствования системы патриотического воспитания граждан на современном этапе выступает сохранение историко-культурной памяти белорусского общества. Патриотическое воспитание напрямую связано со знанием национальной истории, которая служит постоянному возобновлению индивида и общества (прежде всего за счёт осознания того, что было с твоим народом, кто ближе твоему народу, твоей стране в исторической динамике времени, кто твой друг, а кто недруг).

Очень важно в плане сохранения историко-культурной памяти общества адекватно противодействовать фальсификациям истории Беларуси, в том числе и относительно исторических переплетений судеб Беларуси и России, Беларуси и Польши, относительно исторической сущности войн и восстаний, других событий, происходивших в Беларуси.

Патриотическому воспитанию объективно содействует работа по сохранению и актуализации материального и нематериального историко-культурного наследия белорусского народа, восстановлению

культурных памятников Беларуси. «Возрождение значимых культурных и исторических символов, воспитание патриотизма, любви и уважения к своей Родине на основе богатого культурного и исторического багажа страны, которым все белорусы должны заслуженно гордиться, — заметил Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в Послании белорусскому народу и Национальному собранию 8 мая 2012 г., — это важная часть формирования и развития национальной идеи. <...> Счастливо то общество, в котором гармонично сплетаются духовные ценности и материальные силы, традиции и новации, прошлое и будущее» [6].

Обращает на себя внимание то, что в содержании патриотического воспитания граждан в Республике Беларусь слабо и неуверенно, с некой оглядкой-осторожностью используются примеры славного исторического прошлого белорусского народа. Во все времена патриотическое воспитание граждан основывалось на пропаганде героики, доблести и чести лучших представителей народа. И это формировало позитивный имидж народа, общества, страны, патриотическое чувство гордости.

В контексте актуализации позитивной историко-культурной памяти индивида, в системе патриотического воспитания важно приобщать граждан к осмыслению традиций воинской доблести и славы, героики белорусского народа, ведь героический идеал, высокий образ деяний народа — одно из условий веры индивида и общества в собственные силы и возможности. В особенности следует обратить внимание на сохранение и приумножение памяти о совместной великой победе народов СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., о ценности этой великой победы [2; 3].

Патриотическое чувство, патриотическая направленность в целом — это качества высокодуховной, сформированной личности, определённо обладающей социально-личностными компетенциями.

В этом плане недопустимо сокращение блока социально-гуманитарных дисциплин в высшей и средней школе Беларуси, недопустим очевидный сегодня разрыв обучения и воспитания, отрыв формы от содержания. Упущения в системе образования чреваты в первую очередь ослаблением ценностно-мировоззренческой устойчивости личности, крайне опасной в условиях складывания информационного общества, усиления информационно-консциентального противоборства в мире. В информационных войнах нового поколения объектом поражения выступает общественное и индивидуальное сознание, его формы и структуры. Цель информационно-консциентального воздействия стран Запада, как показывают военные конфликты последних лет, — системное изменение стереотипов и сложившихся норм поведения людей, их ценностных ориентиров, ослабление или полное разрушение традиционных культурных ценностей и, таким образом, осуществление культурно-идеологической экспансии посредством привнесения извне инородных культурных ценностей [10, с. 37].

В целях недопущения ослабления социально-личностной компетентности молодёжи, как залога патриотичности личности, важно не допустить тотального сокращения преподавания социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования страны, поскольку именно эти дисциплины формируют мировоззрение обучающихся, их ценностно-нормативную ориентацию и обеспечивают, таким образом, содержание патриотического сознания индивида, патриотической направленности деятельности специалиста. «Проведённая в марте 2012 г. Министерством образования Республики Беларусь оптимизация содержания, структуры и объёма социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования, — отмечают эксперты, — создаёт благоприятную почву для развития рисков и вызовов национальной безопасности» [3, с. 40—41]. Сохраняющаяся тенденция сокращения блока социально-гуманитарных дисциплин в учреждениях высшего образования фактически ведёт к дестабилизации общества за счёт нарушения социального баланса сил в обществе, что, в свою очередь, ставит под сомнение возможность консолидации общества в целях реализации национальных интересов Республики Беларусь. «Фактическое уничтожение социально-гуманитарного блока в негуманитарных вузах или, в лучшем случае, создание видимости их изучения, — пишет доктор исторических наук Е. К. Новик, — обеспечат полное господство в стране технократов, у которых сосредоточены власть и деньги. Духовные и моральные ценности, «разумное, вечное, доброе» предаются забвению. Их место занимают «ценности дикого капитализма» — «укради, обогатись». Исследователь характеризует этот процесс как одну из крайне враждебных для нашей страны скрытых «тайн» Болонского процесса, в соответствии с которым в Беларуси и осуществляется «оптимизация» блока социально-гуманитарных дисциплин в системе высшего образования [9, с. 49].

Глубоким заблуждением представителей некоторых элит страны является противопоставление социально-гуманитарному знанию знания инженерно-технического, якобы способного в будущей профессиональной деятельности личности в одиночку сработать на приумножение национального богатства Беларуси. Тем самым умаляется прагматическая значимость социально-гуманитарного знания в процессе формирования специалиста того или иного профиля, и это явно не соответствует действительности. «Программа обучения в вузе, — пишет А. Н. Гура, — должна быть направлена не только на подготовку узкопрофильного, пусть даже высокопрофессионального специалиста, но и на формирование у него жизненных ценностей, идеалов и ориентиров, соответствующих управленцу-государственнику, формирование понимания национальных интересов Беларуси, готовности к их защите, умения их отстаивать» [4, с. 10]. Настало время специалистов-патриотов, а не специалистов-космополитов.

Проблемой патриотического воспитания граждан в Республике Беларусь является кадровое обеспечение идеологической работы по патриотическому воспитанию.

В системе патриотического воспитания граждан должны быть задействованы грамотные педагоги и воспитатели, искренне преданные стране, понимающие культурные ценности белорусского народа, белорусской нации. Повышение эффективности их усилий в деле патриотического воспитания граждан напрямую зависит от повышения в обществе престижа труда педагога, в первую очередь школьного учителя, в том числе путём более щедрого материального обеспечения. Система подготовки педагогических кадров нуждается в скрупулёзном отборе и пристальном воспитании будущих педагогов как высокодуховных личностей, способных воспитать патриотов.

Особого внимания сегодня требует работа с молодёжью. В совершенствовании форм и методов патриотического воспитания молодёжи в современных условиях, на наш взгляд, необходимо учитывать следующие аспекты:

1) важно прививать чувство патриотизма в семье, воспитывать патриота в духе семейных ценностей. Семья — это ближайшая и наиболее убедительная смыслообразующая среда формирования индивида, опыт семьи закладывает основы гражданственности и патриотизма личности. В системе деятельности государственных структур и общественных организаций большое место в этом плане должно занять принятие мер и мероприятий по укреплению института семьи, по организации общественно полезного досуга семей, акций с участием семей;

2) патриотизм личности нельзя сформировать без обеспечения уважительного отношения к месту, именуемому «малой родиной». С «малой родины» у белорусов начинается осознание Родины как таковой. В ускоренно урбанизирующемся белорусском обществе в этом плане мощным источником патриотического и гражданского воспитания личности может стать его историко-краеведческая направленность;

3) значим сегодня этнокультурный аспект патриотического воспитания, требующий обращения к формам, связанным с традиционной культурой народа, что дает индивиду возможность испытать чувство сопричастности к многовековой культуре нации, почувствовать себя ее частью и носителем;

4) патриотическое воспитание невозможно без знания родного языка и уважительного к нему отношения;

5) возрастным запросам молодёжи в деле патриотического воспитания сопутствовало бы усиление его героико-патриотической направленности;

6) в деле патриотического воспитания молодёжи важно учитывать эвристическую направленность развития личности молодого человека. Необходимо принимать во внимание также основную черту воспитанников — их постоянную поисковую активность, присущую именно молодёжи;

7) обращает на себя внимание также тот факт, что в системе патриотического воспитания молодёжи мало используется потенциал созидательного труда личности.

Значение трудового воспитания молодёжи в формировании патриотического сознания, патриотической направленности личности очевидно, поскольку труд — это созидание Родины, непосредственное участие в её функционировании и развитии. А тем, что создано самим, человек однозначно дорожит и готов защищать.

Трудовое воспитание может рассматриваться как социально-деятельностная форма формирования патриота. Патриотизм, как общественный и нравственный принцип личности, наиболее полнокровно формируется в непосредственной деятельности индивида. «Родина, — пишет Е. В. Беляева, — это ценность, которая образуется в результате освоения личностью социально-культурной «данности». Поэтому Родина — это духовная реальность, которая открывается тому, кто заинтересованно к ней относится. Социальные действия, в которых проявляется отношение к Отечеству, во многом и создают то Отечество, которое является предметом любви. Тот, кто ничего не делал во имя Родины, подчас не понимает, в чём её ценность» [1, с. 32].

Наконец, значительным препятствием на пути совершенствования патриотического воспитания граждан в Республике Беларусь является отсутствие в современном белорусском обществе единства взглядов на содержание патриотического воспитания. «Никакие отдельные усилия педагогов, организаций БРСМ, армии, ветеранской общественности, — замечает генерал-майор А. Н. Гура, — не приведут к успеху, если на государственном уровне не будет организован грамотный процесс патриотического воспитания» [4, с. 8]. Стоит согласиться с экспертом, что на современном этапе нужна всеобъемлющая государственная программа патриотического воспитания граждан Республики Беларусь [4, с. 8].

Разработка всеобъемлющей государственной программы патриотического воспитания граждан, в свою очередь, нуждается в глубоком научно-теоретическом осмыслении и обеспечении. Прежде всего речь идёт о создании строгих, научно обоснованных концепций патриотизма как феномена, об анализе его содержания и сущности, общественно-политической функциональности, связи с традиционными культурными ценностями и менталитетом белорусского народа, идеологией белорусского государства.

Список цитируемых источников

1. *Беляева, Е. В.* Этика гражданственности : учеб.-метод. пособие / Е. В. Беляева, Т. В. Мишаткина. — Минск : РИВШ, 2006. — 134 с.
2. *Гура, А. Н.* Борьба в сфере смыслов в начальный период Великой Отечественной войны: исторический опыт и уроки для современного этапа военного строительства / А. Н. Гура // Идеол. аспекты воен. безопасности. — 2011. — № 2. — С. 3—11.
3. *Гура, А. Н.* Нам есть что защищать / А. Н. Гура // Беларус. думка. — 2012. — № 5. — С. 31—42.
4. *Гура, А. Н.* Основа обороны страны / А. Н. Гура // Беларус. думка. — 2012. — № 10. — С. 3—10.
5. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь : утв. Указом Президента Респ. Беларусь № 575 от 9 нояб. 2010 г. // Беларус. воен. газ. — 2010. — 25 нояб.
6. *Лукашенко, А. Г.* Белорусский путь: патриотизм, интеллект, прогресс : Послание Президента Респ. Беларусь белорус. народу и Нац. собранию, 8 мая 2012 года / А. Г. Лукашенко // Республика. — 2012. — 10 мая.
7. *Лукашенко, А. Г.* О состоянии идеологической работы и мерах по её совершенствованию : доклад на постоянно действующем семинаре руководящих работников республиканских и местных государственных органов 27 марта 2003 г. / А. Г. Лукашенко // Информ. бюл. Администрации Президента Респ. Беларусь. — 2003. — № 4. — С. 6—47.
8. *Мальцев, Л. С.* Вооружённые Силы Республики Беларусь как фактор обеспечения мира, стабильности и безопасности / Л. С. Мальцев // Армия. — 2007. — № 1. — С. 2—6.
9. *Новик, Е. К.* Болонские тайны / Е. К. Новик // Беларус. думка. — 2012. — № 10. — С. 45—52.
10. *Сивицкий, В. Н.* Социально-философское знание в высшей военной школе Беларуси в контексте вызовов современности / В. Н. Сивицкий, И. Н. Чмыхун // Идеол. аспекты воен. безопасности. — 2012. — № 1. — С. 36—39.

УДК 7.078(78)

Н. О. Сиротко

Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

На современном этапе цивилизационного развития человечеству предстоит сделать важный выбор. Осознание глобальной катастрофы привело мировое сообщество к выводу, что следует пересмотреть свои ценности и осуществить значительную коррекцию курса развития. Ценности человечества нового тысячелетия, если мы хотим, чтобы оно существовало, необходимо согласовывать с законами надсистемы биосферного комплекса. Ценными становятся не столько продукты цивилизации, сколько первичные, еще сто лет тому назад естественные вещи: чистый воздух, отдельные биологические виды, здоровье самих людей. Как заключает академик В. С. Степин, старая парадигма, будто природа — бесконечный резервуар ресурсов для человеческой деятельности, оказалась неверной [1, с. 44].

Новым выбором является концепция устойчивого развития, которая претендует на роль новой парадигмы глобальной социальной жизни человека, способной стать направляющим вектором глобального перехода цивилизации к новым форматам развития. Концепция устойчивого развития с трудом укладывается в прежнюю систему понятий, поскольку в ней идет речь о вещах, новых для традиционной науки и культуры. Концепция устойчивого развития выработана совместными усилиями мирового сообщества, представляет собой идеологию баланса интересов поколений и напрямую связана с вопросом о том, есть ли будущее у человечества.

Определение устойчивого развития было сформулировано в докладе комиссии ООН Г. Х. Брундтланд: «Устойчивое развитие — это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности. Оно включает в себя два ключевых понятия: понятие потребностей, в частности потребностей, необходимых для существования беднейших слоев населения, которые должны быть предметом первостепенного решения; понятие ограничений, обусловленных состоянием технологии и организацией общества, накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности» [2, с. 50—51].

Именно доклад ООН Международной комиссии по окружающей среде и развитию «Наше общее будущее» внес основной вклад в популяризацию термина «устойчивое развитие». В намерении комиссии было создать практическое определение, которое должно привести к изменениям в доступе к ресурсам и в распределении цен и расходов.

Ученые Д. Робинсон и Д. Тинкер разработали очень полезное систематизированное определение устойчивого развития как творческий, интегрированный ответ на три «императива»:

- 1) «экологический императив» заключается в необходимости для человечества не выходить в своей деятельности за рамки биофизических возможностей планеты;
- 2) «экономический императив» представляет собой необходимость обеспечения и поддержания адекватного материального уровня жизни всех людей;

3) «социальный императив» заключается в создании социальных структур, включая системы управления, которые эффективно пропагандируют и поддерживают человеческие ценности, в согласии с которыми люди хотят жить [3, с. 469].

Устойчивое развитие — это развитие, которое предусматривает равновесие между экономическим ростом и состоянием экосистем в целях гарантии обществу высокого качества жизни [2, с. 50]. В деталях это означает указание на необходимость принятия экологических ограничений в производственной деятельности и количестве потребления, чтобы потребление не подрывало основ качества жизни, под которым понимается жизнь в здоровом и естественно эстетичном окружении. Тогда как потребление должно находиться в допустимых границах с точки зрения ресурсов и разумных стремлений всех жителей земного шара к использованию этих ресурсов. Чтобы достичь этой цели, предлагается коррекция господствующей в современном обществе аксиологической системы в сторону большего уважения ценности качества жизни (измеряемой с помощью таких параметров, как свобода, равенство, труд, согласие между людьми, всеобщий доступ к основным благам, в том числе и природе) за счет ценности жизненного комфорта (измеряемой количеством материального потребления). Также предлагается внедрение механизмов, прежде всего рыночных, направленных на экономию ресурсов и энергии и уменьшение количества неиспользуемых отходов.

Внедрение идей устойчивого развития происходит с помощью национальных стратегий устойчивого развития. Западные страны далеко продвинулись в этом направлении. Республика Беларусь также высказала приверженность идеям устойчивого развития.

Беларусь первой из стран СНГ разработала национальную стратегию устойчивого развития, а вторая национальная стратегия, принятая в 2004 г., по оценке международных экспертов, выгодно отличается от аналогичных документов многих стран с переходной экономикой с точки зрения комплексного отражения в ней экономических, социальных и экологических аспектов развития.

«Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г.» (НСУР) была подготовлена в рамках совместного проекта ПРООН и правительства Республики Беларусь «Содействие в разработке и реализации Национальной стратегии устойчивого развития» и опубликована в 2004 г. Срок ее действия в соответствии с законом о долгосрочном прогнозировании — 15 лет, с корректировкой каждые 5 лет. По инициативе ПРООН в Республике Беларусь к разработке НСУР были привлечены специалисты-эксперты НАН Беларуси, заинтересованных ведомств, учреждений высшего образования и общественных организаций [4].

Около 1999 г. в Республике Беларусь возникла новая форма самоорганизации граждан в виде местных инициатив, которые получили название «Местные повестки-21». Речь идет о деятельности активных представителей местных сообществ по разработке и реализации стратегий устойчивого развития территорий (городов, районов, поселков, деревень) и организаций (школ, гимназий, детских центров, товариществ собственников). Работа эта началась под влиянием Международной конференции по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992), в которой главы большинства государств мира приняли глобальную стратегию устойчивого развития — «Повестку на XXI век». В этом документе содержатся рекомендации местным властям и представителям гражданского общества разрабатывать местные (локальные) стратегии устойчивого развития [5].

Ценность данного инструмента местного развития для Беларуси состоит в том, что на единой платформе принципов устойчивого развития происходит объединение всех активных сил (общественных и государственных); работа строится на принципах партнерства, открытости. Нет в ней и ведомственной разобщенности: один из принципов работы — комплексный подход, при котором экономические, экологические и социальные (в широком понимании, включающем демократизацию, участие) цели и механизмы их достижения взаимосвязаны.

Содействие реализации НСУР является одной из центральных составляющих Программы поддержки Беларуси Федеративного правительства Германии. С самого начала своей работы Программа поддержки Беларуси реализуется в согласовании с Министерством иностранных дел Республики Беларусь и Минским городским исполнительным комитетом.

С момента утверждения Программы поддержки Беларуси были успешно реализованы пять этапов: пилотный этап — в 2002 г., второй этап программы — 2003—2004 гг., третий — 2005—2006 гг., четвертый — 2007—2008 гг., пятый — 2009—2011 гг. В октябре 2012 г. стартовал шестой этап программы поддержки, который завершился в апреле 2014 г. За это время было реализовано около 180 проектов. В ходе пятого этапа программы было поддержано 42 проекта в области энергоэффективности, образования для взрослых, устойчивого регионального развития, а также в социальной сфере [5].

Проекты поддерживались в четырех основных областях: образование, социальная сфера, эффективное использование природных и энергоресурсов, региональное развитие и местные стратегии устойчивого развития. Впоследствии произошло увеличение сфер деятельности, которые охватывает программа поддержки. Теперь это управление недвижимостью, агроэкотуризм, энергоэффективность и возобновляемые источники энергии, дополнительное образование, социальные инновации, устойчивое развитие, школьные «Местные повестки-21».

В 2009—2010 годах в Беларуси реализовывался проект ЕС/ПРООН «Устойчивое развитие на местном уровне». Его главная цель — развитие потенциала по подготовке и реализации «Местных повесток-21» в регионах Республики Беларусь. Проектные мероприятия включали в себя организацию информационно-обучающих семинаров, исследования и подготовку публикаций, обмен опытом с соседними странами, оказание поддержки при разработке «Местных повесток-21» и «Зеленых маршрутов», распространение полученного опыта. В рамках этого проекта была проведена работа по развитию институциональной базы развития «Местных повесток-21» и предоставлена нормативно-правовая поддержка центральным и местным государственным учреждениям в сфере устойчивого развития на местном уровне.

Перешагнув порог нового тысячелетия, человечество постепенно выбирает путь устойчивого развития. В различных странах этот процесс происходит в разных реалиях и возможностях, имеет неодинаковые результаты. В Беларуси также проявляется тенденция сознательно менять подход к основам жизнедеятельности.

Список цитируемых источников

1. *Степин, В. С.* Эпоха перемен и сценарии будущего. Избранная социально-философская публицистика / В. С. Степин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. — М. : ИФРАН, 1996. — 174 с.
2. Наше общее будущее : докл. Междунар. комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) / пер. с англ. ; под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета ; предисл. Г. Х. Брундтланд. — М. : Прогресс, 1989. — 371 с.
3. *Белл, Д. В.* Введение в устойчивое развитие / Д. В. Белл, Ю. А. Чеунг // Энциклопедия систем жизнеобеспечения: знания об устойчивом развитии : [в 3 т. : пер. с англ.]. — М. : Магистр-Пресс, 2005. — Т. 3. — С. 466—500.
4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. [Электронный ресурс] / М-во экономики Респ. Беларусь. — Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/ru/macroeconomy/nacionalnaya-strategiya>. — Дата доступа: 25.12.2012.
5. Анализ национальных стратегий устойчивого развития Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ecoproject.by/ob-organizacii/analiz-nacionalnyh-strategiy-ustoychivogo-razvitiya-respubliki-belarusi.html>. — Дата доступа: 25.12.2012.

УДК 94(476)

Н. В. Смахович

Государственное научное учреждение «Институт истории Национальной академии наук Беларуси», Минск

БЕЛОРУССКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Государственность и государство. Полагаем, разговор о государственности и государстве следует начать с понятий. Вспомним, что Ф. Энгельс писал: «С чего начинается история, с того же должен начинаться и ход мыслей, и его дальнейшее движение будет представлять собой не что иное как отражение исторического процесса в абстрактной и теоретически последовательной форме, отражение исправленное, но исправленное соответственно законам, которые нам дает исторический процесс» [1, с. 497]. С этим выводом Ф. Энгельса трудно не согласиться.

Теоретическая основательность и последовательность — база концептуальности. В исторической науке, как и в реальной жизни человека и общества, эта последовательность находит воплощение в логической взаимосвязи исторических фактов, событий и явлений. В то же время любая деятельность человека имеет продуманно-целенаправленный характер. В свою очередь, продуманная целенаправленность находит отражение в категориях абстрактного мышления. Следовательно, в вопросе о государственности присутствуют две стороны, которые относятся друг к другу, взаимодействуют друг с другом. С одной стороны, это экономические, социальные процессы, которые составляют основу развития всякой общности; с другой — это политические отношения, в рамках которых экономические, социальные отношения и процессы обретают форму государственного организма.

По традиции, сложившейся еще в советской исторической науке, политические отношения рассматривались как результат экономических отношений разных групп населения — классов. Здесь мы видим теоретическую последовательность, наблюдаем конкретно-фактическую сторону этих отношений — историю каких-либо государств. Эту последовательность необходимо проследить на примере отдельных научных понятий.

Научные понятия — также результат осмысления реальных социальных, экономических и политических процессов. Они не «придумываются» беспредметно, а являются отражением исторического процесса в целом. В качестве конкретного примера возьмем понятие «государство». Это понятие в долеписный период имело иное содержание. Начиная с железного века, такие привычные для нас понятия,

как «территория» и «население», которые неразрывно связаны с понятием «государство», не связывались с политической организацией общества. Племена почти повсеместно не имели постоянной территории, они перемещались. В IV—VI вв. н.э. под воздействием и влиянием гуннов геополитическая карта Европы постоянно трансформировалась. Это была эпоха Великого переселения народов, которая оказала влияние на последующую историю всех народов Европейского континента, в том числе и восточных славян.

По этой причине такие концепты, как «государственность» и «государство», в научной литературе, прежде всего в философской, долгое время не разрабатывались. В античные времена древние греки пользовались понятиями “polis”, “politea”, которые были идентичными таким современным понятиям, как «политическое сообщество», «гражданское общество», «государство».

Афинская демократия, как инструмент властвования, касалась всех граждан, управление в полисе было делом всего общества. Поэтому Аристотель и говорил, что «человек — существо политическое», «существо, живущее в полисе». «Государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку, ...каждое государство слагается из отдельных семей», — утверждал Аристотель [2, с. 379, 380]. В Древнем Риме сфера управления соответствовала понятиям “respublica” и “societascivilis”. В связи с этим римское право называлось гражданским, а не государственным. Российский историк и философ К. С. Гаджиев утверждает, что античные мыслители вообще не знали понятия «государство», которое было введено в оборот Н. Макиавелли («Государь») [3, с. 30]. У него государство — это, прежде всего, организация политической власти.

В дальнейшем французский теолог, философ, юрист и историк Ж. Боден в своих трактатах («Шесть книг о республике», 1576) попытался дискутировать с античными и европейскими, в том числе современными ему авторами на тему происхождения государства, сути власти и форм правления. «Высказывания Макиавелли являются вершиной государственной мысли, и в них я не могу найти ничего, что вызвало бы сомнение», — писал этот французский историк.

В вопросе о происхождении государства он повторил Аристотеля. Однако в условиях социально-политического противостояния, характерного для правления Генриха III, его не могла не занимать мысль о характере и пределах политической власти. В связи с этим он ввел понятие суверенитета, «т. е. права издавать законы, объявлять войну и мир, права высшего помилования, права выбора всех магистратов, особенно Сената» [4, с. 216—239].

У Ж. Бодена встречается термин «государственность». «Я не спорю, и прежде люди писали книги, собственно, как принято, об устройстве исторических форм государственности, например, диктатур...», — написал он во введении к «Методу легкого познания истории» [4, с. 18]. У этого французского философа и историка государственность — это все то, что связано с формой правления: демократическая государственность, диктаторская государственность, монархическая государственность и т. п. Никакого иного толкования государственности у него не встречается.

В конечном счете через века в философско-правовой мысли стран Западной Европы античные выражения “statusreipublicae”, “statusreipomanae” видоизменились и стали использоваться для обозначения понятия «государство» — “stato”, “staat”, “etat”, “state”. Эти последние термины в дословном переводе соответствуют правовым понятиям “статус”, “состояние”, “упорядоченность”. В политических реалиях стран Запада начала XXI в. понятие «государство» используется прежде всего тогда, когда разговор ведется об институтах власти и должностных лицах, которые составляют систему управления [3, с. 21, 22, 30, 58, 227, 228].

В оксфордском словаре термин “statehood” (государственность) трактуется как “the fact of being an independent country and of having the rights and power of a country” [факт существования независимой страны и обладания правами и властью (силой) страны] [5, с. 497]. В другом смысловом значении “statehood” — это состояние существования одного из штатов внутри страны, например США или Австралии: Западная Вирджиния. И в этих толкованиях не прослеживается различия между государством и государственностью.

В странах Западной Европы история как наука оформилась во второй половине XIX в. Профессиональные историки, в том числе российские, находились под влиянием немецких философов. Поэтому в их эпистолярной практике «государство» и «государственность», как правило, отождествлялись. Например, В. О. Ключевский писал, что «народ становится государством, когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона» [6, с. 42]. С. М. Соловьев считал, что государственность — это «правительство в той или другой форме своей, есть произведение исторической жизни известного народа» [7, с. 18]. Очевидно, что у В. О. Ключевского и С. М. Соловьева в освещении сути государства преобладает концепция народа-государства.

Ситуация не изменилась и с появлением марксистского учения о государстве. Марксистское учение о государстве вполне «вписывается» в общую социально-политическую доктрину классов и классовой борьбы, которую начал освещать еще Н. Макиавелли в «Истории Флоренции». Надо отметить, что в работах К. Маркса встречается термин «государственность». «Различные государства различных цивилизованных стран имеют между собой то общее, что они стоят на почве современного буржуазного общества, более или менее капиталистически развитого. У них есть поэтому некоторые общие существенные признаки. В этом смысле можно говорить о «современной государственности»,

в противоположность тому будущему, когда отомрет теперешний ее корень, буржуазное общество», — писал К. Маркс в «Критике Готской программы» [8, с. 21]. К. Маркс усматривал корень государственности в классовости общества, поэтому у него не просматривается разницы между государством и государственностью. Сутью буржуазной государственности является буржуазное государство, а сутью коммунистической государственности — отрицание государства.

Предельно точно логику марксизма в отношении государства изложил В. И. Ленин в работе «Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции». По философско-гуманному определению В. И. Ленина, «государство есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий» [9, с. 7, 36].

Нетрудно заметить, что в теоретических конструкциях Аристотеля, Макиавелли, Бодена, ряда других мыслителей государство статично, поэтому они были вынуждены писать о «современном» государстве, хотя по атрибутивным признакам принципиальной разницы между «современным» и «несовременным» государствами не наблюдается.

В марксизме преобладает концепция общества-государства, но только общества классового и, соответственно, такого же государства. Вместе с тем марксизм рассматривает государство не в качестве готового предмета, а как результат классовоориентированного исторического процесса.

В XX в. в социогуманитарных науках целого ряда стран возобладали марксистские методологические подходы к проблеме исследования и освещения сути государства, начиная с процесса его возникновения. В трудах советских философов, историков, экономистов велся разговор о государстве и государственности как сущностно едином понятии. Это нашло отражение и на страницах энциклопедических изданий. Государственность — термин, который в политической литературе употребляется: 1) как синоним государства вообще, государства того или иного исторического типа; 2) для обозначения системы диктатуры определенного класса; 3) для обозначения системы органов государства; 4) при объединении в определенные группы каких-либо общих черт или признаков государства, — говорится в Большой советской энциклопедии [10, с. 162].

Так что же представляет собой государственность? Существуют ли различия между понятиями «государственность» и «государство»? Если существуют, то в чем они коренятся? Необходимо отметить, что обозначенные проблемы касаются не только исторической науки, прежде всего в силу своей категориальности они носят философско-мировоззренческий характер. Заинтересованность в их разработке у специалистов социогуманитаристики, на наш взгляд, общая.

Как отмечает доктор философских наук, профессор В. И. Чуешов, «в первом приближении государственность характеризуют такие социальные и политические предметы, которые не являются государством и, следовательно, по времени вполне могут предшествовать национальному государству, а также существовать вне его границ» [11, с. 128—129].

Обычно исследователь, который ориентируется на принцип историзма, одновременно нацелен на поиск момента возникновения исторического факта, события или явления. Но в позитивистской интерпретации истории (на уровне теоретического осмысления) такой задачи перед исследователем не ставится. Ибо позитивизм как методология рекомендует исследователям рассматривать исторические явления, в том числе государственность, в качестве единичных явлений. Концепт «развитие» отсутствует в позитивистской методологии. А если нет развития — нет никаких закономерностей исторического процесса. Отрицание закономерностей исторического процесса — фундамент позитивистской верификации. В таком случае получается, что «государство» и «государственность» по своему предмету совпадают. Отрицание исторических законов и закономерностей в позитивизме получило определение отказа от умозрительных метатеоретических абстракций и общих рассуждений.

Марксистская философская концепция диалектического материализма, наоборот, опирается на исторические закономерности, присущие человеческой деятельности. Поэтому исследователь может использовать категорию «развитие», вести поиск этапов, эволюции форм и содержания исторических фактов и событий. Марксистский диалектический материализм как методологическое учение доказывает, что история — это целенаправленная человеческая деятельность (К. Маркс). В случае с государственностью — это также целенаправленная деятельность этнонационального сообщества ради самосохранения и развития во времени и пространстве. Поэтому, опираясь на принцип историзма, присущий методологии диалектического материализма, впервые в истории мировой гуманитарной научной мысли в коллективной монографии «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. Кн. 2.» дефиниция «государственность» получила принципиально новую трактовку. И если ранее, как уже отмечалось, историки, философы, правоведы рассматривали государственность как синоним государства, его органов и признаков, то сегодня мы установили и утверждаем: государственность, например белорусская, это «право этнонациональной общности, потенциальная способность и возможность ее национальной элиты (политической, экономической, научной, культурной) к длительному самостоятельному историческому существованию и развитию» [12, с. 502].

В соответствии с нашей концепцией государство — это конкретно-историческое воплощение права, способности и возможности в историческом пространстве и времени. Государство — это не что иное как сувокупность государственно образующих процессов. Продолжая разговор о государственности, отметим,

что формы воплощения государственности могут меняться, эволюционировать, но сама государственность всегда остается неизменной. Наше определение сущностного содержания государственности — важное научное достижение, которым могут воспользоваться праведы, политологи, представители других социогуманитарных дисциплин. Это дало возможность проследить эволюцию и определить формы белорусской государственности. В соответствии с нашей концепцией белорусская государственность как неразрывное целое в процессе эволюции нашла воплощение в двух формах — исторической и национальной. Полоцкая, Туровская и Киевская Русь — это в одинаковой степени первые исторические формы белорусской государственности. Великое Княжество Литовское, Русское и Жемойтское, куда входили белорусские земли, — вторая историческая форма белорусской государственности. Третьей исторической формой государственности на белорусских землях была Речь Посполитая. Исторические формы государственности принадлежали не только белорусскому народу, но и другим народам, на территории которых они существовали. Эти формы были полиэтническими [13, с. 7].

В то же время к национальным формам государственности принадлежат те формы, в титулах которых присутствует национальный компонент «белорусская». К ним относятся: Белорусская Народная Республика, Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика, Белорусская Советская Социалистическая Республика, Республика Беларусь.

На наш взгляд, новая трактовка дефиниции «государственность» имеет принципиально важное значение и для дальнейшей разработки, например, идеологии белорусской государственности учеными и специалистами-обществоведами, потому что идеология Республики Беларусь — современного белорусского государства — это только его Конституция. Сказанное в полной мере справедливо и в отношении к Российской Федерации, любой другой страны.

Краеугольным камнем идеологии белорусской государственности является изложение и характеристика исторического пути, пройденного белорусским народом на протяжении тысячелетней истории, определение истоков и форм белорусской государственности.

Например, в контексте новой трактовки государственности историки начали освещать исторический путь, который прошел белорусский народ в XIX — начале XX в., также по-новому. В книге сделан вывод, что белорусская этнонациональная общность не «теряла» своей государственности, которую не надо было «возрождать». Вместе с разделами Речи Посполитой это государство прекратило свое существование. Однако это означало, что этнонациональные сообщества (польское, белорусское, украинское, литовское), которые являлись носителями совместной государственности, в новой ситуации могли избрать два пути или направить свою деятельность на восстановление в той или иной форме старого, но нежизнеспособного государства, безликой Речи Посполитой, или обеспечить реализацию идеи государственности на новой основе — формировании и консолидации своих национальных элит, которые смогут обеспечить дальнейшее развитие в рамках собственного титульного государства.

В конечном итоге к 1870 г. молодая белорусская национальная элита осознала, что надо добиваться реализации права своего народа на самостоятельное историческое существование. Об этом возвестили белорусские народники в столице России. А поскольку после 1861 г. все тяготы и издержки реформирования правящим классом России были возложены на плечи тех, «кто пашет и молчит», процесс консолидации белорусской элиты ускорился. «Консолидация белорусских рабочих и крестьян с местным дворянством и буржуазией на почве борьбы за автономное устройство края привела к формированию реальной социальной силы, с интересами которой нельзя было не считаться. В начале XX в. почти все политические течения, которые представляли интересы белорусской нации, ориентировались на автономно-государственное развитие края в составе демократической Российской федеративной республики» [13, с. 602].

Говоря об этом, надо помнить уточнение А. И. Луцкевича о том, что «идея автономности Беларуси в составе России возникла в результате синтеза белорусской национальной идеи с идеей социально-политической борьбы с опорой на общероссийское революционное движение» [14, с. 217]. Представителям белорусской национальной элиты в конце XIX — начале XX в. было очевидно, что без опоры на общероссийское революционное движение добиться свержения самодержавия будет практически невозможно. Следовательно, это значит, что в XIX — начале XX в. на территории белорусского края развивались нациообразующие, элитаобразующие процессы, которые наполняли государственно образующие процессы реальным социальным содержанием, они (эти процессы) были составной частью единого общероссийского потока, имевшего общую цель. Эта цель была достигнута в 1917 г., в конечном итоге указанные процессы завершились тем, что белорусский народ добился реализации права на государственность путем создания национального государства.

В соответствии с нашей концепцией государственность как право белорусской этнонациональной общности, будучи нематериальным объектом, одновременно является субстанцией-детерминантой ее существования и развития. Это право воплощается и воплощается в историческую действительность (процесс) национальной элитой. Оно (право) зависит от способности элиты обеспечить его реализацию на протяжении всей жизни общности. Воплощение этого права является атрибутивным свойством народности/нации, с помощью которого можно характеризовать как процесс становления и формирования (завершен или нет, его этапы), так и ступень «зрелости» этнонациональной общности. Само по себе наличие национальной элиты — это еще не гарантия того, что общность сможет реализовать свое право.

Обязательным условием является наличие других атрибутивных свойств — способности элиты обеспечить реализацию права в конкретной исторической ситуации. В свою очередь концепт «способность» характеризует наличие реальных и потенциальных интеллектуальных, политических, экономических, информационно-идеологических, военных, кадровых и иных ресурсов, необходимых для всесторонней деятельности в целях реализации отмеченного права.

Национальная идентичность. Почти во всех областях научного знания белорусы имеют весомые результаты, которые вносят вклад в сокровищницу мировой науки. Пожалуй, только в области разработки проблематики, связанной с государственностью, у белорусов до недавнего времени не было достижений по той причине, что проблематика государственности, прежде всего, нуждается в теоретико-методологическом анализе и осмыслении исторического пути, пройденного белорусским народом.

Трудности в осмыслении этого пути были обусловлены не только недостаточностью источниковой базы, малоизученностью исторических начал этого пути, в частности, в период VI—IX вв., но и тем, что отечественная историческая наука как не имела, так до сих пор и не создала концепцию становления и развития белорусской нации. Нет у нас и труда по истории белорусской элиты. Указанная проблематика также требует глубокого теоретического осмысления. На одной сумме фактов и телеге старой концепции возникновения буржуазных наций, изложенной К. Марксом и Ф. Энгельсом в Манифесте Коммунистической партии, далеко не уедешь. В рамках этой концепции белорусы в XIX в. — догоняющая нация, которая запоздала в своем развитии [15, с. 4].

Однако социально-экономические, политические и цивилизационно-культурные реалии начала XXI в. свидетельствуют, что белорусы никого не догоняли. В своем развитии, как историческая общность, они ни от кого не отставали и не отстают. С начала XX в. они стремились реализовать собственную модель цивилизационного развития, в которой национальный фактор (в отличие, например, от Франции, Италии, Испании и Германии) не был главным, стержневым. Поэтому решение социальной проблематики осуществлялось не в условиях противоречий классовой борьбы, а по законам социальной гармонии.

Такое понимание возможных путей развития наций только начинает обретать право на существование, только пробует пробить брешь в стене западно-либерального понимания истории европейских наций. В результате на протяжении длительного времени в отечественной исторической науке не было разработано концептуального понимания исторического пути, пройденного нашим народом. В среде людей, мышление которых было озадачено поиском ответа на вопрос «Какое вековое историческое наследие, обретенное на этом пути, являлось национальным?», возникало немало рассуждений, которые сводились к попытке соединить государственные и национальные начала этого пути, соединить под лозунгом «Государственное должно стать национальным». Для этого государственное должно было, так сказать, обрести паспортно-метрические характеристики. В период с 1991 по 2010 г. эти рассуждения были изложены и получили постоянную «прописку» на страницах школьных и студенческих учебников, множества научных статей, монографий и энциклопедических изданий [15, с. 4].

По нашему определению, **нация — это единое, консолидированное на основе общих духовных и культурных ценностей, прав и свобод человека сообщество с высоким уровнем национальной идентичности, сообщество, способное к саморазвитию на базе собственной государственности.** Национальная идентичность базируется на единой исторической памяти, единых представлениях о национальном имени, языке, территории и культуре. Целью нации является борьба за реализацию идеи национальной государственности, а государственность — это неотъемлемое право нации на самостоятельное историческое существование и развитие. Национальное государство (нация-государство) — не что иное, как конкретно-историческая форма реализации права нации на государственность.

Строительство нации и развитие национальной идентичности как личности, так и общности — процесс взаимосвязанный и взаимообусловленный, ибо нет нации без идентичности и национальной идеи. По нашему определению, национальная идентичность — это конкретная эмоционально-психологическая, политико-идеологическая и культурная реакция/позиция как отдельных индивидов, так и этнической группы в целом в восприятии себя в окружающем мире, которая проявляется в принятии ими решений во всех сферах исторической деятельности [16, с. 5]. Для национальной идентичности белорусов характерны склонность к отсутствию агрессии и гостеприимство по отношению к своим историческим соседям (толерантность), ибо до Республики Беларусь нация не имела опыта государственного строительства вне союза со своими соседями; непротivление злу насилием (или мягкосердечие, доброта), которые сродни покорности судьбе. Для белорусской идентичности и менталитета типичны «помярковность» как форма внутренней «закрытости» и внешней отстраненности, умение приспосабливаться; мирозерцательность в форме пассивности, медлительности и отсутствия склонности к принятию скоропалительных решений. Для белорусов типичны патернализм, склонность к коллективистским формам принятия решений; тяга (на уровне архетипа) к социальной справедливости и равенству; непреклонная решимость и верность идее собственной государственности. В политико-идеологическом отношении для белорусов типична устойчивая приверженность консерватизму, в том числе в форме почитания исторических обычаев и традиций. Для национального характера белорусов типичны стойкость и терпение в преодолении трудностей и невзгод, трудолюбие и осуждение лодырей и лентяев, добродушие, бережливость, сочувствие и задушевность в отношении людского горя, осуждение жадности и зависти к богатству, любовь к Родине, оптимизм.

Главным носителем национальной идентичности является национальная элита. В XIX в. в Беларуси основой ее формирования стала интеллигенция в широком смысле этого слова.

Все это в полной мере проявилось при принятии Кревской, Люблинской и Брестской унии, в период работы Четырехлетнего сейма, принятии Конституции 1791 г., в восстаниях 1794, 1830—1831, 1863—1864 гг., в процессе работы I Всебелорусского съезда (1917), при объявлении БНР, создании ССРБ, в период существования политической системы, присущей СССР и БССР, имеет место и в действительности суверенной и независимой Республики Беларусь.

Из дефиниций «государственность», «нация», «национальная идентичность», изложенных выше, следует, что общим, объединяющим началом является их нематериальность. Однако, будучи нематериальным объектом, эти категории воплощаются в историческую действительность (социальную, политическую, культурную практику) посредством целенаправленной деятельности. Очевидна их взаимосвязь и взаимодействие. Государственность как совокупность элитаобразующих, нациообразующих, классовообразующих процессов находится в зависимости от степени идентификации как отдельных индивидов, так и этнонациональной группы в целом. В то же время как самоидентификация, так и этногрупповая идентификация находятся под сильным воздействием государства как конкретно-исторического воплощения идеи государственности. Это фиксируется в титуле государства. К особенному можно отнести то, что в исторической действительности как реализация права общности, так и ее позиция в восприятии себя в решающей мере зависят от деятельности элиты, ее способности обеспечить самостоятельное историческое существование самой общности. Это главное, определяющее имманентно присущее национальной элите свойство. К особенному можно отнести и белорусскую национальную идею, которая родилась в пламени восстания 1963—1864 гг.

В общем и целом в период с 1795 по 1917 г. на базе духовного и культурного единства родилось единое, консолидированное представление о территориальной, исторической и политической субъектности Беларуси, был получен ответ на судьбоносный вопрос: кто мы, какова цель национального движения и в чем состоит суть решения национального вопроса. К этому времени появились основные атрибуты белорусской нации — национальная элита и национальная интеллигенция; институты национальной памяти — научное белорусоведение, белорусская пресса и книгоиздательство, труды по истории Беларуси; были определены этнические и территориальные границы. Но самое главное — к этому времени национальная идентичность достигла такого уровня, который обеспечивал дальнейшее саморазвитие сообщества на базе реализации идеи национальной государственности в форме создания нации-государства.

Список цитируемых источников

1. *Энгельс, Ф.* Карл Маркс. К критике политической экономии / Ф. Энгельс // Сочинения : [в 50 т.] / К. Маркс. — 2-е изд. — М. : Госполитиздат, 1959. — С. 489—499.
2. *Аристотель.* Сочинения : в 4 т. / Аристотель ; пер. с древнегр. ; общ. ред. А. И. Доватура. — М. : Мысль. — Т. 4. — 830 с.
3. *Гаджиев, К. С.* Политическая философия / К. С. Гаджиев. — М. : Экономика, 1999. — 606 с.
4. *Боден, Ж.* Метод легкого познания истории / Ж. Боден. — М. : Наука, 2000. — 412 с.
5. *Oxford Advanced Learner's Dictionary.* — Oxford University Press, 2005. — Sally Wehmeier(ed.). — 1780 p.
6. *Ключевский, В. О.* Сочинения : в 9 т. / В. О. Ключевский ; под ред. В. Л. Янина. — М. : Мысль, 1987. — Т. I. Курс русской истории. Ч. I. — 430 с.
7. *Соловьев, С. М.* Чтения и рассказы по истории России / С. М. Соловьев ; сост. и вступ. ст. С. С. Дмитриева. — М. : Правда, 1989. — 768 с.
8. *Маркс, К.* Критика Готской программы / К. Маркс. — М. : Политиздат, 1977. — 48 с.
9. *Ленин, В. И.* Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции / В. И. Ленин. — М. : Политиздат, 1975. — 160 с.
10. Большая советская энциклопедия : в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. — 3-е изд. — М. : Совет. Энцикл., 1972. — Т. 7. Гоголь—Дебит.
11. *Чуешов, В. И.* Государственность как категория политической философии и социогуманитарных наук / В. И. Чуешов // Республика Беларусь : зб. матэрыялаў Міжнар. навук. практ. канф., Мінск., 24—25 лістап. 2011 г. / рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2012. — С. 126—129.
12. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. : у 2 кн. / М. У. Смяховіч [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2012. — Кн. 2. — 654 с.
13. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. : у 2 кн. / М. У. Смяховіч [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2012. — Кн. 1. — 584 с.
14. *Луцкевіч, А. І.* Да гісторыі беларускага руху / А. І. Луцкевіч. — Беласток : Беларус. гіст. т-ва ; Вільня : Ін-т беларусістыкі, 2010. — 345 с.
15. *Смехович, Н. В.* Историческая наука и образование в современном общественном сознании / Н. В. Смехович // Гісторыя і грамадазнаўства. — 2014. — № 6. — С. 3—6.
16. Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: XX стагоддзе / М. П. Касцюк [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.]. — Мінск : Беларус. навука, 2008. — 615 с.

ІДЭЯ «ДЗЯРЖАВЫ-ДОМА» Ў БЕЛАРУСКАЙ КУЛЬТУРЫ

Крызіс сучаснай цывілізацыі вымушае пераасэнсаваць сумарны гісторыка-культурны вопыт чалавецтва для адшукання аптымальных умоў далейшага развіцця і ўдасканалення чалавечай сітуацыі. Усё больш акцэнтуюцца ўвага на праблемах сацыяльна-палітычнага, дзяржаўнага ўладкавання, узровень вырашэння якіх абумоўлены патэнцыялам духоўнасці асобы і грамадства. Найбольш актуальным у дзяржаўным будаўніцтве сёння з'яўляецца менавіта жыццесцвярджальны аспект культуры.

Праблема ўзнікнення дзяржавы і аспектаў яе функцыянавання была надзвычай актуальнай на ўсіх этапах развіцця чалавечага грамадства, пачынаючы з антычнасці (Платон, Арыстоцель і інш.). У еўрапейскай думцы каштоўнасць аспект феномена дзяржавы ў гісторыі чалавецтва абгрунтаваны ў канцэпцыях Ж. Бадэна, які карані дзяржавы бачыў у сем'ях, якія яна аб'ядноўвае; сцвярджэннях Т. Гобса, што дзяржаву будуець як дом і яна — неабходная ўмова культуры і грамадскага жыцця; поглядах Д. Лока, які мэтай дзяржаўнага ўтварэння лічыў агульнае дабро і суверэнітэт народа ставіў значна вышэй суверэнітэта створанай ім дзяржавы.

Беларускі мысліцель пачатку ХХ ст. Суліма (У. Самойла) даказваў, што «ідэя... стварэння ўласнай дзяржавы... не супярэчыць ні закладзеным у прыродзе чалавека інстынктам, ні маральным законам...» [1, с. 165]. Ідэальнай мэтай кожнага беларуса лічыў імкненне да вольнай, незалежнай, непадзельнай Беларусі.

У беларускай культуры ідэя «дзяржавы-дома» ўзнікае ў працы «Пра палітычную супольнасць людзей» вядомага юрыста Адама (Аарона, па іншым дадзеным — Аляксандра) Алізароўскага (1618—1659) (вышла ў Гданьску ў 1651 г.), у якой была здзейснена спроба рацыяналістычнага падыходу да асэнсавання палітычнай будовы дзяржавы. Грамадскае жыццё мысліцелем разглядаецца праз інтарэсы чалавека. Паняцце «дом» (семантычна блізка яму тэрмін «двор» у беларускай культуры) А. Алізароўскі разглядае як сацыяльную супольнасць, якая ўключае адносіны, звязаныя з узнікненнем і функцыянаваннем сям'і, адносіны паміж уладаром і яго падданымі. У такім значэнні гэта паняцце часта сустракаецца ў антычнай літаратуры. На думку А. Алізароўскага, дзяржава фарміруецца на аснове натуральных адносін паміж сацыяльнымі супольнасцямі, першаснымі з якіх з'яўляецца дом і сям'я. Такім чынам, прырода дзяржавы носіць дагаварны і тэрытарыяльна-сямейны характар і імкнецца стварыць добрае і шчаслівае жыццё для ўсіх людзей, бо агульны дабрабыт складаецца з дабрабыту асобных дамоў.

Вытокі ідэі «дзяржавы-дома» ў беларускай культуры можна акрэсліць у русле традыцыйнай абшчыннай формы пражывання нашых продкаў. На аснове духоўных каштоўнасцей сялянскай абшчыны складваліся элементы першапачатковай дэмакратыі — самакіравання ў форме народнага сходу. Гэта абумовіла пазней фарміраванне інстытута веча ў славян. У развіцці грамадскай думкі ХІІ ст. выразна бачыцца вялікая роля народнай мудрасці і філасофіі. Гэтую традыцыю можна было б характарызаваць як дзеянне гаспадарскай парадыгмы. Яе ўвасабленне бачым у філасофіі дзяржавы ў К. Тураўскага («Прыпавесць пра сляпога і кульгавага», «Пра Расслабленага»), заснаваных на сцвярджэнні адказнасці кіраўнікоў дзяржавы і царквы за захаванне божага дару, эдэму — шчасця жыць на зямлі, якая павінна быць квітнеючай нівай. Аднак прага ўлады (сану) зрабіла іх сляпымі, духоўнымі калекамі, яны сталі злодзеямі ў сваім жа садзе. Е. Полацкая, якая актыўна займалася педагогічнай і арганізацыйна-асветніцкай дзейнасцю, таксама імкнулася ўзбагаціць Полацкую зямлю духоўнымі каштоўнасцямі, з'яднаць грамадства ў «адзіную душу».

Дзяржаватворчая дзейнасць беларускага народа высокага ўзроўню дасягнула ў часы Вялікага Княства Літоўскага. Вынікам яе стала ўтварэнне цэнтралізаванай дзяржавы — шляхецкай рэспублікі. Дамінуючай ідэяй беларускай культуры гэтага часу было ўсведамленне патрэбы ў паўнацэнным жыцці ў сваёй дзяржаве (гаспадарстве). Другая палова ХІІІ—ХV стст. былі часам высокай сацыяльнай актыўнасці беларускага этнасу, скіраванага на ажыццяўленне ідэалаў папярэдняй эпохі. Дэмакратызацыя давала сябе знаць ва ўсіх формах грамадскага і дзяржаўнага жыцця. У гэты час склалася своеасаблівая беларуская рыцарская субкультура, якая стала ў дзяржаве дамінуючай. У параўнанні з заходнееўрапейскай яна адрозніваецца «змянскім» духам, непрыняццем тыраніі і свавольства, адсутнасцю акцэнту на куртуазнасць. Акрэсліваюцца асноўныя культурныя сэнсы эпохі — рэлігійная талерантнасць, дзяржаўны статус беларускай мовы, гарадское і сялянскае самакіраванне, раздзел трох формаў улады (выканаўчая (гаспадар і Паны-рада), заканадаўчая (Сойм) і судовая (Трыбунал)), «гаспадарства», «літвінізм».

У часы Рэнесансу і Рэфармацыі прынцыпы дэмакратыі развіліся і ўмацоўваліся ў заканадаўчай дзейнасці, вяршыняй якой з'яўляецца створаная высокакваліфікаванымі юрыстамі пад кіраўніцтвам Льва Сапегі канстытуцыя — Статут 1588 г. Рэнесансны дух гэтага помніка бачыцца надзвычай выразна на фоне створанага ў ХVІ ст. у Масковіі «Дамастрога».

Цэнтральнае месца ў беларускай канцэпцыі дзяржавы займала праблема асобы ўладара. Вялікі князь ВКЛ у гэтым ракурсе разглядаецца ў якасці гаспадара Бацькаўшчыны, першага сярод роўных, чыя ўлада заснавана на ўласным аўтарытэце, павазе, а не сіле і прымусе. «Дзяржава абапіраецца больш на мужнасць духу, чым на сілу цела», — сцвярджае Мікола Гусоўскі [2, с. 3]. Мастацкі талент паэта быў вынікам асэнсавання жыцця і лёсу беларускага народа на ўсходняй мяжы сутыкнення еўрапейскай сярэднявечковай цывілізацыі з імперскімі амбіцыямі ўсходніх дэспатыяў. Мысліцель акцэнтуюе ўвагу на сувязі маральных дабрачыннасцей чалавека з натуральна-прыродным асяроддзем. Паэме «Песня пра зубра» ўласціва глыбокае асэнсаванне сутнасці гістарычнага сэнсу дзяржаватворчай дзейнасці вялікага князя Вітаўта, спасціжэння ролі беларускай дзяржавы ў гісторыі еўрапейскага сярэднявечча.

У шырокім дыяпазоне светапогляду Ф. Скарыны галоўнае месца займалі каштоўнасныя формы асваення рэчаіснасці — этыка і палітыка. Мысліцель падрыхтаваў пералом у свядомасці і характары мыслення сваіх суайчыннікаў, даў магчымасць для індывідуальнага, вольнага асэнсавання Бібліі. У якасці зыходных пазіцый Ф. Скарыны вылучаецца маральны імператыў — «паспалітае добрае» і «паспаліты пажытак» (грамадскае дабро). Абвясціўшы прынцып духоўна-маральнай свабоды чалавека, яго рэнесансная канцэпцыя чалавека, аднак, не даходзіць да крайняга індывідуалізму. Насуперак сцвярджэнням М. Макіявелі, які ў трактаце «Гаспадар» даў права кіраўніку на абсалютную свабоду, а гэта значыць, што для дасягнення мэты падыходзяць любыя сродкі, Ф. Скарына абмяжоўвае свабоду чалавека ідэяй агульнага добра.

Тлумачэнні Бібліі Ф. Скарынам падрыхтавалі філасофскую базу для прававой дзейнасці. У тым жа ключы, палемічна да М. Макіявелі, напісана праца Андрэя Волана «Пра дзяржаўнага мужа і яго асабістыя вартасці». У ёй дасканала адлюстравана праблема гаспадара, уладара. Як дзяржаўны дзеяч, А. Волан з'яўляўся непахісным прыхільнікам прававой дзяржавы. У сваім трактаце мысліцель стварае ідэальны вобраз дзяржаўнага дзеяча, вызначальнымі рысамі якога павінны стаць мудрасць, дабрачыннасць, шчодрасць. Трэба адзначыць, што беларуская думка была першай у Еўропе альтэрнатывай макіявелізму. У нацыянальнай культуры асуджаецца тыранія, прыгнечанне з боку ўладара. Гнасеалагічныя вытокі нормы «паспалітае добрае» пачынаюцца ў глыбінях этыкі і эстэтыкі грамады — сялянскай абшчыны. Заходнееўрапейскаму свету былі паказаны беларускія ўзоры самарэалізацыі індывідуальнага і супольнага суб'екта праз гарманізацыю адносін чалавека і навакольнага свету.

Спраба здзяйснення, рэалізацыі ідэі «дзяржавы-дома» была зроблена ў 1596 г., калі Ян Сененьскі ў мястэчку Ракаў Сандамірскага ваяводства арганізаваў Ракаўскую абшчыну, у жыццядзейні якой вызначальнымі былі традыцыі грамады.

Найбольш грунтоўная і поўная праграма пераўтварэння грамадска-палітычнага ладу, рашэння нацыянальнага і сацыяльнага пытанняў была створана ў 60-я гг. XIX ст., у час паўстання 1863—1864 гг. на Беларусі і ў Літве. Яе аўтарам быў выдатны палітычны мысліцель, паэт, публіцыст, кіраўнік паўстання Кастусь Каліноўскі. Яска, гаспадар з-пад Вільні, на старонках «Мужыцкай праўды», «Пісьме беларускаму народу...», у «Загадзе... народу зямлі літоўскай і беларускай» звяртаўся перш за ўсё да дзецюкоў-гаспадароў — будучыні нацыі. Пераконваў суайчыннікаў сілай аголенай праўды: рабскае становішча селяніна ў дзяржаве, рэкрутчына, каланіяльная залежнасць нацыі ёсць глумленне над земляробам, знішчэнне будучыні. Ідэалам справядлівага ладу лічыў, калі ў ім створаны ўсе ўмовы для шчасця чалавека працы. Прынцып волі К. Каліноўскі сфармуляваў так: «чалавек вольны — гэта калі мае кусок сваёй зямлі, за каторую ані чыншу і аброку не плаціць, ані паншчыны не служыць, калі плаціць малыя падаткі, і то не на царскія стайні, псярні... а на патрэбу цэлага народу» [3, с. 219]. Ідэал усенароднай, дэмакратычнай дзяржавы ў «Мужыцкай праўдзе» прадугледжваў існаванне даволі простага грамадскага сістэмы, мэты і задачы якой зразумелыя ўсім: вучыць жыць па праўдзе.

Высокія гуманістычныя ідэі і прынцыпы, за здзяйсненне якіх змагаўся К. Каліноўскі, развіў у сваіх творах Ф. Багушэвіч. Ён першы на беларускай мове вербальна аформіў змест нацыянальнай ідэі. Рэтраспектыўны погляд Ф. Багушэвіча паказаў «рай», які абяцаў «заходнерусізм» пад апекай царызму — як шлях да абсурду, жыццё «ў астрозе». Беларускае маральнае філасофія зыходзіла з ідэі катастрафізму XX ст. «Кепска будзе», — сцвярджаў Ф. Багушэвіч. Максім Багдановіч дабавіў індывідуальнае адчуванне катастрафізму. На золку XX ст. убачыў пачатак цёмнай ночы — абезгалоўлены, без будучыні час.

Семантыкай ідэі «дзяржавы-дома» прасякнута ўся адраджэнская культура. Бездзяржаўнае існаванне беларускага народа Я. Купала паказаў праз сімвал разбуранага дому сям'і Зяблікаў («Раскіданае гняздо»), Я. Драздовіч — праз руйнаванне і забыццё гістарычнай і культурнай памяці («Пагоня»). Выкрывальны, асуджальны пафас твораў антыўтапічнага кірунку ў беларускай літаратуры стварае вобраз бюракратычнай нірваны (творы К. Чорнага, П. Галавача, М. Зарэцкага і інш.), дае магчымасць распазнаць і ў наш час лідараў-прыстасаванцаў, якія дзеля ўласнай выгады могуць паступіцца чалавечай годнасцю, здрадзіць ідэалам народа, якому нібыта служыць. З. Бядуля ў рамане «Язэп Крушынскі» актуалізаваў праблематыку «Салаўя» і паказаў, што імперыя пана Вашамірскага і рэспубліка Язэпа Крушынскага мала чым адрозніваюцца. Панскі палац — увасабленне тыраніі, Курганішча — гаспадарка «чырвоная дыктатара».

Як бачым, сучасная сацыякультурная сітуацыя дэманструе разбурэнне гуманістычнай сістэмы каштоўнасцяў, грамадскіх ідэалаў, іх фальсіфікацыю, знікненне повязі пакаленняў. Відавочна, што

ў такіх умовах выжыванне і лёс нацыі залежаць ад таго, на якім грунце будзеца будучыня. Духоўны вопыт беларускага народа ў галіне дзяржаватворчай дзейнасці ў часы інтэнсіфікацыі глабалізацыйных і інтэграцыйных працэсаў у нашай краіне павінен быць абавязкова пераасэнсаваны і ўлічаны.

Спіс цытаваных крыніц

1. Суліма. «Сим победиши!...»: очерк крит. оптимизма // Неман. — 1992. — № 1. — С. 158—187.
2. Гусоўскі, М. Песня пра зубра / М. Гусоўскі ; пер. з лац. У. Шатона. — Мінск : БГАКЦ, 1994. — 47 с.
3. Каліноўскі, К. «Мужыцкая праўда» / К. Каліноўскі // Беларуская літаратура XIX стагоддзя. Хрэстаматэя : вучэб. дапам. для студэнтаў філал. спецыяльнасцей ВНУ / склад.: А. А. Лойка, В. П. Рагойша. — 2-е выд., перапрац. і дап. — Мінск : Выш. шк., 1988. — С. 216—225.

УДК [2-185:17.022.1]:316.647.5

Г. Г. Тараненко

Мелітопольскі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя Богдана Хмельніцкага, Мелітополь, Украіна

РЕЛИГИОЗНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ ЛИЧНОСТИ В СИСТЕМЕ ЕЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И ТОЛЕРАНТНОГО РОСТА

Многие современные ученые убеждены в том, что одним из вариантов выхода человечества из системного кризиса является осмысление пути развития духовной культуры современного человека, ведь одновременно с сохранением своей уникальности личность должна нести и ответственность за свое окружение и мир природы. При этом важно отметить, что духовная свобода, ответственность осмысливаются через идею диалога с нравственными основами коммуникативной культуры в сосуществовании человека и природы, общества, другого человека и т. п.

Поиску путей толерантного развития личности посвящено много работ, не менее содержательно отражена и проблема формирования религиозного сознания. Вместе с тем в последнее время они не рассматриваются в органической связи. Именно поэтому целью статьи мы определили исследование религиозной идентификации как важной составляющей личностной идентификации и ее влияние на формирование ценностных ориентаций и толерантности.

Следует отметить, что говорить о различных идентичностях человека не совсем является правильным, ведь, как подчеркивает в своих исследованиях Е. Труфанова, существует множество идентификаций, тогда как идентичность одна. По мнению ученой, главным является то, что идентичность означает последовательность психической жизни человека, а чувство идентичности позволяет понять, кем является личность, и поэтому делает возможным сочетание различных ее проявлений, возникающих в процессе социальных интеракций с другими людьми в различных ситуациях. Поэтому в разговоре об идентичности необходимо, прежде всего, говорить об идентификации, ведь именно она является процессом индивидуального самоопределения и построения идентичности [1]. Таким образом, в нашем исследовании мы будем говорить именно об идентификации, для определения которой большинство современных ученых используют термин «идентичность», хотя, как уже отмечалось, идентичность является более широким понятием, включающим различные идентификации.

Вопрос идентичности личности довольно широко изучается исследователями различных сфер, в частности, В. Агеевым, Н. Антоновой, М. Бахтиным, А. Ватерманом, И. Гоффманом, Э. Эриксоном, В. Малаховым, Дж. Мидом, Дж. Тернером, Х. Хейфелом, В. Ядовым и др. Религиозная идентичность (и идентификация) входит в круг научных интересов таких ученых, как Т. Воропаева, В. Калач, А. Крылов, Н. Мадей, М. Маринович, М. Мчедлов, А. Николаевская, И. Папаяни, В. Попов, Р. Процок, Л. Скокова, О. Турий, Е. Труфанова, Т. Шевченко и др. Однако стоит отметить, что, несмотря на то, что в современной гуманитаристике религиозная идентичность является весьма актуальным и востребованным вопросом, ученые, рассматривая ее в контексте других видов (в частности, национальной, политической и т. п.), не сосредотачиваются на четкой концептуализации указанного явления. Поэтому религиозная идентичность используется как сам собой разумеющийся феномен, который не требует уточнения и прояснения основных концептуальных моментов [2, с. 85—92].

Анализируя трансформационные процессы в современном украинском обществе, можно наблюдать поиск новой религиозной идентификации, которой, по мнению М. Миронович, способствуют такие процессы, как открытость и религиозная свобода [3, с. 219—224.].

Религиозная сфера является одним из важнейших факторов общественной стабильности, ведь внутренняя личностная религиозность является залогом терпимости, толерантности и умеренности.

В то же время религиозную идентификацию можно считать и важным фактором не только личностного роста, но и личностного самосовершенствования.

Исследуя формирование национальной и религиозной идентичности граждан Украины (1993—2010), Т. Воропаева утверждает, что идентичность является динамической структурой, которая развивается в течение всей жизни человека. Указанное развитие характеризуется нелинейностью и неравномерностью, ведь проходит через преодоление кризисов идентичности и может двигаться как в прогрессивном, так и в регрессивном направлении. Ученая рассматривает идентичность как процесс, включенный в целостную жизнедеятельность субъекта, неразрывно связанный с когнитивной, эмоциональной, ценностно-смысловой и поведенческой сферами личности. Идентичность, обусловленная личностными потребностями, мотивами, целями и установками, является опосредованным языком, нормативно-обычными, знаково-символическими, идейно-образными и ценностно-смысловыми системами культуры [4].

Религиозную идентификацию можно считать одной из главных составляющих личностной идентичности, так как она является отражением коллективного и индивидуального сознания, переживания принадлежности к определенной религиозной общине на основании общей веры, религиозных практик, убеждений, традиций и ценностей. Так, в частности, А. Крылов считает религиозную идентичность источником как традиционных, так и новых форм идентичности, ведь формирует представление человека о себе, своем месте в обществе и само общество [5]. Несомненно, религиозная идентификация является отражением личного представления индивида о роли духовности в жизни, ведь именно она делает возможным получение ответов на важные вопросы жизни, семиотики сакрального или трансцендентного и т. п.

Важно отметить, что религия как ключевой системообразующий фактор культуры оказывает существенное влияние на процессы самоидентификации этнических и национальных сообществ. Так, в частности, Р. Процюк считает, что религиозная идентичность как составляющая более широкой национальной идентичности формирует нацию как воображаемое сообщество. Ученый рассматривает религиозную идентичность как некую совокупность представлений членов общества относительно религиозной сферы и процесс формирования указанного сообщества в переходных обществах, в которых процесс формирования наций еще не завершился. Автор признает религиозную идентичность мощным фактором формирования гражданского общества благодаря осознанию нацией своей сути, тождества и ценности [6, с. 122—130].

В то же время Е. Труфанова указывает на зависимость религиозной идентификации от культуры, ведь религиозная идентификация часто является важной составляющей культурной идентификации, и, приписывая себя к определенной культуре, человек одновременно приписывает себя к религии, принятой в этой культуре. В некоторых случаях может возникнуть ситуация, когда религиозная идентификация становится значимой и для нерелигиозного человека [1]. Данная мысль поддерживается многими учеными. Так, в частности, А. Забияко считает религиозную идентичность категорией религиозного сознания, содержанием которой выступает понимание соотношения с идеями, ценностями, которые в той или иной культуре или обществе рассматриваются как религиозные, а также принадлежность к конкретной форме религии и религиозной группе [7, с. 403—405]. Таким образом, религиозная идентификация как сложный и многогранный процесс, который формируется на основе знаний, ценностей и поведения, является тесно связанным с культурой, которая, в свою очередь влияет на формирование определенной нации.

Не стоит забывать о том, что религиозная идентификация в определенной степени вызывает конфликтность, а поэтому проблема толерантности была и остается достаточно актуальной. К причинам такой агрессивности можно отнести личностную самоуверенность, понимание своего превосходства по отношению к другим, стремление навязать свои убеждения и т. п.

Оправданным выглядит в этом контексте, по нашему мнению, выражение М. Уолцера относительно режимов толерантности: «По минималистскому утверждению о ценностях мира... не существует единых принципов для всех режимов толерантности, которые требуют от нас действий во всех обстоятельствах, во все времена и во всех странах... . Процессуальные аргументы не помогут нам здесь именно потому, что они не дифференцированы по месту и времени, они не полностью обусловлены обстоятельствами. Альтернатива, выбранная мной, — это историческое и контекстуальное представление о толерантности и мирное сосуществование с анализом различных форм и приемлемых норм повседневной жизни. Мне представляется необходимым рассмотреть как идеальные варианты этих практических устройств, так и их конкретные исторические документальные искривления. Мы должны также принять во внимание, как эти устройства познаются на практике сторонами-участниками — группами и индивидами, победителями и проигравшими, — а потом и то, как они выглядят для стороннего глаза, участников других режимов толерантности» [8, с. 15—16].

Понятие толерантности всегда касается проблемы налаживания совместной жизни, несмотря на различия в состоянии, интересах, мировоззрении определенных социальных групп. Толерантность является в определенном смысле средством сочетания единичного с общим и различий с общими чертами. Мировые события последних лет ярко показали, что глобализация вместе с постиндустриальными изменениями не только не способствует решению социальных проблем, но и приводит к упадку культуры толерантности. Практическая работа в рассматриваемом направлении предусматривает не только формирование навыков толерантного поведения, но и формирование определенных личностных

качеств, которые способствуют адекватному восприятию других культур и средств самовыражения человеческой индивидуальности.

Стоит подчеркнуть, что, говоря о месте толерантности в формировании религиозной идентификации, важным становится вопрос о правильном понимании, а не обычной декларации феномена толерантности. Так, в частности, В. Климов указывает на важность указанной проблемы, акцентируя внимание на том, что толерантность и ее практическое воплощение находятся в разных плоскостях, что, в свою очередь, по его мнению, подтверждается сравнительным анализом различных деклараций о готовности действовать толерантно и реально происходящими действиями [9].

Воспитание толерантного отношения к другим религиозным идентификациям заключается в воспитании веротерпимости в соответствии с правами и свободами человека, в уважении к общественно признанным приоритетам, ценностям и ценностным ориентациям, а также соблюдении принципа внеконфессийности учебно-воспитательного процесса учебных заведений всех уровней.

Рассмотрение данного вопроса акцентирует внимание на изучении аналитической литературы о сущности ценностных ориентаций, поскольку именно они являются главными определяющими содержательной направленности личности и основными составляющими отношения к окружающему миру, к другим людям, к себе, а также выступают в качестве основы жизненной активности и мотивации. Литературные источники довольно часто отождествляют ценности и ценностные ориентации, представляя эти понятия в одном смысле: как «понятие, определяющее значимость для человека и общества различных явлений, объектов, которые занимают ведущее место в выстраивании системы жизненных ориентаций, выработке жизненных стратегий, определении вектора возможных изменений, в целом — в осознании смысла жизни и социокультурной активности человека» [10, с. 2].

Конечно, ценности, являясь отражением сущности социальной жизни конкретного общества и определенного образа жизни человека, характеризуются относительностью, а не абсолютностью. Кроме того, общественная система ценностей, ее характер и особенности выступают в качестве своеобразного ориентира в процессе формирования мировоззрения и духовности, а желание овладеть ими является важнейшим условием приобретения жизненного опыта и неотъемлемой составляющей процесса социализации. Ценности всегда существуют и видоизменяются, поскольку меняются целые поколения людей, подражая как положительному, так и отрицательному опыту своих предшественников [11, с. 292—296]. Этот момент касается и духовных ценностей, а анализ религиозных предпочтений личности дает возможность утверждать, что они являются в достаточной степени разнополюсными.

Значительная часть исследователей (В. Воронкова, Г. Дилигенский и др.) отмечает, что ценностная ориентация является личностной направленностью на процесс усвоения определенных ценностей в целях удовлетворения своих потребностей. В ценностных ориентациях ценность выступает своеобразным ориентиром и соответствующим регулятором человеческого поведения и деятельности как в предметной, так и социальной действительности. Таким образом, личность ориентируется на те ценности, которые являются наиболее востребованными не только в настоящее время, но и в перспективе, которые не только соответствуют ее интересам и целям, но и импонируют ее опыту [12; 13].

Итак, ценностные ориентации являются сложными образованиями, включающими различные уровни и формы взаимодействия общественного и индивидуального в структуре личности, специфическими формами осознания личностью окружающего мира, своего прошлого и будущего, сущности своего собственного «Я» [10]. Ценностные ориентации отражают результат обобщения человеком ценностей таким образом, что из всего в них значимого человек выбирает положительно значимую сущность. Они являются главной доминантой мировоззрения человека и, соответственно, вызывают такое мировоззренческое кредо, как толерантность.

Все это имеет прямое отношение к религиозной ориентации как к важному понятию, которое характеризует отношение человека к различным религиозным объектам, его субъективную готовность вести себя соответствующим образом по отношению к этим объектам.

Отечественные специалисты в области религиозноведческой науки часто отождествляют религиозные ориентации и установки, которые понимаются в качестве специфического состояния субъекта, которое характеризует его готовность к совершению действия и направлено на удовлетворение определенной потребности в конкретной ситуации. Ученые отмечают, что на формирование религиозных ориентаций значительно влияет социальный контекст, в частности, религиозные традиции, которые выражают глубинные социально обусловленные мотивационные потребности: ощущение включенности в структуру духовных связей, состояние близости к социальному окружению, ощущение безопасности, самопознание и самоутверждение и т. п.

Религиозная идентификация не является одномоментным действием. Она формируется в процессе личностной коррекции своей ориентации под влиянием определенных социально-экономических условий и личностных психологических изменений. Идентифицируя себя с определенным лицом или группой лиц, личность определяет духовные предпочтения. Именно поэтому религиозная ориентация, как правило, формируется в результате макрогруппового («пространственного») взаимодействия. Важно не забывать и о том, что религиозный выбор осуществляется благодаря определенным ценностям, поэтому для одной личности доминирующими могут выступать общегуманистические ценности, для

другой — ценности определенной конфессии или социальной группы. При этом такой выбор может быть чисто прагматическим, основываясь на личностных целях и интересах.

Несомненным является тот факт, что человек не способен стать человеком без ценностно-смысловой и мировоззренческой компетенций. Возможно, к компонентам религиозной идентификации (наряду с когнитивным, аффективным и поведенческим) следует добавить (или же выделить в качестве важной составляющей) мировоззренчески-ценностный, который распространяет жизненные смыслы и опыт духовно-практического постижения мира на знаниевое (рационалистическое, сциентистское) содержание. В этом контексте становится принципиальным рассмотрение факторов, влияющих на религиозную ориентацию, т. е. на религиозные процессы, которые, в свою очередь, невозможны без участия в них различных субъектов.

Поскольку мы рассматриваем религиозную ориентацию личности в контексте ценностей и толерантного роста, следует отметить, что она в определенной степени зависит от мировоззренческих систем определенных религиозных конфессий. Кроме того, важно учитывать ее зависимость от психологических явлений, характеризующих определенный коллектив как целостность (автономность), в том числе их влияние на личность. К таким явлениям можно отнести:

- общественное мнение, в основе которого лежат интеллектуальные, волевые и эмоциональные компоненты, которые проявляются в оценочных суждениях, отражающих общее отношение (одобрение или осуждение) группы относительно вопросов и событий, связанных с жизнью и интересами группы;
- общественное групповое настроение, в основе которого лежит эмоциональное состояние, что царит, преобладает в группе, создавая эмоциональную атмосферу в ней. Оно не только стимулирует, но и подавляет деятельность членов группы, а иногда даже приводит к конфликтам;
- самоутверждение. В его основе лежит осознание каждым членом коллектива себя в качестве важной составляющей и попытка занять и удержать в нем определенную позицию, завоевать признание, доверие, поддержку, понимание;
- коллективные традиции, обычаи, порядки, установки, которые укоренились в определенной группе за время ее существования;
- коллективное самоопределение, в основе которого лежит определенная свобода относительно индивидуального мнения в группе, к которому прислушиваются, относятся с уважением и на которое обращают внимание, формируя общее мнение и групповую оценку.

В указанном контексте важно прислушиваться к ученым, которые указывают на вдумчивое отношение к личностным предпочтениям: «Философия должна быть хорошо исторически информированной и социологически компетентной, если она желает избежать “плохого, утопизма” и осознать сложность выбора, к которому часто приходится прибегать в жизни. Чем сложнее выбор между двумя альтернативами, тем меньше вероятность того, что один и только один результат гарантирует нам одобрение философов. Возможно, нам следует выбирать один путь сейчас, другой — в будущем. Возможно, все результаты нашего выбора будут пробными и экспериментальными, подвергаясь ревизии или полной смене. Мнение о том, что результаты нашего выбора не определены единственным универсальным принципом (или взаимосвязанным набором принципов), правильный выбор здесь может и не быть правильным выбором там, — это, строго говоря, релятивистская идея» [8, с. 49].

Таким образом, трансфер духовных ценностей в религиозную ориентацию и толерантность возможен только в том интерпретационном измерении, в котором религиозные ориентации не противостоят общественному сознанию; в котором есть система вербализованных взглядов, высказываемых на языке абстрактных понятий; которое не противоречит жизненно важным ценностям и целям в определении общественной деятельности. Религиозные ориентации рассматриваются как феномен социально-психологической сферы, который сочетается с неосознанными или не вполне осознанными преимуществами и мотивами, которые личность переживает на эмоциональном уровне.

Источники ориентации всегда имеют суммативный характер, ведь являются результатом взаимодействия собственных мотивов и эмпирических знаний человека. Религиозная ориентация, которая влияет на религиозную идентификацию, соотносится с определенной религиозной позицией на основе саморефлексии. Указанное понятие подразумевает и соотношение субъекта с определенной религиозной позицией, которая представлена другими субъектами и определенным образом влияет на характер коммуникации и толерантный рост. Толерантность не может рассматриваться как определенное признание существования различных ориентаций, но она должна стать мировоззренческим «кредо», механизмом нахождения консенсуса во всех разновидностях коммуникации.

Современный мир все больше актуализирует человеческое умение строить гармоничные отношения с представителями других культур, носителями других религиозных взглядов, ценностей и мнений. В этом контексте мир выступает все более взаимобусловленным. В то же время стремление к личностной свободе, культурному, духовному самоопределению ориентируют человека на отождествление с одними людьми, группами людей и отграничение от других. Такой процесс не может не приводить поликультурный мир к противоречивости, а межкультурную коммуникацию — к конфликтности. Именно поэтому единственным реально возможным вариантом развития мира без насилия становится толерантность как способ налаживания отношений на основе терпимости, консенсуса, диалога. Культурные ценности, нормы

и модели личностной компетентности, поведения, содержащие универсальный потенциал не только постоянного духовного самосовершенствования, но и толерантного роста как нормы здравого смысла, находятся в постоянном взаимодействии идентификаций, в том числе и религиозной. Именно поэтому в процессе развития религиозной идентификации личности важными являются вопросы защиты информационного пространства, обеспечения информационно-психологической безопасности, поднятия на более высокий уровень личной культуры, преодоления социально-психологических стереотипов и комплекса национальной неполноценности, расширения базы демократических сил, достижения состояния необратимости и стабилизации социально-экономического жизни, воспитания национально сознательной личности и духовная консолидация на основе европейских идеалов и общечеловеческих ценностей.

Список цитируемых источников

1. Труфанова, Е. О. Людина в лабіринті ідентичностей [Електронний ресурс] / Е. О. Труфанова // Вопр. філософії. — 2010. — Режим доступу: <http://zgroup.com.ua/article.php?articleid=3705>. — Дата доступу: 12.12.2017.
2. Папаяні, І. В. Проблема концептуалізації релігійної ідентичності / І. В. Папаяні // Наука. Релігія. Суспільство. — 2009. — № 1. — С. 85—92.
3. Маринович, М. Проблема збереження релігійної ідентичності в умовах відкритого суспільства / М. Маринович // Громадянське суспільство як здійснення свободи: центрально-східноєвропейський досвід / за заг. ред. А. Карася. — Львів, 1999. — С. 219—224.
4. Воропаєва, Т. Формування національної та релігійної ідентичності громадян України (1993—2010 pp.) [Електронний ресурс] / Т. Воропаєва. — Режим доступу: http://www.etnolog.org.ua/index.php?option=com_content&task=view&id=107. — Дата доступу: 12.12.2017.
5. Krylow, A. N. Religioselidentität: Individuelleß und kollektives Selbstbewusstsein im post industriellen Raum / A. N. Krylow. — Berlin : West-Ost-Verlag, 2012. — 306 s.
6. Процюк, Р. Релігійна ідентичність нації як чинник становлення громадянського суспільства / Р. Процюк // Вісн. Львів. ун-ту. Філософські науки. — 2004. — Вип. 6. — С. 122—130.
7. Забияко, А. Религиозная идентичность / А. Забияко // Религиоведение : словарь. — М., 2006. — С. 403—405.
8. Уолцер, М. Про толерантність / М. Уолцер ; [пер. с англ. М. Лупішко]. — Харків : РА-Каравела, 2003. — 148 с.
9. Клімов, В. В. Проблеми і шляхи толерантизації міжконфесійних відносин / В. В. Клімов // Релігійна свобода. Спецвипуск № 2. Міжконфесійні відносини в їх сутності і виявах в Україні. Науковий щорічник / за заг. ред. д-ра філос. наук А. Колодного і канд. філос. наук М. Бабія. — Київ, 2010. — С. 81—88.
10. Сокурская, Л. Г. Студенчество на пути к другому обществу: ценностный дискурс перехода : монография / Л. Г. Сокурская ; ред.: В. И. Астахова [и др.]. — Харьков : Харьк. нац. ун-т им. В. Н. Каразина, 2006. — 576 с.
11. Єфтені, Н. М. Ціннісні орієнтації сучасної української молоді / Н. М. Єфтені // Актуальні проблеми політики : зб. наук. пр. — Одеса : Фенікс, 2009. — Вип. 37. — С. 292—296.
12. Воронкова, В. Г. Філософія глобалізації: соціоантропологічні, соціоекономічні та соціокультурні виміри : монографія / В. Г. Воронкова. — Запоріжжя : Вид-во ЗДІА, 2010. — 272 с.
13. Дилигенский, Г. Г. Люди среднего класса / Г. Г. Дилигенский — М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2002. — 285 с.

УДК 008(476)

И. Н. Укряженко

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск

ТРАДИЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

В условиях глобальных перемен современного общества проблема сохранения национально-культурной идентичности как для Беларуси, так и для многих других стран представляет особую важность и значимость. Сейчас в нашей жизни протекают драматические процессы глобального характера. Попытки превратить мир в единый поток, соединить несоединимое по своей природе ведут к деструктивным процессам в обществе, так как, вторгаясь в фундаментальные основы бытия, происходит разрушение уникальных традиций и обычаев, упразднение социокультурных ценностей, что грозит подрывом естественных механизмов сохранения жизни всей нации. Концепция тотальной интеграции уничтожает устойчивость многовековых пластов этнокультурного наследия. На этом фоне происходит стремительное духовное падение, кризис идентичности, потеря своих корней, деградация социума наряду с внешним «блеском» прогрессивных идей техногенного развития, что вызывает оправданное беспокойство многих народов, в том числе и восточнославянских стран. Внимание многих исследователей обращено к поиску путей решения насущных вопросов, связанных с проблемами духовно-ценностной детерминации поведения современного человека, сохранением духовного наследия общества и его возрождения в современных условиях.

На сегодня мы являемся свидетелями интенсивного процесса трансформации различных структур общественного бытия. Речь идет о том, что современный мир захватывает так называемая глобальная имперская власть, доминирующей идеей которой выступает создание единого управляемого общества-

массы, отвергающего по своей сути все признаки национально-культурной идентичности и самобытности. Глобалистские устремления направлены в русло политических, экономических, религиозных, образовательных, медицинских, информационных, культурных, социально-управленческих и иных общественных структур, деятельность которых сознательно и целенаправленно используется сторонниками нового мирового порядка в качестве проводников для внедрения техногенно-потребительских проектов и моделей бытия наряду со стандартизированными ценностно-мировоззренческими позициями, с целью «обеспечить перераспределение властных полномочий с национального на глобальный уровень» [1, с. 130].

Губительное действие содержит в себе одна из ведущих тенденций глобализаторских концепций — стремление к тотальной унификации образа жизни, взглядов, норм поведения, ценностно-смысловых ориентиров, духовно-нравственных убеждений различных народов и государств, всего мирового сообщества. Совершенно очевидно, что мощное дестабилизирующее воздействие такой путь оказывает именно на духовную культуру и духовные устои общества, роль которых в III тысячелетии, по мнению белорусского учёного Т. И. Адуло, будет определяющей [2].

Для восточнославянских народов такое вторжение потенциально содержит в себе механизмы разрушения многовекового традиционного уклада жизни, обычаев, правил, идеалов, традиционных внутренних аксиологических источников и жизненных ориентиров. Прагматизм и консьюмеризм, информационная атака и претензии на тотальное манипулирование сознанием человека идут вразрез с теми принципами и нормами, которые на протяжении долгого исторического периода обеспечивали духовную целостность, развитие и безопасность славянских стран. Здесь заслуживают внимание рассуждения белорусского учёного Ч. С. Кирвеля о том, что «...современная Европа — это не только единые стандарты, прописанные чиновниками Евросоюза, но и общее историческое и культурно-цивилизационное наследие, к которому, как бы это кому-то нравилось или не нравилось, Беларусь, Россия и Украина не имеют никакого отношения. А не имеют они к этому отношения потому, что изначально принадлежат к другой цивилизации — православно-славянской» [1, с. 255—256]. Об этом говорил еще известный русский философ Н. А. Бердяев: «Денационализация, проникнутая идеей интернациональной Европы, интернациональной цивилизации, интернационального человечества есть чистейшая пустота, небытие. Ни один народ не может развиваться в бок, в сторону, вращаться в чужой путь и чужой рост» [3, с. 88].

На современном этапе исторической эволюции человечества в культуре многих народов наблюдаются две оппозиционирующие тенденции: одна из них характеризуется интенсивными процессами интеграции и направлена на нивелирование национальной культуры и национальных различий, провозглашая единые мировые стандарты, символы, эталоны, ценности, идеи, нормы; другая представляет собой определенную защитную реакцию на такого рода процессы и сфокусирована на этнонациональном возрождении культур, на идентификации человека со своей родной землей и своим историческим прошлым. Основывается она на отражении традиционного экзистенциального опыта и сохранении самобытной родной культуры.

Поэтому совершенно очевиден тот факт, что проблема сохранения национальной идентичности для восточнославянских народов на сегодня приобретает особую значимость и остроту, что позволяет определить ее своевременность и актуальность.

В контексте вызовов современности, вставших также и перед белорусским обществом в выборе определения дальнейших путей сохранения гуманистических начал и утверждения гармонизации общественной жизни, ведущая роль отводится актуализации национальных традиций, смысложизненных ценностей как основы национально-культурной идентичности народа. Традиции (лат. *traditio* — передача, вручение, предание) — механизм хранения и передачи духовного, социального и культурного опыта, с помощью которого определенная нация и каждый её представитель в отдельности сохраняют свою идентичность и возможность самоидентификации в мировом пространстве. Справедливо по этому поводу отмечено Б. К. Малиновским, что «традиция, с биологической точки зрения, есть форма коллективной адаптации общности к ее среде. Уничтожьте традицию, и вы лишите социальный организм его защитного покрова и обречете его на медленный, неизбежный процесс умирания» [4, с. 249—250]. Недаром и Нил Гилевич утверждал, что «без традиций культуры няма. Чым багацейшы грунт традыцый — тым багацей, мацней і здаравей сучасная духоўная культура нацыі» [5, с. 185]. Традиции белорусов, их обычаи, смысложизненные ориентиры, передаваемые из поколения в поколение на протяжении многих веков, воплощали и аккумулировали в себе национальные ценности, приводящие в действие необходимые механизмы для самоорганизации общества и укрепления его мировоззренческих позиций.

Учёные различных областей наук (философии, истории, фольклористики, этнографии, антропологии, культурологии и др.), исследуя исторические памятники белорусской земли (труды церковных деятелей, летописи, философские трактаты, исторические документы, фольклор), отмечали у наших предков стремление к духовности, к прекрасному, желание приблизиться к сакральному, к природе. Эти характеристики и являются детерминантой основных ментальных черт белорусского народа — миролюбия, терпеливости, душевности, рассудительности, трудолюбия, бережного отношения к родной земле. Естественно, что всё это находило своё выражение в народном творчестве, способствовало формированию системы ценностей наших предков, что впоследствии отразилось на национальном самосознании и культуре белорусов. Информация о ценностных доминантах нашего народа наиболее полно отражена

в лучших образцах народного творчества, сохранившихся до наших дней. Сквозь время и пространство они несут важные и необходимые жизненные постулаты, представления о таких понятиях, как добро и зло, верность и предательство, прекрасное и безобразное, призывают человека к утверждению гуманистических принципов и искоренению пороков. Богатым источником жизненной мудрости являются белорусские пословицы и поговорки, в сжатой и лаконичной форме которых хранится родовой опыт наших предков, их ценностное отношение к миру, наблюдения за различными явлениями природы, наставления о значимости семейных отношений, уважении к старшему поколению и другие знания и убеждения, детерминирующие основы морально-нравственного поведения: «Бацькоў любі, старых паважай», «Для ўсякай птушкі сваё гняздо міла», «Дзе дружна, там і хлебна», «У дружбе жыць не тужыць», «Не хваліся языком, а хваліся дзелам», «Адклад не ідзе ў лад», «Дзе шчырая праца, там густа, а дзе лянота — там пуста», «Хто працуе, той не сумуе», «Ранняя птушка зерне клюе, а позняя вочкі трэ», «Хто сумленне мае, той чужога не чапае», «Крадзена не ідзе ў карысьць», «Не чыні таго другім, што табе не люба», «Мала снегу, мала і хлеба», «Дзе дубы, там і грыбы», «Хату мяці, але смецця на вуліцу не нясі», «Ад навукі дужэюць рукі» и др.

Нестабильность исторического развития белорусского этноса явилась стратегическим фактором, только усиливающим активность функционирования этнонациональных процессов. Здесь необходимо подчеркнуть, что в тяжелые исторические времена, когда белорусы были лишены права на свой родной язык, национальное образование и воспитание, именно народные традиции, духовные ценности явились главным механизмом сохранения национально-культурной идентичности, дальнейшего развития белорусской национальной культуры и всего этноса в целом. Традиции народа представляют собой определенную философию жизни. В них со всей полнотой и выразительностью запечатлелись взгляды, убеждения, моральные нормы и правила наших предков-сородичей. Реалии политических и социально-исторических факторов существования белорусского этноса обусловили стремление белорусов к сплочению, единению. Первостепенное значение и важность для наших предков имели кровно-родственные отношения, способствующие духовному единству, целостности и устойчивости бытия.

Анализ современных научных публикаций позволяет нам наметить несколько механизмов, которые могли бы работать для сохранения идентичности нашей нации. Особого внимания заслуживает концепция личностной идентичности с социумом, рассмотренная зарубежным ученым Г. Брейкуэлл:

– *биологический организм*, находящийся во взаимосвязи с *социальным контекстом*. Раскрытие данного механизма предполагает осмысление важности сохранения духовных традиций народа, его менталитета, ценностных ориентиров, выступающих структурообразующим началом и своеобразным кодом жизнедеятельности личности и всего социума. Родовой опыт, содержащийся в традициях народа, способствует укреплению устойчивых мировоззренческих позиций молодого поколения, его духовно-нравственному совершенствованию и самоидентификации, что позволит избежать деструктивных процессов в нынешних цивилизационных условиях. Далее следует отметить, что соответствующее воспитание, направленное на сохранение и развитие духовного наследия нации, формирующее гармонично-развитые личности и тем самым активизирующее аксиологический механизм поведенческих норм и приоритетов, основанных на патриотизме, честности, справедливости, порядочности и т. д., обеспечит стабильную динамику развития общества и укрепление его идентичности в эпоху цивилизационной трансформации;

– *содержательное измерение* включает в себя все характеристики, которые могут быть отнесены к социальной идентичности (позиции, роли, групповое членство) и к личностной, включающей в себя ценности, мотивы, персональные конструкты, эмоции и т. д., описывающие ее уникальность. Этот механизм может быть приведен в действие, опираясь на ценностно-смысловые источники народной культуры, как своего рода духовный каркас, выполняющий функцию идентификации и нацеливающий развитие личности и социума как целостного организма;

– *ценностное измерение*, которое трансформируется в соответствии с изменением наличной социальной ситуации. Этот механизм направлен на достижение ценностной регуляции социальных отношений, базирующейся на вековых традициях и устоях общества;

– *время*, позволяющее определять развитие идентичности в плане субъективного времени [6]. Данный механизм позволяет актуализировать связь духовно-нравственного состояния социума с сохранением откристаллизованных во времени традиций народа, что обеспечивает идентификацию личности с обществом наряду с сохранением целостности социума и государства.

Безусловно, рассмотрение этих механизмов позволяет спроектировать внимание на проблеме сохранения национальной идентичности, тесно связанной с сохранением традиционных ценностно-смысловых позиций личности. Однако эти предложения требуют еще более серьезного рассмотрения, анализа и внимательного претворения в практике.

Белорусские народные традиции, моральные устои и ценностные ориентиры составляют духовное наследие нашей нации и являются связующим компонентом временного пространства, интегрирующего прошлое, настоящее и будущее и объединяющего поколения многовековой истории развития белорусского этноса. Несомненно, что именно традиции народа обеспечивают сохранение духовной целостности нации, нравственное совершенствование личности, этническое самосознание, способствуют достижению согласия в обществе. Этнокультурное наследие играет определяющую роль в сохранении национальной идентичности и самосознания белорусского народа.

В настоящее время мы становимся очевидцами критических моментов истории. В условиях глобальных трансформаций происходит разрушение многовековых внутренних традиционных аксиологических источников бытия социума, что грозит подрывом самоидентификации народов, способствует духовному порабощению.

Особенно остро встала эта проблема перед восточнославянскими народами, которым форсированно насаждается различными средствами чуждый им вектор ценностных установок, направленный на постижение западноевропейского образа жизни, гедонистически-потребительского в своей сущности. История нам показывает серьезные последствия при отступлении от своих духовных основ, своих традиций, поэтому «...вопрос о цивилизационной идентичности (самоидентичности), о нашем праве быть самими собой превратился в вопрос о нашем праве на существование вообще, о нашем культурно-национальном бытии как таковом» [1, с. 235].

Список цитируемых источников

1. Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов / под ред. Ч. С. Кирвеля. — 3-е изд., перераб. и доп. — Минск : Четыре четверти, 2010. — 548 с.
2. Адуло, Т. И. Человек на рубеже тысячелетий: поиск духовных оснований бытия / Т. И. Адуло. — Минск : ИСПИ, 2003. — 209 с.
3. Бердяев, Н. А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности / Н. А. Бердяев. — М. : Мысль, 1990. — 208 с.
4. Man and Culture. An Evaluation of the Work of Bronislaw Malinowski / ed. R. Firth. — London : Routledge & K. Paul, 1957. — VII, 292 p.
5. Гілевіч, Н. Культура і псеўдакультура / Н. Гілевіч // Этнаграфічная спадчына. Беларусь. Краіна і людзі / В. С. Цітоў. — 2-е выд. — Мінск, 2001. — С. 185—186.
6. Психология самосознания / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара : Бахрах-М, 2007. — 671 с.

УДК 316.356.2

И. Н. Харитонов

Учреждение образования «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси», Минск

ПОНЯТИЯ «ГРАМАДЗЯНІН» И «ГРАМАДА» КАК ОСОБЫЕ ПОНЯТИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ БЕЛАРУСИ

Этимологический и понятийный анализ слова «грамадзянін», которое переводится на русский язык как «гражданин», указывает на происхождение и истоки данного слова, отличающиеся не только от его аналога в русском языке, но и от аналогов во многих других европейских языках, а также на его связь с особым понятием «грамада», имевшем большое значение на заре белорусского национального движения. Осмысление особенности данного белорусского слова-концепта важно в современном контексте развития белорусской национальной идентичности и дает определенные послылы к трактовке национальной идеи Беларуси.

В различных дискурсах о нации традиционно принято выделять два направления теорий национального: гражданский и этнический национализмы (Э. Хобсбаум, Э. Геллнер, Э. Смит, Р. Брубейкер и др.). В первом случае о нации говорится как об общности граждан, во втором — как об общности людей одной *национальности*. Последнее часто, особенно в постсоветских странах, понимается как «этничность», хотя в других языках, в частности в английском, понятие «национальность» имеет неоднозначный смысл. Очевидно, что понятие «гражданин» активно используется и переосмыляется в процессе дискуссий о национальном устройстве, нации как явлении.

Понятие «гражданин» в большинстве европейских языков, в том числе в романских и германских, ряде славянских, этимологически связано с понятием «город» в его европейском цивилизационном смысле, которое восходит к древнеримскому латинскому понятию “*civitas*” и/или древнегреческому понятию “*πολις*”. Английское “*citizen*” (пришло из старофранцузского), французское «*citoyen*», итальянское «*citadino*», испанское «*ciudadano*», португальское «*cidadão*», немецкое «*Bürger*», нидерландское «*burger*», датско-норвежское «*borger*» так или иначе восходят к древнеримскому понятию «*civitas*», изначально обозначавшему «община граждан Рима» [1, с. 52], принадлежность к данной общности, а впоследствии ставшее обозначать и другие городские общины, города-государства, общность граждан государства в целом.

В русском и южнославянских языках данное понятие связано со старославянским «гражданинъ», которое, в свою очередь, по одной из версий (наиболее вероятной), представляет собой словообразовательную кальку с греческого слова «*πολίτης*» (буквальное значение — «житель города») и также связано с понятием полиса как особой социально-политической, социокультурной и экономической общности, ограниченной пределами определенного города [2, с. 140—141].

Отметим, что для славянских языков, в отличие от романских и германских (если не обращать внимание на шведское «medborgare» с приставкой «med» — «с-», «со-», что отличает его от подобных слов с тем же родственным корнем в других германских языках, а также английское “citizen”, восходящее к романской традиции), характерно большое внутреннее этимологическое разнообразие понятия «гражданин». Так, наряду с общим южнославянским словом «гражданин» в хорватском, сербском, македонском языках, а также в словенском используется слово с корнем «держава» (серб. «држављанин», хорват. «državljanin», македон. «државјанин», словен. «državljan»). В сербском также встречается слово «цитизен». В чешском и словацком используется слово «občan», в польском — «obywatel», в белорусском и украинском языках — идентичные по происхождению «грамадзянін», «громадянин».

Во всех случаях данные слова обозначают принадлежность к определенному государству и связанное с этой принадлежностью обладание определенными правами. Тем не менее, несмотря на семантическое единство, различное этимологическое происхождение данных слов указывает на историческую специфику и контекст их возникновения и распространения, изначально вкладываемый смысл.

Первично слово «грамада» в белорусском обозначает (как и «громада» в украинском языке) сельскую общину на территории Беларуси и Украины. На русский это слово обычно переводится как «община» или «громада» (следует заметить, что для сельских общин в Беларуси была характерна такая форма коллективного сотрудничества и взаимодействия, как «талака», когда община вместе, например, строила дом своим отдельным членам по очереди). Однако со временем данное слово стало приобретать и другой отчетливый смысл. Со второй половины XIX в. «грамадамі» («громадами») стали называть и народнические, национально-культурные, образовательные и гражданско-политические объединения, группы граждан в Беларуси и на Украине. Например, всем известна «Беларуская сацыялістычная грамада», белорусская партия, возникшая в начале XX в. и ставившая своей целью первоначально «...дабівацца для Беларусі краёвай аўтаноміі з сеймам у Вільні, гарантаваць культурна-нацыянальную аўтаномію для нацыянальных меншасцей» [3, с. 21], затем поддержавшая создание белорусского независимого государства. Её официальный печатный орган — газета «Наша доля» «...заклікала беларусаў да нацыянальнага адраджэння, ...раіла ствараць сялянскія саюзы па тыпу прафесіянальных саюзаў гарадскіх рабочых, рэкамендавала дабівацца адзінства дзеянняў сялянскіх і рабочых саюзаў» [3, с. 23].

Лингвистическая, семантическая и этимологическая идентичность данных понятий в украинском и белорусском языках указывает на тесные связи национальных движений Беларуси и Украины, их историко-политическую родственность и первоначальную идейную общность. Феномен «грамады» является общим белорусско-украинским историческим и социокультурным наследием, достижением.

Таким образом, уникальность белорусского понятия «грамадзянін» указывает не столько на формально-правовой аспект данного понятия, сколько на консолидирующий, национально-возрожденческий смысл, взывает к тесной и активной гражданской позиции, солидарности и общности белорусского народа, его национальному единству. Значит, можно утверждать, что в своих знаменитых строчках «А хто там ідзе, а хто там ідзе // У агромністай такой грамадзе? // — Беларусы» и «На прастор, на шырокі разлог // Выхадзі, мой народ, грамадою, // Сотні новых і ясных дарог // Расцілае жыццё прад табою!» белорусские поэты Янка Купала и Якуб Колас под словом «грамада» понимали не массу, толпу, а организованное объединение, общность [4; 5].

Таким образом, слово-концепт «грамадзянін» по своему происхождению, с одной стороны, имеет выраженный национальный характер, с другой — указывает на самоорганизацию, коллективное устремление к определенным ценностям и целям.

Возможным будет указать на допустимость надэтнического смысла в данном понятии. «Грамада» как социально-политическая группа в национальном движении объединяла прежде всего «сторонников», «единомышленников», объединенных идеей национального суверенитета и культуры, т. е., на наш взгляд, не обязывала к этнической принадлежности к белорусскому народу.

Вне всякого сомнения, акцентирование внимания на данных аспектах понятия «грамадзянін» имеет важный «нациетворческий» потенциал для активизации национального самосознания Беларуси, а концепт «грамада» может лежать в основе национальной идеи.

Список цитируемых источников

1. Дементьева, В. В. Античная гражданская община: греческий полис и римская civitas : учеб. пособие / В. В. Дементьева, И. Е. Суриков ; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. — Ярославль : ЯрГУ, 2010. — 104 с.
2. Лукин, П. В. Древнерусские понятия «горожанин», «гражанин», «гражданин» / П. В. Лукин // Рос. история. — 2014. — № 4. — С. 140—146.
3. Коршук, У. К. Беларуская сацыялістычная грамада: стварэнне і дзейнасць / У. К. Коршук // Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. Вып. 2 / рэдкал.: У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.] — Мінск : БДУ, 2007. — С. 20—29.
4. Купала, Я. А хто там ідзе? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.belarus-misc.org/zinowjew/Kupala/Cyrillic/hto.html>. — Дата доступа: 19.01.2015.
5. Колас, Я. Свайму народу [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.exussr.ru/autar/yakub-kolas>. — Дата доступа: 19.01.2015.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ГЕНДЕРНЫХ РОЛЕЙ В БЕЛОРУССКОМ ОБЩЕСТВЕ XX ВЕКА

Появившиеся в гуманитарной науке конца XX в. гендерные исследования ставят одной из своих целей изучение роли полов в развитии человечества, их выражение в философии, истории, языке, литературе, искусстве, что находит отражение в многочисленных работах как зарубежных, так и отечественных авторов.

При рассмотрении вопроса, касающегося трансформации гендерных ролей (дифференциации деятельности, статусов, прав и обязанностей индивидов в зависимости от их половой принадлежности [1, с. 7]), необходимо принимать во внимание культурно-исторический период развития государства, так как модели гендерных ролей напрямую зависят от социокультурных, экономических и политических процессов, происходящих в стране в определенные периоды ее развития. Поскольку наша страна богата историческим прошлым, связанным со вхождением ее в состав Российской империи, СССР и, наконец, обретением независимости, эти периоды найдут свое отражение в данной статье.

Поскольку большая часть народов, населяющих территорию современной Беларуси, долгое время проживала в деревне, в условиях натурального, полукрепостнического хозяйства, им были характерны большие крестьянские семьи патриархального или полупатриархального типа, где и земля, и имущество находились в руках мужчин, а женщина всецело зависела от отца и мужа.

Как отмечает Т. Г. Киселева, активные процессы разделения труда на протяжении всей истории до середины XIX в. имели отношение почти исключительно к мужчинам. Со времен неолита основной «профессией» женщины стало действительно домашнее хозяйство, впоследствии детализированное в различных функциях домашней прислуги [2, с. 168]. Вдобавок к этому и православная церковь, и народный обычай на протяжении веков способствовали формированию идеала женщины — многодетной матери. В частной жизни женщины материнство и воспитание детей играли одну из ведущих ролей, а в правовом и политическом отношении ей отводилось подчинительное место. В Своде законов Российской империи указывалось, что «жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства, пребывать к нему в любви, почтении и неограниченном послушании, оказывать ему всякое угождение и привязанность» [3, с. 12].

В. М. Хвостов считает, что подчиненное положение женщин установилось также под влиянием того факта, что в экономической жизни старого общества и в его социальных отношениях огромное значение имела физическая сила. Физический труд стоял на первом месте в промышленности. Война решала важнейшие вопросы политики. Во всех этих областях женщина, по природе более слабая физически, чем мужчина, в силу вещей должна была уступить ему место [4].

По мнению Р. Зидера, разделение сферы «работы» и сферы «дома» произошло после того, как производство отделилось от дома и переместилось на фабрики с частичной механизацией труда, единицей найма стала уже не семья, а конкретный человек. Место «всего дома» занял теперь труд мужа вне дома как единственный источник материального обеспечения семьи. Женщина удалась в сферу «домашней работы», все более отделявшуюся от производственного труда. Это усилило господство мужа, лишив жену роли его соратницы в труде и руководительницы обширного домохозяйства. За нею закрепились функции представительства мужа, материнства и обеспечения мужу психологической и физической «защищенности» от трудностей жизни, характеризующие ее роль как вспомогательную, явным образом подчиненную роли мужа, кормильца семьи [5].

Октябрьская революция 1917 г. повлекла за собой разрушение институтов религии и частной собственности, на которых веками держалась семья. Появились новые концепции взаимоотношений полов в семье и обществе, берущие начало в большевистской идеологии. Одной из главных причин подчиненного мужчине положения признавалось отчуждение женщины от участия в коллективном труде и ее уход в домашнюю сферу деятельности, поэтому массовое возвращение женщины в сферу коллективного труда должно было способствовать ее освобождению.

Изменению концепции взаимоотношений полов способствовало принятие ряда нормативных документов. Декрет о расторжении брака (19 декабря 1917 г.) и Декрет о заключении гражданского брака (20 декабря 1917 г.) стали важнейшей вехой в реформировании семейно-брачного законодательства в советской России. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 года [6] предоставлял равные права обоим супругам. Впервые женщина, вступающая в брак, могла сохранять свою фамилию, иметь отдельное от мужа местожительство, распоряжаться своими доходами, а в случае развода в равной степени претендовать на семейную собственность. Новый брачный закон не отменял традиционных церковных церемоний, но лишал их права легализации брачного состояния. Отныне законной считалась лишь гражданская регистрация, причем как церемония бракосочетания, так и процедура развода значительно упрощались. Данный закон отменял также понятие «незаконно-рожденный ребенок» — как рожденные в браке, так и вне брака приобретали одинаковые права.

Государству передавалась значительная часть материнских функций, при этом материнство сводилось исключительно к биологическим функциям деторождения и кормления, а функция социализации практически полностью отводилась государству, т. е. не родители, а общество было призвано нести основную ответственность за воспитание ребенка. Государство должно было снять заботу о быте советской женщины, освободить ее от груза домашнего труда за счет создания широкой сети столовых, прачечных, детских садов и других составных частей развитой социальной инфраструктуры; «освобожденная женщина» была обязана, в свою очередь, заняться трудом «общественнополезным» [7, с. 166—180]. Первый советский закон о браке и семье был признан самым революционным в мире.

Тем не менее после окончания гражданской войны становится широко распространенным брачное сожитие без официальной регистрации, чему способствовали такие факторы, как существенное нарушение соотношения полов из-за людских потерь в Первой мировой и Гражданской войнах, а также рост повторных браков ввиду заметного упрощения в новом семейно-брачном праве требований к вступающим в брак и желающим его расторгнуть. Кроме того, до 1917 г. большинство браков заключалось по воле и согласию родителей, чего уже не требовалось после революции.

По мнению Т. Осипович, такой прогрессивный закон в отсталой, разрушенной революцией и Гражданской войной России был явно преждевременен. Как и раньше, женщина была менее образована, зарабатывала меньше мужчины и значительно больше была загружена домашним хозяйством. Экономическая зависимость от мужчины и традиционный взгляд на роль матери и жены делали женщину жертвой новых законов. Приобретая «бумажную» свободу в браке, женщина оказывалась в реальных трудностях в результате легко получаемого развода. Как правило, она оставалась с ребенком на руках, без профессии и без экономической поддержки со стороны мужа. Государство могло лишь мечтать о будущих бесплатных детских садах и общественных кухнях, но на деле взять под свою защиту всех одиноких матерей не имело возможности [8, с. 162].

Белорусская ССР как составная часть СССР также была ярким примером социокультурной среды, в которой объявлялось о полном юридическом равенстве женщин с мужчинами в общественной и семейной жизни, однако положение о равных правах как на рабочем месте, так и в семье чаще существовало только теоретически. В условиях послевоенной разрухи советское государство нуждалось в дополнительных трудовых ресурсах, а женская рабочая сила была более дешевой и дисциплинированной. В то же время столкнувшись с большими человеческими потерями в ходе мировой и Гражданской войн страна оказалась перед проблемой катастрофической убыли населения и, соответственно, перед необходимостью стимулирования рождаемости. Результатом этих противоречивых тенденций стала политика, поощряющая совмещение женщиной производственной и воспроизводственной функций под прямым контролем и патерналистской опекой государства. Так были заложены основы «гендерного контракта» работающей матери, характерного для всех стран государственного социализма [9, с. 34].

В середине 30-х гг. прошлого столетия по итогам проведенной переписи населения и полученных данных о численности людей, умерших в результате коллективизации, голода и репрессий, государством начинается осуществление политики, направленной на стабилизацию брака и повышение рождаемости. Принимается постановление «О запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным семьям, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за невыплату алиментов и некоторых изменениях в законодательстве об абортках» [10], государственная поддержка материнства становится одним из приоритетов внутренней политики. В дополнение к мерам по увеличению рождаемости повышается подоходный налог с холостяков, одиноких и малосемейных граждан [11], предусматриваются также санкции против разводов. В 1936 г. была принята конституция, официально провозгласившая равноправие женщин в СССР и предоставление женщине равных прав с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной и общественно-политической жизни, также подчеркивалось, что женщины пользуются правом избирать и быть избранными наравне с мужчинами [12].

Потеря огромной части мужского населения в результате Второй мировой войны стала причиной ужесточения законодательства по пути «принудительной стабилизации семьи». Еще в ходе войны был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания “Мать-героиня” и учреждении ордена “Материнская слава” и медали “Медаль материнства”» [13]. Законным признавался только зарегистрированный брак, ужесточалась процедура развода, запрещалось установление отцовства в отношении детей, рожденных вне брака. Таким образом, во время войны и связанных с ней массовых миграций вся ответственность за ребенка ложилась на женщину. Государство снимало ее с мужчин-отцов, перекалдывая на женщин-матерей и частично на себя, обязавшись выплачивать ежемесячные пособия на каждого рожденного вне брака ребенка.

Эти изменения в законодательстве о семье выполняли одновременно несколько задач в области семейной политики: стимулировали рождаемость в условиях войны, ликвидировали демографический дисбаланс полов, а также способствовали стабилизации семейных норм. В условиях войны, массовых миграций, эвакуации, плена, оккупации, с одной стороны, происходил распад семей, и государство, ограничивая

разводы, стремилось лимитировать индивидуальные свободы и индивидуальную мобильность своих граждан. С другой стороны, в военных и послевоенных условиях реально не хватало мужчин, и нормой жизни становилась материнская семья. Для того чтобы вернуть в повседневность понятие «нормы», т. е. семьи, состоящей из отца, матери и ребенка/детей, в общественное сознание внедрялись понятия «неполная семья» и «незаконнорожденный», дискредитировались фактические браки и материнские семьи.

В послевоенные годы экстенсивные формы развития экономики предопределили стремительный рост количества женщин в составе рабочей силы. Уровень занятости женщин в составе рабочей силы поднялся до 50% и оставался таковым на протяжении 40 лет. Профессиональный труд, становившийся не исключением, а нормой для подавляющего большинства женщин, превращал их в членов не только семейного, но и трудового коллектива. Круг их интересов уже не ограничивался заботами о доме, семье, детях, а распространялся на дела производственные и общественные. Женщина утверждалась в своей экономической самостоятельности. Доступность образования способствовала освоению сложных профессий, что позволяло осваивать новые сферы трудовой деятельности [14].

Однако, по мнению О. И. Чесноковой, политика большевистского государства не была направлена на уравнивание в правах женщин и мужчин, а подразумевала освобождение женщин от власти патриархальных семейных отношений с тем, чтобы подчинить женщин, как и мужчин, власти государства. В 1970-е гг. уже не возникало необходимости в столь широком вовлечении женщин в производство, поэтому главное внимание стало уделяться рождению детей и образованию. Таким образом, был сформирован определенный тип гендерной культуры: большое количество работающих женщин, воспринимающих как свою работу, так и свое материнство как выполнение обязанностей перед государством [15, с. 120].

И. С. Клецина отмечает, что с того момента, когда внедомашний оплачиваемый труд женщины превратился из вынужденной необходимости в массовое общественно одобряемое явление, стали изменяться традиционные внутрисемейные отношения. Предполагалось, что если женщина взяла на себя выполнение функций по материальному обеспечению семьи, то мужчина возьмет на себя функции, связанные с домашним хозяйством. То есть и мужские, и женские обязанности не будут жестко привязаны к полу, а будут выполняться супругами поровну [1, с. 60]. Напротив, в советском обществе прочно укоренилось представление о традиционном разделении обязанностей по хозяйству, где мужчина обеспечивает семью средствами для жизни, а женщина занята домашней работой и детьми. Подобное отношение к ролевому поведению мужчин и женщин в семье, передаваясь из поколения в поколение, образовало устойчивый стереотип, который привел к дисгармонии профессиональных и семейных ролей, обусловил появление острой социальной проблемы «двойной занятости» (гендерный контракт «работающей матери»), касающейся работающих женщин, имеющих семью и воспитывающих детей.

В следующие десятилетия произошли значительные улучшения в области социальной политики в отношении женщин-матерей: введены единовременные пособия на каждого ребенка, частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до одного года, ряд производственных льгот работающим матерям, увеличен до- и послеродовой отпуск; введен отпуск по уходу за ребенком с 1,5 до 3 лет без сохранения содержания, ряд других мер по защите и стимулированию материнства. Тем не менее государство не сумело обеспечить женщинам условия для совмещения им же предписанных ролей — «труженицы» и «матери». Дом и быт были высоким барьером, не позволявшим основной массе женщин реализовать себя в профессиональной сфере. Господствующий в экономике принцип приоритетности одних направлений перед другими, сказавшийся, в частности, на крайне низком уровне развития отраслей, призванных удовлетворять повседневные потребности человека, не привели к созданию такой системы социально-бытовых услуг, которая могла бы взять на себя наиболее трудоемкие работы по обслуживанию семьи, равно как и обеспечить достойные человека условия труда в домашнем хозяйстве. Кроме того, сохранилось традиционное разделение труда между полами, предполагающее, что мужчине принадлежит «большой» мир — мир политики, управления обществом; женщине — дом, семья [16].

Последовавшие после распада СССР экономические и политические реформы в бывших советских республиках привели к перераспределению функций между семьей, государством и рынком. При асимметричном распределении обязанностей в семье мужчины по-прежнему доминируют в публичной, а женщины, несмотря на расширение своих ролей в обществе, — частной сфере.

Проанализировав изменения, происходившие в семейной политике нашей страны в минувшем столетии, можно выявить следующие причины трансформации гендерных ролей, приняв во внимание особенности культурно-исторического, политического и экономического характера: несмотря на многовековой патриархальный уклад отношений в обществе, большевистская идеология способствовала достижению равенства полов. Вследствие трудностей экономического и политического характера последующих десятилетий положение женщин усугубилось: экономическая политика использования женщины на производстве в качестве дешевого трудового ресурса для восполнения экономических убытков, а также социальная политика, направленная на восполнение убыли населения в военное время и повышение уровня рождаемости. Отражение мнимого поощрения производственной и воспроизводственной функций в гендерном «контракте» работающей матери (занятость на производстве с второстепенным положением как дома, так и на работе при провозглашенном равенстве полов). Таким образом, в условиях официально пропагандируемого равенства полов происходит постепенный откат к патриархальности.

Список цитируемых источников

1. Клецина, И. С. Гендерная социализация / И. С. Клецина. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. — 92 с.
2. Киселева, Т. Г. Социальный образ женщины в культурах мира / Т. Г. Киселева // *Обществ. науки и современность*. — 2003. — № 3. — С. 162—172.
3. Свод законов Российской империи. Т. X. Ч. I. Книга 1. Свод законов гражданских. О правах и обязанностях семейственных. — СПб., 1857. — С. 1—33.
4. Хвостов, В. М. Психология женщин. О равноправии женщин / В. М. Хвостов. — М. : Типо-литография т-ва И. Н. Кушнерев и К., 1911. — 68 с.
5. Зидер, Р. Социальная история семьи в Западной и центральной Европе (конец XVIII—XX вв.) / Р. Зидер. — М. : ВЛАДОС, 1997. — С. 285—294.
6. Семейный Кодекс 1918 года. Раздел 2. Брачное право [Электронный ресурс] / Кодекс законов об Актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве. — Режим доступа: <http://www.7ya.ru/article/Semejnuy-Kodeks-1918-goda-Razdel-2-Brachnoe-pravo/>. — Дата доступа: 05.02.2011.
7. Коллонтай, А. М. Лекция двенадцатая «Труд женщины в эволюции хозяйства» / А. М. Коллонтай // *Лекции, чит. в Ун-те им. Я. М. Свердловца*. — М. : Гос. изд., 1923. — 208 с.
8. Осипович, Т. Проблемы пола, брака, семьи и положение женщины в общественных дискуссиях середины 1920-х годов / Т. Осипович // *Обществ. науки и современность*. — 1994. — № 1. — С. 161—171.
9. Журженко, Т. Ю. Социальное воспроизводство как проблема феминистской теории / Т. Ю. Журженко // *Обществ. науки и современность*. — 2000. — № 4. — С. 27—40.
10. Постановление ЦИК СССР № 65, СНК СССР № 1134 от 27.06.1936 (извлечение) о запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах [Электронный ресурс] // *Законы России*. — 2007. — Режим доступа: http://www.lawrussia.ru/texts/legal_346/doc346a242x337.htm. — Дата доступа: 16.01.2011.
11. Налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР [Электронный ресурс] / под. ред. С. Братусь [и др.] // *Совет. юрид. сл.* — 1953. — Дата доступа: 16.01.2011.
12. Статья 122 // Конституция СССР (1936) / Редакция 5.12.1936 г. [Электронный ресурс]. — 2011. — Дата доступа: 20.09.2011.
13. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении высшей степени отличия — звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» (по состоянию на 7 мая 1986 г.) (с изм. и доп. от 5 марта 1991 г., 24 августа 1995 г.) [Электронный ресурс] // *Законодательные и нормативные акты России*. — 2006. — Режим доступа: <http://jurbase.ru/texts/sector176/tez76140.htm>. — Дата доступа: 20.02.2011.
14. Груздева, Е. Б. Совмещение женщинами профессиональной и семейной ролей: проблемы и пути их решения [Электронный ресурс] / Е. Б. Груздева. — Режим доступа: <http://www.a-z.ru/women/texts/gruzd1r.htm#>. — Дата доступа: 27.01.2011.
15. Чеснокова, О. И. Феномен пола в современной культуре (Философско-культурологический анализ) : монография / О. И. Чеснокова. — Витебск : Изд-во ВГУ им. П. М. Машерова, 2004. — 176 с.
16. Фомина, А. А. Феминизм в эпоху информационной глобализации [Электронный ресурс] / А. А. Фомина // *Гендерные стереотипы в современной России* : интернет-конф. — 2006. — Режим доступа: <http://www.ecsocman.edu.ru/text/16209421/print.html>. — Дата доступа: 18.11.2010.

УДК 94(476)«15/19»

Ю. В. Черняк

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

РОЛЬ БЕЛОРУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЕЛЬ В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Одним из наиболее значимых элементов нации является его государство. При этом одним из основных элементов государственной организации, который способствует развитию нации, в нем проживающей, является его территория. От того, насколько полно территория государства охватывает земли проживания титульной нации государства, зависит и само развитие этой нации. На протяжении истории мы наблюдаем, как сотни разобщенных народов борются за объединение своих земель в целях объединения в одно целое своих наций. Ярким примером этого может служить судьба белорусского народа, которому в начале XX в. выпал шанс объединить все белорусские земли в национальном государстве.

Началом процесса становления белорусской государственности в XX в. можно считать создание осенью 1915 г. «Конфедерации Великого Княжества Литовского», в состав которого вошли представители белорусских, литовских, польских и еврейских политических организаций.

В феврале 1916 г. проект создания конфедерации был уточнен. В ее состав планировалось включить Виленскую и Ковенскую губернии, а также белорусские и литовские части Сувалкской, Гродненской и Минской губерний, Курляндию. Но этим планам не суждено было сбыться, так как, во-первых, стремления национальных лидеров не поддержало командование германских оккупационных войск, во-вторых, интересы национальных субъектов конфедерации были несовместимы [1, с. 18].

Поэтому весной 1916 г. была выдвинута идея создания союза восточно-европейских народов в форме Черноморско-Балтийской конфедерации. По взглядам лидеров белорусского общественного движения Ивана и Антона Луцкевичей, она должна была объединить в союзном государстве Литву, Беларусь, Латвию, Украину и Польшу. При этом предусматривалось, что Беларусь станет самостоятельным субъектом этой конфедерации. Параллельно разрабатывалась доктрина, главная идея которой заключалась в существовании Беларуси в качестве суверенного государства в границах проживания белорусского этноса [2, с. 98].

Попытка ее практической реализации была предпринята в июне 1916 г. в ходе работы III Съезда наций Восточной и Центральной Европы (г. Лозанна), на котором было выдвинуто предложение о необходимости признания права на самоопределение белорусского народа. Идея создания независимого белорусского государства выдвигалась в том числе созданной в 1916 г. организацией «Сувязь незалежнасці і непадзельнасці Беларусі».

Несмотря на предпринимаемые усилия, правительство Германии поддержало создание в январе 1917 г. временного государственного органа Литвы — Литовскую раду (Тарибу), которая сразу же стала активно проводить линию на включение в состав Литвы белорусских губерний и решать, таким образом, проблему белорусской национальной государственности только в границах территории этнического расселения белорусов.

В течение всего 1917 г. белорусские национальные движения и организации требовали признания автономии Беларуси у Временного правительства России. Так, в сентябре 1917 г. на Съезде народов в Киеве была принята резолюция «Про белорусов» с обращением к Временному правительству о немедленном издании декрета об автономии Беларуси в Российской Федеративной Республике в этнографических границах расселения белорусского народа с включением в ее состав захваченных Германией территорий [3, с. 70].

Так, 14 декабря 1917 г. начал работу Всебелорусский съезд, созданный руководством национально-демократических организаций Беларуси. 18 декабря по решению СНК Западной области и фронта съезд был разогнан, но исполнительный комитет съезда все же послал свою делегацию на мирные переговоры в Брест-Литовск. В результате Брест-Литовского мирного договора от 3 марта 1918 г. между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией с одной стороны и Россией с другой стороны, ратифицированного Чрезвычайным IV Всероссийским съездом Советов 15 марта 1918 г., часть территории Беларуси отторгалась от России наряду с территорией Прибалтики, Закавказья и Украины. При этом Западная Беларусь (Гродненская губерния и часть Виленской губернии с Вильней) отошла к Германии; центральная часть Беларуси (Минская губерния, часть Витебской и Могилевской губерний) считалась временно оккупированной территорией, а Белорусское Подляшье (Белая, Яново, Терасполь, Кодень, Константинів, Немиров, Межречье), Берестейщина (поветы Берестье, Кобрин, Пружаны) и Полесье (поветы Дрогичин, Косов, Лунинец, Пинск, Столин, Мозырь, Речица и Гомель) признавались за Украиной [4, с. 42]. Восточные районы Беларуси остались в составе РСФСР.

В феврале 1918 г. Исполком I Всебелорусского съезда (проходивший в условиях германской оккупации) обратился к народу с I Уставной грамотой, в которой объявил себя временной властью в стране. Было сформировано правительство — Народный Секретариат. 9 марта 1918 г. Исполком съезда принял II Уставную грамоту, в которой провозгласил Белорусскую Народную Республику [5, с. 108].

25 марта 1918 г. III Уставной грамотой было оформлено решение о государственной независимости. В ней, в частности, объявлялось, что Беларусь является независимым и свободным государством, включающим все территории, на которых проживает и преобладает белорусское население: Могилевщину, белорусские части Минщины, Гродненщины (включая Гродно, Белосток и др.), Виленщину, Витебщину, Смоленщину, Черниговщину и пограничные части соседних губерний, заселенные белорусами [6, с. 210].

Задача по описанию границ республики была поручена Комиссии международных дел и Стратегической комиссии, созданной при Народном Секретариате иностранных дел. Карту Беларуси планировалось разработать в 1918 г., но она была издана только в 1919 г. в оккупированном поляками Гродно.

Прохождение границы практически совпадало с границами, описанными в работе Е. Ф. Карского «Этнографическая карта Белорусского племени», а также с немецкими картами, появившимися в Минске в марте 1918 г. [7, с. 13].

Стремление отстоять территорию и границы Беларуси прослеживается, в том числе, в переписке лидеров национального белорусского движения. В частности, в апреле 1918 г. в письме германскому послу при раде Украины они отмечали: «Вместе с тем, мы настойчиво просим сохранения Беларуси в ее естественных исторических, этнографических и экономических границах. Конкретно, мы настаиваем на сохранении за Беларусью Гродненщины, течения Припяты и г. Вильно. ...Относительно Вильно, мы должны напомнить, что это духовный центр Беларуси, который наиболее живо представляет идею белорусской государственности» [8, с. 48]. Но уже в августе Рада Белорусской Народной Республики выразила протест рейхсканцлеру Германии в связи с возможным отторжением части территории Беларуси в целях увеличить область Королевства Польского. Неоднократно в июне—сентябре 1918 г. посылались заявления и мемориалы Рады БНР правительству Украины с просьбами признать независимость и нераздельность Беларуси в ее историческо-этнографических границах. 10 октября 1918 г. делегацией БНР

была представлена нота министру иностранных дел Украины об официальном признании БНР и установлении государственной границы между Украиной и Беларусью [9, с. 201].

Параллельно с деятельностью руководства и лидеров БНР в оккупированных районах Беларуси проходила работа на территориях, находящихся под контролем России. Так, декретом СНК от 31 января 1918 г. был создан специальный правительственный орган — Белорусский национальный комиссариат, который явился одним из первых национальных отделов, учрежденных при Комиссариате по делам национальностей [3, с. 30]. На него были возложены следующие задачи: информировать Советское правительство о нуждах белорусского народа и в то же время извещать белорусских трудящихся о мероприятиях, проводимых советской властью; бороться с проявлениями национализма и шовинизма; содействовать национально-государственному и культурному строительству; пропагандировать идеи советской власти и т. п. Представитель Белорусского национального комиссариата обязан был присутствовать на заседаниях СНК, когда там рассматривались вопросы, затрагивающие интересы белорусского народа [10, с. 31].

Белорусский национальный комиссариат просуществовал более года и был ликвидирован только после провозглашения БССР.

27 августа 1918 г. в подписанный русско-германский добавочный договор к Брестскому миру была включена ст. 3, согласно которой Германия брала на себя обязательства до заключения всеобщего мира очистить занятую к востоку от р. Березины территорию Беларуси. Кроме того, предусматривалось достижение договаривающимися сторонами дальнейших соглашений, касающихся условий освобождения белорусской территории и к западу от р. Березины.

В сентябре 1918 г. во исполнение ст. 3 добавочного договора был подписан протокол соглашения русско-германской комиссии, в соответствии с которым к 31 января 1919 г. Германия обязалась очистить полностью Лепельский, Могилевский, Оршанский, Сенненский, Рогачевский и частично Старо-Быховский, Речецкий и Борисовский уезды.

В октябре 1918 г. исполком Западной области и Народный комиссариат внутренних дел приняли совместное постановление о расширении территории Западной области. В ее состав кроме Смоленской, Витебской и Могилевской губерний были включены Ковенская, Минская и Виленская губернии [11, с. 74].

21—23 декабря 1918 г. в Москве прошла Первая конференция белорусских коммунистических секций, которая приняла решение о необходимости образования Белорусского советского правительства, что соответствовало линии ЦК РКП(б) и СНК относительно национально-государственного строительства освобожденных западных районов. 25 декабря 1918 г. народный комиссар по делам национальностей И. В. Сталин сообщил в Смоленск, что ЦК партии согласился с белорусскими товарищами «на образование Белорусского советского правительства» [12, с. 18].

Если не фактом существования, то, по крайней мере, датой своего образования Белорусская Советская Социалистическая Республика во многом обязана Польше. Мысль достаточно парадоксальная, ибо, как известно, именно Польша, обретя в 1917 г. независимость, первым делом высказала свои претензии на белорусские земли. Рассчитывая включить территорию Беларуси в состав новой Польши, ее руководство было абсолютно не заинтересовано в создании белорусского государства, тем более государства, образованного на советской платформе и полностью зависимого от Москвы.

Однако история полна противоречий. Именно амбиции Польши, ее стремление продвинуться на восток и восстановиться в границах, существовавших до 1772 г., заставили большевистское руководство пойти на такой шаг, как создание БССР.

30 декабря 1918 г. в Смоленске прошла VI Северо-Западная областная конференция РКП(б), переименовавшая себя в первый съезд Коммунистической партии Белоруссии (большевиков). Ее делегаты единодушно высказались за создание белорусской государственности. КП(б) Белоруссии организационно была оформлена как составная часть РКП(б) [13, с. 7].

На конференции были обозначены границы республики и по докладу комиссии, созданной для изучения этого вопроса, было решено, что в состав республики должны войти Минская, Могилевская, Гродненская губернии полностью, Витебская губерния без Двинского, Режицкого, Люцинского уездов, а также часть территорий соседних губерний, населенных преимущественно белорусами. Это часть Гжатского, Сычевского, Вяземского и Юхновского уездов Смоленской губернии; часть Новоалександровского уезда Ковенской губернии, весь Вилейский уезд, часть Свентянского, Ошмянского уездов Виленской губернии, а также Августовский уезд Сувалкской губернии. В состав БССР комиссия предложила включить четыре северных уезда Черниговской губернии: Суражский, Мглинский, Стародубский и Новозыбковский. Во всех местах, где граница, проходя по части Витебской и Виленской губерний, носит спорный характер, граница должна быть установлена особыми правительственными комиссиями [14, с. 20].

Таким образом, первые границы Советской Белоруссии, установленные Северо-Западной областной конференцией в самом конце 1918 г., практически совпадали с этническими границами Беларуси, обозначенными деятелями Белорусской Народной Республики.

30—31 декабря 1918 г. в Смоленске было создано белорусское Временное революционное рабоче-крестьянское правительство, а уже 1 января 1919 г. оно опубликовало Манифест, провозгласивший образование Советской Социалистической Республики Белоруссия. Этим актом был заложен прецедент создания политико-территориальной единицы с атрибутами государственности в рамках советского строя.

Принятию Манифеста от 1 января 1919 г. предшествовало заседание ЦК РКП(б) от 23 декабря 1918 г., принявшее постановление об образовании БССР. 5 января 1919 г. правительство переехало в Минск, который стал столицей республики.

2—4 февраля 1919 г. в Минске прошел I Всебелорусский съезд Советов, который принял Декларацию о провозглашении Беларуси Советской Социалистической Республикой и Конституцию БССР. Прибывший на съезд Я. М. Свердлов огласил постановление Президиума ВЦИК о признании РСФСР независимости Белорусской Советской Социалистической Республики [15, с. 141].

Но образование БССР было актом фиктивным, больше рассчитанным на внешний эффект, нежели предполагавшим реальную самостоятельность Белорусской республики. В то время лидеры новой республики, в отличие от советских историков более позднего времени, это прекрасно понимали и не стеснялись об этом открыто говорить. Так, один из руководителей БССР В. Кнорин в феврале 1919 г. принародно, перед делегатами объединительного съезда компартии Литвы и Беларуси признался, что «после того, как мы объявили Белорусскую республику и образовали КПБ, формально совершенно самостоятельные, мы на деле остались также зависимы от ЦК РКП(б) и подчинялись всем его решениям и указаниям» [16, с. 72].

Вряд ли реальный статус новообразованной Белорусской республики мог ввести кого-либо в заблуждение. Во всяком случае, польское правительство появление БССР просто не заметило, проигнорировав предложения ее руководства разрешить все спорные вопросы за столом переговоров. Да и сами большевики не питали излишних иллюзий относительно убедительности своей затеи. С каждым днем и даже часом они все больше укреплялись в уверенности, что войны с Польшей избежать не получится. А потому было сделано все возможное, чтобы максимально снизить потери в случае неблагоприятного для Красной Армии развития событий. Прежде всего ЦК РКП(б) ограничил территорию, на которую могла претендовать Польша [17, с. 112].

Несмотря на это, шли жаркие споры об административно-территориальном составе БССР и его административно-территориальном делении. Свое представление о новом административно-территориальном делении большевики Белоруссии сформулировали на VI Северо-Западной конференции РКП(б), принявшей историческое решение об образовании Социалистической Советской Республики Белоруссия. 30 декабря 1918 г. конференция в резолюции «О провозглашении Западной Коммуны Белорусской Советской Республикой» территорию республики определила в составе Минской, Гродненской, Могилевской, Витебской и Смоленской губерний [18, с. 32]. В этот же день конференция, конституируя себя как I Съезд Компартии Белоруссии, в постановлении о границах Белорусской республики конкретизировала вопрос о территории: «основное ядро» ССРБ в составе Минской, Смоленской, Могилевской, Витебской и Гродненской губерний вместе с «частями прилегающих к ним местностей соседних губерний, населенных по преимуществу белорусами» (Суражский, Мглинский, Стародубский и Новозыбковский уезды Черниговской губернии, Вилейский уезд и части Свенцянского и Ошмянского уездов Виленской губернии, Августовский уезд бывшей Сувальской губернии, часть Новоалександровского уезда Ковенской губернии). Одновременно признавалась возможность исключения из состава республики Гжатского, Сычевского, Вяземского и Юхновского уездов Смоленской губернии, а также Двинского, Режицкого и Лютинского уездов Витебской губернии [18, с. 34].

I Съезд КП(б)Б признал необходимым прежнее деление «губерния—уезд» заменить системой «район—подрайон». В постановлении «О границах Белоруссии» указывалось, что вся территория республики должна быть поделена на районы «с названиями, происходящими от их экономических центров», а каждый район — на подрайоны. Всего предполагалось образовать 7 районов (Минский, Смоленский, Витебский, Могилевский, Гомельский, Гродненский, Барановичский) и 54 подрайона [18, с. 34].

На наш взгляд, такой вариант административно-территориального деления ССРБ определялся не только задачами, поставленными партийно-советским руководством Советской России в отношении перестройки прежнего административно-территориального деления (абсолютное большинство выделенных в качестве центров подрайонов населенных пунктов никакого промышленного значения не имели), но и в значительной степени позицией руководителей Западной области во главе с Мясниковым. Руководство области считало необходимым ликвидировать губернии и губернские органы как ненужные передаточные звенья, а управление уездами осуществлять из областного центра. Могилевские и витебские губернские власти, в свою очередь, рассматривали именно области как лишнее звено, настаивая на непосредственном подчинении губерний центральным органам РСФСР. Как считает белорусский историк З. А. Куницкая, позиция российского руководства долгое время оставалась неопределенной: ликвидация губерний привела бы к созданию централизованного организма, где Москва могла бы «без сложностей... обеспечить проведение своей политики. Однако организм достаточно самостоятельный и, может быть, склонный к сепаратизму» [19, с. 84].

И только к концу 1918 г. в московском центре пришли к выводу, что наличие самостоятельных в политическом и экономическом плане областных объединений Советов является серьезным препятствием к централизации управления страной в чрезвычайных условиях гражданской войны и иностранной интервенции.

В этой борьбе инициативу, прежде всего, проявляло областное руководство. Вопрос об областном и губернских центрах поднимался еще в марте 1918 г. на II Съезде Советов Северо-Западной области,

а IV Северо-Западная областная конференция РКП(б) (1—4 июня 1918) признала излишним существование губернских партийных организаций [20, с. 87]. Острая дискуссия о судьбе губерний развернулась на V Северо-Западной конференции РКП(б) (2—4 сентября 1918 г.), большинство участников которой поддержало «областников»: было решено ликвидировать губернские центры в Витебске и Могилеве (аппарат Смоленской губернии уже фактически был ликвидирован), передав уезды под непосредственное управление областным властям [17, с. 98]. Конференция также приняла постановление о переходе на новую территориальную систему построения парторганизаций: вся область делилась на районные объединения, которые должны были состоять из уездных (подрайонных, волостных и деревенских) организаций. Были определены и контуры этих районов на не оккупированной немцами части Западной области [20, с. 99]. Таким образом, партийные организации должны были перестроиться на систему «район — подрайон (уезд) — волость — село», что являлось подтверждением серьезности намерений ликвидировать губернские центры. Противоречия между «областниками» и губернскими властями нарастали: 5 августа 1918 г. облисполком принял решение о прекращении деятельности Могилевского и Витебского губисполкомов, но не получил поддержки в Москве, и губернские центры продолжили свое функционирование [21, с. 86].

На I Съезде КП(б)Б «областникам» удалось провести свое решение о ликвидации губернского деления путем перехода к новой системе административно-территориального деления (район—подрайон). Однако эта победа была неполной: в решении съезда об организационном построении партийных организаций указывалось, что в партийном отношении «вся республика по схеме советских организаций распадается на районные или губернские объединения», а те в свою очередь — на подрайонные (уездные) [18, с. 35]. Таким образом, реализация нового принципа организационного построения КП(б)Б связывалась с реальным переходом на новую систему административно-территориального деления, а срок этого перехода в решениях съезда вообще не определялся. Это означало, что ликвидация губерний и переход к новой системе административно-территориального деления республики и организационного построения КП(б)Б — это только возможная перспектива, а реальность текущего момента — сохранение прежней губернской-уездно-волостной системы.

В конечном итоге решение I Съезда КП(б)Б о новом административно-территориальном делении республики на практике так и не было реализовано. Свою первостепенную роль сыграла в этом прежде всего передача в состав Советской России по решению ЦК РКП(б) Смоленской, Витебской и Могилевской, а также объединении в феврале 1919 г. (также по решению Москвы) остатков ССРБ с Советской Литвой в ЛитБел ССР [22, с. 29].

Единственным практическим результатом проекта нового административно-территориального деления Советской Белоруссии было образование Барановичского уезда. Создания Барановичского уезда требовало решение I Съезда КП(б)Б: в составе республики предполагалось образование отдельного Барановичского района в составе 7 подрайонов (с вхождением в состав района таких уездных центров, как Брест, Слоним, Пружаны, Новогрудок, Кобрин, Пинск), а сами Барановичи не были даже уездным центром. В связи с указанными обстоятельствами Барановичский уезд был сформирован в рамках Минской губернии постановлением Президиума ЦИК ССРБ от 6 февраля 1919 г. в составе 6 волостей Новогрудского уезда [23, с. 299].

Первый съезд Советов Белоруссии и Первый съезд Советов Литвы (Вильно, 18—20 февраля) приняли декларации о слиянии республик. 27 февраля 1919 г. в Вильне состоялось объединенное заседание ЦИКов Литвы и Белоруссии, на котором было провозглашено образование Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики (Литбела) со столицей в Вильне (с апреля 1919 г. — в Минске, с августа 1919 г. — в Смоленске) [12, с. 46].

28 февраля 1919 г. правительство Литовско-Белорусской Республики назначило своего постоянного представителя в РСФСР, а в марте ЦИК объединенной республики обратился ко всем народам и правительствам с предложением признать Литовско-Белорусскую ССР, поручил правительству (образованному 27 февраля 1919 г. на объединенном заседании ЦИК Литвы и Белоруссии) связаться с правительствами Антанты о проведении мирных переговоров и потребовал от правительства принятия самых решительных мер для обороны республик.

4—6 марта состоялся объединительный съезд КП(б) Белоруссии и КП(б) Литвы, на котором была образована единая Коммунистическая партия Литвы и Белоруссии (КП(б) Литвы и Белоруссии), сформирован Центральный Комитет партии и другие руководящие органы [10, с. 17].

В связи с осложнением обстановки вокруг республики 19 апреля 1919 г. был создан Совет обороны, к которому перешла вся полнота военной и государственной власти в республике. 19 июля СНК Литбела принял постановление о передаче всех дел Минскому губернскому ВРК. 25 августа 1919 г. в связи с оккупацией территории объединенными войсками Антанты, Польши, литовской Тарибы Литовско-Белорусская ССР прекратила свое существование.

18 марта 1921 г. в Риге делегации РСФСР и УССР без участия представителей ССРБ, но от имени и ее правительства подписали с правительством Польши мирный договор, в соответствии с которым польско-белорусская граница прошла всего в нескольких десятках километров западнее Минска. Статья 2 договора практически повторяла регламентацию границы, установленную ст. 1 договора о перемирии от 12 октября 1920 г., ст. 3 была идентична ч. 5 ст. 1 договора о предварительных условиях мира. Статья 4

Рижского мирного договора 1921 г. провозглашала, что из прежней принадлежности части земель Польской республики к бывшей Российской империи не вытекает для Польши по отношению к России никаких обязательств и обременений (за исключением предусмотренных названным договором), равным образом из прежней совместной принадлежности к бывшей Российской империи не вытекает никаких взаимных обязательств и обременений между Украиной, Белоруссией и Польшей. В ст. 5 обе договаривающиеся стороны обязались взаимно гарантировать полное уважение государственного суверенитета другой договаривающейся стороны и воздерживаться от всякого вмешательства в ее внутренние дела, в частности, от агитации, пропаганды и всякого рода интервенций либо их поддержки [18, с. 144]. Практически был положен конец всем попыткам объединения белорусских земель в одно государство, разделив на 18 лет белорусский народ и его земли.

Необходимо отметить, что вопрос белорусской государственности, как и самоопределения белорусской нации в рассматриваемый период, оказался заложником внешнеполитических факторов. Несмотря на это было несколько попыток формирования белорусской государственности в границах проживания белорусского народа. Появление же белорусского советского государства со столицей в Минске создавало качественно новую геополитическую структуру, ориентированную на принципиально новый исторический центр, потому что ранее белорусские земли входили в иные государственные образования, которые, за исключением Великого Княжества Литовского, не являлись белорусскими ни по сути, ни по содержанию. Белорусам впервые представилась возможность создать национальное государство на своей этнической территории, что было реализовано лишь отчасти из-за внешних факторов.

Список цитируемых источников

1. Адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел Беларусі / рэд. М. І. Камінскі. — Мінск : Беларус. Савет. Энцыкл., 1985. — 86 с.
2. Кузнецов, И. Н. История государства и права Беларуси / И. Н. Кузнецов. — Мінск : Тесей, 2004. — 318 с.
3. *Брыгадзін, П. В.* Фарміраванне ідэі беларускай дзяржаўнасці ў 1917—1918 гг. / П. В. Брыгадзін, У. І. Ладыеў. — Мінск : Беларусазнаўства, 1998. — 210 с.
4. *Павлова, Т. Я.* Границы БНР / Т. Я. Павлова // Беларус. журн. междунар. права и междунар. отношений. — 1999. — № 3. — С. 42—45.
5. Административно-территориальная реформа в БССР в 1920—1930-е годы // История государства и права Беларуси : пособие для студентов высш. учеб. заведений / И. Н. Кузнецов, В. А. Шелкоплас. — Мінск : Тесей, 2004. — С. 108—111.
6. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. І. Касцюк [і інш.]. — Мінск : Экаперспектыва, 2000—2005.
7. *Ширяев, Е. Е.* Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах / Е. Е. Ширяев. — Мінск : Амалфея, 2001. — 336 с.
8. Знешняя палітыка Беларусі : зб. дакументаў і матэрыялаў. — Мінск : Беларус. думка, 1997. — 450 с.
9. *Сокал, С. Ф.* Гісторыя дзяржавы і права БССР / С. Ф. Сокал. — Мінск : Выш. шк., 1989. — 448 с.
10. *Кругалевич, В. А.* В. И. Ленин и создание Белорусской ССР / В. А. Кругалевич // Правоведение. — 1980. — № 2. — С. 31—33.
11. *Елизаров, С. А.* Областное звено административно-территориального деления Белорусской ССР (1938—1991 гг.) / С. А. Елизаров // Юстыцыя Беларусі. — 2008. — № 2. — С. 74—76.
12. *Елизаров, С. А.* Административно-территориальное деление Белорусской ССР: исторический опыт / С. А. Елизаров // Юрид. журн. — 2006. — № 2. — С. 45—48.
13. *Борисевич, В. И.* О составе и направлениях реформирования административно-территориального устройства в Республике Беларусь // Актуальные проблемы рыночной экономики : материалы науч.-практ. конф., Бобруйск, 22—24 апр. 2004 г. : в 2 ч. — Мінск, 2004. — Ч. 1. — С. 7—12.
14. Гісторыя Беларусі : вучэб. дапам. / Я. К. Новік [і інш.]; пад рэд. Я. К. Новіка, Г. С. Марцуля. — Мінск : Універсітэцкае, 2000. — 418 с.
15. *Елизаров, С. А.* Административно-территориальные преобразования в Гомельской губернии (1919—1926 гг.) / С. А. Елизаров // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. — 2008. — № 4. — С. 141—145.
16. *Снапкоўскі, У. А.* Знешнепалітычная дзейнасць Беларусі 1944—1945 гг. / У. А. Снапкоўскі. — Мінск : Беларусь, 1997. — 360 с.
17. Адміністрацыйны падзел у Беларусі, узроўні ўлады і яе функцыі // Распрацоўка стратэгіі развіцця рэгіёну: ад тэорыі да практыкі / У. У. Валетка [і інш.]. — Мінск : ТДА «Раўнадзенства», 2004. — 160 с.
18. Пратакол І з'езда Комуністычнай партыі (большэвікоў) Беларусі / Ін-т гісторыі партыі і Кастр. рэвалюцыі пры ЦК КП(б)Б; пад рэд. С. Агурскі, М. Леўкоў. — Мінск : Парт. выд-ва, 1984. — 84 с.
19. *Куніцкая, З. А.* Абласны выканаўчы камітэт Заходняй вобласці: стварэнне, структура, дзейнасць : дыс. ... канд. гіст. навук / З. А. Куніцкая. — Мінск, 2006. — 113 л.
20. КП(б)Б у рэзолюцыях. Ч. 1 (1903—1921 гг.) / Ін-т гісторыі партыі пры ЦК КП(б)Б; рэд. А. В. Зюзькоў. — Мінск : Парт. выд-ва, 1974. — 272 с.
21. *Вішнеўскі, А. Ф.* Гісторыя дзяржавы і права Беларусі ў дакументах і матэрыялах : вучэб. дапам. / А. Ф. Вішнеўскі, Я. А. Юхо; пад агул. рэд. праф. А. Ф. Вішнеўскага. — 2-е выд., дап. — Мінск : Акад. МУС Рэсп. Беларусь, 2003. — 564 с.
22. *Елизаров, С. А.* Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919—1991 гг.) / С. А. Елизаров. — Гомель : ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. — 222 с.
23. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БелЭн, 2003. — Т. 1. — 512 с.

БЕЛАРУСЬ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МИРА

Наша культура стала выделяться в особый тип в рамках христианской цивилизации в IX—XI вв. в ходе образования государства у восточных славян и приобщения их к православию.

Большое влияние на формирование этого типа культуры оказывал геополитический фактор — срединное положение Беларуси между цивилизациями Запада и Востока, служившее основой ее маргинализации, т. е. возникновения таких пограничных культурных районов и слоев, которые, с одной стороны, не примыкали ни к одной из известных культур, а с другой — представляли собой благоприятную среду для разнообразного культурного развития. Белорусская культура — понятие историческое и многогранное. Она включает в себя факты, процессы, тенденции, свидетельствующие о длительном и сложном развитии как в географическом пространстве, так и в историческом времени.

Пространство и время, определяя координаты культуры, раскрывают её временное назначение и пространственное восприятие. Бытие культуры во времени представлено через систему «прошлое—настоящее—будущее», которая раскрывает смысл культурной преемственности. Если характеристика культуры во времени имеет свои исторические реалии, то пространственная только мыслима. Пространственное восприятие формирует «пространства культуры» в частности, и «культурное пространство» в целом через образы, которые представлены, например, в языковых фактах. Если временная характеристика культуры даёт возможность рассматривать её, например, через соотношение первобытных, архаических, древних культур, то пространственная раскрывает уровень и степень взаимопроникновения разных культур, что актуально в эпоху унификационных процессов, трансформирующих культурные проявления. Согласимся с мнением Т. Ф. Ляпкиной, что «специфика пространства в культуре состоит в том, что оно, в отличие от находящихся в нём материальных предметов, не может быть воспринято с помощью органов чувств, а потому его образ соединяется с определёнными метафорами и обусловлен ими» [1, с. 18]. Несомненно, что формируя культуру, человек формирует и себя самого. Однако люди, как правило, не рефлексируют по поводу собственных культурных архетипов (устойчивых и неосознанных), которые «работают» на сохранение культурного генотипа того или иного народа.

Культурные архетипы дают о себе знать во всех сферах жизнедеятельности человека, но более всего они проявляются в его повседневной жизни. При этом, как отмечал Юнг, «когда представляется ситуация, которая соответствует данному архетипу, архетип активизируется, и развивается принудительность, которая, подобно силе инстинкта, прокладывает себе дорогу, вопреки разуму и воле» [2, с. 18].

Люди разные, человек меняется, но чтобы представить логику и смысл их поведения, надо изучать их культурные архетипы. Именно поэтому культурный архетип иногда рассматривают как «информацию, обладающую социально-управляющей ценностью».

Следует различать понятия культурного архетипа, менталитета и национального характера. М. А. Барг пишет, что менталитет — это «совокупность символов, необходимо формирующихся в рамках каждой данной культурно-исторической эпохи и закрепляющихся в сознании людей в процессе общения с себе подобными, т. е. повторения». Если культурные архетипы складываются “in factum” и носят неосознанный и устойчивый характер, то менталитет как осознанная система символов и смыслов — “post factum”, поэтому обладает тенденцией к диверсификации.

Менталитет как способ выражения знаний о мире и человеке в нем служит в повседневной жизни онтологическим и функциональным объяснением и содержит в первом случае ответ на вопрос, что это; а во втором — как и зачем это. Атрибутом менталитета выступает идентичность, обусловленная среди его носителей в конечном счете общность социальных условий, в которых формируется сознание. Идентичность проявляется в способности людей наделять одинаковыми значениями одни и те же явления объективного и субъективного мира, т. е. тождественным образом их сознательно интерпретировать и выражать в одних и тех же символах.

Национальный характер, по определению некоторых исследователей, — это генотип плюс культура. Генотип — то, что каждый из нас получает от природы, через гены, а культура — то, к чему мы приобщаемся, начиная от рождения. Поэтому национальный характер, кроме неосознанных культурных архетипов, которые человек опосредует в процессе социализации, включает в себя наиболее повторяющиеся природные этнопсихологические черты индивидов.

Культурные архетипы имеют символическую природу и обнаруживаются в области смысловых, ценностных ориентации. Это позволяет истолковывать и типизировать архетипы через «постижение» области символического. Большое влияние на формирование белорусского культурного архетипа оказало принятие в X в. христианства, которое пришло на Русь из Византии в православной форме. Принятие той или иной религии в качестве государственной и национальной влечет за собой далеко идущие последствия не только в сфере веры, но и во всей духовной жизни.

Развитие гуманитарного знания, как аналитического, так и обобщающего современные унификационные, цивилизационные, интеграционные процессы, показало, что Человек, как единственная ценность бытия, определяет антропологизм современной науки. Развитие мировой экономики привело к последствиям, результатом которых стал выход локальных культур за пределы территориальных границ. Первым проявлением этого процесса стала массовая культура, которая первоначально была заявлена как вид американской, а в последующем — европейской, в том числе белорусской, культур. Вторым показателем явилась тенденция «стирания» традиционного этнического культурного своеобразия. Здесь необходимо обозначить два уровня. Первый, по мнению А. Г. Букина, характеризует доминирующие (в государственном устройстве) традиционные культуры, которые, сохраняя свою самобытность, сосуществуют с глобальной культурой [3]. Вторым уровнем раскрывает природу локальных культур народов, имеющих меньшую численность по сравнению с титульной нацией доминирующей культуры. Они испытывают на себе опосредованное влияние господствующей, доминирующей культуры через её механизмы (образование, наука, техника и т. п.). С другой стороны, давно замечено, что любая национальная культура заимствует только те элементы чужих культур, к восприятию которых она уже подготовлена всем ходом собственного развития, т. е. имеет некий горизонт культурных ожиданий.

Национальное культурное пространство — это «форма существования культуры в сознании человека, это культура, отображённая сознанием, это, если угодно, бытие культуры в сознании её носителей» [4, с. 10]. И если так, то, говоря о национальном культурном пространстве, мы по сути имеем дело с сознанием, в первую очередь — с массовым сознанием представителей того или иного национально-лингвокультурного сообщества. По своей природе национальное культурное пространство — это «информационно-эмоциональное (“этническое”) поле, виртуальное и в то же время реальное пространство, в котором человек существует и функционирует и которое становится “ощутимым” при столкновении с явлениями иной культуры» [4, с. 11]. Национальное культурное пространство включает в себя все существующие и потенциально возможные представления о феноменах культуры у членов национально-лингвокультурного сообщества.

Что касается нашей культуры, следует отметить, что православие, включив в свою сферу все слои белорусского народа, все общество, не захватывало человека целиком. Проникновение православия в толщу народной жизни не было всеобъемлющим. Оно руководило лишь религиозно-нравственным бытом белорусского народа, регулировало времяпрепровождение и праздничное настроение, семейные отношения, слабо отражаясь в ежедневном обиходе, не оставляя заметных следов в его будничных привычках и понятиях, предоставляя во всем этом свободный простор самобытному национальному творчеству, основанному на языческой экзальтации почвы и духа. Восточно-христианское влияние в большей степени обнаружилось в Московский период русской истории, в XV—XVI вв., когда сама Византия уже пала под ударами турок. Это воздействие осуществлялось прежде всего через культуру, «Византия, утонченная и порочная, соединявшая в себе богословие с оргиями, создала уникальную культуру, взяв важнейшие моменты человеческого бытия — рождение, смерть, обращение души к богу, она окружила их такой высокой поэзией, возвела их к такому великому смыслу, к какому они доколе нигде не возводились» [5, с. 18].

В восточно-христианской культуре, например, земное существование человека, рассматривавшееся как эпизод на пороге вечной жизни, не представляло самоценности. Поэтому жизненно основной задачей была подготовка человека к смерти, которая расценивалась как начало этой жизни. В качестве смысла земного существования человека признавались духовные стремления к смирению и благочестию, ощущение собственной греховности и аскетизм. Отсюда в православной культуре появилось пренебрежение к земным благам, поскольку земные блага ничтожны и скоротечны, отношение к труду не как к средству созидания и творчества, а как к способу самоуничтожения и самодисциплины. На основе противопоставления божественного (скрытого) и земного (доступного непосредственному восприятию) в византийской культуре особенно отчетливо обнаруживалось стремление к вскрытию истинного (мистического) смысла явлений. Из иллюзорного обладания истиной вытекала нетерпимость, закрепленная в православном культурном архетипе, ко всякого рода инакомыслию, которое трактовалось как ересь, как отклонение от благого пути.

Культурное пространство — это также «пространство реализации человеческой виртуальности (задатков, возможностей, способностей, желаний и т. п.), осуществления социальных программ, целей и интересов, распространения идей и взглядов, языка и традиций, верований и норм и т. д.» [6, с. 39]. Культурное пространство, создаваясь человеком, получает самостоятельное существование. Оно имеет свою структуру, функции, динамику. Культурное пространство воплощает образную модель окружающей действительности. Культурное пространство — это «Дом», среда повседневного обитания людей. Оно приобретает значение Вторичного мира — иллюзорного, с одной стороны. Но этот иллюзорный мир играет большую значимость для субъекта, чем реальный природный. С другой стороны, культурное пространство воплощается в реальных действиях человека, его творчестве [7].

Человек наполняет духовным содержанием культурное пространство. Оно несет на себе «печать» человека, вне которого не существует. Оно превращается в абстрактный язык, способный выражать различные содержательные понятия. «Пространство дано ему (человеку) как распределительная структура, и через контроль над пространством он держит в своих руках все варианты взаимоотношений...» [8, с. 31].

Формируя культурное пространство, человек осуществляет свой способ видения мира. В свою очередь культурное пространство воздействует на человека. И не только через создание внешних знако-

вых форм (архитектура, интерьер, костюм и т. д.), но и через изменение образа жизни, конструирование его нового облика. «Будучи живым существом человек растет, функционирует, видит как перед ним раскрывается пространство, неподвижные координаты которого пересекаются в нем самом» [9, с. 370].

В пространстве постмодерна сосуществует множество пересекающихся плоскостей культурных пространств. Плоскости пересечения, точки соприкосновения становятся центрами постмодернистской среды. Человек в таком пространстве выступает уже не столько создателем текстов, сколько образом, в котором осуществляется персонификация культурного пространства. Человек оказывается все больше и больше поглощен культурным пространством. «... между Я и его телом, между Я и миром не существует перехода.. существует лишь истина мира и мышление, соответствующее миру» [10, с. 8—9]. Культурное пространство в современном мире включает в себя все специфические черты человеческой деятельности, формирует «нужный» тип человека. Философская мысль конца XX — начала XXI в., акцентируя внимание на понятии «культурное пространство», выдвигает на первый план саму проблему человеческого существования. Данный взгляд на культуру в наибольшей мере отражает нынешнюю реальность — интенсивный обмен в сфере культуры между странами и континентами. Пространства культур подвержены вертикальным и горизонтальным изменениям, но при этом несомненны темпоральность вертикальных изменений и коммуникативность горизонтальных. Культурное пространство является единством культурной, коммуникативной и функциональной сфер. История формирования культурного пространства уходит в далекое прошлое. Культура, как четвертое состояние бытия (наряду с бытием природы, общества, человека, культуры), обладает всеми качествами любого из таких состояний: она не только существует в мире относительно самостоятельно и относительно объективно по отношению к любому действительному субъекту, но и разворачивается во времени и пространстве. Пространственный показатель культуры, как отмечает М. Н. Фомина, раскрывается через ось времени «прошлое—настоящее—будущее». Культура несет в себе память веков, которая трансформируется по нормам современности и воплощается в настоящем бытии людей. За счёт этого процесса обеспечивается связь времен [11, с. 67]. Человек вынужденно находится в культурном пространстве, в котором формирует как себя, так и окружающую его действительность, перерабатывая ее в культурную «вторую природу». А «культура» создаёт «союз», позволяющий быть человеку человеком благодаря тому, что он оформляет пространство культуры» [12, с. 32]. Человек постоянно живет в состоянии «сотворения» культурного пространства. Результаты такой творческой деятельности оформляются в определенной «системе, которая формирует оценочные и поведенческие ориентиры, культурное пространство начинает духовно превалировать над человеком, как фиксированная система культурных ценностей и норм, создающая стереотипы поведения, чувствования и мышления» [13]. Из культурного пространства человечество черпает готовые варианты решения множества жизненных проблем. Приспосабливаясь к меняющейся действительности, на основе готовых вариантов решения человек создает новые. В этом случае можно говорить о культуре как о пространстве, в котором живет, формируется, развивается и творит человек. Пространство хранит в себе память обо всех событиях, деяниях и творениях человечества, пополняясь в результате культурной деятельности людей.

Список цитируемых источников

1. Ляпкина, Т. Ф. Архитектоника культурного пространства Восточной Сибири (конец XVII — начало XX вв.) / Т. Ф. Ляпкина. — СПб., 2007. — 41 с.
2. Юнг, К. Г. Архетип и символ / К. Г. Юнг. — М. : Ренессанс : СП «ИВО-Сид», 1991. — 367 с.
3. Букин, А. Г. Культурное пространство и пространство культур: (региональный аспект) : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / А. Г. Букин. — Чита, 2006. — 22 с.
4. Русское культурное пространство / под ред. И. В. Захаренко [и др.]. Вып. 1: Зооморфные образы. Прецедентные имена. Прецедентные тексты. Прецедентные высказывания / И. С. Брилева [и др.]. — 315 с.
5. Розанов, В. В. Около церковных стен / В. В. Розанов. — М. : Философия науки, 1995. — 358 с.
6. Быстрова, А. Н. Культурное пространство как предмет философской рефлексии / А. Н. Быстрова // Филос. науки. — 2004. — № 12. — С. 39—36.
7. Бабаева, А. В. Современная философия как феномен культуры: исследовательские традиции и новации / А. В. Бабаева : материалы науч. конф. Серия «Symposium», вып. 7. — СПб. : С-Петербург. филос. о-во, 2001. — С. 14—17.
8. Бодрийяр, Ж. Система вещей / Ж. Бодрийяр. — М. : Филос. науки. 1999. — 425 с.
9. Фуко, М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / М. Фуко. — СПб., 1980. — 370 с.
10. Мерло-Понти, М. В защиту философии / М. Мерло-Понти. — М. : Филос. науки. 1996. — 174 с.
11. Фомина, М. Н. Философская культура: онтологический диалогизм / М. Н. Фомина. — Чита : Поиск, 1999. — 60 с.
12. Соколов, Б. Г. Культура и традиция / Б. Г. Соколов // Метафиз. исслед. — 1997. — № 4. — С. 32.
13. Четверов, И. Г. Феномен культурного пространства / И. Г. Четверов, А. Ю. Ивлева // Межкультурная коммуникация в современном обществе : материалы II Междунар. науч. конф., Саранск, 26.09.—31.10.2011 г. (Язык. Культура. Общество. Вып. 3). — Саранск, 2011.

Сведения об авторах

Аветян Наринэ Сумбатовна, старший преподаватель кафедры социологии и специальных социологических дисциплин, заместитель декана по воспитательной и идеологической работе факультета истории, коммуникации и туризма учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно.

Александров Владимир Леонидович, аспирант кафедры философии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск.

Альховик Николай Константинович, старший преподаватель кафедры философии и политологии учреждения образования «Белорусский государственный медицинский университет», Минск.

Бабылева Ольга Николаевна, педагог-психолог учреждения образования «Барановичский государственный университет», Барановичи, Барановичи.

Банцевич Павел Казимирович, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры общественных наук учреждения образования «Гродненский государственный аграрный университет», Гродно.

Бедулина Галина Федоровна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры экономической социологии учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск.

Борецкая Виктория Казимировна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и социологии учреждения образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Гомель.

Борисенко Владимир Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, проректор по научной работе учреждения образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», Могилёв.

Бортников Евгений Геннадиевич, кандидат геолого-минералогических наук, доцент, доцент кафедры туризма Запорожского национального университета, Запорожье (Украина).

Бубнов Павел Владиленович, кандидат богословия, протодиакон, старший преподаватель кафедры церковной истории церковно-практических дисциплин Минской духовной академии имени святителя Кирилла Туровского, преподаватель Минской духовной семинарии, клирик прихода храма святого Великомученика и Победоносца Георгия, Барановичи.

Бубнов Юрий Михайлович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин учреждения образования «Могилёвский государственный университет продовольствия», Могилёв.

Будько Марина Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры философии Мелитопольского государственного педагогического университета им. Богдана Хмельницкого, Мелитополь (Украина).

Булатый Павел Юрьевич, магистр управления, аспирант Государственного учреждения образования «Республиканский институт высшей школы», Минск.

Ворошень Ольга Григорьевна, научный сотрудник Государственного научного учреждения «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси», Минск.

Горанский Андрей Олегович, магистр гуманитарных наук, заведующий Отделением катехизаторов Минского духовного училища, Минск.

Губская Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского и русского языков учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск.

Гусарова Галина Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия», Горки.

Дедурин Геннадий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права Харьковского национального университета внутренних дел, Харьков (Украина).

Демидович Анатолий Викторович, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет», Барановичи.

Драгоева Валентина Леонидовна, преподаватель учреждения образования «Гомельский государственный педагогический колледж имени Л. С. Выготского», Гомель.

Кергет Игорь Леонидович, старший преподаватель кафедры социологии и специальных социологических дисциплин учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно.

Керножицкая Ольга Владимировна, преподаватель Волковысского колледжа учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Волковыск.

Козлова Зоя Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет», Барановичи.

Коктыш Геннадий Иванович, магистр педагогических наук, учитель высшей квалификационной категории ГУО «Гимназия № 192 г. Минска», Минск.

Коктыш Марина Геннадьевна, магистр политических наук, преподаватель кафедры политологии учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», Минск.

Колядко Илья Николаевич, аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск.

Колядко Николай Сергеевич, преподаватель истории высшей квалификационной категории учреждения образования «Слуцкий государственный колледж», Слуцк.

Красавина Зоя Александровна, специалист АО «Ажур-Медиа», аспирант кафедры философских наук и идеологической работы Академии управления при Президенте Республики Беларусь, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Кривуть Виталий Иванович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет», Барановичи.

Криштаносова Елена Александровна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусств», Минск.

Куницкая Алла Михайловна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Белорусская государственная сельскохозяйственная академия», Горки.

Литвинский Александр Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет», Барановичи.

Мальцева Ольга Евгеньевна, старший преподаватель кафедры общей и социальной психологии учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно.

Мартысевич Анна Степановна, старший преподаватель кафедры религиоведения, кандидат культурологии Государственного учреждения образования «Институт теологии имени святых Мефодия и Кирилла» Белорусского государственного университета, Минск.

Мандрик Светлана Владимировна, магистр гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры философии и истории учреждения образования «Белорусский государственный аграрный технический университет», Минск.

Мудров Сергей Александрович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Полоцкий государственный университет», Новополоцк.

Мысливец Николай Леонтьевич, кандидат социологических наук, доцент, заместитель декана факультета довузовской подготовки учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно.

Одиноченко Виктор Александрович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель.

Потопович Илона Петровна, заместитель директора по воспитательной работе Частного учреждения образования «Барановичский экономико-юридический колледж», Барановичи.

Речиц Екатерина Викторовна, кандидат юридических наук, начальник отдела правовой и коммерческой работы, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина».

Святоицк Марина Игоревна, магистрант учреждения образования «Барановичский государственный университет», Барановичи.

Семенчик Николай Ефимович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории Беларуси и политологии учреждения образования «Белорусский государственный технологический университет», Минск.

Селезнёв Александр Алексеевич, старший преподаватель кафедры педагогики учреждения образования «Барановичский государственный университет», Барановичи.

Сивицкий Владимир Николаевич, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин учреждения образования «Белорусская государственная академия авиации», Минск.

Сиротко Наталья Олеговна, ассистент кафедры философии учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», Гомель.

Смехович Николай Владимирович, кандидат исторических наук, доцент, заведующий Центром истории индустриального общества Государственного научного учреждения «Институт истории Национальной академии наук Беларуси», Минск.

Стецкевич Пётр Тадеушевич, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных наук учреждения образования «Гродненский государственный аграрный университет», Гродно.

Сухоцкая Таисия Фёдоровна, кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры культурологии учреждения образования «Белорусский государственный университет культуры и искусства», Минск.

Тараненко Галина Григорьевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры общественно-гуманитарных наук Таврического государственного агротехнологического университета, Мелитополь, Украина.

Украженко Ирина Николаевна, соискатель кафедры музыкально-педагогического образования учреждения образования «Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка», Минск.

Харитонов Игорь Николаевич, научный сотрудник Государственного научного учреждения «Институт социологии Национальной академии наук Беларуси», Минск.

Хударганова Светлана Сергеевна, магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры перевода и межкультурной коммуникации учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно.

Черняк Юрий Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории права и гражданско-правовых дисциплин учреждения образования «Барановичский государственный университет», Барановичи.

Чуркова Вера Фроловна, магистр гуманитарных наук, старший преподаватель кафедры перевода и межкультурной коммуникации учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», Гродно.